Удивительный роман о неизбежности семейных закономерностей... Это сокрушительный, впечатляющий гимн бескорыстной семейной любви.

Foreword Reviews

Незавершенные акты безудержного творчества

Автор, похоже, напоминает, что... смех сквозь слезы — это один из способов отпраздновать любовь.

Literary Mama

Сара Ям

18+

Незавершенные акты безудержного творчества

Сара Ям

Аннотация
Сара Ям. Незавершенные акты безудержного творчества
Часть первая. 1974
  Заупокойная речь. 1974
  Тоскливые запеканки. 1974
Часть вторая. 1979–1990
  Розенберг-младшая. 1979
  Послеродовая соната. 1979
  Преходящее. 1988
  Диагностическая интерлюдия. 1990
Часть третья. 1991–1996
  Червоточина, часть первая. Кейп-Код. 1991
  Червоточина, часть вторая. Лето цикад. 1995
  Материнская математика. 1996
  Матрешки против ангелов. 1996
Часть четвертая. 1996–2001
  Кружащийся дервиш. 1996
  Метод Станиславского. 1997
  Миссис Огурецки. 1998
  Фрагменты. 2000–2001

Часть пятая. 2001–2005
Лидия в Земле обетованной. 2001
Лидия Лови Момент. 2001
Прах к траху. 2001
Сны Леона. 2001–2005
Часть шестая. 2008–2011
К черту гетеронормативность?. 2008
Лидиола. 2009
Кони-Айленд. 2009
Кувшинки. 2011
Эпилог
Санта-Круз, Калифорния. 2014
Благодарности

Аннотация

Говорят, плохая примета – знакомиться на похоронах. Но именно там встретились Луиза и Леон. Она – дочь последовательницы Фрейда, воспитанной в нью-йоркской ортодоксальной еврейской семье, он – начинающий психотерапевт. На первом же свидании они умудряются вызвать друг у друга неприязнь, однако вторая, почти случайная, встреча все меняет. Так начинается история семьи Розенберг – иногда смешная, иногда до оторопи абсурдная и пронзительная до слез. Все у них складывается хорошо, до тех пор пока Луиза не узнаёт о своей болезни, той самой, что медленно, но неотвратимо свела в могилу мать, и не решает самостоятельно распорядиться оставшимся временем жизни. Чего больше в этом поступке – самоотречения или эгоизма? Трудно сказать, ведь любовь ничем не измеришь, но она всегда сильнее смерти.

Впервые на русском!

Сара Ям
Незавершенные акты безудержного творчества

Моей матери, которая подарила мне первые строки этой книги, и моей дочери, чье рождение сделало необходимым ее написание

© И. А. Тетерина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Часть первая
1974

Заупокойная речь
1974

— Мою мать воспитывали ортодоксальной еврейкой, а когда она выросла, то стала ортодоксальной фрейдисткой, поэтому патологизировала меня с религиозным пылом, — сказала Луиза ничем не примечательному молодому мужчине, который сидел с ней рядом. — Это напрочь искорежило мою психику.

На последней фразе голос надломился, и Луиза ненавидела себя за это. Вообще-то, она собиралась произнести поминальную речь вызывающе, а не жалобно. Текст она мысленно сочиняла на протяжении многих недель и весь день проговаривала про себя — сперва во время службы, потом на нескончаемой шиве[1]. Луиза решила, что, раз уж не получилось произнести его в синагоге, можно сделать это за шаббатним ужином у Шошанны Тейтельбаум, присев на уши какому-нибудь поцу, которому не повезет пристроиться рядом с ней.

— Я всегда задавался вопросом, каково это

---

[1] Примечания: 1

Шива — семидневный траур в иудейской традиции. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— расти в семье психоаналитика, — с неподдельным интересом произнес мужчина, чье имя вылетело у Луизы из головы, хотя ей, по большому счету, было плевать.

— Довольно дерьмово, — отозвалась та, сделав еще глоток вина.

Он ее перебил, что вызвало у Луизы легкое недовольство. В конце концов, это поминальная речь, а не философский семинар.

— Нет, правда, — сказал мужчина, наклоняясь к ней. — Мне в самом деле интересно знать. Я учусь на психоаналитика, и мне очень хотелось бы заранее подготовиться, чтобы по возможности не искорежить психику моим гипотетическим будущим детям.

Луиза впервые за все время внимательно на него посмотрела. У него была окладистая борода, которая странным образом делала его моложе; кудрявая шевелюра, в эту августовскую жару буйно рвавшаяся ввысь, и решительно несвежая рубашка с бурым пятном на воротничке. Среди облаченных в твидовые пиджаки и колготки Шошанниных гостей он выглядел таким же растрепанным и неуместным, как и она, еще один беженец-неформал, пришедший поужинать на дармовщину в пятницу вечером.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросила Луиза.

— Леон, — ответил тот, протягивая руку.

— А я Луиза, — сказала она, пожимая ее.

— Я помню, — ухмыльнулся он. — Я внимательно слушал, когда нас представляли.

Луиза пожала плечами. Она честно заработала право быть невежливой до конца недели, до конца месяца — может, даже до конца года.

— Ну и каким образом ваша мать искорежила вам психику? — спросил он.

— Ну…

Она запнулась, внезапно смешавшись.

Это не были какие-то отдельные происшествия или предательства. Это было постоянное ощущение, что, где бы она ни находилась и чем бы ни занималась, мать знает самые сокровенные ее мысли. Неослабевающая уверенность в том, что ее череп — всего лишь тонкая, ничего не значащая скорлупка, и мать, вооруженная молотком и стамеской, вечно маячит где-то поблизости, чтобы в любой момент аккуратно вскрыть ее и произвести инвентаризацию содержимого.

Все вокруг поплыло. Луиза сунула в рот кусок халы и с облегчением обнаружила, что ее тело по-прежнему ей подчиняется; что она по-прежне-

му способна жевать, глотать и чувствовать вкус.

— Не знаю даже, с чего начать, — произнесла она, не обращая внимания на то, что говорит с набитым ртом.

— Может, это просто профессиональная деформация, — предположил Леон. — Потребность анализировать собственных детей.

— О нет. Фрейя Ракофф рамками профессионального долга не ограничивалась. — Луиза почувствовала, как внутри вскипает знакомый гнев, и все вокруг опять обрело четкость; она пронзила воздух пальцем. — К примеру, моя мать все недомогания считала психосоматикой. Я даже таблетку аспирина от головной боли не могла получить, не признавшись ей, что не так на самом деле. Когда мне было восемь, я заболела скарлатиной, но она списала боль в горле и температуру на проявление сепарационной тревоги, поэтому лишь через неделю отвела меня к врачу.

— Скарлатиной? Серьезно? — поразился Леон. — Ею до сих пор кто-то болеет?

— Нет, — отрезала Луиза. — Только я.

Она посмотрела на лежащую на тарелке грудинку, но от вида холодного жира к горлу подкатила тошнота, поэтому вместо грудинки она сделала

еще глоток кьянти.

— И это еще цветочки. Она отправила меня на психотерапию, потому что в детстве я была застенчивой и вызывающе себя вела. Как мне удавалось совмещать одно с другим, не очень ясно, но, по-видимому, как-то удавалось. — Она поставила бокал на стол, чтобы придать своим словам веса, и вино, расплескавшись, окрасило халу в тускло-красный свет. — А психолог, такая грозная немецкая еврейка, каждую неделю задавала мне один и тот же вопрос: «А нет ощущения, что у тебя когда-то был пенис, а потом его отрезали?»

Луиза умолкла, вспоминая темный кабинет миссис Баруш с толстыми коврами и глубокими креслами, которые каким-то непостижимым образом были одновременно слишком мягкими и слишком жесткими.

— А оно у вас было? — Леон смотрел на нее во все глаза.

— Что было?

Вторая половина Луизиной халы впитала в себя подливку и стала серой и размякшей.

— Ощущение, что у вас когда-то был пенис, а потом его отрезали?

Луиза сощурилась на него:

— Нет, разумеется! Я же не идиотка. Но в кон-

це концов мне в голову пришла мысль: если я скажу, что действительно считаю, будто меня кастрировали, то, может быть, не придется каждый вторник ходить к ней, пропуская театральный кружок. — Луизе показалось, что она слегка переигрывает, но никаких конвенциональных норм произнесения заупокойной речи на званом ужине не было, поэтому она добавила: — И надо же, как только я выдала: «Да, миссис Баруш, я и в самом деле думаю, что у меня когда-то был пенис, а потом его отрезали», больше меня к ней не водили.

— Фрейдисты совсем ку-ку, — кивнул Леон; лицо его раскраснелось от вина. — Будем честны, иногда сигара — это просто пенис вашего отца, курящий сигару.

Смех Луизы прозвучал как автомобиль, пытающийся перевернуться.

— Иногда, — произнесла она, главным образом чтобы себя развлечь, — сигара — это просто пенис вашего отца с усами Граучо Маркса[2], курящий сигару.

К ее изумлению, Леон подхватил эту игру.

---

[2] Примечания: 2

Граучо Маркс (1890–1977) — американский актер, комик, участник комик-группы «Братья Маркс». Сценический образ Граучо Маркса — очки, черные нарисованные брови, щетинистые усы и сигара во рту.

— Иногда сигара — это просто пенис вашего отца с усами Граучо Маркса и наклейкой для бампера «Эта машина убивает фашистов», курящий сигару[3].

— Это бред! — запротестовала Луиза, но мужчине удалось произвести на нее впечатление, и оба они это знали. — Как на пенисе может быть наклейка для бампера?

— А как на пенисе могут быть усы? — Он ткнул в ее сторону вилкой. — Ваша очередь.

Она зависла, очутившись где-то между этим столом и старым «фордом» матери в жаркий июньский день. Они ехали в Катскильские горы, и ее голые ляжки прилипали к кожаному сиденью. «Твоя очередь», — сказала мать. Луизе было шестнадцать; они играли в игру «Я иду на пикник», как всегда в долгих поездках, и дошли уже до буквы «л». «Ладно, — сказала она, пытаясь придумать что-то такое, что произвело бы впечатление на мать. — Я иду на пикник и несу с собой ледоруб, которым убили Льва Троцкого».

---

[3] Примечания: 3

«Эта машина убивает фашистов» — наклейка на гитаре американского музыканта, исполнителя фолка и кантри Вуди Гатри. С этой гитарой он выступал в 1940-х годах. Фраза была позаимствована у американских рабочих, которые писали ее на своих станках, производивших продукцию военного назначения во время Второй мировой войны, и стала крылатой.

Но вместо того, чтобы восхититься ее эрудицией, мать обернулась к ней и своим спокойным ровным голосом, который Луиза ненавидела до трясучки, произнесла: «Меня беспокоит твоя латентная склонность к насилию». В этот миг Луиза осознала, что это, разумеется, никакая не игра и никогда игрой не было; что каждое лето, каждый дурашливый раунд, мать исподволь вскрывала ее черепную коробку, аккуратненько долбила ее своей стамесочкой — тук-тук-тук, — чтобы проникнуть внутрь.

— Я жду, — напомнил о себе Леон.

Луиза вонзила ногти в ладонь, ощущая, как контуры ее тела обретают четкость.

— О'кей, о'кей, — произнесла она, но тут долговязый парень заиграл на расстроенной гитаре израильскую народную песню, и перед глазами опять все поплыло, и перестало хватать воздуха.

Гортанные звуки иврита вновь перенесли ее на шиву в гостиную родительского дома (неужели это было только сегодня утром?), когда раввин принялся читать кадиш[4]. Луиза стояла и упрямо молчала, глядя на всех этих незнакомцев, по такому случаю в кои-то веки обрядившихся в

---

[4] Примечания: 4

Кадиш — молитва в талмудическом иудаизме.

ермолки и бормочущих вслед за раввином слова молитвы.

«Хватит притворяться! — хотелось завопить ей. — Моя мать всю свою жизнь пыталась сбежать от иудаизма. Не надо навязывать его ей после смерти. Может, я ее и ненавидела, но, по крайней мере, я ее знала!»

И тут, прямо посреди кадиша, она согнулась пополам, хватая ртом воздух, потому что внезапно поняла: теперь, когда матери не стало, она по-настоящему не знает ни одной живой души на земле. Они изучали друг друга два десятилетия, пока каждый жест, каждая пауза, каждый взгляд не оказались нагружены разделенным значением и тщательно взращенными взаимными обидами. И хотя всем, чего Луиза хотела всю свою жизнь, была свобода, теперь, получив ее, она осталась совершенно, абсолютно одна.

Чтобы продышаться, ей пришлось выйти из комнаты, и, едва она выскользнула в кухню, включилась мышечная память. Не успела Луиза опомниться, как уже неслась вниз по лестнице, ведущей в подвал, потом выскочила через заднюю дверь и, пробравшись теми же самыми дворами, что и каждые выходные в подростковом возрасте, села в поезд до города. А потом каким-то

образом очутилась здесь.

Шошаннины гости отложили ножи с вилками и принялись подпевать, отбивая рваный ритм ладонями по столу. Ее стакан звенел, вода норовила выплеснуться через край. Пение гудело в ушах и жалило кожу. Ее тело требовало движения — Луиза повернулась к Леону.

— Кажется, он намекает, что мне пора, — произнесла она, кивнув на посредственного музыканта и усилием воли сдержав дрожь в голосе.

— Я выйду с вами, — отозвался он с полным ртом грудинки.

На улице было тихо. Они неловко топтались перед домом Шошанны под осуждающими взглядами гаргулий. Ей не хотелось возвращаться в свою конуру в центре. Перспектива в одиночестве сидеть в тесной спальне вызывала желание съежиться в комочек прямо тут, посреди Вест-Энд-авеню. Что ей сейчас было нужно, так это зоологическое утешение другого человеческого тела.

— Не хотите пройтись? — предложил Леон, глядя себе под ноги.

Она слишком устала, чтобы нянчиться с его застенчивостью.

— Я очень признательна вам за старомодную

галантность, но давайте просто поедем к вам?

В повисшей следом тишине Луиза успела подумать, что, наверное, просчиталась, и под ее напускной бравадой он чувствует отчаяние, подобное пробивающемуся запашку пота.

— Ого, — сказал Леон. — А вы не любите ходить вокруг да около.

— Нет, — отозвалась Луиза. — Не люблю.

Она взяла его за руку и сжала ее.

— Не знаю даже, пугает это меня или радует, — произнес Леон, но она была сосредоточена на плотской реальности его руки, теплой и надежной.

В глубине души она боялась, что та окажется холодной и безжизненной, поскольку в тот же миг, как она увидела труп матери, ее накрыло безжалостным осознанием, что человеческое тело — это всего лишь мясо.

Леон сжал ее руку в ответ, и Луиза ощутила, как ее собственная теплая плоть отзывается на это пожатие, с облегчением почувствовав, что ее кровь течет и пульсирует, течет и пульсирует, течет и пульсирует, каждым толчком сердца напоминая, что она реально существующая девушка в реально существующем теле.

Потом, поздним вечером, они лежали в постели

в квартире Леона, передавая друг другу картонную банку с мороженым «Хаген-Дас». Хотя был август, Луиза дрожала.

— Дать тебе плед? — спросил Леон.

Луиза кивнула — Леон откинул одеяло, голышом присел перед шкафом и без малейшего стеснения принялся рыться в коробках, предоставив ей возможность любоваться его задницей и болтающейся мошонкой. Луиза с удивлением отметила, что это зрелище не вызывает у нее отвращения. Он вернулся с пледом в радужную полоску, слегка пахшим затхлостью, и бережно укутал ее, прежде чем выйти из комнаты и скрыться за дверью отвратительной крохотной уборной.

Оставшись в постели в одиночестве, она почувствовала, что снова начинает растворяться, пока не повернулась на другой бок и не ощутила, как в задницу ей впилось что-то острое и неоспоримо реальное. Несколько секунд повозившись, она вытащила блокнот на пружине, конец которой разогнулся и торчал. Она знала, что не следует этого делать, но все равно пролистала страницы. Рисунки показались ей бессмысленными, но были объективно очень красивы — карты Нью-Йорка, начерченные в средневековой ма-

нере; скопище чудищ в подземных туннелях; каменная башня, покрытая загадочными символами; женщина со злыми глазами в цветастом халате и с сигаретой во рту; дракон, застывший в воде у берегов Кони-Айленда. На каждой странице в левом верхнем углу значилось чье-то имя. Луиза взглянула на обложку, на которой округлым каллиграфическим почерком было выведено «Карточки пациентов». Ей вспомнились карточки, которые вела на своих пациентов мать, — разлинованные блокноты, исписанные убористым курсивом, в котором буквы жались друг к другу, точно измученные беженцы. Леон спустил воду в туалете и принялся чистить зубы. Она поспешно затолкала блокнот обратно под одеяло разогнувшейся проволокой от себя.

— Готов ко сну? — спросила она, приподнимая краешек пледа.

Он плюхнулся на кровать и прижался к ее боку. Она позволила ему уснуть, уткнувшись носом ей в грудь, но сама не спала: слушала шум такси на Амстердам-авеню и думала о том, какие образы роятся в ее голове — что нарисовал бы Леон: виолончель, прислоненную к окну; женщину, стоящую в дверном проеме с воздетыми кверху ладонями; вскрытую черепную коробку с мыс-

лями, распятыми, точно бабочки, на пробковой доске.

В ту ночь Луизе приснилось, что она в постели Леона, но на самом деле это был кораблик, который швыряли туда-сюда волны. Они с Леоном ласкали друг друга, как до этого вечером, но, когда она наклонилась, чтобы взять в рот его пенис, то увидела фигуру, сидящую в шезлонге в углу спальни. Она вглядывалась сквозь заросли лобковых волос Леона, пока расплывчатый силуэт не обрел четкость. Это оказалась ее мать, одетая для круиза или отпуска где-нибудь на модном курорте в струящуюся хламиду и сандалии. Однако волосы ее были собраны в тугой пучок, который она носила на работу, а на переносице красовались очки. Она внимательно наблюдала за Луизой с Леоном и время от времени делала пометки в своем желтом разлинованном блокноте.

— Фелляция — одна из наиболее примитивных форм сексуальности, Луиза. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что после смерти матери ты регрессировала к оральной фазе. К психосексуальному переоткрытию соска.

Луиза хотела ответить, но пенис Леона во рту разбух, мешая говорить. Мать продолжала, размазывая по обнаженным рукам молочко для

загара:

— Я также нахожу весьма любопытным то обстоятельство, что ты встречаешься с чередой неподходящих мужчин, а потом, стоит мне умереть, немедленно прыгаешь в койку с еврейским психотерапевтом из Квинса, который учится в моей альма-матер. И снова я повторяю: психосексуальный возврат к соску. Но это не сработает, — добавила она, словно запоздало спохватившись, и завинтила крышечку на молочке для загара. — Все, кроме нас с тобой, чужаки.

Лодка резко накренилась, и Луиза откатилась от Леона. В рот ей хлынула соленая вода.

Она проснулась резко, как от толчка, почти ожидая увидеть мать, но вместо нее увидела Леона — он стоял в дверях, протягивая ей кофе в щербатой голубой кружке. На мгновение Луизе показалось, что кровать так и осталась лодкой. Она уселась, натянув одеяло до подмышек, чтобы прикрыть грудь, и попыталась стряхнуть с себя остатки сна. Леон улыбнулся ей. Его кудрявые волосы пушистым ореолом окружали голову. Во рту у Луизы по-прежнему стоял привкус соленой воды, точно желчь, подкатывавший к горлу. Она подумала, что надо уходить.

— Мне было хорошо прошлой ночью, — произ-

нес Леон, но улыбка уже понемногу отступала при виде безучастного выражения на лице Луизы.

Он поморщился, как будто заранее жалел о том, что собирался сказать.

— Мне понравилось заниматься с тобой любовью.

В висках у Луизы застучало. А они занимались любовью? Она понятия не имела, что он вкладывал в эти слова. От него исходило ощущение надежды, которое она чувствовала как что-то осязаемое через всю комнату. «Все, кроме нас с тобой, чужаки».

— Ненавижу это выражение, — сказала она.

— Какое выражение?

— «Заниматься любовью».

— А что с ним не так? — ровным тоном спросил Леон, все еще пытаясь спасти положение.

— Это эвфемизм, вот что с ним не так.

— И что, по-твоему, я должен был сказать? «Я доволен, что прошлой ночью мы трахались. Давай потрахаемся еще раз»? — Леон скрестил руки на груди.

Луизе показалось, что даже кудри у него на голове завились туже в целях самозащиты.

— Да. — Луиза откусила это слово и держала во рту, пока горечь не расползлась по всему нёбу

и не стекла в горло, окончательно перебив вкус соленой воды. — Идеальная формулировка.

Вот теперь она полностью проснулась. Спор изгнал все остатки сна.

— Ты только вчера со мной познакомился. Может, я даже тебе и нравлюсь, хотя, судя по выражению лица, ты уже далеко не так в этом уверен. Но ты совершенно точно меня не любишь. Эвфемизмы — скользкая дорожка. Она начинается с чего-нибудь маленького и невинного, вроде «заниматься любовью» вместо «трахаться», а потом ты не успеваешь оглянуться, как уже говоришь «уйти» вместо «умереть»…

Она ненавидела эту фразу — как будто смерть была нежной, как будто тела перемещались из одного измерения в другое, а не превращались в нечто разлагающееся и кишащее червями, беспощадное и неприглядное. Ее ноздри наполнились сладковатым запахом гниения, которым была пропитана комната ее матери. Неужели прошло всего четыре дня с тех пор, как она сидела там в ожидании и надежде, что ее мать умрет уже наконец, в то время как та хрипела и отчаянно хватала ртом воздух? Удушье, так называли это врачи.

Луиза сделала глубокий вдох, наполняя свои

недостойные здоровые легкие кислородом, потому что единственное, что было реальным, — это удушье, а не мучительные поиски нежности.

— «Уйти» вместо «умереть», — повторила она, потому что сбилась с ритма. — «Эвтаназия» вместо «добивания калек».

Леон закатил глаза, в мыслях уже явно доведя этот спор до единственно возможного логического конца. Луиза понимала, что надо бы остановиться, но уже не могла.

— ...а потом уничтожаешь евреев и называешь это «окончательным решением еврейского вопроса».

Леон с отвращением покачал головой:

— Господи Иисусе, Луиза, если ты не хочешь больше меня видеть, просто так и скажи. Не нужно уподоблять меня Гитлеру. — С преувеличенной осторожностью, как будто протягивал кусок мяса дикому зверю, он поставил кофе на прикроватную тумбочку. — Когда будешь уходить, прощаться не обязательно.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты, оставив голую Луизу в одиночестве под радужным пледом. Она изо всех сил старалась не представлять себе обиженное лицо, с которым он расхаживал по гостиной за стеной.

Ее платье комком валялось в углу. На нем отчетливо виднелось жирное пятно — по всей видимости, смесь красного вина с цимесом[5]. Она торопливо оделась и проскользнула из крохотной спальни в такую же крохотную уборную, расположенную по другую сторону узкого коридора. Потом пошарила по полкам аптечного шкафчика в поисках аспирина, но его там не обнаружилось.

«Ну разумеется, — подумала она. — Всю мою чертову жизнь мне приходится ужом изворачиваться, чтобы раздобыть аспирин».

Пузырек наконец отыскался под раковиной, за запасным рулоном туалетной бумаги, и Луиза всухую проглотила две таблетки, после чего опустилась на стульчак и обхватила голову руками.

А дома сейчас, наверное, раздают бейглы со сливочным сыром по случаю второго дня материной шивы. Луиза взяла заскорузлое полотенце и завесила зеркало, потом сделала глубокий вдох и вышла в гостиную.

Леон старательно делал вид, что читает «Таймс», пока она бродила по комнате в поисках своих босоножек и холщовой сумки с логотипом

---

[5] Примечания: 5

Цимес — традиционное новогоднее блюдо еврейской кухни, сладкое рагу из овощей.

журнала «Нэйшн» на боку, в которой лежали пять смятых долларовых банкнот, принадлежавший ее матери экземпляр «Золотой тетради» Дорис Лессинг, три жетона метро и расписание поездов в направлении Лонг-Айленда. Через несколько мучительно долгих минут она обнаружила вещи под диваном, застегнула ремешки, схватила сумку и, ни слова не говоря, ушла.

В одиннадцать утра она обнаружила, что сидит на крылечке какого-то дома на Восемьдесят Первой улице, с пересохшим ртом, разящая потом и сексом, и роется в сумке в поисках расписания электричек.

«Я могу вернуться обратно на шиву, — сказала она себе, поднялась на ноги и двинулась в сторону метро, убеждая себя в том, что в самом деле собирается это сделать. — Я просто вернусь туда».

Она медленным шагом дошла от Восемьдесят Первой улицы до станции метро. Из открытых по случаю летнего зноя окон уже неслись мелодии меренге и сальсы. В метро было душно и жарко. Луиза чувствовала запах своего киснущего в собственном соку тела.

Показался и остался позади вокзал Пенн-стейшн, но Луиза не сошла с поезда. Вместо этого она доехала до Четвертой Восточной улицы и

делала вид, что понятия не имеет, куда направляется, пока не очутилась перед домом Кенни Левинсона. Она знала, что он должен быть дома. Смена в летнем лагере при каком-то непонятном заповеднике за городом, где он подвизался кем-то вроде спеца по ползучей живности, уже наверняка закончилась, и он вернулся к себе в квартиру, где проживал в обществе своих прелестных тварей.

Луиза со вздохом нажала номер четыре на домофоне, представляя его заставленную клетками с рептилиями крохотную студию с большой кроватью посередине. Если кто-то и понимал, что все человеческие существа суть мясо, то это Кенни с его змеями в брезентовых мешках.

— Да? — просипел домофон.

— Это Луиза. Ты один?

Он впустил ее в дом, и Луиза поднялась в квартиру.

— Выглядишь как полное дерьмо, — заметил он, окинув ее взглядом.

— Спасибо, — отозвалась она. — Я и чувствую себя как полное дерьмо. Я пропустила шиву матери.

— Класс, — сказал он.

— Зато ты, как обычно, выглядишь прекрасно,

что позволяет тебе маскировать твой дерьмовый характер.

Он вскинул брови:

— Чем богаты, тем и рады.

На этом лимит ее разговоров с Кенни исчерпался, поэтому она подошла к кровати и принялась деловито раздеваться. Через несколько минут, пока он ее трахал, она заметила, что он переставил клетки. Она оказалась лицом к лицу с тарантулом, который смотрел на нее с немым вопросом в глазах.

«Восемь? — удивилась она. — Неужели у тарантулов восемь глаз?»

Передние два, самые заметные, казалось, спрашивали ее: «Зачем ты это делаешь, Луиза?» Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на механике собственного тела, но чувствовала себя зыбкой, расплывчатой, как карандашный набросок.

Кенни с рычанием кончил. Тарантул бесстрастно взирал на них. Боа-констриктор продолжал мирно спать. Луиза выбралась из-под Кенни и оделась.

— Как всегда, приятно было с тобой потрахаться, Луиза, — сказал Кенни ей в спину.

Пока Луиза спускалась с четвертого этажа, ей

вспомнилась застенчивая улыбка Леона утром, его нерешительное «мне понравилось заниматься с тобой любовью» — и ее напыщенная отповедь.

— Да уж, ну и дерьмо же я, — пробормотала она себе под нос.

Она слышала звук своих шагов и чувствовала, как трутся под платьем друг о друга ляжки, но по-прежнему не уверена была, что существует. Каждый шаг был для нее личной вариацией дилеммы дерева, падающего в лесу, где его никто не может услышать: если девушка определяет себя как противоположность своей матери, а той больше не существует, существует ли все еще сама девушка?

За те полчаса, что она шла до своей квартиры в Алфабет-сити, ей трижды померещилась в толпе мать. Каждый раз на крошечный, полный надежды миг женщина вдалеке устремляла на нее полный знакомого разочарования и презрения взгляд, а потом, при более внимательном рассмотрении, оказывалась равнодушной незнакомкой. В первый раз это была горничная-пуэрториканка, тайком курившая сигарету за дорогим таунхау-

сом. Потом — копия Джоан Баэз[6], перебирающая нектарины перед входом в овощную лавку в поисках самого спелого. И под конец бездомная женщина в халате и меховых шлепанцах в виде кроликов в Томпкинс-сквер-парке. И каждый раз Луизе хотелось одновременно разрыдаться от разочарования и истерически расхохотаться при мысли о том, каким оскорблением сочла бы мать такое сравнение.

«У тебя крыша едет, Луиза», — сказала она себе, опускаясь на скамейку напротив бездомной женщины, чтобы прийти в себя.

Она уставилась на шов в том месте, где заканчивались кроличьи уши и начинались собственно шлепанцы.

— У тебя все в порядке, милая? — спросила женщина.

Луиза вскинула глаза и обнаружила, что смотрит в неожиданно доброе лицо. Ей захотелось уткнуться в этот замызганный халат и зарыдать. Она не нашла в себе мужества ответить на вопрос и предпочла позорно ретироваться. Весь остаток пути до дома она практически бежала, глядя прямо перед собой, лишь бы только не видеть

---

[6] Примечания: 6

Джоан Баэз (р. 1941) — американская певица и автор песен, исполняющая музыку в стиле фолк и кантри.

больше никаких призраков.

Откопав в сумке ключи, она вошла в свою грязную съемную квартирку. Соседки, к счастью, не было дома, так что она принялась стягивать пропотевшую одежду прямо в коридоре, завершив этот липкий стриптиз перед зеркалом в комнате.

— У тебя все в порядке, милая? — поинтересовалась она у своего отражения в зеркале, подражая скрипучему голосу женщины из парка. — Выглядишь ты не очень.

— Я и чувствую себя не очень, — ответила она себе уже нормальным голосом.

Больше делать было нечего. Ни разговорами, ни сексом, ни алкоголем помочь тут было нельзя. Она оглядела свою постель, заваленную одеждой, которую на протяжении многих недель таскала из материного шкафа. Потом соорудила из всех этих свитеров с шарфами подобие гнезда и забралась внутрь. Там, окруженная знакомыми ароматами духов и нафталина и глинистым запахом материной плоти, она свернулась клубочком и уснула.

Тоскливые запеканки
1974

Леон бросил почту и учебники на пороге и подбежал к надрывающемуся телефону.

— Алло? — произнес он в трубку запыхавшимся голосом.

— Леон, это Шошанна.

Он испытал странное разочарование, хотя сам толком не знал, кого ожидал услышать.

— А, привет.

— Ты так и не ответил, придешь на мой завтрак по случаю Йом-кипура[7] или нет. Мне нужно знать, сколько копченого лосося заказывать.

Леон вздохнул. На застольях, которыми славилась Шошанна, все и всегда было очень вкусно, но ему не хотелось снова встречаться с Луизой. У него несколько недель ушло на то, чтобы оправиться от эмоциональной травмы.

— Если будет Луиза, я не приду, — не стал он ходить вокруг до около.

— Что, все так плохо? — Судя по тону, Шошанна

---

[7] Примечания: 7

Йом-кипур — «Судный день», самый важный из отмечаемых дней в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов.

ничуть не удивилась. — Что она выкинула на этот раз?

— Сравнила меня с Гитлером.

Шошанна рассмеялась:

— Это чересчур даже для Луизы. — Она понизила голос практически до шепота. — Но думаю, стоит сделать скидку на ее состояние. Это был первый день шивы по ее матери.

— Что?

— На шаббатний ужин она приехала прямиком с шивы.

Леон молчал, занятый яростным переписыванием той их ночи в его квартирке. Теперь все встало на свои места: и яростная настойчивость, с какой она говорила о матери, и полотенце на зеркале, и странные слова, которые она бормотала во сне, и ее гневный монолог.

— Она, конечно же, ничего тебе не сказала, — произнесла Шошанна.

Леон принялся наматывать телефонный провод на палец.

— От чего умерла ее мать?

— От какой-то непонятной неврологии. — Шошанна на том конце провода принялась расхаживать по кухне, сгружая посуду в раковину. — Но, возвращаясь к нашей теме: на Йом-кипуре ее не

будет, и мне нужно понимать, сколько лосося заказывать.

— Да-да, конечно, я приду, — рассеянно произнес Леон и, пробормотав все, что полагается говорить в таких случаях, поспешил завершить разговор.

Он тяжело опустился за кухонный стол и принялся отскребать ногтем присохший к облицованной пластиком столешнице яичный желток, вспоминая первый день шивы по своему отцу. В памяти у него остались нескончаемо длинные вечера после отцовской смерти, когда они поедали одну за другой тоскливые запеканки, принесенные сочувствующими соседками, — бесконечную череду блюд, сливающихся в одну неразличимую мягкую серую массу. Он до сих пор терпеть не мог кугель[8].

Леон вспомнил, как Луиза спала в его постели, зажав в кулаках смятую простыню, точно маленький ребенок, и его вдруг охватил внезапный прилив нежности к ней. Он взял трубку и перезвонил Шошанне.

— У тебя есть Луизин адрес? — спросил он. — Я хочу послать ей корзину с продуктами в знак

---

[8] Примечания: 8

Кугель — традиционное блюдо еврейской кухни, род запеканки или пудинга.

соболезнования.

— Угу, — хмыкнула Шошанна. — Корзину с продуктами, как же.

Однако она отложила трубку и пошла за записной книжкой.

На следующий день занятий у него не было, поэтому Леон с картонной коробкой под мышкой отправился на метро в Ист-Виллидж. О том, что побудило его отвезти посылку лично, вместо того чтобы отправить почтой, думать он старательно избегал.

Он доехал до Алфабет-сити и принялся отыскивать нужный адрес, пробираясь между куч мусорных мешков и лавируя между замысловатыми квадратиками для игры в «классики». Дверь в Луизин подъезд оказалась приоткрыта — он проскользнул внутрь и зашагал по пропахшей мочой лестнице на четвертый этаж. Он собирался оставить коробку с запиской у входа в квартиру, как вдруг дверь открылась, и он увидел на пороге сонную Луизу в одной футболке и трусах.

— Леон? — Вид у нее был такой, как будто она то ли едва проснулась, то ли готова была заснуть. — Что ты здесь делаешь?

— Я собирался оставить тебе подарок в знак соболезнования, — сказал он и дернулся в сторону

лестницы, но Луиза вышла в коридор, преградив ему путь к отступлению.

Она присела на корточки и принялась разглядывать содержимое коробки, по очереди вытаскивая одно за другим.

— Морковка? — изумилась она. — Картофельные чипсы, рисовые крекеры, скотч? За этим всем стоит мысль, которую я не улавливаю?

Леон вздохнул, поняв, что избежать разговора все-таки не удастся.

— После того как умер мой отец, соседи забили наш морозильник запеканками и супами. Я, наверное, целый год тогда не ел ничего хрустящего. Решил принести тебе что-нибудь хрустящее.

— И скотч.

— И скотч. Просто на всякий случай.

Луиза распрямилась и в упор посмотрела на Леона.

— Это самый продуманный подарок, который я получила после смерти матери.

Чтобы не смотреть ей в глаза, он уткнулся взглядом в пол. Ногти на ногах у нее были накрашены красным лаком, который местами уже облупился.

— Прости, что вела себя тогда как последняя свинья. Допускаю… — она немного помолчала,

еле заметно ему улыбнувшись, — что я самую капельку рисовалась.

Леон посмотрел на ее замызганную футболку, нечесаные волосы и бледные уязвимые ноги и подумал: «Ну что же я за тюфяк такой». Вместо злости его снова охватило все то же опасное чувство нежности.

— Ну, — сказал он, не готовый пока окончательно ее простить, — наверное, горе способно превратить в свинью кого угодно.

А потом, не выдержав, признался:

— Я полгода после смерти отца прикарманивал все, что плохо лежит.

— В самом деле? — Луиза склонила голову набок. — Драгоценности? Картины импрессионистов? Спортивные машины?

Она переигрывала, но в этом было столько одиночества, что у него защемило сердце.

— Все вышеперечисленное, — подхватил он, — хотя специализировался я на жвачке и коллекционных бейсбольных карточках.

— Разумный подход, — произнесла Луиза, отступая к двери. — Я слышала, жвачка не падает в цене.

— Поэтому я храню ее в сейфе, — кивнул Леон. — Если на нас нападут нацисты, я всегда смогу

запихать ее себе в задницу и сбежать из страны.

Обыкновенно он не отваживался отпускать шутки такого рода, но сейчас был рад, что у него хватило смелости, потому что она запрокинула голову и расхохоталась.

— Не хочешь зайти и похрустеть чем-нибудь за компанию?

— С удовольствием, — ответил Леон, признавшись себе в том, что в глубине души с самого начала на это надеялся.

Она провела его в убогую гостиную. Он заметил, что волосы на затылке у нее сбились в колтун. На диване беспорядочными кучами валялась элегантная дамская одежда — шарфы, которые выглядели так, будто были куплены в сувенирной лавке при Музее современного искусства, дорогие пальто из магазинов, куда он ни разу в жизни не заходил, вроде «Сакса» и «Блумингдейла». На ящике из-под молока, который играл роль кофейного столика, было устроено подобие импровизированного алтаря. Леон даже остановился, чтобы повнимательнее рассмотреть этот странный набор предметов: поминальную свечу ярцайт, картонную коробочку с прокисшей китайской едой, из которой торчали деревянные палочки, экземпляр «Недовольства культурой»

Фрейда и винный бокал, до краев наполненный то ли сахаром, то ли солью. Обогнув угол, он последовал за Луизиными бледными ногами в грязную кухоньку. На столе стоял недоеденный кугель. Картошка, из которой он был приготовлен, окислилась и приобрела неаппетитный серовато-голубой оттенок.

— Я вижу, тебе тоже не удалось избежать тоскливых запеканок, — заметил Леон.

— К счастью, у меня крохотная морозилка.

Луиза махнула рукой в сторону одного из двух стульев, а сама тем временем достала из шкафчика два относительно чистых стакана и налила в оба скотча. Потом, положив ногу на ногу, устроилась на шатком стуле напротив. Леон опасался, как бы тот не опрокинулся.

— Так, значит, ты в детстве подворовывал? — спросила она, минуя этап вежливой беседы ни о чем.

— Угу, с десяти до одиннадцати лет я был настоящим клептоманом. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить: я, видимо, считал, что мир передо мной в долгу.

Луиза отхлебнула скотча и разорвала пакет с чипсами.

— А я вру, — призналась она. — Всем и про всё.

На днях я сказала кому-то, что мой день рождения одиннадцатого мая, а не двадцатого, абсолютно безо всякой причины. А какому-то парню в баре наврала, что играю на скрипке, а не на виолончели. И это даже не попытки интересничать, нет, я почему-то просто не могу ответить честно.

— Почему?

— Не знаю.

— И когда это началось?

Он произнес это с профессиональной психотерапевтической интонацией и сам поморщился, но она ничего не заметила.

— Во время шивы. Все говорили идиотские банальности о моей матери, и мне приходилось говорить идиотские банальности в ответ, а потом я просто не смогла остановиться.

— Ну, учитывая твое отношение к эвфемизмам, могу представить, как тебя это разозлило.

Теперь в его голосе против воли прозвучала горечь.

— Прости. Мне не стоило выплескивать все это на тебя. Просто мне иногда совершенно необходимо обгадить что-то хорошее, понимаешь? Во всяком случае, так всегда говорила моя мать, хотя она использовала более научную терминологию. — Луиза распрямилась, раздула ноздри и

заговорила гнусавым высокомерным голосом: — «Ну вот, Луиза, опять ты затеваешь ссору, чтобы избежать близости».

Леон знал, что должен рассмеяться, но все еще испытывал обиду, поэтому ограничился сухой улыбкой.

— Вот видишь, — сказала Луиза, глядя ему прямо в глаза. — Я знаю себя как облупленную, я разбираюсь в психологии — а толку-то? Это все в пользу бедных.

— Ты только что одним махом дискредитировала всю мою профессию.

— Не-а, — покачала головой Луиза. — Просто на меня психотерапия не действует. Когда варишься во всем этом с рождения, в конце концов становишься невосприимчив. Это как выработка устойчивости к мышьяку.

— По-твоему, это должно меня утешить?

— Мне по барабану, — пожала она плечами.

Он закатил глаза, и некоторое время оба молчали. Потом Луиза начала пальцем чертить на запотевшем столе свои инициалы.

— С тобой приятно разговаривать, — произнесла она. — Все обращаются со мной как с прокаженной. Будто смерть — это что-то заразное. Никто больше меня никуда не зовет. А если

и зовут, то не понимают, как себя вести.

Леон покрутил свой бокал, глядя, как янтарная жидкость на дне лижет стенки.

— Никто не понимает, как говорить о смерти. Знаешь, что я ненавижу? — признался он с неожиданной горячностью, осознав вдруг, что больше десяти лет ждал возможности поговорить об этом. — Когда в разговоре случайно всплывает, что мой отец умер, и мой собеседник принимается изо всех сил извиняться, как будто до того, как он меня спросил, я об этом не помнил.

— Именно! — практически закричала Луиза. — А потом я же еще должна его утешать — а я, разумеется, этого не делаю.

— Разумеется.

Он принялся теребить упаковку из-под чипсов, прижав ее к столешнице и ногтем большого пальца разглаживая складки.

— Меня звать никуда не перестали, — сказал он. — Наоборот, начали звать повсюду. Все соседские мамаши переживали, что у меня не будет мужской ролевой модели, поэтому заставляли всех папаш брать меня с собой на бейсбольные матчи. Я побывал, наверное, играх на двадцати — а я ненавижу бейсбол. Я был бы счастлив, если бы люди оставили меня в покое.

Ему живо вспомнился спасительный закуток под трибунами на стадионе и тусклый свет, который просачивался между металлическими рейками, так что он даже мог что-то разглядеть на страницах своего комикса. После матча папаше, которому он был поручен, приходилось выманивать его на свет. В то лето он почти не выходил из своей комнаты, одну за другой рисуя карты с маршрутами побега. По ночам он спал, с головой забравшись под одеяло, поскольку был убежден, что под окнами рыщут чудовища, только и ждущие возможности пробраться к нему в комнату. В те несколько кошмарных минут, что он проводил в темноте, прежде чем заснуть, он подбадривал себя мыслями: «Я не мальчик, я просто ворох одежды под одеялом».

Он посмотрел на Луизу, бледную и маленькую на своем стуле. Ему хотелось спросить о том, что происходит у нее в гостиной. Но он удержался от этого вопроса, потому что знал: нет ничего более интимного, чем хаотическая логика горя.

Луиза потерла глаза и с трудом подавила зевок.

— Ты что, спала, когда я пришел? — спросил Леон.

— Да нет, не то чтобы. В голове всякие мысли

крутятся.

— У тебя такой вид, как будто ты вот-вот уснешь.

Она вскинула пустой стакан из-под скотча.

— Возможно.

— Я пойду, — сказал Леон. — А ты попытайся поспать.

Ему хотелось взять ее за руку и отвести в спальню — которая, подозревал он, была точно такой же грязной, как и все остальное в этой захламленной квартирке, — лечь с ней рядом на несвежую простыню и гладить по спутанным волосам, пока она не уснет. Но вместо этого он поднялся, проскрежетав ножками стула по липкому полу, и двинулся к двери.

— Погоди! Леон! — крикнула Луиза, хотя он не успел еще даже выйти из кухни. — Я завтра буду в твоих краях. Я собиралась совершить ташлих в Риверсайд-парке. Хочешь пойти со мной?

— Ташлих? — переспросил Леон.

— Ну, знаешь, такую штуку, которую мы, евреи, делали тысячи лет. Это когда мы бросаем наши грехи в реку на еврейский Новый год, — пояснила Луиза с той самодовольной снисходительностью, какую он помнил по монологу в его спальне.

Он почувствовал, как мышцы лица стягивают-

ся в маску, точно экзоскелет.

— Прости, прости, — произнесла она, вскидывая руку, чтобы остановить его, и принялась наматывать на палец прядь немытых волос. — Я начинаю вести себя мерзко, когда чувствую себя уязвимой, понимаешь? Но на сей раз я сдержалась. Разве это не считается?

Леон сделал глубокий вдох и совсем слабо, еле заметно, кивнул головой.

— Хлебные крошки, — произнес он через минуту.

В голове у него всплыли смутные воспоминания о том, как они с его учительницей иврита, миссис Рокич, ходили к реке на Рош-Хашана[9] — сколько ему тогда было? Восемь? Девять? — с набитым хлебными крошками пакетиком в кулаке.

— Что?

— Хлебные крошки. Кидаешь их в реку, и все твои грехи магическим образом пресуществляются в крошки?

— Да, все верно, — сказала Луиза и потерла глаза ладонями.

— Но почему ты совершаешь, — он запнулся,

---

[9] Примечания: 9
Рош-Хашана — еврейский Новый год.

подыскивая ивритское слово, — ташлих?

Луиза с раздражением выдохнула.

— Потому что я хочу, чтобы этот год закончился. Я хочу начать все с чистого листа. Я все уже перепробовала. — Она махнула в сторону гостиной со странными атрибутами несработавших ритуалов. — И я подумала, зачем изобретать колесо, когда существует тысячелетняя мизогиническая религия, которая уже придумала все за меня. Устраивает тебя такое объяснение?

— Устраивает, — кивнул он.

Она положила руки на бедра.

— Ну и как ты оцениваешь мою попытку перейти от враждебности к уязвимости?

— На четверочку. Неплохо, но еще есть к чему стремиться.

— Да пошел ты, Леон.

— А теперь, пожалуй, снижу до тройки.

Они ухмыльнулись друг другу.

— Завтра в десять?

— Завтра в десять, — кивнул он.

Стоял один из тех изумительных осенних дней в Нью-Йорке, когда большая часть листьев еще оставалась на деревьях, а те, что уже лежали на тротуаре, были еще не слишком изгажены собачьим дерьмом.

— Господи Иисусе, ты посмотри только на эту толпу хасидов, — сказала Луиза, когда они вошли в парк и сквозь поток машин, едущих по Вест-сайдскому шоссе, показалась река.

Леон сощурился, глядя на колышущуюся черную массу вдалеке. Мало-помалу смутные очертания превратились в молящихся людей в одежде из восемнадцатого века.

Когда они подошли поближе, до него донеслись звуки коллективной молитвы и восточноевропейские причитания, сопровождаемые гудками машин и будничным шумом города.

— Давай сядем вон под тем деревом, — предложила Луиза. — Я сейчас не в силах пробиваться через эту стену шовинизма.

Они подошли к высокому дубу с толстыми корнями.

— У меня есть травка, — сообщила Луиза, доставая из кармана пальто ровненький тугой косяк и зажигалку.

Леона не удивило, что Луиза умеет скручивать идеальные косяки. У него самого они выходили кривобокие и неаккуратные и неизменно разваливались после одной-двух затяжек.

Они улеглись на траву и принялись передавать друг другу косяк. Леон смотрел на солнце,

просачивавшееся сквозь поредевшую листву, и чувствовал, как с каждой затяжкой по телу разливается приятная истома.

Луиза ткнула косяком в сторону молящихся на берегу мужчин.

— Первым воспоминанием моей матери был ташлих на этом самом месте. Ей влетело за то, что она отдала свои крошки уткам вместо того, чтобы бросить их в реку. Когда я была маленькой, мы не ходили на Рош-Хашана в синагогу. Мы шли к ближайшему пруду и просто скармливали уткам целую буханку хлеба.

— Кажется, это хорошее воспоминание.

— Оно и есть хорошее. Когда я была маленькой, мы с ней вполне ладили.

Они некоторое время молча лежали рядышком, соприкасаясь кончиками пальцев. В воздухе разливался свежий запах палой листвы, наполняя Леона каким-то глубинным ощущением надежды на лучшее.

— Это, наверное, странно: одновременно скучать по человеку и отчаянно его ненавидеть? — спросила Луиза, вторгаясь в его мысли.

— Вовсе нет. На мой взгляд, это нормально, просто большинство не хочет в этом признаваться. — Леон перевернулся на бок и приподнялся на

локте. — Так что ты сказала бы о ней на службе, если бы говорила искренне?

Луиза повернулась к нему лицом.

— Кое-что плохое, вроде того, что я наговорила тебе тогда у Шошанны. Но и кое-что хорошее тоже. Мне многое в ней нравилось. Мне нравилось, что она была язвительной и упертой. Она не подчинялась ничьим правилам. Когда блюстители нравственности подали в суд на издательство, выпустившее без купюр «Любовника леди Чаттерли», она купила книгу в магазине и дала ее мне прочитать. Мне тогда было двенадцать.

— Двенадцать?

— Да, двенадцать. — Луиза принялась методично обдирать красный кленовый лист вдоль прожилок, складывая обрывки в кучку на траве между собой и Леоном. — Она всегда верила, что я способна стать великой. Это очень давило, но в то же самое время, если откровенно, заставляло меня чувствовать себя особенной. Разумеется, я вечно ее разочаровывала, потому что демонстрировала только «неплохой уровень». Во время нашей последней беседы — я тогда еще училась в консерватории в Оберлине, а она уже была больна, — она разговаривала совсем с трудом, однако же умудрилась произнести «Четвертая

виолончель?» с таким пренебрежением, что я потом неделю не притрагивалась к инструменту. Боже, как же я ее ненавидела. Но приятно было знать, что в мире есть человек, который считает меня способной на блестящие свершения. Мне уже этого не хватает.

Леон потянулся и взял ее за руку. Мимо них прошла замученная хасидская женщина в застиранном платке с выводком ребятишек мал мала меньше, цепляющихся за ее подол.

— Но больше всего я благодарна матери за то, что я не она. — Луиза кивнула на хасидку, которая кричала на своих детей на идиш, пытаясь загнать их в туннель, ведущий к реке. — Если бы у моей матери не было мрачной решимости и стремления вырваться из той жизни, это сейчас была бы я.

Леон мысленно наложил на хасидку лицо Луизы и на краткий безумный миг поверил, что это и в самом деле Луиза из альтернативной реальности. Он представил себе маленькую однообразную жизнь альтернативной Луизы, и ему стало невероятно грустно. Женщина один за другим высморкала три сопливых носа, в то время как самый младший беспрестанно дергал ее за юбку, и Леон испытал прилив горячей бла-

годарности к матери Луизы.

— И как твоя мать вырвалась? — поинтересовался он.

— Я не знаю, — сказала Луиза. — Это тайна, покрытая мраком. Но в глубине души мне иногда кажется, что если она и вырвалась, то не до конца. Какая-то часть ее застряла в этом мире. Она не верила в Бога, но местечковые суеверия в нее въелись намертво. После ее смерти я обнаружила соль в карманах всех ее жакетов и на дне всех ее сумочек.

— Зачем ей понадобилось сыпать в карманы соль?

— Это все баббе-майзе, бабьи сказки, — нетерпеливо пояснила Луиза. — Когда покупаешь одежду или въезжаешь в новый дом, нужно положить соль в карманы и посыпать ею все углы в комнате, чтобы отогнать диббуков. Ну, злых духов. Разве в твоей семье так не делали?

— Нет, — покачал головой Леон. — Моя мать не склонна к суевериям. К ожесточенной враждебности — да, но не к суевериям.

— Ну а когда моя суперпродвинутая мама-психоаналитик отвезла меня в колледж, то насыпала соли во все четыре угла моей комнаты в общежитии. Мне пришлось соврать шиксе-соседке, что

это от муравьев.

— Ну и как, донимали тебя духи? — фыркнул Леон. — Может, соль сработала.

— Очень смешно.

Луиза уселась и обхватила себя руками. Ему хотелось коснуться ее спины, но он побоялся, что она разозлится.

— Могу я кое в чем тебе признаться? — спросила она тоненьким голосом.

— Конечно.

— Мне кажется, она меня преследует. Моя мать. После того как я сбежала с шивы, она снится мне каждую ночь. И не просто снится, а терроризирует меня своими придирками. Что бы я ни делала, ей все не то и не так. И она мерещится мне по всему городу. Я много дней уже толком не спала. Не знаю, что нужно сделать, чтобы она оставила меня в покое.

Леон попытался придумать, как бы помягче сформулировать что-то вроде «это не она тебя преследует, это ты не можешь ее отпустить», но потом посмотрел, как Луиза обеими руками обнимает собственные колени, и благоразумно не стал ничего говорить. Он не мог сказать ей ничего такого, чего она не знала бы без него. У него не было никаких ценных соображений относи-

тельно горя, которыми он мог бы поделиться. Он до сих пор иногда по ночам с головой накрывался одеялом и думал: «Я не мужчина, я просто ворох одежды под одеялом».

— Так вот зачем мы здесь? Чтобы изгнать ее призрак?

Луиза кивнула.

— Что это означает? — спросил Леон.

Доносившиеся от воды приглушенные слова молитв придавали погожему дню слегка зловещий оттенок и размывали обыденные очертания реальности.

— Я не знаю, — сказала Луиза. — Я пробую все подряд. Я надеялась, что, вернувшись в это место, пойму, что делать. Может быть, если я искуплю то, что оказалась полным ничтожеством, она оставит меня в покое. Или, может, она хочет, чтобы я в последний раз покормила уток. А может, единственное, что меня спасет, это место в Нью-Йоркской филармонии.

— Ты не ничтожество, — возразил Леон.

— Полагаю, у вас с Фрейей Ракофф очень разные понятия о том, кто ничтожество, а кто нет. — Луиза поднялась и, протянув Леону руку, вздернула его на ноги. — Давай покончим с этим.

Она сунула руку за пазуху пальто и вытащила

пригоршню соли.

— Но сперва я на всякий случай положу это тебе в карман. Она из заначки моей матери. Местечковая соль из «Сакса» на Пятой авеню.

Луиза высыпала белые кристаллики в карман его джинсов, и Леон покраснел от небрежной интимности этого жеста. Он не очень понимал, как его угораздило стать аксессуаром в Рош-Хашановском экзорцистском обряде, но ни за что не хотел бы это пропустить, несмотря на то, что ему было страшновато.

Она крепко взяла его за руку, и они двинулись через туннель, проложенный под Вестсайдским шоссе, к толпам у реки. Леон случайно выпустил ее руку, и его немедленно затянуло в потеющую массу облаченных в черное тел. Он запаниковал, не в силах отличить их лица одно от другого, убежденный в своем наркотическом помрачении, что все эти мужчины — не отдельные личности, а щупальца огромного лавкрафтианского чудища. Он выбрался на поросший травой пятачок и, пытаясь отдышаться, принялся отчаянно озираться по сторонам в поисках Луизы. Она постучала его по плечу.

— Ты в порядке?

— Нет, — сказал он. — Я обкуренный и на из-

мене. Сколько я выбирался из толпы? Двадцать минут? Тридцать?

Луиза со смехом взглянула на часы:

— Минуты две, две с половиной?

Она свернула к воде, но Леон протянул руку и схватил ее.

— Не бросай меня.

Луиза обернулась с выражением, истолковать которое Леону сейчас, в его состоянии, было не под силу. Снисхождение? Сострадание? Недоумение? Все сразу?

— Неслабо тебя накрыло.

— Это моя гипервентиляция навела тебя на мысль? — выдавил он из схлопывающихся легких. — Я не могу дышать. Кажется, у меня сердечный приступ.

— Да нет у тебя никакого сердечного приступа.

— Откуда ты знаешь? Ты что, врач?

— Нет, я опытная потребительница. И я хорошо в этом разбираюсь. Я, можно сказать, эксперт по паническим атакам под марихуаной. Поверь мне, я знаю, что с этим делать. — Она взяла его руки в свои. — Ты знаешь анекдот про то, как еврей и католик попали в авиакатастрофу?

— Ты серьезно пытаешься рассказать мне сейчас анекдот?

Луиза проигнорировала его.

— Так знаешь или нет?

Леон покачал головой, пытаясь не смотреть на хасидов справа и слева от него.

— Сфокусируй взгляд на мне, — велела она.

Он кивнул, внезапно расхотев пререкаться. Ее властный голос действовал на него успокаивающе.

— Ну так вот, попали еврей и католик в авиакатастрофу.

— А что ее вызвало? — перебил Леон, воображая самолет, который падает с неба и обрушивается прямо на них; укрыться на берегу было негде, и это его беспокоило.

— Это не важно, — с легким раздражением в голосе отмахнулась Луиза. — Но я могу сказать тебе, что в этой авиакатастрофе никто не погибнет. Так легче?

Леон снова кивнул.

— Ну и вот, выбираются еврей и католик из-под обломков самолета, католик видит, как еврей крестится, и говорит: «Я рад, что ты пришел к Иисусу». Еврей спрашивает: «Ты о чем?» Католик отвечает: «Ты только что перекрестился».

Луиза выпустила руки Леона и осенила себя крестным знамением. Ему показалось, что толпа

попятилась от них, и он почувствовал на своей коже дуновение свежего воздуха. Он был совершенно уверен, что все хасиды до одного взирают на них с ужасом, но ему было так страшно, что он не отваживался повернуть голову.

— А еврей ему и отвечает: «Вот еще! Даже не думал». И снова крестится, приговаривая: «Очочки, яички, бумажник, сигара». Дошло? Очочки. — Она коснулась глаз. — Яички.

Она коснулась паха.

— Бумажник. — Она похлопала себя по левой груди. — Сигара.

И по правой.

Леон проследил глазами за движением ее пальцев. Он отметил, что на ней нет лифчика.

— Так, — сказала Луиза. — Очочки при тебе?

Леон поднял руку и ощупал свои очки.

— Да.

— Яички?

— А где же им еще быть? — с невозмутимым видом отозвался Леон.

— Бумажник?

— Угу. — Он похлопал себя по заднему левому карману.

— Ну а вместо сигары пускай у нас будут ключи.

Леон ощупал металлический стержень, впивающийся в левое бедро.

— Тут.

— А теперь повторяй за мной, — велела Луиза. — Очочки, яички, бумажник, сигара.

— Очочки, яички, бумажник, сигара, — подчинился Леон.

— Вот видишь? Теперь ты в порядке.

Он и в самом деле был в порядке. Он знал: когда его отпустит, ему будет стыдно за то, что его так накрыло, но сейчас он искренне верил, что Луизино заклинание спасло ему жизнь. Дыхание его успокоилось, ощущение осеннего воздуха в легких было упоительным.

— Ну что, — сказала Луиза, — готов свалить отсюда?

— Но как же наши грехи?

— Ну их к черту. Теперь, когда я здесь, все это кажется мне неправильным. Моя мать ненавидела этих людей. Если бы я совершила ташлих, она потом бы меня за него с потрохами съела. К тому же я хочу черно-белого печенья.

Он взял ее за руку. Она повела его за собой сквозь толпу мужчин, которые больше не казались спрутообразным чудовищем, а превратились в кучу

неопрятных неббишей[10] в дурацких шляпах. Хасиды расступались перед Луизой, чтобы ненароком ее не коснуться. Объяснение у этого фокуса было самое что ни на есть прозаическое, и все равно это казалось Леону каким-то чудом, наподобие того, как Моисей заставил расступиться Красное море[11].

— Кажется, я кое-что про тебя понял, — сказал Леон, когда они очутились в пустом туннеле под шоссе.

— Ну и что же ты понял?

— Ты ведьма из Борщового пояса[12].

Она засмеялась. Кажется, эта мысль ей понравилась.

— И что это значит?

— Ты пустила в ход магию. Отогнала злых духов и спасла меня.

— Нет. Я не дала тебе сесть на измену.

— Нет, — твердым тоном произнес он. — Ты

---

[10] Примечания: 10

Неббиш — неудачник, слабак.

[11] Примечания: 11

В ортодоксальном иудаизме мужчина не может прикасаться к женщине, которая не является его женой.

[12] Примечания: 12

Борщовый пояс, или Еврейские Альпы — разговорное название курортного района в Катскильских горах к северу от Нью-Йорка. Эти курорты были популярны среди американских евреев, иммигрантов из Восточной Европы, в 1920–1960-х годах.

сделала нечто большее. Я хочу сказать, что если твоя мама — диббук, то в твоей власти изгнать ее из твоей жизни.

— Да? — сказала Луиза. — И каким же образом?

— Не знаю, — ответил Леон. — Но я же не ведьма. Это ты ведьма.

Они были уже почти в конце туннеля. Леон плелся нога за ногу — ему не хотелось снова погружаться в повседневность. Он боялся, что она выпустит его руку и они разойдутся по своим отдельным квартиркам и своим отдельным жизням; что странная интимность этого дня развеется, как только они вновь окажутся в городе. Он притянул ее к себе и поцеловал, вспомнив тот миг всего несколько недель тому назад, когда они, обнаженные, наконец очутились в постели и их тела впервые соприкоснулись кожа к коже. Он всегда любил его больше всего — это ощущение сродни полной дезориентации, когда ныряешь в ледяное горное озеро, а потом все твои чувства медленно переориентируются на новую водную реальность.

Шумное семейство вошло в туннель позади них. Идишские слова эхом заметались между бетонными стенами, и они отпрянули друг от друга, но Луиза не выпустила его руки. По-преж-

нему держась за руки, они вынырнули в парк и как по команде заморгали, ошарашенные обрушившимся на них обычным осенним днем. Леон повернулся к Луизе и увидел, что она плачет.

— Я что-то сделал не так? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Просто, если она перестанет меня преследовать, это будет означать, что ее больше нет. Совсем нет.

— Да, — сказал Леон и с трудом подавил побуждение обнять ее и утешить, потому что она в этом нуждалась. — Тебе еще долго будет ужасно плохо.

Они нескончаемо долго молчали. Потом Луиза тыльной стороной рукава утерла глаза.

— Спасибо тебе, — произнесла она.

— За что?

— За честность. За то, что не стал говорить мне всякие благоглупости.

— Всегда пожалуйста. Обращайся, — шутливым тоном произнес Леон.

Луиза немедленно выдернула у него руку.

— Не надо так, — сказала она дрожащим голосом. — Не надо говорить такие вещи, если ты не всерьез.

— Это всего лишь расхожее выражение, — начал было оправдываться Леон, но эти слова

прозвучали неискренне даже для его ушей, потому что соль жгла его сквозь карман джинсов.

Был самый священный день в году, и они застряли где-то посередине ритуалов, которых он толком не понимал.

— Но я говорю это совершенно всерьез, — произнес он торжественным и будто чужим голосом, чувствуя вес своего обещания где-то глубоко в груди, в паху, в ногах. — Клянусь, никаких благоглупостей и эвфемизмов, насколько это будет возможно.

Луиза некоторое время внимательно смотрела на него, потом кивнула.

— О'кей, — сказала она таким тоном, как будто приняла какое-то важное решение; словно только что родилось нечто вроде обета.

— О'кей, — эхом отозвался он.

Они застенчиво улыбнулись друг другу: островок неподвижности посреди колышущегося вокруг моря хасидов.

Часть вторая
1979–1990

Розенберг-младшая
1979

Они не планировали называть Розенберг-младшую Лидией. Просто другого имени им придумать не удалось. Все казались какими-то неподходящими, и никто не хотел навязывать собственному ребенку имя, которое ему не подходило. Они ждали озарения. Все ждали, ждали и ждали.

Они принесли ее домой накануне самой сильной снежной бури за последние несколько десятилетий, и снег валил несколько дней подряд, в то время как она беспрерывно кричала. Вместо того чтобы погрузиться во временную тишину, которую снежные бури обыкновенно приносят в Нью-Йорк, весь дом не знал покоя из-за воплей малышки. Она не желала ни спать, ни брать грудь. Даже в помраченном из-за недосыпа состоянии они отдавали себе отчет в том, что эти три дня были адом не только для них самих, но и для Чангов сверху, Шапиро снизу и Доминго напротив.

— Нам удалось взбесить представителей трех

разных культур, — заметила Луиза в одну из ночей, когда на часах было четыре. — Не каждый ребенок может похвастаться таким в возрасте менее недели от роду.

Чего они только не перепробовали, пытаясь ее усыпить. Они пели все колыбельные, какие только знали. Леон исчерпал весь свой репертуар песен Пита Сигера и Вуди Гатри. Луиза исполнила всю Джоан Баэз и Джони Митчелл и даже промурлыкала несколько классических симфоний от начала до конца. Но Розенберг-младшая все вопила и вопила, а снег все падал и падал. С отчаяния они достали бутылку красного вина в надежде, что, насосавшись алкоголя с молоком матери, Розенберг-младшая наконец отрубится, но в итоге лишь оба напились.

— К черту колыбельные, — сказал Леон, в котором уже плескались три бокала вина. — Давай петь все барные песни, какие знаем. Может, у нее на колыбельные парадоксальная реакция.

Вот так и вышло, что на пятый день отцовства он в три часа ночи выплясывал по квартире, исполняя импровизированный тустеп: «Лидия, Лидия, знаете ль вы Лидию? Лидию, ту, что вся в тату?» После трех пьяных кругов по тесной комнатушке, заваленной сумками для подгузников,

бутылочками и мокрыми пеленками всех форм и размеров, малышка впервые за все время затихла, точно по мановению волшебной палочки. Но едва он прекратил петь, как она немедленно завопила снова, поэтому весь следующий час они с Луизой пели без умолку, на ходу придумывая стихи, поскольку знали только припев, пока наконец дитя не уснуло глубоким спокойным сном.

Обессиленные, они рухнули на диван. Малышка Лидия мирно сопела в своей колыбельке.

— Кажется, у нас есть имя, — произнес Леон, наматывая на палец прядь липких Луизиных волос (что это? Отрыжка? Моча? Грудное молоко?).

— Да уж, все звезды и впрямь сошлись, — отозвалась Луиза, еле ворочая языком от усталости. — Давай впишем его в чертово свидетельство о рождении и покончим с этим.

— А знаешь, — сказал Леон, — мать пела мне эту песню, когда летом мы ездили на поезде на Кони-Айленд. Одно из моих лучших воспоминаний о ней.

Он ожидал, что Луиза отпустит в ответ какую-нибудь колкость, но она уже спала. В приступе внезапной ностальгии по своей молодой матери он решил, что все равно продолжит с ней разго-

варивать.

— Я знаю, что ты считаешь ее обозленной на весь мир желчной старухой, но, когда я был маленьким, она была прекрасной мамой. Мы ездили на Кони-Айленд; у нее был такой модный ярко-красный купальник, и она часами сидела со мной рядом и строила песочные замки. А потом я спал у нее на коленях всю дорогу домой.

Луиза начала негромко похрапывать. Леон понимал, что ему тоже надо поспать, но ему нужно было еще раз взглянуть на тельце Лидии в колыбельке, чтобы убедиться, что она в самом деле спит, а не умерла. До того как она появилась на свет, он считал, что познал ужас: пережил вооруженное ограбление — во время его первой работы в социальной службе недовольный клиент гонялся за ним вокруг его же собственного стола с ножом, — а к десяти годам похоронил отца. Но теперь, светя фонариком на грудку Лидии, чтобы убедиться, что она все еще вздымается и опадает, он осознал: прежде он понятия не имел, что такое настоящий страх. Кажется, с тех пор как Лидия появилась на свет, он не сомкнул глаз. Измученная Луиза отрубалась сразу же, едва малышка задремывала, и подскакивала при первом же писке, Леон же не мог расслабиться

ни на секунду.

В свете фонарика Лидия казалась еще больше похожей на инопланетянку. Личико все еще сморщенное, как у бульдожки, кожа пропитана амниотической жидкостью, а глаза пугающе голубые. (Почему никто не сказал, что даже еврейские младенцы появляются на свет с голубыми глазами?) Она казалась ему одновременно ужасно чуждой и ужасно родной. Он решил, что спать сегодня не будет, а будет сидеть рядом с ней, внимательно прислушиваясь к ее дыханию на предмет подозрительных заминок. В теле его бушевал адреналин, готовность сражаться непонятно с кем. С волками? С грабителями? С нацистами? С пришельцами из космоса? Он знал лишь, что всего за пять дней его ДНК целиком и полностью изменилась, и теперь он — прежде всего отец.

Лидия сжимала и разжимала крохотные кулачки. Луиза храпела на диване. Обогреватель шипел и плевался. В комнате пахло паром и молоком. Вопреки собственной решимости Леон почувствовал, что его начинает клонить в сон. Пар о чем-то напоминал ему, задевал какую-то струнку в мозгу. Он на минутку прилег на другой край дивана и закрыл глаза.

«Точно, — подумал он, пристраивая голову на подлокотник, — так пахло, когда мать гладила белье».

Ему вспомнилось, как он калачиком сворачивался в корзине для белья по субботам, пока она гладила постельное, подпевая радио. Сколько ему тогда было? Три? Четыре? Пять? Она всегда жертвовала одной простыней, стаскивая белый хлопковый прямоугольник с гладильной доски и укутывая с головой его сонное тельце. «Спи, бубеле», — говорила она, и он, убаюканный запахами пара и мыла, засыпал в лучах света, просачивавшегося сквозь белый хлопок.

Радиатор зарычал. Луиза придвинулась к нему, и, хотя Леон собирался всю ночь не смыкать глаз, он уснул.

Каким-то чудом Лидия проспала всю ночь, пропустив даже кормление, и все они проснулись почти через шесть часов, когда над девственно-белым заснеженным городом вовсю светило солнце. Они еще ползали по квартире в полусне, когда в час дня снизу позвонили. Леон нажал кнопку домофона и был потрясен, когда из динамика, пробиваясь сквозь помехи, послышался трескучий голос матери. Закралось подозрение, что это он вызвал ее своими вчерашними воспо-

минаниями.

— Я пришла посмотреть на внучку! — заявила она.

Леон, как был в домашних тапочках, сбежал по пропахшей мочой лестнице, наполовину ожидая увидеть ту молодую маму, которую вспоминал, — женщину, носившую модные красные купальники и напевавшую, когда гладила. Однако вместо нее обнаружил кругленькую пожилую даму в практичных ботинках, стоящую в снежной каше в окружении увесистых сумок.

— Это что, бейглы? — спросил он, вдохнув запах лука и дрожжевого теста.

Он был так ей благодарен, что чуть не бросился обниматься, но вовремя опомнился, когда она буркнула:

— Ну, ты собираешься уже взять у меня вещи?

— Как ты до нас добралась? — спросил Леон, подхватывая сумки.

Он до сих пор не мог опомниться от неожиданности.

— Я, по-твоему, должна сидеть дома, когда до моей новорожденной внучки ехать всего-то несколько миль? — пожала она плечами.

— Но поезда же… — начал было он, но умолк.

Его почему-то не удивило, что желание баб-

бе увидеть свою первую внучку побудило ее приехать через полгорода с полными сумками бейглов. Он представил, как она, точно героиня современной версии картины Шагала, летит в развевающемся за ней шарфе над Ист-Ривер с охапкой бейглов, лосося, тончайших ломтиков лука и, хотелось бы надеяться, каперсов. Боже, только бы там были каперсы!

Когда они добрались до верхнего этажа, Луиза распахнула дверь и совершенно неожиданно для Леона бросилась его матери на шею.

— Я так рада, что вы пришли, — сказала она, хлюпая носом, к изумлению всех троих, поскольку они с матерью Леона открыто друг друга ненавидели.

София неловко обняла ее в ответ и даже в приливе нежности погладила по волосам, оставив сына дивиться тому, как дети все меняют одним своим появлением на свет.

На улице взревел снегоуборщик, и женщины вспомнили о своей антипатии. София вывернулась из объятий Луизы и сощурилась:

— Вы ели? Вы спали? Я привезла бейглы.

— Да, нет, не знаю. У меня в голове все перемешалось, — сказала Луиза, пропуская свекровь в квартиру и входя за ней.

Леон последовал за ними, нагруженный бейглами, с чувством огромного облегчения в присутствии своей невозмутимой и деловитой матери.

Луиза захлопотала, выкладывая свертки на стол в их тесной столовой, а Леон тем временем подвел мать к колыбельке, где лежала проснувшаяся Лидия, равнодушным немигающим взглядом уставившись на подвешенный к кроватке мобиль с бабочками.

— Можно мне взять ее на руки? — почти робко спросила София. — Я так давно не держала на руках малыша.

— Ну конечно, мама, садись.

Он усадил ее в уродливое зеленое кресло, которое стояло в их гостиной во Флашинге, сколько он себя помнил. Мало того, первым его воспоминанием было, как его вырвало на это самое кресло. Там на обивке, прямо под левым локтем матери, до сих пор темнело пятно. Он достал Лидию из колыбельки, с изумлением отметив, каким естественным стало для него это движение всего за шесть дней.

— Только смотри осторожней…

— Я в курсе, что младенцу нужно поддерживать головку, — рявкнула она.

«О, — подумал Леон, — ну наконец-то та холод-

ная мать, которую я знаю и люблю».

Радость, вызванная ее внезапным появлением, начала улетучиваться. Но потом София взглянула на малышку и растеклась сладкой лужицей.

— Боже, кто это у нас тут такой кнедличек, — заворковала она, заглядывая Лидии в глаза.

Леон задался вопросом, смотрела ли она когда-нибудь так на него.

— Ну, — произнесла София, немного натетешкавшись, — вы уже как-то назвали Розенберг-младшую?

Леон замялся, потом заговорил тем слегка чопорным официальным тоном, к которому всегда прибегал, когда пытался избежать конфликта с матерью.

— На всякий случай сразу предупреждаю, что мы хотели назвать ее в честь баббе, но по вполне очевидным причинам решили, что имя Этель Розенберг будет не самым лучшим подарком. И мы думали назвать ее в честь папы, но женский вариант Ленни — это Лени, а называть ее в честь нацистки было бы чересчур. Мы ждали вдохновения и вчера ночью поняли, что ее зовут Лидия.

Мать фыркнула, но на удивление добродушно: видимо, радость от появления внучки взяла верх над природной придирчивостью.

— Вы назвали ее в честь девушки с татуировкой?

— Это была единственная песня, под которую она заснула, — сказал Леон. — Мы решили, что это знак от вселенной.

— Угу, — кивнула мать. — Ха-шем[13] похлопал тебя по плечу и сказал: «Да наречется сие дитя Лидией»?

— Как знать, — пожал плечами Леон.

Но мать уже забыла про него и снова устремила взгляд на личико малышки.

— Лидия, — произнесла она. — Сейчас я расскажу тебе про твою семью. Твоего папу зовут Леон, а я твоя баббе, и я очень тебя люблю. Мою мать звали Этель, а баббе — Белла. Когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, моя мать отвезла меня в Польшу, откуда мы все родом, чтобы познакомить с моей баббе, и она держала меня на ручках, как я сейчас держу тебя.

Леон заметил, что лицо матери затуманилось, и задался вопросом, почему она не родила еще ребенка. Ей всегда хотелось девочку, осознал он внезапно, глядя на этих двоих. Ей всегда хотелось дочку, с которой она могла бы чувствовать такую

---

[13] Примечания: 13

Ха-шем (*букв.* Имя) — эвфемистическое именование Бога в иудаизме, используемое вне молитвы или религиозной службы.

же сильную связь, какая была у нее с ее собственной матерью, а у той — с бабушкой, и так далее, и так далее, и так далее. Ему представились все эти одинокие женщины, крепко держащиеся друг за друга, бесконечная их череда, тянущаяся через годы и через океан, и он с трудом удержался, чтобы не выхватить Лидию у нее из рук.

— Бранч готов! — провозгласила Луиза, оторвав его от этих мыслей.

София неохотно вернула малышку Леону, а тот передал ее Луизе, которая попыталась дать ей грудь, не прекращая жевать бейгл. На голову Лидии сыпались крошки, и Леон изо всех сил старался этого не замечать. Обыкновенно хаос, который Луиза приносила с собой повсюду, не задевал его; сейчас же при виде того, как этот хаос в самом буквальном смысле обрушивался на голову дочери, его накрыло беспокойством. Он с трудом удержался, чтобы не начать собирать крошки с лысой головенки Лидии.

— Не бейглы, а настоящее объедение, — с набитым ртом произнесла Луиза. — Надо наслаждаться ими, пока можно. Где мы возьмем такие, когда переедем за город?

— И когда? — переспросила София, отставляя в сторону чашку с кофе.

— Ничего еще не решено, — поспешно произнес Леон, надеясь, что Луиза поймет намек и не станет развивать тему, но та была полностью поглощена своим бейглом. — Ма, мы пока просто подумываем в эту сторону.

— Нет, мы не просто подумываем в эту сторону, — возразила Луиза, не замечая ошеломленного лица свекрови. — Мы уже съездили на место и все посмотрели. Одни наши друзья покупают участок на севере, в часе езды отсюда, и хотят, чтобы мы купили дом по соседству. Там будут лошади и пруд, а еще мы сможем переоборудовать старый амбар под музыкальную школу. Будем сами выращивать овощи и фрукты. Летом Лидия будет бегать босиком и собирать ягоды, вместо того чтобы обходить собачье дерьмо на улицах, не имея ни малейшего представления о том, откуда берется морковка.

— И что радости в том, чтобы знать, откуда берется морковка? — поинтересовалась София, отодвигая тарелку. — Мы на протяжении многих столетий были заперты в штетле[14] и пахали, как проклятые, чтобы прокормиться. Переезд в этот город — лучшее, что с нами случилось, а

[14] Примечания: 14

Штетл (*букв.* городок) — еврейское местечко, небольшое поселение с преобладавшим еврейским населением в Восточной Европе.

теперь ваше поколение помешалось на огородничестве. Знаешь, что может быть лучше, чем самим выращивать фрукты и овощи? Покупать их в супермаркете!

Луиза, все это время упоенно поглощавшая бейгл и пребывавшая в тумане кормления, наконец очнулась и заметила, что свекровь расстроена.

«Пожалуйста, — мысленно взмолился Леон, телепатически обращаясь к Луизе. — Не затевай с ней сейчас ругань».

В кои-то веки Луиза промолчала.

— Да, кстати, о помешательстве, — заметила мать, распаляя себя. — Что это за имя для еврейского ребенка — Лидия? Что, пока вы стояли в очереди в отдел раздачи имен, все еврейские уже разобрали?

Луиза вскинула брови, глядя на Леона, как будто хотела сказать: «Ну началось!»

Мать перевела дух и пошла в атаку.

— Может, в отделе раздачи имен вам сказали: «Ну что же вы так долго спали? Тут только что побывали Беттельманы и забрали последнюю Лию. Но ничего, у нас сегодня скидка на Лидию». С таким именем ваша дочь гарантированно сбежит с цирком. Это же мечта каждого родителя! Не имя, а сказка! Лидия, Лидия, та, что вся в тату!

Последнее предложение она произнесла нараспев.

Леон положил ладонь на руку Софии. Он чувствовал исходившую от нее волнами ярость, смешанную с разочарованием и горечью.

— Мама, — произнес он мягко. — Даже если мы и переедем, ты будешь постоянно нас навещать. Я буду заезжать за тобой после работы и привозить к нам на выходные. А мы будем навещать тебя в Квинсе. Ты не станешь реже ее видеть, честное слово.

Мать отвернулась, и Леон с ужасом понял, что она пытается не расплакаться.

— Ладно, мне пора домой. Я сюда-то ехала несколько часов. Кто знает, сколько времени у меня уйдет, чтобы по такой погоде добраться обратно в Квинс?

— Мама, пожалуйста, — взмолился Леон, когда она поднялась, чтобы взять шляпку, перчатки и шарф.

Даже Луиза присоединилась к нему:

— София, пожалуйста, не уходите.

Но та уже хлопнула дверью, и до них донеслись ее грузные шаги по лестнице. Лидия тут же завопила, и стало смеркаться, и снег утратил свою первозданную искристую белизну и, казалось,

стал наваливаться на них. Когда Леон зажег свет, тот лишь подчеркнул убожество их квартирки.

— Ну зачем тебе понадобилось поднимать эту тему? — спросил Леон Луизу, когда та стояла у раковины, перемывая посуду после бранча. — Зачем понадобилось упоминать, что мы переезжаем?

— Я не знала, что это секрет, — отозвалась Луиза, выключая воду и утирая руки застиранным кухонным полотенцем в подсолнухах.

— Это не секрет. Я просто не говорил ей, потому что ждал подходящего момента, чтобы она не обиделась и не распсиховалась. Ну почему ты вечно с ней конфликтуешь?

Прежде чем Луиза успела ответить, он развернулся, ушел в тесную гостиную и, встав у окна, стал смотреть на заснеженную улицу. Луиза подошла к нему сзади, и он приготовился к ссоре, но вместо этого она молча обняла его, обвив влажными руками его живот.

— Милый, — произнесла она, уткнувшись ему в плечо. — Подходящего момента не будет никогда. Что бы ты ни сделал, она все равно обидится и распсихуется. Она всегда будет разочаровывать тебя, а ты — ее.

Леон сжал ее руку и вывернулся из объятий, борясь с подступающими слезами. Когда он на

нее не смотрел, было легче. Он уткнулся лбом в холодное стекло и, как в детстве, почувствовал подступающее одиночество, грозящее поглотить его с головой.

— Просто… — Он попытался взять себя в руки. — Просто я всегда думаю, может быть, на этот раз все будет по-другому. Я смотрю на нее и вижу проблески той женщины, которой она была когда-то. Я не понимаю, какого рожна мне по-прежнему так важно одобрение матери. Я взрослый мужчина.

— Если будешь и дальше так говорить, у тебя заберут лицензию психотерапевта. — Луиза достала из колыбельки плачущую малышку.

Леон обернулся и, сокрушенно ей улыбнувшись, потянулся за Лидией.

— Ты всегда будешь для нее никудышным сыном, — сказала Луиза, передавая ему малышку. — Она никогда не будет тобой довольна. Если бы не это, она прицепилась бы к чему-нибудь другому. Но во всем этом есть один большой плюс: у нас с тобой будет шанс испортить психику нашей дочери без посторонней помощи!

Леон рассмеялся, но его смех прозвучал как рыдание. «Ну почему я не могу позволить себе заплакать на глазах у собственной жены?» Но

он просто не мог, и все. Он снова отвернулся и приник лбом к стеклу, закрыв глаза и прижимая Лидию к груди. Мать никак не желала отпускать его, тянула к себе, ослепляла его. «Отпусти меня!» — заорал он на нее в своей голове. А потом представил, как перепиливает толстые пеньковые канаты, освобождаясь от матери и от той одинокой пустой квартиры, о которой по-прежнему думал как о доме. Он пилил и пилил, и, когда канат наконец лопнул, весь Квинс целиком поплыл прочь, а мать становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла вдали.

— Я хочу переехать, — сказал он. — Я хочу начать все с чистого листа. Я хочу построить настоящий дом.

Он представил их троих в том старом сельском доме с ветхими половичками, камином и, может, даже собакой.

— Хорошо, — сказала Луиза. — Я позвоню Шефтелям.

Она вышла из комнаты, и Лидия завопила еще громче. Леон крепко прижал ее к груди, вдохнул запах младенческой макушки и впервые за десять лет позволил себе заплакать.

Послеродовая соната
1979

Все должно было быть совершенно не так. Она не должна была весь день сидеть в глуши наедине с вопящим младенцем.

Каждое утро было сизифовым повторением тех же неблагодарных дел, что и накануне. Нужно было менять те же подгузники, мыть ту же посуду, думать те же мысли. Из крана капало столько же раз в минуту (двенадцать, она подсчитала), а холодильник тарахтел и гудел в сумбурном ритме, который ей так и не удалось уловить. И дождь, этот нескончаемый мерзкий дождь.

Когда они строили планы переехать за город, Жанин и Дэн Шефтели собирались купить лошадиную ферму неподалеку, и Жанин с Луизой хотели переоборудовать амбар под музыкальную студию. Луиза воображала, как они вдвоем будут варить в огромных тазах яблочное пюре из собственных яблок и музицировать на верхнем этаже амбара — и пылинки будут танцевать в лучах солнца, льющихся из окон на струнные инструменты, а их отпрыски в это время будут

босиком играть на зеленой лужайке.

«Бредовые хипповские фантазии», — подумала Луиза, глядя на голый двор.

Луиза с Леоном подписали договор о покупке дома, когда зима была уже на последнем издыхании, в агрессивно солнечный день, который делал все вокруг чистым и полным надежды, таким непохожим на манхэттенское месиво из снега и отбросов, ждавшее их в городе. В тот вечер они пригласили Шефтелей к себе, чтобы отпраздновать. Пока Луиза пыталась одновременно закидывать себе в рот тайскую еду и кормить голодную Лидию, Жанин призналась:

— Мы решили, что не хотим уезжать из города.

Луиза с Леоном уставились на них, как громом пораженные.

— Но у нас же был план! — возмутилась Луиза.

Жанин избегала смотреть ей в глаза.

— Я просто не хочу жить слишком далеко от пад-тая, — сказала она, пристроив картонную коробочку с едой на своем семимесячном животе и жестикулируя палочками.

В ту ночь, уже лежа в постели, Луиза с Леоном смотрели в потолок.

— Думаешь, мы сделали ошибку? — спросила Луиза.

— Нет, — отозвался Леон. — Вспомни про камин, деревянные полы и большой двор! Мы будем сами выращивать овощи. Ты можешь открыть музыкальную школу и без Жанин. Они нам не нужны.

Луиза кивнула и засунула холодные ноги под колени Леона, представляя, как будет греть их перед камином.

Но все пошло совершенно не по плану. Едва они переехали, как полил дождь. Он лил и лил дни напролет в каких-то библейских масштабах, а две ее любимые радиостанции беспрерывно вели сборы средств. Порой Луизе становилось так одиноко, что она делала пожертвование только ради того, чтобы услышать человеческий голос, в результате чего у нее образовалась компрометирующая коллекция полотняных сумок с логотипами радиостанций; она прятала их в шкафу на втором этаже.

Она смотрела в залитое дождем окно и пыталась вспомнить, какое сегодня число, но у нее не получалось. Дни слились в одну сплошную неразличимую круговерть. Она знала лишь, что сегодня вторник, зависший где-то посреди нескончаемой дождливой весны. Единственное, что отличало сегодняшний день от вчерашнего

и позавчерашнего, это что ей с утра не удалось выкроить свои десять минут уединения в душе перед тем, как Леон ушел на работу. Он эгоистично засел в туалете с «Нью-Йорк таймс», а потом оказалось, что он опаздывает, так что малышка беспрерывно висела на ее липком теле с шести утра.

«Жанин должна была сейчас быть здесь, — билась в голове мысль. — Жанин должна была сказать: „Давай я ненадолго возьму малышку на себя“».

Тогда Луиза смогла бы наконец принять этот чертов душ, и подремать, и вспомнить, что она любит своего ребенка. Потому что сейчас она вовсе не была так уж в этом уверена. Откровенно говоря, сейчас она была уверена совершенно в противоположном.

Забеременев, она поначалу чувствовала себя так, будто нашла экзистенциальную лазейку и способ обмануть вселенную; будто в жизненной «Монополии» ей выпала карточка «Выйти из тюрьмы», высвобождающая ее из оков неизбывного одиночества, базовой опции человеческого существования. Иногда, стоя в очереди к кассе или лежа в постели, не в силах заснуть, она прикасалась к своему все еще плоскому пока животу

и испытывала всепоглощающее чувство умиротворения, утешительной двуединости.

Но потом, в последние месяцы, когда живот стал огромным, у нее появилось ощущение, что внутри самовольно поселился чужой, паразит, задавшийся целью разрушить всю ту жизнь, которую она с таким трудом для себя построила. В декабре запястья у Луизы так отекли, что она не могла больше играть на виолончели. Ночи она проводила в перемещениях между кухней и спальней, чередуя попытки уснуть, несмотря на яростно пинающегося в утробе младенца, с погружением опухших рук в холодную воду. Ей больше не казалось, что у нее есть тайный компаньон — наоборот, она чувствовала себя одинокой, как никогда в жизни.

— А вдруг я никогда больше не смогу играть? — шептала она вслух, стоя в их кишевшей тараканами крохотной кухоньке.

Хотя всю свою юность она мечтала спалить виолончель к чертовой матери, теперь, когда нерожденное существо отбирало у нее возможность играть, ее одолевала всепоглощающая ярость.

— А вдруг я буду всю жизнь ненавидеть его за это? — спрашивала она у пустой кухни, потому

что не могла спросить у Леона, который стал бы делать вид, что она его не разочаровала.

А потом были неудавшиеся домашние роды, за которыми последовали несколько чудовищных, пропитанных лизолом дней в больнице, а за ними потянулись бесконечные подгузники и недели без сна. И вот теперь, когда она уже стала понемногу приспосабливаться и у нее даже появились силы на то, чтобы достать виолончель из шкафа, у Лидии начали резаться зубы, она вопила без перерыва, и все мысли Луизы были исключительно о лестнице.

В первую неделю после переезда, когда Луиза несла в одной руке плачущую Лидию, а в другой корзину с грязным бельем, она поскользнулась на продавленной ступеньке лестницы, ведущей в подвал, и с размаху шлепнулась на задницу, а корзина проехалась по ступенькам и с грохотом приземлилась на цементный пол внизу. Луиза долго сидела на ступеньке, прижимая Лидию к груди и стараясь не представлять, как Лидия кувырком катится вниз, точно корзина с бельем, и разбивает голову о цемент.

Тогда она очень осторожно встала со ступеньки, поднялась на второй этаж, в спальню, и долго кормила Лидию, негромко мурлыча ей какую-то

песенку под аккомпанемент дождя за окном.

«Да и хрен с ней, с виолончелью, — думала она, низко опустив голову и вдыхая запах скисшего молока, исходивший из многочисленных складочек под пухлым подбородком Лидии. — Все равно я никогда не была так уж хороша».

Вместо того чтобы чувствовать себя в тюрьме, она ощущала, что они вдвоем надежно укрыты от всего мира в чреве корабля, который легонько покачивается на волнах.

Но со временем, когда Лидия не желала засыпать или расцарапывала Луизе грудь своими острыми ноготками, или когда соски у Луизы трескались от беспрерывного кормления, она начала представлять, как Лидия кувырком катится по лестнице, с таким яростным упоением, что это приводило ее в ужас.

«Если Лидия раскроит себе череп о цементный пол в подвале, — думала Луиза в своем помраченном от недосыпа состоянии, — нам придется переехать обратно в город».

Они же не смогут жить в доме, где погиб их ребенок. Если Лидия упадет, соскользнет, скатится, слетит с лестницы, Луиза снова окажется в шаговой доступности от пад-тая. Ее дни, ее ночи, ее тело, ее карьера вновь будут принадлежать

только ей. Все будет так, как будто они никогда не принимали решения обзавестись ребенком.

Луиза взглянула на часы — было два часа дня, через три часа она сможет принять душ. Лидия начала вопить, и Луиза, вздохнув, устроилась с ней на диване, задрала заляпанную футболку и дала ей грудь. Первые несколько минут Лидия сосредоточенно сосала, покряхтывая от удовольствия, и Луиза откинула голову на спинку дивана, умиротворенная ритмичными движениями губ малышки. Когда она уже начинала задремывать, ее сосок вдруг пронзила резкая боль.

— Твою мать! — взвизгнула Луиза.

Лидия висела на ней, как дикий зверек, впившись своим единственным зубом в плоть Луизы. Она засунула указательный палец в рот малышки, раздвигая челюсти, и посмотрела в сморщенное, покрасневшее от возмущения личико.

Из ранки в ареоле текла кровь. Руки у Луизы затряслись от ярости. Лидия снова завопила — этот пронзительный звук, казалось, проникал Луизе прямо в мозг.

Все, чего ей хотелось, — это тишины. Несколько минут тишины. Она продолжала представлять, как несет вопящую, брыкающуюся малышку к лестнице и швыряет ее вниз, на цементный пол,

и та летит, описывая плавную дугу, безупречную параболу. Влажный хруст, с которым голова Лидии расплющивалась о цемент, снова и снова взрывал ее мозг, наполняя ее попеременно то ужасом, то наслаждением. Шмяк-ттрр-ттрр-кап-жжжж, «чтобы сделать пожертвование, позвоните по номеру двести двенадцать три семь шесть девять шесть девять два». 96-шмяк-92-жжжж-ттрр-ттрр-кап-кап-212.

Сосок наливался пульсирующей болью. Не доверяя себе, Луиза трясущимися руками запихнула Лидию в детское креслице и довольно грубо пристегнула ее. Ей немедленно стало стыдно за себя, но тут Лидия потянулась, пухлыми пальчиками ухватила Луизу за искусанный сосок и дернула.

— Да чтоб тебя! — заорала Луиза, отстраняясь от малышки.

«Со всем этим можно покончить буквально в два счета, — промелькнула в голове мысль. — Сколько там ступенек на лестнице, которая ведет в подвал, — пять, десять? На все уйдет секунды две, от силы три».

Она посмотрела на свои стиснутые кулаки и попыталась продышаться, но Лидия все вопила и вопила, из крана все капало и капало, а холо-

дильник все тарахтел и тарахтел. Собственные руки казались чужими. Лестница в подвал манила к себе.

«Черт, — подумала Луиза, — а вдруг я на самом деле хочу это сделать?»

Она уселась на пол, на свои предательские, опасные руки, а Лидия над ней все дрыгала и дрыгала ножками. Луиза представила, как эти ножки станут неподвижными.

«Так, ладно. Я знаю, как решить эту проблему. Я вообще очень изобретательная. — Она улеглась на спину и уставилась в потолок старого загородного дома. — Можно просто каждый день баррикадировать чем-нибудь дверь в подвал, когда Леон уходит на работу, а потом разбирать все обратно перед его приходом. Можно это делать, пока малышка спит. Вот только она ни хрена не спит. Бедный Леон, женился на чудовище. Бедная Лидия, ее мать — чудовище. Бедная Луиза-чудовище».

Она невыносимо устала. Дрыг-аааа-тррр-жжжж-кап-чтобы-сделать-пожертвование-позвоните-по-номеру-тррр-жжжж-9692.

«Я съезжаю с катушек, — подумала Луиза, глядя снизу на пухлые пальчики Лидии. — Нужно подняться и забаррикадировать эту чертову дверь.

Принести из столовой стулья и поставить их один на другой перед дверью, а сверху взгромоздить кухонную табуретку, а перед приходом Леона разобрать. И никаких проблем».

Но усталость, пригвождавшая ее тело к полу, была настолько осязаемой, что имела собственный цвет: синий, ореолом окружавший ее руки и ноги.

«Или, — подумала Луиза, — я могу просто уйти».

В ту ночь, когда они назвали Лидию Лидией, Луиза прошептала, уткнувшись в головенку малышки: «Я готова убивать за тебя, Лидия. Мне не страшны ни волки, ни драконы, ни великаны. Твоя мама ест чудовищ на обед». Тогда она впервые произнесла вслух имя дочери и назвала себя матерью, и то и другое показалось ей каким-то очень глубинно правильным. «Все будет в порядке», — с изумлением сказала она Леону.

Но все было не в порядке. Она была не в порядке. Она была волком. Драконом. Великаном. Чудовищем.

— Тебе будет лучше без меня, — решительным тоном сказала она подошвам Лидии. — Ты заслуживаешь лучшего.

Ей представилось, как она смотрит из иллюми-

натора самолета на их дом, который все больше и больше удаляется, пока Лидия не превращается в неразличимую глазом песчинку.

«Я смогу быть свободна», — подумала она, и ее затопило огромное облегчение, а следом за ним горе, от которого она дрогнула.

Ей вспомнилось, как в первый месяц после родов они с Лидией даже пахли одинаково. Они обе пахли молоком, потом и, наверное, амниотической жидкостью.

— Даже мои подмышки пахнут ею. Серьезно, понюхай мою подмышку, а потом ее макушку. Они пахнут совершенно одинаково! — снова и снова удивлялась она вслух, обращаясь к Леону.

Ей вспомнилось, как крохотные, все еще почти прозрачные пальчики Лидии сомкнулись вокруг ее собственного пальца всего через несколько мгновений после того, как она появилась на свет. Ей вспомнилось, как сосредоточенно хмурились ее бровки, когда она сосала, как молоко тонкой струйкой вытекало у нее изо рта, как судорожно вскидывались во сне ее ручонки, словно она дирижировала незримым оркестром. Луиза посмотрела на дергающиеся пятки Лидии.

«Но, если я уйду, не уничтожит ли ее это? — (Ареола Луизы наливалась болью. Из крана

капало. Лестница манила.) — Я не нужна Лидии. Я всего лишь совокупность связанных между собой частей тела. Грудь с ногами и руками. Меня можно заменить. Нужно уходить сейчас, пока это еще не так сложно. Леон найдет себе кого-нибудь получше».

Решение было принято, и Луиза испытала прилив энергии. Она вытащила Лидию из детского креслица и так быстро, как только могла, двинулась по застеленной ветхим ковролином лестнице на второй этаж, в детскую, где уложила по-прежнему заходившуюся в крике малышку в колыбельку. Закрыв за собой дверь, она напихала в уши бумажных носовых платков, что приглушило вопли. Затем она направилась к себе в комнату и принялась методично собирать чемодан, укладывая в него все то, что не носила с добеременных времен. После этого она стащила грязную, в пятнах детской отрыжки кофту и джинсы, швырнула их в корзину для белье и наконец, наконец-то, забралась в душ.

Когда час спустя Леон пришел домой, Луиза ждала его, сидя очень прямо на диване в гостиной в плаще с поясом и в высоких сапогах. Наверху по-прежнему заходилась плачем Лидия, но это теперь была не ее проблема.

Леон ворвался в комнату.

— Я дома! — крикнул он — и остановился как вкопанный при виде Луизы.

— Рада, что ты смог к нам присоединиться, Леон, — сказала Луиза.

Чем омерзительнее она будет себя вести, тем легче будет им обоим.

— Почему ты на меня сердишься? Сейчас всего пятнадцать минут шестого. Я ушел с работы пораньше. И почему кричит Лидия? — спросил Леон.

— Я на тебя не сержусь. — Луиза говорила ровным прозаическим тоном, как будто зачитывала прогноз погоды. — Я искренне рада, что ты дома, потому что Лидию нужно успокоить, а я намерена вызвать такси и отправиться в аэропорт.

— Что это? — Леон указал на ее багаж.

— Мой чемодан.

— Зачем тебе понадобился чемодан?

— Я же тебе сказала, я еду в аэропорт. Я уезжаю.

— Уезжаешь? В смысле в отпуск? Я ничего не понимаю. Что происходит?

— Все просто. Я плохая мать. Неважная жена. Вам с Лидией без меня будет лучше.

Леон молча уставился на нее. Луиза ненави-

дела, когда он смотрел на нее с таким видом, как будто она дикое животное, а он пытается сообразить, как ее приручить. Она видела, что он обдумывает, как лучше себя повести. То ли накричать на нее, то ли действовать хладнокровно и расчетливо, то ли ответить ей будничным тоном, словно они обсуждают список покупок.

Леон выбрал список покупок.

— И куда же ты собралась? — спросил он небрежно, но она заметила, что он жует нижнюю губу, как делал всегда, когда бывал чем-то обеспокоен.

— Не пытайся мной манипулировать, Леон.

— А что я, по-твоему, должен делать, Луиза? Ты только что сообщила мне, совершенно на ровном месте, что уходишь от меня и нашей четырехмесячной дочери. Как я, по-твоему, должен реагировать?

Вот тебе и список покупок.

— Я не собираюсь с тобой ругаться. Лидии без меня будет лучше.

— Что же делает тебя настолько ужасной по сравнению со всеми остальными матерями мира?

Она хотела рассказать про лестницу, но побоялась, что он будет смотреть на нее с этим своим

ужасным разочарованием во взгляде или, хуже того, с подозрением, как тогда на того мужчину на Восемьдесят Первой улице, который принялся кашлять, как туберкулезник, прямо в лицо недельной Лидии.

Вместо этого она сказала:

— Хотя бы то, что Лидия надрывается наверху уже два часа.

— Моя мать оставляла меня в колыбельке, а сама шла в магазин, так что придумай что-нибудь поубедительнее.

— Ну, быть лучшей матерью, чем София Розенберг, дело нехитрое, Леон. Вам с Лидией было бы лучше с кем-нибудь любящим и нормальным, вроде Шошанны Тейтельбаум.

Леон грузно опустился на замызганный диван напротив и обхватил голову руками. Луиза хотела встать и вызвать такси, но не смогла себя заставить.

— Послушай… — сказал Леон, взяв себя в руки. — Давай я позвоню Жанин, и ты сначала поговоришь с ней. На такую уступку мне ты можешь пойти? Всего один телефонный звонок?

Луиза молча смотрела на него.

— Ах да. Она же предательница. А что ты скажешь про Пола?

— Я трижды пыталась до него дозвониться, а он мне так и не перезвонил.

Пол, ее лучший друг еще со времен колледжа, практически забросил ее с тех пор, как начал встречаться с Аланом, а она «приняла сомнительное решение обзавестись потомством».

— Ясно. — Леон потер глаза ладонями. — Тогда, может, Барри?

При упоминании имени Барри Луиза почувствовала, что ее решимость начинает давать трещину. Барри был единственным человеком в мире, который не осудил бы ее, поскольку (по его же собственному признанию) «обожал извлекать залежи окаменелого дерьма из недр человеческого разума».

— Он твой наставник, а не мой, — вяло запротестовала Луиза, но Леон уже понимал, что победил.

— Ой, перестань. Ты нравишься ему куда больше, чем я. Он сам мне так сказал. Я, по всей видимости, слишком примитивный. Посиди тут, пожалуйста, пару минут, пока я буду ему звонить. Можешь даже, если хочешь, вызвать такси. А пока будешь ждать, поговори с Барри.

— Если ты дозвонишься Барри и он будет достаточно трезв для беседы, то я, так и быть, поговорю

с ним несколько минут, — уступила Луиза. — Только, пожалуйста, не мог бы ты взять Лидию и уйти с ней куда-нибудь подальше от меня? Я ни секунды больше не могу слушать ее вопли.

— Ладно, — согласился Леон и пошел наверх, где были детская и телефон.

Луиза сидела и смотрела на продавленный коричневый диван, слушая, как Леон наверху что-то бормочет.

— Луиза! — крикнул он из спальни. — Барри хочет с тобой поговорить.

Она поднялась наверх и взяла у Леона трубку, избегая смотреть на Лидию, которая, как обычно, умолкла, едва Леон взял ее на руки.

— Не буду тебе мешать, — сказал Леон.

— Привет, Барри, — пискнула Луиза в трубку тоненьким, как у маленькой девочки, голосом.

В трубке фоном слышались уютные звуки его дома: в соседней комнате играл Боб Дилан, кто-то наливал вино, собака цокала когтями по дощатому полу.

— Привет, малышка, — сказал Барри. — До меня дошли слухи, что ты самая ужасная мать в истории человечества.

Луиза пожала плечами.

— Я не могу услышать по телефону, как ты по-

жимаешь плечами, Луиза.

— Ой, Барри, брось, ни для кого не секрет, что у меня отсутствует материнский инстинкт. Я не создана для этого, и, думаю, лучше мне уйти, пока я не причинила еще больший вред.

— И что же делает тебя такой уж исключительно ужасной? Я сорок лет работаю психотерапевтом и могу с полной уверенностью сказать, что все женщины считают себя ужасными матерями.

— Правда? — осведомилась она. — И что, каждая мать весь день напролет фантазирует, как скидывает своего ребенка с лестницы? Я практически слышу хруст, с которым раскалывается ее череп, Барри. Я наслаждаюсь этим хрустом.

— С лестницы, говоришь? — переспросил Барри невозмутимо.

— Ты меня не слушаешь! — заорала Луиза. — Говорю тебе, я опасна!

— Мириам! — крикнул Барри в соседнюю комнату. — Каким кровожадным фантазиям ты предавалась, когда наши дети были младенцами?

Мириам в ответ закричала что-то неразборчивое: их брак зиждился на перекрикивании друг с другом на полной громкости из разных комнат.

— Так, значит, огонь, контактный рельс, Кандинский? — проорал он в ответ.

— Нет! Поллок! — поправила его Мириам и взяла дополнительную трубку. — Луиза, золотко, когда Рейчел была в возрасте Лидии, я раздумывала над тем, как бы так мне якобы случайно перевернуть ее коляску в метро, чтобы она приземлилась на контактный рельс на путях. А когда Ной был маленьким — у меня тогда была пустая стена, которую я никак не задекорировала, — так вот, когда он начинал орать, я представляла, как шваркаю его о стену, так что брызги разлетаются в разные стороны, ну, знаешь, как на картинах Джексона Поллока. Или вот, как же ее звали? Джоанна, из моей старой писательской группы. Когда ее дочка Дейзи была совсем малышкой, она сидела перед камином и думала: «Если я сейчас брошу ее в огонь, она сгорит и никто никогда не узнает, что у меня вообще был ребенок». А теперь Дейзи идет в Йель, и Джоанна уже всем уши об этом прожужжала.

Луиза рассмеялась — впервые, кажется, за несколько месяцев. В ее душе шевельнулась смутная надежда, а вместе с ней и точно такой же страх: если она не чудовище, ей придется остаться.

— Но я так и не сбросила Рейчел под поезд и так и не шваркнула Ноя об стену, а малышка Дейзи, как мы все знаем, теперь в Лиге плюща.

— Да, но ты-то прекрасная мать, — возразила Луиза.

Дети Мириам очень тепло к ней относились, звонили ей спросить совета и добровольно приезжали домой на семейные торжества.

— Я достаточно хорошая мать, и у меня были такие мысли. Ты тоже достаточно хорошая мать.

— С чего ты взяла, что я достаточно хорошая мать? — парировала Луиза. — А вдруг я окажусь одной из тех, кто на самом деле все это делает?

— Потому что ты не уникальна, — послышался в трубке голос Барри (Луиза была поражена, как он умудрился так долго сдерживаться). — И я говорю это тебе с большой любовью: ты ни хрена не уникальна. Ты — не единственная в своем роде. Ты не единственная в своем роде виолончелистка. Мне нравится твое суфле, но оно — не единственное в своем роде. Ты остроумная, но ты не Ленни Брюс[15]. Добро пожаловать в жизнь нормальных людей. Ты любишь своего ребенка, ты ненавидишь своего ребенка, ты любишь

[15] Примечания: 15

Ленни Брюс (1925–1966) — культовый американский стендап-комик, критик и сатирик еврейского происхождения.

своего ребенка, ты ненавидишь своего ребенка, но в конечном итоге ты любишь своего ребенка больше, чем ты его ненавидишь.

Луиза легла на кровать и судорожно и протяжно вздохнула. Она никогда не думала, что мысль о собственной посредственности окажется настолько утешительной.

— Возьми няню, Луиза, — посоветовала Мириам. — Достань из ведра «Пеннисейвер», просмотри его и найми няню. Она будет сидеть с малышкой, а ты сможешь ездить в город и репетировать со своим квартетом. Тебе нужна работа. Кажется, твое поколение уже должно было все это себе уяснить, а ты сидишь в пригороде, как домохозяйка.

Луиза почувствовала, как ужас потихоньку отступает перед мыслью о возможности пройтись пешком по Бродвею в чистой блузке, катя за собой виолончель, а вечером приехать домой к ужину, приготовленному не ею, и к спящему ребенку, которого ей не пришлось укачивать до тех пор, пока ее почти пришедшие в норму запястья снова не начали опухать.

— Я завтра заеду, — пообещала Мириам. — И мы с тобой вместе просмотрим объявления, ладно?

— Ладно, — снова пискнула Луиза голосом

маленькой девочки, а потом, к собственному смущению, расплакалась.

Лидия в соседней комнате тоже начала плакать, и из груди у Луизы немедленно потекло молоко.

— Я хочу к маме, — сказала Луиза и залилась слезами и молоком еще сильнее.

— Нет, не хочешь, — заявил Барри. — Твоя мать была ужасной. Она и есть тот голос в твоей голове, который говорит тебе, что…

— Заткнись, Барри, — оборвала его Мириам, и Барри милосердно послушался. — Все хотят к маме, когда у них появляется младенец. Пусть даже ради того, чтобы испытать к ней ненависть.

— Я хочу к маме, а еще в душ, надолго, и чтобы никто не дергал меня из-за двери.

— Душ мы тебе сейчас организуем, — сказала Мириам. — Дай-ка мне сюда Леона. Надеюсь, ты никуда не сбежишь хотя бы до моего завтрашнего приезда?

— Нет, — тихо произнесла Луиза, потом крикнула Леону, чтобы подошел.

Он появился в комнате подозрительно быстро.

— Ты что, подслушивал?

— Может быть, самую капельку. — Вид у него был виноватый. — Значит, ты остаешься?

— Если мы наймем няню, а ты починишь этот чертов кран. — Она протянула Леону трубку. — Мириам хочет с тобой поговорить.

— Ладно, — сказал Леон, пытаясь отдать малышку Луизе.

— Нетушки, — сказала она, увернувшись. — Сегодня ее пасешь ты.

Преходящее
1988

Лидия по кругу гоняла в голове свои обычные фантазии, но ни одна не помогала заснуть. В самой любимой она гуляла на школьном дворе, обходя его по краю, и натыкалась на какой-нибудь магический знак, который говорил ей о том, что она создана для лучшего: руну, спрятанную в дупле дерева, или бородатого старика, который оказывался волшебником, или зашифрованное послание, выложенное самыми обыкновенными с виду камешками. И тогда она понимала — то, чего она ждала всю свою жизнь, наконец-то произошло: ей открылось ее магическое предназначение.

Но сегодня, представляя себя гуляющей по палой листве за зданием начальной школы, она не могла сосредоточиться на тайных знаках. Даже в ее собственном воображении ее лучшая подружка Джози тусовалась у лазилок с популярными девочками из класса вместо того, чтобы бродить с ней.

— Мы уже слишком большие для малышовых

игр, — сказала она Лидии на прошлой неделе. — И потом, теперь у меня есть парень.

С прошлой пятницы парни были у всех четвероклассниц, кроме Лидии. А у всех четвероклассников, кроме Винсента по прозвищу Сморчок, были девушки. С прошлой недели по молчаливому уговору Лидия с Винсентом по прозвищу Сморчок старались на перемене разойтись по разным концам двора. Она в своем конце играла в «малышовые игры», в то время как Винсент по прозвищу Сморчок пытался поджечь покрытие на площадке при помощи увеличительного стекла. А в середине, держась за руки, парочками дефилировали остальные четвероклассники, точно в каком-то историческом телефильме.

Лидия устремила взгляд за окно, где сквозь ветви сосен виднелись звезды. Она чувствовала себя обязанной загадать желание, хотя желания ее нервировали. Разве все сказки не были, по сути, одним пространным предостережением о том, куда могут завести неосторожные желания? К примеру, если она загадает, чтобы Джози снова играла с ней на переменках, ее желание может исполниться самым кошмарным образом: Винсенту по прозвищу Сморчок наконец-то удастся поджечь покрытие, все остальные четве-

роклассники, кроме них с Джози, превратятся в угольки, и тогда у Джози не будет выбора, кроме как играть с ней. Или, допустим, если она загадает, чтобы в ее жизни никогда не было того позорного дня, когда она описалась на перемене, потому что побоялась попроситься у миссис Ван Бриндл в туалет, то Всемогущие Силы могут сделать что-нибудь ужасное с миссис Ван Бриндл из прошлого — ну, например, ее разорвет свора бродячих собак. И тогда Лидия станет убийцей.

Звезды нетерпеливо смотрели на нее, и она, собравшись с мужеством, приготовилась к изобретенному ею ритуалу загадывания желания.

«Старт, — произнесла она про себя, а потом добавила: — Дорогие Всемогущие Силы, Которые Исполняют Желания, пожалуйста, сделайте так, чтобы то, чего я на самом деле хочу, исполнилось таким образом, чтобы никто из-за этого не пострадал. Стоп».

Но, оттарабанивая про себя эту формулу, она думала про охваченную огнем площадку и свору бродячих собак и беспокоилась, что Всемогущие Силы, Которые Исполняют Желания, как-нибудь не так ее поймут, поэтому повторила все заново, на этот раз быстрее, думая при этом «звездызвездызвездызвезды», чтобы заглушить все

остальные мысли.

Лидия посмотрела на квадратный пластмассовый будильник, отсчитывавший бесконечно тянувшееся время. 10:30. Уже два часа как ей полагалось спать. Она с головой забралась под одеяло и представила, что она медведь в своей берлоге и смена времен года нагоняет на нее такую сонливость, что она не может сопротивляться. Но когда она уже почти заснула, в ее берлогу просочился сладковато-терпкий запах марихуаны. Лидия скинула одеяло и уселась в постели. После прошлой лекции о вреде наркотиков в школе родители пообещали, что не будут больше курить траву.

— Наркоманов сажают в тюрьму! — кричала на них тогда Лидия. — А вдруг Нэнси Рейган приедет и арестует вас, и я останусь совсем одна?

— В этом предложении сразу столько всего неправильного, что я не знаю даже, с чего начать, — сказала ей мать. — Во-первых, законы о наркотиках расистские. Белых людей из среднего класса никто арестовывать не станет.

— Луиза! — одернул ее Леон тем раздраженным тоном, который приберегал исключительно для жены. — Дело совершенно не в этом.

Он помолчал.

— Хотя в этом смысле ты права, — признал он, потом обернулся к дочери. — Мы завяжем с травой, хорошо, Лидия? Никто никуда нас не заберет.

— Клянетесь на мизинчиках? — спросила она.

— Клянемся на мизинчиках, — кивнул Леон и подтолкнул Луизу, которая неохотно зацепилась мизинцем за мизинец дочери.

Это было всего несколько недель назад, но они уже снова курили, дождавшись, когда она заснет, чтобы нарушить свою торжественную клятву.

«Лжецы, — подумала она. — Лицемеры».

Если они могут нарушить клятву на мизинчиках, на что еще они способны?

Она слезла со второго этажа кровати, чтобы выйти из своей комнаты и с лестницы накричать на них. Для этого нужно было обойти тени, наступая только на пятна света от ночника на полу коридора, и, если она случайно окажется на темном пятне, придется все начинать заново.

Сегодня путь из спальни до лестницы занял целую вечность. Она петляла между светлыми пятнами, пытаясь не ступать на темные, и тут до нее из гостиной донеслись голоса родителей. Они говорили о ней. Лидия умела замирать и становиться тихой-тихой, как мышка, чтобы

подслушивать, что говорят взрослые, оставаясь незамеченной, — в эту игру она играла с Аланом, когда он и Пол приезжали в гости на выходные. Но теперь Алан умер, потому что Рональд Рейган был жестоким и плевать хотел на геев, и она была совершенно одна, и это была не игра. Она шпионила по-настоящему.

— Я просто ума не приложу, что делать, — произнес папа. — Компульсивные ритуалы захватывают ее жизнь. Так плохо не было со времен Мисти-Медоуз. Сегодня утром мы пятнадцать минут не могли выйти из дома, потому что она сто раз снимала кроссовки и поправляла носки, чтобы шов шел ровно вдоль пальцев. На школьный автобус она, разумеется, не успела, так что мне пришлось везти ее на машине.

Луиза вдохнула, потом закашлялась. Лидия по опыту знала — это значило, что мама сделала еще одну затяжку.

— На прошлой неделе, когда мы ехали в машине, — произнесла Луиза, — по радио рассказывали о какой-то женщине из «Погодного подполья»[16], которую арестовали. Даже ее близ-

---

[16] Примечания: 16

«Погодное подполье» — леворадикальная марксистская вооруженная группировка из студентов Мичиганского университета, действовавшая в США с 1969 по 1977 год.

кие не знали, что она живет под чужим именем. Лидия замучила меня вопросами: «Мама, а ты не тайный член „Погодного подполья“?» Я в лепешку расшиблась, пытаясь объяснить ей, что не веду никакую тайную жизнь. Поначалу это было забавно, но через пятнадцать минут я начала выходить из себя. Никакие аргументы ее не убеждали. Она смотрела на меня с подозрением, как на чужую женщину.

— По крайней мере, это поинтереснее, чем носки, — заметил Леон.

С минуту оба молчали.

— А ты знаешь, что в школе ее дразнят Зассыхой? — спросила Луиза.

Лидия окаменела. Щеки ее запылали в точности как тогда, на перемене, в тот ужасный миг, когда она поняла, что не может больше терпеть.

— Я говорила сегодня по телефону с миссис Голубицки. Никто больше не играет с ней на переменах. И, судя по всему, она неправильно делает домашнее задание.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Леон. — Она всегда делает домашнее задание правильно.

— О, в смысле содержания да, но неправильно его подписывает или что-то в этом роде. Честно говоря, это было так нудно, что я толком не слу-

шала. А когда я спросила, какое это вообще имеет значение, эта миссис Глупицки заявила: «Мы учим их соблюдать правила. Если она не в состоянии выполнить элементарную инструкцию, не имеет никакого значения, насколько она умна».

— Вот черт. — Леон засмеялся, но так, как будто ему было совсем не смешно. — Не уверен, хочу ли я знать, что ты ей на это сказала.

— Я оставляю за собой право не свидетельствовать против себя, — отозвалась Луиза.

— Может, перевести ее обратно в вальдорфскую школу? — предложил Леон. — Посещая ее, она не пересчитывала все подряд, не намывала руки, как одержимая, и не пыталась не попадать в тень.

На Лидию накатила волна такого облегчения, что она испугалась, не описалась ли снова.

— Я ненавижу эту чертову школу, — сказала Луиза. — Не надо ее романтизировать. Ты забываешь, как нам приходилось три года делать вид, что Лидия не умеет читать, потому что у нее еще не сменились передние зубы. И как мы прятали телевизор каждый раз, когда к ней приходили подруги.

«По крайней мере, у меня были подруги», — подумала Лидия.

— Они там все настоящие фашисты в хипповской одежде вместо штурмовых ботинок, — распалялась Луиза.

— Ну а в государственной школе просто фашисты.

— По крайней мере, они не притворяются, — возразила Луиза. — И потом, как она научится жить в реальном мире, если в школе их учат только вязать и строить домики для эльфов? Рано или поздно ей все равно придется столкнуться с жестокой реальностью.

— Да, разумеется, но, может быть, не в девять лет? — Леон вздохнул. — Не знаю, может, ты и права. Я не хочу, чтобы она думала, что не смогла учиться в государственной школе.

При мысли о школе у Лидии заболел живот. Она посмотрела вниз и обнаружила, что краешек ее большого пальца находится в тени перил. Ей пришлось возвращаться обратно в комнату, а затем снова петлять-уклоняться-петлять-уклоняться-петлять-уклоняться, пока она наконец не очутилась на верхней ступеньке лестницы.

— Лидия, это ты? — крикнула мать, когда под босой ногой Лидии скрипнула доска.

— У тебя все в порядке, малышка? — подхватил Леон.

— Я не могу уснуть, — пожаловалась Лидия, просовывая голову сквозь белые балясины. — Может быть, кто-нибудь полежит со мной?

— Конечно, малышка, — сказала Луиза.

— А давай мы с мамой вдвоем полежим с тобой, Лидиола? — предложил Леон.

— Вы все в мою постель не поместитесь, — возразила Лидия.

— А мы пойдем лежать к нам в постель. Сделаем сэндвич с Лидией.

Лидия немного подумала. Если они лягут в постели родителей, ей потом придется возвращаться обратно к себе по опасному коридору, а она будет сонной и беззащитной. Нельзя так рисковать.

— Нет, не нужно, — сказала она. — Все в порядке.

И она двинулась в долгий путь обратно в комнату.

Проснувшись наутро, Лидия первым делом посмотрела на часы. Было 9:10, а это означало, что она пропустила школьный автобус.

— Мама! — в панике закричала она.

Луиза просунула голову в дверь.

— Я решила дать тебе поспать. Отвезу тебя, когда будешь готова. Я уже написала миссис Глу-

пицки записку.

— Мама, не называй ее так! Если будешь все время так делать, я могу назвать ее так по ошибке. И потом, разве феминистки могут говорить плохо про других женщин?

— Если это чистая правда, то могут, — ответила мать, уже удаляясь.

Лидии пришлось довольно долго выбирать одежду, счастливую в нужной степени. Она не могла надеть футболку или брюки, в которых была в тот день, когда ее стали дразнить Зассыхой. И одежду из первого школьного дня тоже, потому что это был первый из череды ужасных дней. Но и рубашку, с которой были связаны очень хорошие воспоминания, тоже надевать было нельзя, потому что, если сегодня в школе произойдет что-нибудь плохое, она превратится из счастливой рубашки в несчастливую.

— Поторопись! — крикнула с первого этажа Луиза. — Мне нужно быть в городе к полудню.

Лидия схватила первую попавшуюся под руку серую толстовку и голубые джинсы и натянула единственную пару носков со швами, которые не сбивались. Они с матерью вышли из дома и сели в «фольксваген-джетту», в которой всегда попахивало плесенью.

— Черт, — выругалась Луиза, когда они подъехали к Форшей-роуд и оказалась, что улица перекопана. — Если на мосту Джорджа Вашингтона будет пробка, я ни за что не успею на репетицию.

Она повернула направо, а не, как обычно, налево, и они поехали по улицам, которые Лидия помнила смутно. Не на этом ли пустыре они однажды летом собирали ежевику? Она была совершенно уверена, что дорога, по которой они ехали, раньше была в лесу, теперь же с обеих сторон высились громадные дома с лужайками. Они проехали мимо гигантского рекламного щита, на котором висело объявление о продаже домов в новом жилом районе: «КОМПЛЕКС МИСТИ-МЕДОУЗ».

Луиза фыркнула.

— Вот уж не думала, что когда-нибудь так скажу, но я рада, что на этом месте отгрохали эти коробки.

В мозгу Лидии что-то такое забрезжило… деревянная изгородь, сколоченная из бревен, на которых краской было выведено «МИСТИ-МЕДОУЗ». Кажется, это она написала красной краской вторую «М»?

— Ты что-нибудь помнишь об этом месте? —

спросила Луиза.

— Немножко. Я знаю, что ты привозила меня сюда по вторникам и четвергам и что тут была коммуна. А потом случилось что-то плохое.

Луиза кивнула:

— Да, но что ты помнишь?

— Я помню, что у них были цыплята, которые мне нравились. И еще пруд с кусачими черепахами, которые мне не нравились. И еще там был один мерзкий мальчишка. Его звали как-то похоже на дерево.

— Дуб, — подсказала Луиза странно тихим голосом.

— Он столкнул меня в пруд и держал мою голову под водой?

— Нет, — твердым тоном произнесла Луиза.

Но Лидия помнила, как погружалась в темную воду и как ее грудь сковывал холод.

— Ты уверена? — спросила Лидия.

— Да. Я подоспела до того, как случилось что-нибудь плохое. Он грозился бросить тебя в озеро, но так и не бросил. Я подоспела вовремя, — повторила она, словно пыталась убедить их обеих.

— А там еще на пригорке над прудом был какой-то амбар?

— Я не знала, что ты помнишь амбар, — сказала

Луиза.

Лидия помнила что-то такое, но не знала слов, какими про это можно было бы рассказать. Все это существовало в ее сознании в виде каких-то разрозненных обрывков. В ее памяти возникал сеновал, воздух, тихий и неподвижный, если не считать сопения и пыхтения двух обнаженных подростков в кругу детей. Лидия помнила, как крепко держала рот на замке, чтобы не издать ни одного звука и не выдать ни одного секрета, потому что, если бы она это сделала, Дуб швырнул бы ее в пруд, угрожающим пятном темневший у подножия холма. Она держала глаза широко открытыми, в точности как ей было велено, глядя на Дуба и девочку, имени которой не помнила, и повторяя про себя «мамамамамамамамамама», пытаясь вызвать Луизу.

И однажды ей это удалось. Голова Луизы показалась над приставной лестницей, пронзив спертый воздух чердака и разорвав его.

— Вы что тут творите?! — помнила Лидия крик матери.

Еще она помнила, как Луиза схватила ее в охапку и спустилась по лестнице, а потом несла на руках всю дорогу до машины, хотя ей было уже пять лет и она была слишком большой, чтобы

носить ее на руках.

Луиза свернула вправо, на Грандвью-авеню, и Лидия стащила кроссовки и на всякий случай подтянула носки, потом вновь натянула кроссовки и пошевелила пальцами, чтобы проверить, как там швы. Машина затормозила перед школой, когда Лидия в третий раз перевязывала шнурки.

— Лидия, мне необходимо знать: что ты помнишь про амбар?

Мать потянулась поверх ручки переключения скоростей и оторвала руку Лидии от шнурков.

Лидия отвела взгляд от напряженного лица матери. Ей не хотелось думать про амбар.

— Я опаздываю на математику, мам, — сказала она, выдергивая руку и открывая пассажирскую дверцу.

Она накинула рюкзак на правое плечо, зажимая в кулаке записку, которую должна была отдать учительнице.

— Я люблю тебя, малышка, — крикнула ей вслед Луиза, но Лидия уже торопливо преодолела дорожку, ведущую к школе, и потянула на себя тяжелую дверь, слизкую от пальцев всех других детей, которые успели потрогать ее с утра.

Добравшись до класса, Лидия с облегчением

обнаружила, что вместо математики, которая стояла в расписании, придурочный папаша Стефани собирается рассказать им о профессии биолога. На нем были лиловый галстук-бабочка и брюки в клетку, и, хотя он еще даже не начал говорить, Стефани уже покраснела как рак.

— Мои юные друзья, — произнес он, — мадемуазели и месье, сегодня я намерен приоткрыть перед вами тайный мир микробов, которые живут в нас, на нас и вокруг нас. Мы никогда не бываем в одиночестве. Нам всегда и повсюду сопутствуют бактерии, вирусы и грибы. Здорово, правда?

Четвероклассники смотрели на него с подозрением. Лидия попыталась поймать взгляд Джози, но та отвернулась.

— На прошлой неделе я прошелся по вашей школе и взял пробы из разных мест. У себя в лаборатории я поместил их в чашки с питательным раствором, а затем сделал слайды, чтобы вы, юные натуралисты с горящими глазами и пытливыми умами, могли увидеть этих микроскопических существ, обитающих среди вас. Миссис Голубицки, вы не будете так добры выключить свет?

— Конечно, мистер Вейсман, — сказала та, и

на мгновение Лидии показалось, что она сейчас сделает книксен.

Застрекотал диапроектор.

— Так, мои юные друзья, — произнес мистер Вейсман, покачавшись на подошвах. — Первая проба взята со стаканчика с цветными карандашами. И посмотрите только, что я обнаружил.

Он щелкнул переключателем, и на экране возникло припыленно-коричневое изображение, похожее на мохнатую гусеницу с угрожающей закорючкой хвоста.

— Эшерихия коли, или кишечная палочка! — почти прокричал он. — Кто-нибудь знает, что это такое?

«Юные друзья» дружно пожали плечами, за исключением Стефани, которая покраснела еще сильнее — так сильно, что этого нельзя было не заметить даже в темноте.

— Ее можно обнаружить в фекальных массах, более известных вам как какашки. Большинство видов безвредны, однако этот вызывает диарею, а если по-простому — понос.

Четвероклассники захихикали, а Стефани спряталась за волосами. Мистер Вейсман вновь щелкнул переключателем, не обращая внимания на смешки и грозное шиканье миссис Голубиц-

ки.

— Вот эта проба была взята с входной двери школы, и, вполне предсказуемо, мы обнаружили стрептококки. Это то, что вызывает ангину, а иногда — трудноизлечимые кожные инфекции.

Лидия вспомнила про слизкую дверь, и ладони у нее немедленно зачесались. Стрептококки на экране походили на кольчатых червей, и она чувствовала, как они ползают по ее коже.

— А это сальмонелла со столика в школьном кафетерии. Кстати, миссис Голубицки, нам нужно об этом поговорить. Но самая классная находка была сделана на игровой площадке среди деревьев за футбольными воротами.

Лидия встрепенулась. Это было ее секретное место, где она пряталась в ожидании тайного знака. У нее мелькнула мысль, что, возможно, это и есть тот самый миг, которого она все это время так ждала, а мистер Вейсман — ничего не подозревающий магический эмиссар.

— Я взял пробу почвы и обнаружил — барабанная дробь! — (Лидия распрямилась на стуле.) — хламидию пситаци, известную в просторечии как орнитоз!

«Мамамамамамамамамама», — подумала она.

Лидия знала, что по-прежнему находится за

партой, но в то же самое время почувствовала, как перенеслась из класса куда-то невообразимо далеко и из этой невообразимой дали смотрит на изображение хламидии пситаци на экране — студенистый плевок с шипастыми шарами яда внутри. Одновременно она смотрела на свою мать, Луизу, с опухшим от слез красным лицом.

— Чертов орнитоз! — говорила она прошлой весной. — У меня просто в голове не укладывается, что Алан умер от чертового орнитоза!

В классе мистер Вейсман продолжал лекцию.

— Это целый тайный мир, — произнес он, понизив голос, отчего стал похож на конферансье.

Лидия смотрела на класс сверху, и ей казалось, что оболочку мира рассекли и внутри обнаружился другой, невидимый мир, подсвеченный в полутьме класса, как биолюминесценция, которую они наблюдали прошлым летом на Кейп-Коде. Сальмонеллы, стрептококки и кишечные палочки ползали, кружились и плавали, и их хвосты терлись обо все поверхности. Обслюнявленные волосы Стефани мерцали угрожающей, вспыхивающей жизнью. Одноклассники вертелись и ерзали на стульях, не в силах усидеть на месте.

— Фу, гадость какая, — пробормотал Джаред

Манзини.

— О, — сказал мистер Вейсман, — не беспокойся. Люди не могут заразиться хламидией пситаци.

— Это неправда, — заявила Лидия и изумилась звуку собственного голоса: тому, что она по-прежнему находится в классе вся, целиком. — Это просто-напросто неправда.

Голос у нее задрожал.

— У моей мамы есть лучший друг, Пол. Его любовник Алан в прошлом году умер от орнитоза. — При слове «любовник» класс грохнул; Лидия возвысила голос, чтобы перекрыть шум. — Это одна из самых распространенных оппортунистических инфекций!

— Ли-ди-я! — рявкнула миссис Голубицки. — Это совершенно неприлично. Прошу прощения, мистер Вейсман. Лидия, марш в кабинет директора. Живо.

— Но это правда, — повторила Лидия.

Она дрожала всем телом, потому что никогда прежде на нее не кричал учитель. Ни разу в жизни. А потом, униженная, она по-настоящему расплакалась, утирая жгучие слезы слизкими руками, кишевшими стрептококками, кишечными палочками и сальмонеллами.

Всю дорогу до директорского кабинета у нее было такое чувство, будто она находится под водой в том холодном пруду у подножия холма, а над ней кружат кусачие черепахи. Плывя по коридору, она думала о студенистых плевках и своем секретном месте, а еще о том, что Алан под конец стал напоминать голодающего оленя, которого она видела из окна кухни в прошлом году в марте, — одни глаза, ребра и страх. Она плыла и думала, плыла и думала, скользя взглядом по витринам со спортивными кубками и плакатами о вреде наркотиков, и тут в мозгу у нее забрезжило ужасающее подозрение, которое все крепло и крепло, пока не просочилось вглубь ее костей. Где-то, когда-то она, должно быть, неосмотрительно загадала желание. Разве не этого она всегда хотела? Увидеть магический мир, скрытый в глубине под миром обычным? Но теперь, когда она его увидела, все, чего ей хотелось, это его развидеть, потому что он оказался кошмарным, и она была в нем совершенно одна и не могла защитить ни себя, ни тех, кого любила.

Поначалу она всего лишь боялась прикасаться к круглым дверным ручкам, похожим на ту, что была у школьной двери, но эта боязнь очень быстро распространилась вообще на все дверные

ручки, и на дверные петли, и даже на красивые посеребренные пластины на распашных, как в салунах Дикого Запада, дверях кухни, которые она раньше так любила — любила воображать себя ковбоем, который с молодцеватым видом проходит внутрь, или официанткой, которая плечом открывает створку, потому что в руках у нее стопка тарелок. А потом она перекинулась на другие вещи: рукоятки кранов, держатели бумажных полотенец, крышки мусорных бачков, даже библиотечные книги, ведь кто знает, какими руками их трогали, к тому же они все вечно в бурых пятнах непонятного происхождения, которые, конечно, могли быть шоколадом, но, скорее всего, на самом деле были какашками.

Леон пытался ее урезонить и однажды даже перенюхал все страницы книги одну за другой, чтобы убедиться в их безобидности.

— Я не думаю, что это какашки, — уверял он. — Они ничем не пахнут. Но, даже если это и какашки, как они тебе навредят?

— А вдруг я чем-нибудь из-за них заболею? — спрашивала она снова и снова.

— Я не собираюсь больше называть тебе волшебные слова, — потеряв терпение, отрезал Леон. — Тебя ничто не переубедит. У тебя уже

есть «преходящее»…

— Нет у меня ничего! — взвилась Лидия, отрицая слово, которое они использовали в те периоды, когда она перескакивала с одного иррационального страха на другой, точно колибри, перепархивающая от цветка к цветку.

Но она знала, что оно есть. Разумеется, это было «преходящее». Это всегда было «преходящее». Иногда она пыталась вспомнить свою жизнь до него, но в ее мозгу всплывали лишь какие-то фрагменты образов, похожие на обрывки фотографии: пикник на высоком каменистом обрыве; мокрая отцовская борода, с которой ей на голову капает вода; жаба, неожиданно решившая пописать прямо на ее крошечную ладошку. Казалось, она появилась на свет в том кругу в амбаре, в ожидании, когда мать ее спасет.

Леон был терпеливее Луизы, но в конце концов терпение лопнуло и у него. Он вышел из себя во вторник, когда обнаружил, что Лидия открывает кухонную дверь в резиновых перчатках. Он некоторое время внимательно наблюдал, как она аккуратно, точно хирург, стянула их, бросила на пол, а затем наклонилась, чтобы поднять при помощи полиэтиленового пакета.

— Лидия, что происходит? — осведомился он,

нарушив тем самым ее сосредоточение, так что она дотронулась до внешней стороны правой перчатки голой рукой.

— Папа! — взвизгнула она, бросаясь обратно к кухонной раковине. — Не приставай ко мне!

Он последовал за ней к раковине, беспомощно глядя, как она локтем повернула кран и принялась тереть в руках кусок мыла, методично намылив сперва ладони, а затем тыльную сторону рук. Затем она поскребла брусок ногтями, чтобы загнать под них мыльную стружку, после чего тщательно извлекла ее оттуда при помощи большого пальца. Завершив цикл, она, если это было необходимо, сразу же начинала его заново. Необходимо это оказывалось практически всегда.

— Лидия, остановись. Посмотри на меня, — взмолился Леон. — Что самое ужасное может случиться, если ты потрогаешь дверную ручку голыми руками?

— Не знаю! — закричала Лидия, избегая смотреть отцу в глаза. — Я могу умереть. Там могут оказаться микробы, которые ты принес из метро, я могу до них дотронуться, занести себе в рот и от этого умереть!

— На этой ручке нет ничего, что могло бы тебя

убить, — сказал он. — Честное слово.

— Но мистер Вейсман брал пробы! Существует целый тайный мир, который мы не можем увидеть!

— Чертов Вейсман, — пробормотал себе под нос Леон. — Лидия, все невидимое не опасно. Да, существуют всякие штуки, которые мы не можем увидеть невооруженным взглядом, но большинство из них безвредны. Честное слово, я не привез из города ничего страшного.

— Откуда ты знаешь? — не сдавалась она. — Ты не можешь этого знать без микроскопа и без лаборатории. Ты не можешь этого знать!

Леон вздохнул.

— Послушай, малышка, мы вообще не можем ничего знать наверняка. Так уж устроен мир. Когда ты утром встаешь с постели, нет никаких гарантий, что ты доживешь до конца дня. Меня может сбить машина на парковке на Гранд-Юнион. Или когда я буду переходить Шестьдесят Восьмую улицу. Но если бы я стал думать о такой вероятности — а она совершенно ничтожна… — Он немного помолчал, понимая, что вступает на опасную территорию. — Если бы я стал думать о такой вероятности, то никогда бы не встал с постели.

— Ты пытаешься ее успокоить, Леон, или читаешь университетский курс по экзистенциализму? — крикнула из соседней комнаты Луиза.

— Иди ты к черту, Луиза! — рявкнул в ответ Леон, хотя из них двоих он всегда был более уравновешенным. — Я пытаюсь хоть что-то с этим сделать! Лидия. Посмотри на меня. Я прожил на свете тридцать восемь лет, и со мной ни разу не случилось ничего ужасного. По-моему, это неплохие шансы. Всегда нужно закладываться на наиболее вероятный сценарий развития события. А вероятность того, что на этой ручке может находиться что-то даже минимально опасное, очень, очень мала. Я бы даже сказал, ничтожна.

— Но такая вероятность все равно существует, — упрямо возразила Лидия, начиная намывать руки по третьему кругу.

— Не в действительности, малышка. Не в действительности. Я настолько в этом уверен, что готов облизать дверную ручку, чтобы это доказать. Если я оближу дверную ручку и со мной ничего не случится, ты выключишь воду?

Лидия с каменным лицом принялась намыливать руки в четвертый раз.

— Серьезно, Лидия, закрой кран, — потребовал Леон.

Она упорно избегала смотреть на него, с остервенением соскребая с ладоней что-то, видимое ей одной.

— Лидия, а ну закрой чертов кран! — заорал он, не выдержав. — Все, хватит, сейчас я оближу дверную ручку. И пол тоже. И даже унитаз, если от этого ты перестанешь намывать руки!

С этими словами он двинулся к двери.

— Папочка, не надо! — завизжала Лидия. — Пожалуйста, папочка! Мама, скажи ему, чтобы он перестал! Скажи ему!

Леон не остановился. Он пытался неуклюже опуститься на одно колено перед дверью, когда в кухню вошла Луиза.

— Леон, — произнесла она неестественно спокойным тоном, — встань с пола и прекрати мучить нашу дочь. Лидия, выключи воду.

Та повиновалась, закрутив кран локтем. Луиза оторвала от рулона с бумажными полотенцами несколько квадратиков и принялась вытирать дочери руки.

— Сейчас еще только октябрь, а у тебя уже цыпки, — прошептала она Лидии в волосы, осторожно промокая растрескавшуюся воспаленную кожу, а потом, уже нормальным голосом, чтобы ее услышали и Лидия, и Леон, добавила: — Все,

пора положить этому конец.

В субботу, вместо того чтобы, как обычно, устроить бранч с бейглами, Луиза запихала Лидию на пассажирское сиденье, а на заднее загрузила термосы с горячими напитками и гору теплой одежды. Лидия пристегнулась и стала терпеливо ждать, пока ее родители ругались на подъездной дорожке. Ей лень было даже сообщать им, что она прекрасно их слышит, поскольку после эпизода с дверной ручкой они только и делали, что беспрерывно ругались.

— Это самонадеянно и безответственно, — яростно шептал Леон, хотя это был скорее крик, чем шепот. — По-твоему, ты можешь создать какой-то факакте[17] ритуал, и ОКР[18] пройдет как по мановению волшебной палочки? ОКР так не работает. Во всех медицинских публикациях говорится, что нельзя поощрять магическое мышление. Чем больше ритуалов ты совершаешь, тем больше становится потребность в них.

— Ты сам себя слышишь? — закатила глаза Луиза. — Во времена моего детства все меди-

---

[17] Примечания: 17
Здесь: поганый, паршивый.

[18] Примечания: 18
Обсессивно-компульсивное расстройство.

цинские публикации утверждали, что у меня страх кастрации. Хоть на секунду прекрати быть психотерапевтом и доверься своим инстинктам. Последнее, что нам нужно, это искоренить в Лидии магическое мышление. Это самый ценный ее дар. Нам нужно просто найти магию, которая сработает в ее случае.

— Я не предлагаю уничтожить ее воображение. Не надо делать вид, что ты меня не понимаешь.

— И что же тогда ты предлагаешь? Орать на нее и облизывать дверные ручки?

— Ты же знаешь, как мне стыдно за свой срыв! — схватился за голову Леон.

— И почему тогда ты не даешь мне попробовать этот способ? — поинтересовалась Луиза. — Как он может ей повредить?

— Я не знаю, — сказал Леон. — Просто это выглядит как психологический эксперимент над ребенком.

— Психологический эксперимент?! — Луиза уже и не пыталась говорить шепотом. — Это по твоей части, не по моей! Это же не я пыталась испробовать на ребенке мишигине[19] техники Барри!

---

[19] Примечания: 19
Мишигине — ненормальный, безумный.

— Метод Станиславского, — сказал Леон. — И я испробовал его на себе, а не на ней.

— А, ну да. Метод Станиславского. — Луиза произнесла эту фразу нарочито низким голосом, и Лидия поняла, что она изображает Барри. — Смесь актерской техники с психоанализом.

— Я не понимаю, что плохого в том, чтобы попытаться получше ее понять, — сказал Леон.

— Угу, ты провел один день, «вжившись в ее роль», и это так тебя напугало, что ты запаниковал и принялся облизывать дверные ручки.

— Я не… — Он не стал договаривать.

— А теперь попробуем мой подход, — сказала Луиза.

Леон фыркнул.

— Не надо вести себя так пренебрежительно. Разве это не то, за что ты в теории любишь меня, Луизу, ведьму из Борщового пояса? Это то, чем я спасаюсь. То, чем я всегда спасаюсь.

Они некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Мы ругаемся потому, что просто боимся за нашего ребенка, — сказал Леон, озадачив Лидию, потому что, хотя его слова и звучали примирительно, произнес он их на тех же повышенных тонах.

— Разумеется, — отозвалась Луиза.

Они сердито посмотрели друг на друга.

— Иногда, — произнес Леон уже тише, и Лидии пришлось напрячь слух, чтобы его расслышать, — я думаю, что, если бы мы тогда не отправили ее в Мисти-Медоуз, может…

— Прекрати. — Луиза вскинула ладонь, потом уперла ее ему в грудь. — Даже я знаю, что это прямой путь к помешательству.

Леон накрыл ее ладонь своей, и они, склонив головы друг к другу, принялись перешептываться. Лидия не смогла разобрать ни слова, потому что, по всей очевидности, они не возражали против того, чтобы она слышала все те гадости, которые они говорили друг другу, но только не приятные вещи.

К тому времени, когда Луиза наконец-то уселась на водительское сиденье, Лидия успела стянуть с себя три слоя одежды.

— Мама, я тут уже вся спарилась! Что ты так долго?

— Прости, малышка.

— А куда мы поедем? Почему папа считает, что этот план — факакте? И что это за план? А сэндвичи ты сделала с тем джемом, который я люблю, или с тем джемом, который я не люблю?

— В Катскильские горы, раз, — ответила Луиза, загибая пальцы. — Два, потому что кое у кого скудное воображение. Три, едем в горы, чтобы найти магический источник защиты. Четыре, джем — ежевичный, который ты любишь.

Она продемонстрировала Лидии кулак из четырех пальцев.

— У меня осталось всего шесть пальцев. Ты намерена задать мне еще шесть вопросов или мы можем ехать?

— Мы. Можем. Ехать, — ответила Лидия приглушенным голосом, через голову стягивая свитер.

Мать сунула в магнитолу кассету Пола Саймона и принялась подпевать. Музыка была такой громкой, а деревья вокруг такими яркими, что мозг Лидии превратился в калейдоскоп цветов и звуков, и, как она ни старалась, ей так и не удалось вспомнить, что именно так ее беспокоило.

Луиза съехала с шоссе перед Вудстоком и принялась бесконечно петлять по проселочным дорогам, забираясь все выше и выше в горы, пока машина не начала возмущенно скрипеть от натуги.

Когда Лидия подумала, что сейчас ее вырвет, Луиза неожиданно повернула направо и съехала с дороги в небольшую ложбину.

— Все, приехали, — объявила она. — Надевай обратно все, что сняла.

Пока Лидия застегивала пуговицы и молнии, Луиза вышла из машины и принялась методично забрасывать ее со стороны водительского сиденья ветками.

— Мам, что ты делаешь?

— Выполняю условия. Никто не должен знать об этом месте.

— Мы прячем машину? — спросила Лидия, против воли ощущая прилив возбуждения.

Все это начинало походить на какую-то тайную миссию.

Луиза надела на плечи большой рюкзак, в котором загадочно что-то позвякивало, закрыла дверцы и отошла на несколько шагов, чтобы полюбоваться на дело своих рук с дороги.

— Лидия! Поди-ка сюда и скажи, можешь ли ты разглядеть машину.

Лидия выбралась на дорогу.

— Нет. Ее совершенно не видно. Мама, ты просто мастер маскировки!

Луиза вскинула брови:

— Да, у меня очень даже неплохо получается. Ну что, ты готова немного пройтись?

Лидия кивнула.

— Но хочу тебя предупредить: как только войдем в лес, мы покинем обычный мир и начнем наш магический поиск. Мы пройдем по пути, которым ходят лишь животные и пилигримы.

Луиза наклонилась, открыла рюкзак и вытащила несколько хорошеньких старомодного вида стеклянных флакончиков с затычками из пробки. Выглядели они так, будто раньше в них хранились магические зелья.

— Добравшись до источника, мы наполним четыре из них водой, а пятый — камешками, которым вода передала свою магическую силу. Твоя задача — собирать по дороге камешки и гальку. Так что смотри внимательно по сторонам, чтобы не пропустить ни одного необыкновенного камешка!

Лидия с серьезным видом кивнула, уже высматривая на земле кусочки кварца и гладкие округлые голыши.

Луиза двинулась вперед по узкой тропке, и Лидия немедленно почувствовала себя героиней сказки. По мере того как они все дальше углублялись в заросли кустов и колючей ежевики, в карманах ее прибывало и прибывало тщательно отобранных камешков.

— Слышишь плеск воды? — спросила Луиза.

Лидия и в самом деле различила вдали еле слышное журчание, которое с каждым шагом становилось все громче. Луиза повернула направо и принялась карабкаться по валунам и замшелым каменистым уступам. Лидия изо всех сил старалась не отставать. В обычных обстоятельствах она уже давным-давно начала бы ныть и жаловаться, но не сегодня, потому что это была не просто дурацкая прогулка. Это был благородный поиск. Они пробрались сквозь березовую рощицу и внезапно очутились прямо перед небольшим водопадом.

— Ну вот мы и пришли, — объявила Луиза. — Но мы не можем просто подойти к источнику. Нужно выпустить магию на свободу и доказать, что мы ее достойны. Видишь вон ту узенькую тропку за водопадом? Она ведет в пещеру, и если ты будешь в точности исполнять все мои указания, то, когда мы дойдем до конца пещеры, увидим его — источник Защиты.

— Но как мы узнаем, что все делаем правильно?

— Все просто. Если мы что-то сделаем неправильно, никакого источника не увидим. Я уже совершала этот магический обряд.

— И что нужно делать? — спросила Лидия,

страшась, что где-нибудь напортачит и магия не сработает.

Луиза наклонилась и поцеловала ее в лоб.

— Тут нет совершенно ничего сложного, малышка. Мы откроем дверь между нашим миром и миром магии при помощи элементарного музыкального заклинания. Когда войдем в пещеру, будем тянуть ноту «до». — Она промычала ноту, и Лидия повторила за ней. — Она входит в резонанс со стенами пещеры. Ты поймешь, что делаешь все правильно, если тебе будет казаться, будто в голове нет ничего, кроме этого звука. В общем, мы будем просто тянуть ноту «до», а потом, когда дойдем до конца пещеры, там будет источник. Поняла?

— Поняла, — тихим голосом ответила Лидия.

— Не нужно бояться. — Луиза взяла ее за руку. — Ты поймешь, что все делаешь правильно. Ты это почувствуешь.

Они зашли за водопад, и Луиза затянула ноту «до». Лидия последовала ее примеру. Они пригнулись и вошли в маленькую пещеру. Мама была права. Звук немедленно заметался, отражаясь от стен, завибрировал во всем ее теле; голова теперь казалась пустым котелком, заполненным одной-единственной нотой. Ее голос стал неотличим от

голоса матери, словно обе они были единым телом, сотканным из звука. Лидия следом за Луизой протиснулась в крошечное отверстие в противоположном конце пещеры, и они вновь очутились на открытом воздухе, меж трех скалистых стен.

— А вот и он, — прошептала Луиза, указывая на ручеек, льющийся из практически идеального каменного желоба, выточенного многими столетиями дождей и ветров. — У тебя все получилось, малышка. А теперь я должна воззвать к Духу Гор.

С этими торжественными словами Луиза спустила с плеч рюкзак и, подойдя к воде, подставила под струйку сложенные ковшиком руки.

— О священный источник, мы усталые путницы, измученные тяготами этого мира. Прошу тебя, даруй нам защиту твоих сакральных вод.

Мать выпила воды из сложенных ковшиком рук, потом предложила выпить Лидии, и та послушно раскрыла рот, совсем как голодный птенец. Вода показалась ей вкуснее и чище всего, что ей доводилось пить за всю жизнь. Она была как — Лидия на секунду задумалась, пытаясь подобрать нужное слово, — как жидкий хрусталь.

— Ну вот, — объявила Луиза. — Ты испила вод Защиты.

Лидия почувствовала себя сильной, могущественой и полной энергии.

«Похоже, вода уже действует, преображая меня изнутри», — подумала она.

— Но чары не длятся вечно, — изрекла Луиза голосом, который Лидия про себя начала называть «голосом жрицы», — поэтому мы сейчас наполним эти флакончики, погрузим в воду эти камни и возьмем их с собой, чтобы иметь возможность продлевать их действие всякий раз, когда в этом возникнет необходимость.

Лидия послушно вывернула карманы и разложила камешки на мшистом каменном уступе под струйкой воды.

«Сколько пилигримов проделывали это до нас?» — задалась вопросом она, глядя, как холодная вода сочится у нее между пальцев, и чувствуя, как она укрощает зуд в растрескавшейся коже.

Луиза достала флакончики, и они наполнили один водой и еще один — камешками. Когда мать вскинула их над собой, подставляя солнцу, Лидия смогла разглядеть все пузырьки воздуха и все щербинки в голубом стекле.

— Мы не должны слишком долго здесь задерживаться. Не стоит испытывать терпение горных духов, — сказала жрица Луиза, а затем добавила

своим обычным голосом: — К тому же нам давно пора перекусить.

Лидия неохотно развернулась с тем обреченным чувством, какое бывает после дня увлекательных игр, когда за тобой приходят родители, чтобы забрать домой.

— Что ты делаешь, малышка? Мы не можем просто пройти обратно через магическую пещеру. Нужно закрыть за собой дверь.

Лидия улыбнулась, радуясь возможности не возвращаться пока обратно в страну арахисового масла и джема.

— Ты помнишь, какую ноту нужно петь?

— Да, — сказала Лидия.

— Хорошо. Тогда пойдешь первой.

Лидия негромко замычала, и Луиза произнесла:

— Благодарю вас, о священные воды.

И они обе вошли в мшистую пещеру, изгнав из своего сознания все, кроме медового цвета ноты «до».

Хотя они перекусили сэндвичами с арахисовым маслом и джемом на краю ложбины, болтая об обычных вещах, чувство ликования переполняло их всю дорогу вниз с горы, и потом — в машине, до самого шоссе. Лидия даже смогла на мгно-

вение задуматься о том, что в понедельник ей снова нужно в школу, без привычного ощущения ледяного ужаса под ложечкой.

— Мне кажется, я исцелилась, — сказала она матери.

— Давай, преходящее, уходи! — произнесла Луиза.

Лидия захихикала, хотя мать вела себя как полная дурочка.

— Я выпила столько мятного чая, что мне теперь нужно в туалет, — сообщила Луиза, заезжая на стоянку для отдыха. — Ты со мной или подождешь в машине?

Она вскинула брови, глядя на Лидию. Та задумалась над вариантами. Можно было потерпеть до дома или, собравшись с мужеством, бросить вызов описанным полам и измазанным невесть какими субстанциями кабинкам.

«Давай, преходящее, уходи!»

— Я с тобой, — сказала она.

— Отлично, — улыбнулась Луиза. — Положи на всякий случай в карман пару камешков. Для дополнительной защиты.

Лидия расстегнула молнию на рюкзаке и вытащила белоснежный кусок кварца — для правого кармана — и гладенький круглый голыш для

левого. Затем она тщательно закупорила флакончик, застегнула рюкзак и, как отважная героиня, направилась в туалет. Там она бесстрашно зашла в первую же кабинку, не посмотрев даже, какая из них почище. Стульчак был забрызган мочой, но она не запаниковала.

«Я просто пристроюсь над ним, — подумала она. — Ничего страшного».

Она расстегнула джинсы и стянула их, поддернув вверх штанины, чтобы не волочились по полу. Струя мочи ударила в унитаз с такой силой, что вода обрызгала бедра. У нее промелькнула мимолетная мысль о незримых мирах в каждой капле туалетной воды, но потом она вспомнила о лежащем в кармашке куске кварца и представила, как микроскопические чудовища съеживаются, бессильные против магии источника. «Давай, преходящее, уходи». Лидия дописала и на мгновение зависла над унитазом, пытаясь сообразить, как в три погибели одновременно удержать джинсы и дотянуться до туалетной бумаги. Она поменяла руки, подхватив джинсы левой, а правой оторвав квадратик бумаги, когда услышала, как что-то звякнуло, и краешком глаза увидела на полу что-то белое и круглое.

— Нет! — прошептала она.

Кварц выпал из кармана и, рикошетом отскочив от пола, приземлился прямо в лужу мочи.

На Лидию разом обрушились все тайные ужасы туалетной кабинки, словно включили свет: использованная туалетная бумага, приставшая к подошве правой кроссовки; что-то бурое (то ли кровь, то ли засохшие какашки), размазанное по диспенсеру для туалетной бумаги, липкий пол под ногами.

Источник остался где-то там, очень далеко. Бедра горели от напряжения; парализованная, она застыла над унитазом.

— Лидия? — послышался снаружи голос матери. — Ты что так долго?

Лидия не могла ответить. Она увидела приближающиеся к кабинке мамины трекинговые ботинки, потом над дверцей показалась ее голова. При обычных обстоятельствах Лидия сгорела бы со стыда, но сейчас она пребывала в таком ужасе, что просто не способна была испытывать чувства столь прозаические, как смущение.

— Мама, — только и смогла выдавить из себя она, кивнув в сторону кварца.

— Ох, милая, — сказала Луиза с бесконечной печалью в голосе. — Я сейчас все исправлю.

С этими словами она присела еще ниже и, про-

сунув руку под дверцу, извлекла кварц из лужи мочи. Лидия в ужасе наблюдала. Исправить это было уже невозможно.

Когда они вернулись в машину, Луиза немедленно расстегнула рюкзак и откупорила один из голубых флаконч иков.

— В каком месте тебе требуется очищение? — спросила она, пытаясь снова изобразить жреческий голос.

На миг поддавшись искушению, Лидия провела быструю инвентаризацию своего тела и мысленно отметила места, которые были настолько грязными, что, казалось, жарко пульсировали: низ штанин, тыльные стороны ладоней, которыми она касалась кранов, когда мыла руки; бедра там, куда попала туалетная вода.

— Показывай, — сказала Луиза. — Я протру тебя водой. Нет, это не имеет смысла. Ты можешь ее выпить, и она очистит тебя изнутри.

Лидия уловила в голосе матери нотки паники и отчаяния. Она чувствовала себя полной дурой. Разумеется, никакого источника Защиты не существовало. Она посмотрела на пыльные флаконч ики и поняла, что мать, должно быть, купила их в своей любимой антикварной лавке в Наяке, а ценники и остатки клея соскребла ногтем.

— Лидия, — сказала мать и взяла ее руки в свои.

Девочка выдернула их и отвернулась к окошку.

— Не надо разговаривать со мной как с маленькой, мама. Я же не идиотка.

— Ох, малыш. Я вовсе не считаю тебя идиоткой. Я не знала, что еще делать. Иногда ритуалы помогают. Мне они помогли. Я просто хотела, чтобы ты перестала страдать.

Когда они приехали, Лидия ворвалась в дом, сбросила с ног кроссовки; очень аккуратно, чтобы не прикоснуться к штанинам снизу, стащила с себя джинсы и оставила их валяться на полу. Потом, полураздетая, направилась к кухонной раковине и тыльной стороной ладоней повернула краны.

— Я облажалась, — донесся до нее мамин голос, а потом мама заплакала.

Лидии было на это плевать, вот только ей не было плевать. Она налила на руки еще жидкого мыла.

— Я думала, что смогу все исправить, — сказала Луиза Леону. — Она считает, что я держу ее за идиотку, но это именно то, что я сделала бы для себя самой, ты же знаешь.

Отец приглушенно что-то забормотал, утешая ее, и Лидия поняла, что он уткнулся лицом Луизе в волосы.

— Я думаю, в этом-то и проблема, — произнес Леон. — Мы должны бросить попытки ее починить.

— Это то, что тебе сказал Барри?

— В общем и целом. Он посоветовал присоединиться к ее логике и дать ей передышку от «экзистенциального ужаса борьбы с враждебным миром в одиночку».

— Что это означает? — спросила Луиза, а потом они вместе поднялись наверх, и Лидия больше не могла их слышать.

Несколько минут спустя Лидия услышала, как Леон вошел в кухню.

— Хватит говорить обо мне, — произнесла она, не поворачивая головы. — Я только и слышу, как вы говорите обо мне, будто я порчу вам жизнь. Почему взрослые вечно считают, что дети их не слышат?

Она обернулась к Леону, чтобы посмотреть, слушает ли он ее. Действительно ли он ее слушает.

Его глаза были крепко зажмурены.

— Прости, — сказал он. — Ты права. Я думаю, ты была права относительно очень многих вещей.

Они некоторое время молчали, слушая журчание льющейся из крана воды.

— Мне местечко найдется? — спросил он и, подойдя к раковине, встал рядом с Лидией и принялся закатывать рукава.

Она кивнула и подвинулась, а он тем временем взял жидкость для мытья посуды и обильно полил руки, после чего сунул их под теплую воду.

— Ну и как это делается? — спросил он, когда средство вспенилось.

Лидия показала ему правильный порядок действий: большой палец — указательный — средний безымянный — мизинец — один-два-три — смыть — намылить — смыть — намылить — перейти к другой руке. Леон сосредоточенно нахмурился и принялся повторять за ней слова, следуя ее инструкциям.

— Так правильно? — уточнил он.

Лидия кивнула.

Она не знала, сколько времени они полоскались в воде, намывая руки. Большой палец — указательный — средний — безымянный — мизинец — один-два-три — смыть — намылить — смыть — намылить-перейти к другой руке. Может, несколько минут, а может, и час. Потом Леон взял ее руки в свои, аккуратно потер их под

водой, сполоснул и снова намылил.

— Если ты вдруг не в курсе, — сказал он, шутливо подтолкнув ее локтем, — я феноменально надуваю мыльные пузыри.

Он прижал кончик большого пальца к кончику безымянного, осторожно сложив из них кольцо так, чтобы не повредить тонкую мыльную пленочку. Потом легонько дул на нее до тех пор, пока на его мыльной ладони не образовался большой пузырь. Тогда он перевернул ладонь так, что пузырь оказался вверху, и снова легонько дунул, и пузырь, оторвавшись от его руки, поплыл по воздуху и взмыл под потолок кухни. Когда он лопнул, Лидия заплакала.

— Я не могу пойти в школу в понедельник, — произнесла она негромко.

— Я знаю, — отозвался Леон. — Мы с мамой все обсудили. Мы переведем тебя обратно в вальдорфскую школу.

Лидия кивнула. Леон надул еще один пузырь. Она представила, что находится внутри вместе с отцом. Они держатся за руки, а теплый ветерок уносит пузырь с ними прямо в небо. Ей хотелось остаться навечно жить в этом герметичном пузыре вместе с папой, где они будут надежно ограждены от всех незримых опасностей.

Они вместе выдували пузыри, пока не стало смеркаться. Когда вошла Луиза и включила свет, Лидия увидела отражения их удивленных лиц в кухонном окне. Она смотрела на мир, обнаруживший в стекле, и на мгновение он не показался ей ни чуждым, ни угрожающим. Он просто походил на их кухню.

Диагностическая интерлюдия
1990

Всю дорогу до города Луиза предавалась фантазиям о том, как Земля столкнется с метеоритом, и ей не придется идти на прием к врачу. Мысли о технических деталях воображаемого стихийного бедствия действовали на нее успокаивающе: мост Джорджа Вашингтона обрушится, чтобы они оказались навечно отрезаны от города, но они в этот момент должны находиться в достаточном от него отдалении, чтобы их не увлекло в Гудзон вместе с обломками моста. Она с силой вдавила ноготь большого пальца в кожу над запястьем, глядя, как лунка сперва белеет, а потом краснеет. С прошлой недели, с того самого звонка от двоюродной сестры, которую в последний раз видела в 1962 году, она чувствовала себя призраком в коконе собственной плоти, в глубине души почти ожидая, что ее руки теперь будут проходить сквозь повседневные предметы, а тело — просачиваться сквозь стены.

Трубку снял Леон, потому что Луиза накрывала на стол к ужину — на этот раз успешно, в отличие

от того пугающего инцидента неделей ранее, когда руку неожиданно свело судорогой и она уронила на пол тяжелую чугунную кастрюлю, полную гуляша.

— Это твоя двоюродная сестра Хава, — сказал Леон, прикрыв ладонью трубку. — Она звонит из Израиля. Говорит, это важно.

Луиза не сразу даже сообразила, что за Хава такая, но потом в ее памяти всплыла худенькая серьезная девочка, сидящая на диване у Фрейи в колготках и лакированных туфельках, и то, как она вежливо отказывалась от всех предложенных ей угощений, потому что они были некошерные.

— Очень странно. — Луиза забрала у Леона трубку. — Садитесь ужинать без меня.

Луиза не помнила их с Хавой разговор. Она не помнила, ни как Леон взял параллельную трубку, ни как она сама потом оказалась в спальне. Позже, когда они с Леоном уже лежали в постели, он снова и снова пытался объяснить ей все это, потому что она неспособна была вникнуть в смысл его слов. Они путались и ускользали.

— С Хавой связался один профессор из Тель-Авивского университета. Он занимается исследованием генетических заболеваний евреев-ашкенази, — терпеливо повторил Леон. — Одна из ваших

дальних родственниц приняла участие в этом исследовании, и он проследил ее родственные связи и вышел на Хаву. Он считает, что твоя мать и тетя умерли от одного заболевания, поэтому он проверил на него Хаву, и результат оказался отрицательным. Но она считает, что тебе тоже нужно провериться, потому что, если, упаси Бог, у тебя его найдут, в больнице Маунт-Синай есть специалист по этому заболеванию. Она даже назвала его имя.

Луиза кивнула, тюкнувшись лбом о лоб Леона. На этот раз слова на время задержались в ее мозгу. И когда их смысл проник в ее сознание, комната подернулась призрачной дымкой нереальности, как будто Луиза внезапно очутилась внутри выцветшей черно-белой фотографии.

— Выходит, моя мама умерла не от какой-то редкой формы рака мозга, как мы считали?

— Похоже, что нет.

— Я думала, всему виной плохая экология, — сказала Луиза. — Они с сестрой выросли неподалеку от промышленной свалки в Бруклине.

— Похоже, что нет, — повторил Леон.

— Почему я не помню наш разговор? — спросила Луиза.

— Человеческий мозг защищается от того, с чем

не может справиться.

Луиза кивнула:

— Я когда-нибудь рассказывала тебе про заключенных?

— Нет.

— Можешь натянуть одеяло так, чтобы мы с тобой будто оказались в пещере? — спросила Луиза тоненьким голосом.

Он кивнул и, театральным жестом накрыв их обоих одеялом, приблизил к ней лицо. Луиза расслабилась в голубоватой полутьме, задышала глубже, сосредоточившись на руках Леона на его бедрах.

— Так что там с заключенными? — напомнил он.

— Когда мне было лет двенадцать или около того, мы с мамой ездили в Катскильские горы и по дороге сделали остановку, чтобы сходить в туалет. И когда мы туда зашли, там оказалось несколько заключенных, скованных вместе за лодыжки, — их тоже привели в туалет. Я ничего этого не помню, мне мама потом рассказала. Она сказала, что я была в ужасе. Но у меня вообще не сохранилось никаких воспоминаний. Никакой картинки в мозгу. Я была уже достаточно взрослой, чтобы хоть что-то запомнить, но я не могу

себе этого даже представить. Как они заходили в отдельные кабинки, если все были скованы между собой за ноги? Стояла ли я рядом с ними у раковин? Когда я сидела на унитазе, видно ли мне было из-под дверцы их скованные лодыжки? У меня не осталось вообще никаких воспоминаний.

— Мозг защищается от того, с чем не может справиться, — повторил Леон.

— Я не хочу ехать в Маунт-Синай, — сказала Луиза. — Не хочу ничего знать.

— Но ведь новости могут быть и хорошими.

— Хороших новостей не будет.

Леон отстранился, прерывая контакт, и высунул голову из-под одеяла, чтобы сделать большой глоток воздуха.

— Мы едем в Маунт-Синай, — произнес он твердым отцовским тоном, каким мог бы говорить с Лидией, будь Лидия из тех детей, которым нужна строгость.

Так они и оказались в машине на пути в Маунт-Синай, в то время как Луиза предавалась фантазиям о метеоритах, землетрясениях и нападении инопланетян.

Когда они въехали на больничную парковку, ей вдруг пришла в голову мысль, что она не обязана

идти на прием. Что он сделает, если она откажется? Силком вытащит ее из машины и поволочет в лифт? Ей вспомнилось, как она думала то же самое про ивритскую школу, когда ей было лет десять-одиннадцать, но Фрейя тогда сообщила ей, что, если понадобится, она насильно выволочет Луизу из машины и оттащит в класс к миссис Эпштейн. Но Леон не ее мать. А она не маленькая девочка.

— Так, ладно, — наигранно бодрым тоном произнес Леон, опуская солнцезащитный козырек над своим сиденьем и аккуратно всовывая парковочный талон в специальный кармашек.

— Я решила, что никуда не пойду, — сообщила Луиза, поворачиваясь к нему лицом.

Он рассмеялся, но как-то нервно.

— Я куплю тебе мороженое в награду, — пообещал он. — Или, может, доктор выдаст тебе конфетку за храбрость.

Луиза упорно отказывалась улыбаться, хотя его доброта ее тронула.

— Собачьи вкусняшки?

— Не старайся. Я никуда не пойду, и ты не заставишь меня это сделать ни подколками, ни уговорами. — Она вцепилась в ручку дверцы с такой силой, что побелели костяшки, и уперлась

ступнями в пол. — Иди без меня.

— Я не могу… — Он осекся, заметив, как часто она дышит.

Луиза уткнулась лбом в приборную панель и поразилась тому, как громко стучит в ушах кровь.

«Кажется, я схлопотала первую в жизни официальную паническую атаку», — подумала она.

Леон положил руку ей на спину. Она чувствовала отпечаток его ладони на своей коже, как будто он был обведен фломастером.

— Я схожу, — произнес он мягко, — и посмотрю, согласятся ли они поговорить со мной вместо тебя. Посидишь тут без меня минутку?

Луиза кивнула, наслаждаясь прикосновением прохладного пластика ко лбу. Леон убрал руку, но то место, где она только что находилась, все еще пульсировало и успокаивало, и ее дыхание мало-помалу стало не таким частым. Хлопнула дверца машины, и шаги Леона начали медленно удаляться. Луиза очень долго — а может, совсем недолго — сидела с закрытыми глазами, вслушиваясь в симфонию больничной парковки: шуршание шин и бесцельные хлопки дверей, и в ушах у нее крутился куплет из песни Леонарда Коэна.

«Я слышал, ты строишь домишко в пустыне». Хлоп, шурх.

«Живешь как придется, без цели, без смысла». Хлоп, шурх.

«Надеюсь, хотя бы ты пишешь заметки». Хлоп, шурх.

В то лето, когда умирала ее мать, она бесконечно слушала «Знаменитый синий плащ», пытаясь сосредоточиться на образе сухой горячей пустыни, потому что та была полной противоположностью сырой гниющей реальности материной спальни.

В окошко постучали, и Луиза услышала через стекло голос Леона — он просил опустить окно. Она, не поднимая головы, повиновалась, отдавая себе отчет в том, что ведет себя по-детски и не в силах ничего с этим поделать.

— Нужно, чтобы ты это подписала. — В руках у него был бланк разрешения. — Если ты его подпишешь, я смогу заполнить все за тебя, обрисовать симптомы и твою семейную историю. Потом медсестра придет сюда и возьмет у тебя кровь. Тебе не придется даже выходить из машины. Все, что от тебя требуется, это поднять голову и подписать бумагу.

Луиза подумала, что стоит ей поднять голову,

как она снова начнет задыхаться, но тут Леон сказал:

— Так, Луиза, на счет три ты поднимешь голову и подпишешь эту чертову бумагу!

И Луиза немедленно подняла голову и подписала бумагу в немой ярости оттого, что с ней обращаются так неуважительно — возможно, Леон с самого начала все именно так и задумал. Он ушел. Шум больничной парковки больше не был похож на симфонию; теперь это был просто шум больничной парковки. Она думала о том, как на прошлой неделе выронила кастрюлю с гуляшом, как ее рука превратилась в бесполезную клешню; как руки ее матери после смерти остались навечно скрюченными, будто она цеплялась за простыни, пытаясь выбраться из собственного тела. Она думала о странном ощущении, которое в последнее время поселилось у нее в голове — как будто что-то в ее мозгу съеживалось, копошилось, копалось. Потом она стала думать о муравьиной ферме, которую купила Лидии два года тому назад. Они несколько недель наблюдали, как муравьи прокладывают подземные ходы, кормятся и производят на свет потомство, пока насекомых неожиданно не поразила какая-то эпидемия и они все одновременно не умерли.

Сотни трудолюбивых крошечных существ превратились в безжизненные трупики, зажатые между двух листов плексигласа.

В окошко снова постучали. Луиза открыла глаза и увидела коренастую седовласую медсестру, за спиной у которой нервозно переминался с ноги на ногу Леон.

— Это Дженис, — сказал он. — Она возьмет у тебя кровь.

— Здравствуйте, Луиза, — поздоровалась Дженис.

Все инстинкты требовали от Луизы поздороваться в ответ, потому что, вопреки тому, что думали о ней окружающие, она была человеком, в сущности, вежливым, ну или, по меньшей мере, относительно социализированным, но язык отказался ей подчиняться. Она молча открыла окошко.

— Дайте-ка мне сюда вашу ручку, лапушка, — сказала Дженис.

Она принадлежала к тому типу женщин, которые держались настолько по-матерински, что могли назвать «лапушкой» кого угодно, и им это сходило с рук. Луизе даже не захотелось возмущаться. Она просто закатала рукав и выставила руку в окно. Дженис ловко перетянула ее повыше

локтя жгутом и принялась нащупывать вену, держась так, словно не находила ровным счетом ничего необычного в том, чтобы брать кровь на парковке.

— Так, а теперь маленький укольчик, — произнесла она и, введя иглу под кожу, принялась одну за другой извлекать из правого кармана белого халата маркированные пробирки, которые по мере наполнения перекочевывали в левый карман.

Луиза, как завороженная, смотрела на собственную кровь, любуясь ее богатым, королевским цветом.

«Я хочу носить одежду только такого цвета, пока не умру, — думала она. — А это может произойти очень даже скоро».

— Ну вот и все, ласточка, — объявила Дженис.

Против «лапушки» Луиза ничего не имела, а вот «ласточка» ее покоробила. Но это не имело никакого значения, потому что Дженис уже заклеивала ее вену пластырем. Луиза убрала руку и подняла стекло.

— Я сейчас приду, — сказал Леон, и на несколько кратких минут она осталась в блаженном одиночестве.

Он плюхнулся на водительское сиденье.

— Меня выводит из себя, когда ты начинаешь

играть в молчанку, — произнес Леон.

Луиза не произнесла ни слова.

— Может, результат будет отрицательный, — не унимался Леон. — Хава рассказывала, какое облегчение испытала, когда у нее ничего не нашли. Нам нужно продержаться всего несколько недель, а если новости придут плохие, будем думать, что делать.

«Интересно, фраза „Будем думать, что делать“ когда-нибудь кого-нибудь успокаивала?» — подумала Луиза, молча глядя в окно.

Ей не хотелось присоединяться к его отчаянным попыткам сохранять позитивный настрой.

— Серьезно, Луиза, меня выводит из себя игра в молчанку.

— Если мы будем разговаривать, то поругаемся, а я не хочу ругаться.

— Мы все равно рано или поздно поругаемся, так что давай уже покончим с этим.

— Пожалуйста, — пожала плечами Луиза. — Хороших новостей не будет, Леон.

— Ну почему ты всегда немедленно начинаешь думать о худшем варианте развития событий?

— А ты почему упорно не желаешь замечать очевидное? Понятно же, что у меня есть это заболевание. У меня появились те же самые

симптомы. Думаешь, я вывернула на пол этот чертов гуляш смеха ради? Вот, полюбуйся. — Она протянула ему трясущуюся руку.

— Может, это от нервов! — огрызнулся Леон.

— Ой, да иди ты к черту. Вот поэтому-то я и не хотела с тобой разговаривать. Ты вечно пытаешься делать вид, что все в порядке. А иногда все не в порядке. Давай будем говорить о фактах. Моя мать умерла от генетического заболевания. Моя тетка умерла от генетического заболевания. Если бы моя бабка не умерла в родах, она, скорее всего, тоже умерла бы от генетического заболевания, и так далее, и так далее, и так далее до самого штетла. Если они не умирали от чахотки, от бедности или не погибали в погромах, то в какой-то момент неминуемо начинали чахнуть без видимых причин и сходили в могилу плюс-минус похожим образом.

— Ладно, — сказал Леон. — Мы пока не знаем, есть оно у тебя или нет, но, если есть, мы придумаем, как с этим жить. Можно купить больничную кровать и поставить ее в гостиной, я буду спать на диване, и тогда ты все равно сможешь быть центром нашей жизни, в то время как я продолжу принимать пациентов, а Лидия — ходить в школу.

— Черт побери, Леон! Тебя бросает из крайности в крайность. Может, ты повременишь пока с логистикой моей кончины? К тому же, — выпалила она вопреки голосу рассудка, — я не собираюсь умирать на больничной кровати в нашей гостиной в Рокленде. Я намерена умереть в юрте посреди пустыни!

И тут они внезапно начали орать друг на друга. Морось превратилась в дождь, и очень скоро полило как из ведра, а они ехали по скоростному шоссе. Леон, как обычно, остыл первым. Он свернул в один из карманов и заглушил двигатель. Дождь яростно хлестал по лобовому стеклу — почему-то это всегда действовало на Луизу успокаивающе. Леон повернулся к ней. Глаза у него были покрасневшие.

— Луиза, — произнес он негромко.

— Что? — отозвалась Луиза настороженно, опасаясь, что он снова начнет детализировать ее угасание и смерть.

— Луиза, — сказал он. — Мое сердце рвется на части.

Впервые со времени звонка из Израиля она снова почувствовала себя в своем теле. Слезы, которые она сдерживала много дней подряд, подкатили к горлу, и она заплакала.

— Мое тоже, милый, — сказала она.

Он склонился к ней, а она к нему, и они уткнулись друг в друга. Так, соприкоснувшись лбами, точно целующиеся шимпанзе, они сидели и плакали под дождем, который барабанил по крыше машины, и скатывался вниз, в Гудзон, и исчезал в воде.

Часть третья
1991–1996

Червоточина, часть первая
Кейп-Код
1991

Лидия скучала. Обыкновенно она любила их летнюю неделю на Кейп-Коде, но в этот раз родители напутали с датами, поэтому никого из ее знакомых ребят не было, а знакомиться с новой компанией она стеснялась.

Кейп-Код всегда был местом, где не имело никакого значения, что она непопулярна, потому что она очень неплохо держалась на плоту (на самом деле она установила рекорд, простояв тридцать секунд, прежде чем полететь воду), умела надолго задерживать дыхание, а ее подводные стойки на руках были безупречны. Всем было наплевать, что она любит читать и что у нее странные родители, потому что родители никого не интересовали. Ты вылезала из машины, сбрасывала обувь и на семь блаженных дней была свободна от них. Вот только в этом году никуда от них не денешься. Была уже среда, и она не знала, то ли грустить, что половина отдыха прошла, то ли радоваться, поскольку ей было

не слишком-то весело. Хотя взрослые, похоже, отлично проводили время. Барри с Мириам приехали к ним на несколько дней, и взрослые пили вино и ели омаров, которых она терпеть не могла — за исключением ног, они были ничего, хотя и в омерзительном смысле.

Сегодня было еще скучнее, чем обычно, потому что наступил отлив и купаться было нельзя; она только что дочитала «Их глаза видели Бога», и финал оказался настолько дурацким, что ей не хотелось начинать другую книгу, а хотелось, чтобы «Их глаза видели Бога» закончилась по-другому.

— Что с тобой? — спросила ее Луиза со своего места под голубым пляжным зонтиком.

— У этой книги дурацкий конец, — ответила Лидия.

Луиза подняла голову от полотенца и посмотрела на дочь.

— Так почитай что-нибудь другое.

— Я не знаю, что еще почитать. — Лидия отдавала себе отчет в том, что ноет. — Я перечитала все книги, которые мы с собой привезли.

— Наверху на полках полным-полно самого разного чтива. Наверняка там найдется что-нибудь тебе по вкусу.

— Ладно, — отозвалась Лидия. — Я немного

попозже схожу посмотрю.

Она выкопала в песке ямку для подбородка и провела несколько неудобных минут, лежа лицом вниз.

— У нас есть солнцезащитный крем? — спросил Леон, только что вернувшийся с прогулки по пляжу.

— Посмотри в сумке, — отозвалась Луиза точно таким же раздраженным тоном, каким разговаривала с Лидией.

— Я смотрел, но ничего не нашел.

— Так вот же он, у тебя в руке. — Луиза перевернулась на спину.

— У него солнцезащитный фактор всего десять, — отозвался Леон, раздражаясь. — Он ни от чего не защищает.

Луиза пожала плечами.

— Рак кожи меня в этом году не особенно заботит, — произнесла она тоном, который озадачил Лидию.

Они с отцом снова переговаривались загадками, вели какой-то спор, в который Лидия не была посвящена. Леон бросил крем обратно в сумку. Девочка слышала, как тюбик прошуршал по неистребимому слою песка, который каким-то загадочным образом всегда образовывался на дне

сумки, сколько бы они его ни вытряхивали.

— Не обязательно смотреть на все упаднически, — сказал Леон спокойным тоном, но Лидия чувствовала, что он в бешенстве. — Пойду-ка я поплаваю.

Он пробирался по камням, пока не достиг места, где было достаточно глубоко, чтобы можно было нырять.

— А что значит «упаднически»? — спросила Лидия.

Луиза вздохнула:

— Наверху есть словарь. Можешь посмотреть там.

— И еще, — добавила Лидия, — сегодня утром ты заставила меня намазаться кремом с солнцезащитным фактором сорок пять. Почему сама им не мажешься?

Луиза потерла виски и раздраженно простонала:

— Я всего лишь хочу без помех почитать книгу и полежать на солнце. Почему вы двое никак не можете оставить меня в покое?

— Ну и пожалуйста, — произнесла Лидия, поднимаясь на ноги и окидывая взглядом песчаную дюну.

Ей пришлось подойти к задаче стратегически:

песок был таким горячим, что обжигал подошвы. Она попыталась взбежать на вершину без остановки, но на полдороге выдохлась, и ей пришлось бросить на песок полотенце и постоять на нем, перескакивая с ноги на ногу, пока пятки не охладились. После этого она преодолела вторую половину подъема, успев добраться до выцветших серых мостков точно вовремя.

В доме царила мертвая тишина. Она нарочно хлопнула сетчатой дверью, чтобы проверить, есть там кто-нибудь или нет.

— Я тут, — крикнул Барри с террасы.

Терраса вызывала у Лидии смешанные чувства. Она висела в воздухе на самой вершине песчаной дюны, покоясь на нескольких цементных столбиках, и Лидия была совершенно убеждена, что, если они перестанут верить в то, что такая конструкция возможна с точки зрения физики, та немедленно рухнет прямо под ними.

«Я верю в прочность террасы», — отбарабанила она про себя и, пройдя через гостиную, мимо бамбуковых диванов с заляпанными оранжевыми подушками, открыла еще одну сетчатую дверь и очутилась на террасе.

Барри в расстегнутой фланелевой рубашке и бирюзовых плавательных шортах сидел на стуле,

водруженном на стол для пикников; остатки его волос торчали в разные стороны.

— Что ты делаешь? — спросила Лидия.

Ей нравился Барри. По крайней мере, он не был занудой, и она предпочитала проводить время с ним, а не с мрачной Луизой и раздражительным Леоном.

— Летаю с чайками, — ответил он и похлопал ладонью по пустому стулу рядом. — Забирайся и увидишь, что я имею в виду.

Она вскарабкалась на стол и села рядом с ним. Здесь, на столе, на террасе, на вершине песчаной дюны, они находились на одном уровне с чайками, которые парили всего в трех-четырех футах от них. Было очень ветрено, и птицы висели в воздухе, точно подвешенные за ниточки куклы, пытаясь лететь, но не в силах куда бы то ни было переместиться.

— Классно, правда? — произнес Барри.

Лидия обрадовалась, что он не употребил какое-нибудь словечко вроде «балдеж», потому что у него была склонность использовать древний сленг, от которого ей становилось неудобно за них обоих.

— Угу, — отозвалась Лидия. — Здорово. Мне кажется, мы видим в точности то же самое, что

и они.

— Потому-то мне это и нравится, — сказал Барри. — Мне нравится быть чайкой.

— Но это немного грустно, — добавила Лидия (они почти кричали, чтобы перекрыть шум ветра). — Чайки так стараются, но не могут никуда попасть.

— Ну, — отозвался Барри, — мне кажется, что эта метафора очень точно отражает жизнь. Ты знаешь, что такое метафора?

— Разумеется, я знаю, что такое метафора, дядя Барри, — обиделась Лидия.

— Разумеется, ты это знаешь, — примирительным тоном произнес Барри. — Ты чертов гений.

— Почему они просто не развернутся и не полетят в другую сторону? — спросила Лидия.

— Понятия не имею. Может, они полетели бы так быстро, что не смогли бы остановиться? Или, может, им нужно попасть куда-то туда. — Барри указал в ту сторону, откуда дул ветер. — Они действуют в соответствии со своей чаячьей логикой, которую я просто не понимаю. Я же человеческий психотерапевт, а не чаячий.

Налетел очередной порыв ветра — чаек отнесло еще немного назад.

— Так, — сказал Барри, — а теперь встань и

раскинь руки в стороны, а потом падай навстречу ветру.

Лидия чувствовала себя немного глупо, но все равно подчинилась. Ветер ощущался как чье-то тело, прижимающееся к ней, — сила настолько могущественная, что она почти отменяла действие гравитации, заполняя уши, рот и нос. Лидия повернула голову вбок и увидела, что стоит строго параллельно одной из чаек, как и та, застыв в воздухе.

— Мы летаем с чертовыми чайками! — завопил Барри.

Ветер на миг утих, и чайки унеслись к морю. Лидия посмотрела вниз и увидела мать в фиолетовом купальнике, лежащую на застиранном полотенце с Йодой из «Звездных войн». С такого расстояния она представлялась игрушечной фигуркой из кукольного домика, а не настоящей живой женщиной. Лидии показалась, что она может разглядеть отца, плывущего к берегу. Все стало ненастоящим и очень далеким.

— Это как-то приводит все в фокус, — заметил Барри.

— Угу, — отозвалась Лидия. — Как будто только мы здесь на ветру настоящие.

Они некоторое время наблюдали, как Леон,

увязая в песке, идет к Луизе и устраивается рядом с ней.

— Я все хотел с тобой поговорить, — произнес Барри. — Как дела у твоей мамы? И как ты сама справляешься со всем этим?

Лидия сощурилась и озадаченно посмотрела на него:

— У мамы дела нормально. Ну, то есть она в последнее время ужасно сердитая, но дела у нее нормально.

— Нет, я не это имею в виду. Я имею в виду ее симптомы. — Барри вскинул левую руку. — Ее руки, ее мозг. Столкновение с собственной смертностью — пугающая штука. Ты мудра не по годам, но все равно, возможно, тебе хочется об этом поговорить.

— Я не понимаю, о чем ты, Барри.

У Лидии начало закрадываться тошнотворное ощущение, что Барри, похоже, уже пьян и почти наверняка под кайфом и сейчас скажет что-то такое, чего знать ей не полагалось. Что-то ужасное. Что-то, что объяснит, почему ее родители в последнее время так странно себя ведут.

— Они тебе не рассказали, — произнес Барри, и в его голосе послышался страх. — Черт. Твоя мать меня убьет.

— Что происходит? — почти закричала Лидия, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Теперь тебе придется все мне рассказать!

— Я не имею на это права, — простонал Барри, схватившись за голову.

Лидия, не слушая его, слезла со стола и подбежала к перилам, на которых сушились полотенца.

— Мама! — закричала она. — Мама, поднимись сюда, мне нужно с тобой поговорить!

— Что случилось? — крикнула Луиза в ответ.

— Это важно, — отозвалась Лидия и выкрикнула кодовую фразу, которую они придумали для случая, когда у нее в первый раз пойдут месячные (те начались примерно полгода назад, но она знала, что по этим словам Луиза поймет, что нужно немедленно подняться в дом). — Баклажановый жираф!

Луиза послушно встала, стряхнула с ног песок и двинулась вверх по склону.

Лидия забралась обратно на стол, и они с Барри стали в испуганном молчании ждать Луизу.

— Прости, малыш, — сказал Барри, вытащив из кармана фланелевой рубашки трубку с зажигалкой и торопливо закурив. — Мне нужно подготовиться к этому разговору.

Луиза вошла на террасу и вопросительно по-

смотрела на Лидию с Барри, молча восседавших на своих странных воздушных тронах.

— Я очень виноват, — сказал Барри.

— Виноват в чем? — уточнила Луиза.

— Я спросил Лидию, как она справляется с новостями, ну, в смысле, про твое здоровье. Я не знал, что вы ничего ей не сказали.

— Чего вы мне не сказали?! — закричала Лидия.

— Барри, — процедила Луиза с холодной яростью, которой так и сочился каждый слог, — какого рожна ты полез не в свое собачье дело?

— Я знаю, знаю, — с несчастным видом произнес Барри, но тут то ли характер, то ли трава взяли свое, и он сказал: — Но, Луиза, мы оба знаем, что секреты до добра не доводят. Они метастазируют.

— Ты в самом деле собираешься сейчас читать мне лекцию о секретах?

— Открытость всегда самая лучшая тактика, — принялся оправдываться Барри.

— Да что ты говоришь? — огрызнулась Луиза. — Ты у нас теперь эксперт по этой конкретной ситуации? Тебе уже доводилось иметь дело с чем-то подобным?

— Я по-прежнему не в курсе, что происходит, —

напомнила им Лидия.

Луиза повернулась к ней и протянула руку:

— Пойдем в дом, там поговорим. Барри, не лезь в это дело.

Барри покорно кивнул. Луиза отвела Лидию внутрь, и они уселись на извечно отсыревший диван.

— Помнишь, как я пару месяцев назад уронила кастрюлю с гуляшом? — спросила Луиза.

— Да.

— А потом мне позвонили из Израиля.

— Что-то такое было.

— В общем, оказывается, в нашей семье есть одно заболевание, передающееся по наследству. Оно было у моей матери, оно было у моей тети, и, кажется, оно есть и у меня.

— Заболевание, — повторила Лидия. — Что ты имеешь в виду?

— Судя по всему… — Луиза немного помолчала, потом сделала глубокий вдох, собираясь с мужеством. — Я не знаю, как еще это сформулировать, но когда-нибудь — очень, очень не скоро — оно меня убьет, и это будет тяжелый процесс, как было с твоей бабушкой. Мы с папой не стали ничего тебе говорить, потому что это случится еще очень не скоро, ты будешь уже взрослой, и

тебе не нужно об этом знать.

Лидия смотрела на мать во все глаза.

— Но при чем тут гуляш? — спросила она, отказываясь вникать в смысл последнего предложения.

В глазах Луизы промелькнуло паническое выражение, как будто ее поймали на вранье.

— Ну, — произнесла она, пытаясь выгадать время, — один из симптомов — это кратковременная потеря контроля над мышцами.

— Значит, у тебя есть симптомы. — Лидия не узнавала свой собственный пронзительный голос. — Ты же говорила, что с тобой все в порядке!

— Так оно и есть. — Луиза снова прижала пальцы к вискам, как тогда на пляже. — Время от времени у меня начинают немного дрожать руки, но это заболевание развивается в течение многих лет. Оно еще очень долго не будет никак сказываться на нашей жизни.

Лидия молча смотрела на мать. Комната выглядела в точности так же, как и всегда, но все еле уловимо переменилось. Хрупкое тело матери рядом с ней казалось абсолютно знакомым и в то же самое время будто принадлежало чужой женщине.

— Что ты чувствуешь? — настойчиво спросила

Луиза.

Лидия попыталась распутать клубок собственных эмоций. Обыкновенно это неплохо ей удавалось, как в тот раз, когда умерла бабушка, и она сказала Леону: «Мне не грустно, что она умерла, но грустно, что мне не грустно, и стыдно за то, что мне не грустно». Леон тогда сказал: «Обычно на то, чтобы улавливать подобные нюансы, у людей уходят десятилетия терапии» — и она была так горда собой, тем, что она такая продвинутая и так хорошо разбирается в своих чувствах. Как будто умение разложить по полочкам свои невротические мысли было таким уж большим достижением.

«Пошли они оба к черту, — подумала Лидия. — Им не нужно непременно знать обо всем, что я чувствую. Я не обязана каждый раз раскрывать перед ними свой мозг и пускать их внутрь. Особенно если у них самих есть от меня секреты».

И потом, как она могла объяснить, что ей хочется одновременно забраться к матери на колени и обвить руками ее шею, как маленькая девочка, и изо всей силы ударить ее в живот за то, что она больная и слабая? Как она могла объяснить, что ей хочется наорать на нее одновременно за вранье и за то, что не смогла врать получше, ведь

она должна была сообразить, что Барри окажется слабым звеном.

— Пойду прогуляюсь, — сказала Лидия и, поднявшись, вышла из комнаты, хотя мать попыталась схватить ее за руку.

Она протиснулась мимо отца — который только что вошел в комнату, весь в песке, обгоревший и ничего не понимающий, — и слетела по склону дюны прямо в воду.

В детстве Лидия любила играть в одну игру. Она заходила в воду и плыла изо всех сил, так быстро, как только могла, а, поравнявшись с самым последним домом на утесе, ныряла. Если она все делала правильно, то попадала в червоточину и выныривала на пляже Корн-Хилл до того, как на нем высадились пилигримы. Она уже слишком выросла для этой игры, но сейчас это было ей нужно, поэтому Лидия принялась играть с ожесточением — плыла и ныряла, плыла и ныряла, каждый раз надеясь, что, когда вынырнет, дома, пляжные подстилки и шезлонги исчезнут и останется только пустая полоса песка да голые, не источенные столетиями постоянных ветров утесы. Когда руки и ноги так отяжелели, что она не могла больше плавать, а из-за отлива в бухте стало так мелко, что ее пальцы начали задевать

дно, девочка неохотно выбралась на берег и поплелась к дому.

Она осторожно шла по слизким, облепленным тиной камням и изо всех сил старалась не думать.

«Просто наблюдай, — твердила она себе, — краб-отшельник, краб-отшельник, обточенное морем стеклышко, ракушка, гуляш?»

Когда она вернулась, все взрослые ждали на террасе с одинаковым выражением ужаса в глазах.

— Не разговаривайте со мной, — предупредила Лидия. — Я серьезно.

С этими словами она направилась прямиком в ванную, чтобы смыть под душем песок и отлепить от живота и еле наметившейся груди водоросли. Каким-то образом удалось пережить ужин, а потом, едва стемнело, Лидия забралась в постель, с головой накрылась колючим одеялом и вжалась в матрас.

Разбудил ее дождь. Она не до конца еще вынырнула из сна, и в полузабытьи до нее донесся звон кубиков льда в бокалах и голоса, которые становились то громче, то тише.

— Это катастрофа, Барри, — произнесла Луиза.

— Секреты метастазируют, — крикнул в ответ

Барри, явно решив стоять на своем до конца.

— Объясни мне, пожалуйста, — сказала Луиза, — только по-настоящему объясни, без отговорок, что хорошего в том, что она узнала о моей неминуемой кончине еще до того, как мое состояние начало ухудшаться? Или о том, что, допустим, она тоже может быть носительницей этого заболевания?

Сонное сознание Лидии попыталось впустить в себя эту мысль и решило этого не делать.

«Тебе все это просто снится, — сказала она себе в своей колючей, полной песка пещерке. — Голоса — это просто музыка, а слова — всего лишь звуки».

— Ты вор, Барри. — Луизина речь просочилась сквозь стену, дождь и одеяло, упав Лидии прямо на кожу. — Я хотела, чтобы у нее было как можно больше времени до того момента, когда ей придется жить с фактом, что ее мать умирает. Ты украл у нее это время. Ты самый настоящий вор.

— Секреты разрушают близость, — с растущим отчаянием в голосе отпирался Барри (он явно понимал, что не прав). — Она чувствовала, что что-то происходит. Сколько еще вы собирались скрывать?

— Родители имеют право скрывать от детей

определенные вещи, чтобы защитить их. Это не разрушение близости, это забота. Это называется «границы», Барри, концепция, которая всегда была тебе недоступна.

— Прекратите, оба, — вмешался Леон.

— Все, я убираю скотч, — подхватила Мириам. — Полагаю, нам сейчас лучше всем пойти спать.

До Лидии донесся звон составляемых в мойку бокалов, а потом все привычные звуки, к которым она прислушивалась, укладываясь: ветер, крепнущий снаружи, как и каждую ночь, обвивался вокруг дома, как будто задался целью оторвать его от фундамента.

«Я верю в прочность этого дома», — в полусне подумала Лидия.

Потом ей приснилось что-то из «Волшебника страны Оз» вперемешку с полетами с чайками, и весь их дом целиком парил на ветру над пляжем Корн-Хилл. Она, должно быть, закричала или завизжала, потому что сквозь толстый кокон сна почувствовала руки родителей и различила их приглушенные голоса.

Посреди ночи дождь и ветер улеглись, и тишина разбудила ее внезапно и окончательно. Она выбралась из постели и, прошлепав босиком по

коридору в родительскую комнату, молча открыла дверь и забралась в постель между ними. Луиза без слов приняла пакт о молчании и, обняв Лидию, крепко-крепко прижала ее к груди.

На следующее утро Барри с Мириам очень кстати уехали на лодке смотреть китов, и родители подкараулили ее за завтраком.

— Садись, — сказал Леон. — Я принес круассаны и бейглы, но сперва нам нужно обо всем поговорить.

— А это обязательно? — спросила Лидия, но без намека на вчерашнюю подростковую враждебность. — Почему мы все не можем просто притвориться, что я ничего не знаю?

— Малышка, — печально произнес Леон, — мы бы с радостью, но, к сожалению, так не выйдет.

— Но почему? — спросила Лидия.

— А знаете что? — сказала Луиза. — Я тоже не хочу об этом думать, пока жизнь меня не заставит. Почему у нас ничего не выйдет?

Леон раздраженно дернул себя за кудри.

— В конце концов, о чем тут вообще говорить? Смерть — ужасный и неминуемый исход для всех нас, просто для меня он чуть более неминуемый. — Луиза сжала пальцы Лидии. — Давайте поговорим об этом, когда нас вынудят обстоя-

тельства.

У Лидии было чувство, будто у нее получилось плыть достаточно быстро и нырнуть достаточно глубоко, чтобы попасть в червоточину и вынырнуть на поверхность очищенной от вчерашней беды. Она впилась зубами в шоколадный круассан, во вкусе которого мешались в идеальной пропорции горечь и сладость.

— Ладно, — нерешительно произнес Леон. — Наверное, можно попробовать так жить какое-то время.

— Ну и чем ты хочешь сегодня заняться? — спросила Луиза Лидию, меняя тему. — Выбирай, что душе угодно.

— Я хочу поехать в книжный магазин в Провинстауне. Те книги, что тут есть, это какой-то отстой. Я не хочу читать Тома Клэнси и Джона Гришэма.

— Хорошо, — сказала Луиза. — Я с тобой. Леон?

— Сейчас Медвежья неделя, — вздохнул тот. — Мы ни за что не найдем, где припарковаться.

— Не будь брюзгой, — сказала Луиза.

— А что такое Медвежья неделя? — спросила Лидия, когда они набились в машину и двинулись вдоль пляжа Корн-Хилл, мимо песчаных дюн и соленых озер, к выезду на шоссе.

Луиза с Леоном пустились в длинные и путаные объяснения про старых мохнатых мужчин (медведей), более молодых и худых мужчин (медвежат) и приспособления для связывания.

— Звучит ужасно, — сказала Лидия.

— Да, — кивнул Леон, — но в реальности выглядит почему-то не настолько ужасно.

— Как ни странно, это даже в некотором отношении мило, — подала голос Луиза. — Все просто развлекаются в свое удовольствие.

— Я не понимаю, зачем люди занимаются сексом, — заявила Лидия. — Странное какое-то занятие.

Они съехали с шоссе и принялись петлять по лабиринту узких улочек мимо отремонтированных рыбацких хижин и домов со смотровыми площадками на крышах и радужными флагами. Относительно парковки Леон оказался прав, но никто не роптал. Они с черепашьей скоростью поползли вдоль Коммершиал-стрит в сторону памятника Пилигримам, где обыкновенно можно было как-то приткнуться. Как и обещали родители, половина народу в толпе были «медведи с медвежатами», а вторая половина — шокированные туристы из числа среднестатистических американцев, пытающиеся не давать своим

липким от мороженого отпрыскам во все глаза смотреть на творящуюся вокруг вакханалию.

— Боже, я обожаю провинстаунскую культурную войну, — заметила Луиза, выставив локоть из открытого окна и ухмыляясь при виде затянутых в кожу мужчин, со всех сторон обтекающих машину.

Был один из тех редких дней, когда все складывается прямо-таки идеально, как будто вселенная чувствует, что твоей психике совершенно необходима передышка. Они втроем передвигались словно в каком-то своем пузыре, и, поскольку они не были ни медведями, ни медвежатами, ни шокированными туристами, их беспрепятственно пропускали везде, куда бы они ни шли. К великому удовольствию Леона, к нему весь день время от времени кто-то пытался подкатить.

— Я и не думал, что мне так это польстит, — твердил он, когда они зашли перекусить в пиццерию.

Луиза с Лидией закатили глаза.

— Можем прикупить тебе вон ту кожаную сбрую, чтобы было в чем приехать сюда на следующий год, — сухо произнесла Луиза, указывая на тематический магазин на другой стороне улицы.

Они разглядывали толпы, текущие по улице

за окном. Взгляд Лидии упал на тощего паренька, который пробирался по Коммершиал-стрит, обходя и уклоняясь, обходя и уклоняясь. Она почувствовала на себе взгляд матери.

— Похож на Алана, правда? — негромко произнесла Луиза, чтобы никто, кроме Лидии, не мог ее услышать.

Лидия кивнула. Некоторое время обе молча ели пиццу. Лидии пришло в голову, что, возможно, в этом городе масса больных людей, скрытых от глаз в обшитых рейками колониальных домах, под развевающимися радужными флагами, и что, пожалуй, во всем этом разгуле, творящемся вокруг, можно уловить какую-то немного паническую лихорадочность. А может быть, все здесь (не туристы, они не в счет) чувствовали себя так же, как она, как будто сегодняшний день был для них драгоценной паузой среди тревог — червоточиной, заслуженно добытой верой, скрупулезным подгадыванием времени и тяжким трудом. Двойник Алана, парнишка, больше похожий на скелет, скрылся в переулке.

— Мороженого? — спросила Луиза, и Лидия услышала в материном голосе то же самое веселое отчаяние, каким веяло от толпы вокруг.

— Да, — отозвалась Лидия, беря мать за руку,

как маленькая девочка. — Мороженого.

Червоточина, часть вторая
Лето цикад
1995

В этот жаркий июньский день Лидия и ее лучшая подруга Билли (да, в честь Билли Холидей; здорово, правда?) валялись в кровати под включенным на полную мощность вентилятором, держась за руки и играя в свою любимую игру «Я хочу выйти за мужчину, который…».

— Я хочу выйти за мужчину, — завела бог знает какой по счету раунд Билли, — который работает фотокорреспондентом на войне. Я терпеть не могу, когда он уезжает, но никогда не прошу его остаться дома, потому что у него очень важная работа.

Билли немного помолчала.

— Но и моя работа тоже важная, разумеется. А я тогда… я тогда развожу в городе пчел.

Они уже перебрали десятки всевозможных комбинаций мужей и карьер. На Лидию произвело впечатление, что Билли смогла придумать оригинальную профессию, хотя они уже исчерпали практически все из них, как конвенциональные,

так и нет.

— И поскольку я добываю сладость из бетона, — продолжила мысль Билли (Лидия закатила глаза), — ведь мои пчелы способствуют появлению цветов в каменных джунглях Бронкса, он меня очень уважает. Собственно говоря, так мы и познакомились — он делал фоторепортаж обо мне для «Таймс».

— Неплохо, — кивнула Лидия. — Теперь моя очередь. Так, ладно. Я хочу выйти за мужчину, который…

Лидия задумалась. Она только что дочитала всю Исабель Альенде, так что в голове у нее были одни латиноамериканские революционеры.

— Я хочу выйти замуж за революционера, которому пришлось бежать из своей страны, чтобы спастись от смерти, потому что его книги были слишком уж радикальными и подстрекательскими. Я познакомилась с ним, укрывая беженцев в подвале своего дома. И вместо того, чтобы отправиться на север, в Канаду, он остается со мной и учит меня испанскому, а я учу его английскому, и мы с ним вместе учреждаем переводческую компанию, чтобы выпускать радикальную литературу.

— О-о-о, как классно, — восхитилась Билли,

сжав руку Лидии. — Хотелось бы мне встретить мужчину, с которым было бы так же интересно, как с тобой. Как жаль, что мы с тобой не лесбиянки.

— Это трагедия, — согласилась Лидия.

— Я просто слишком люблю члены, — вздохнула Билли.

Лидия терпеть не могла, когда разговор принимал такой оборот. Это казалось ей проявлением жадности. Неужели то, что было между ними, само по себе не являлось достаточным и особенным? Это было предупреждение, замаскированное под комплимент: я тебя, конечно, люблю, но ты никогда не будешь для меня столь же важна, как тот мужчина, с которым я в настоящий момент трахаюсь.

— Ну а я, видимо, слишком люблю теоретические члены, — сказала Лидия самокритично, остро осознавая, что с настоящим никогда в жизни дела не имела.

— Думаю, настало твое лето, — сказала Билли, приподнимаясь на локте и окидывая Лидию оценивающим взглядом. — В жизни каждой девушки случается лето, когда она становится несомненной красоткой, и, думаю, твое лето настало сейчас.

Лидия оглядела себя в постели. На ней было старое хипповское платье Луизы в стиле беби-долл с лифом на шнуровке, которое аппетитно обтягивало грудь и немного не доходило до колен. Они только что вернулись с пляжа, и после купания волосы у нее высохли свободными волнами, но без этого противного пуха. Она не могла не признать, что и в самом деле красотка.

— Ты с кем-нибудь познакомишься в этой поездке. Вот увидишь, — сказала Билли.

При упоминании поездки Лидия простонала.

— Помолчи об этом, я пытаюсь делать вид, что мне никуда не нужно ехать через три дня.

Они снова завалились на кровать и сыграли еще несколько раундов, прежде чем наконец задремать, по-прежнему держась за руки.

Луиза вошла в комнату Лидии, где та демонстративно не собиралась в поездку в Испанию, и бросила на пол перед кроватью рюкзак и спальный мешок. Обе старательно делали вид, что не замечают, как сильно трясутся у Луизы руки.

— Тебе нужно собирать вещи, — объявила Луиза.

Лидия даже ухом не повела.

— Ты ведешь себя как несносная девчонка, — сказала Луиза. — Как можно упускать возмож-

ность съездить в Европу? Я не смогла учиться за границей, потому что…

— Потому что твоя мать была больна, — перебила ее Лидия. — Я в курсе.

— Да, — произнесла Луиза тоненьким голосом, который пускала в ход, только когда была обижена. — У меня не было возможности поехать за границу, потому что моя мать была больна.

Лидия понимала, что мать ждет от нее извинений, но у нее не было сил заботиться о Луизиных чувствах.

— Я просто пытаюсь сказать, — примирительным тоном произнесла Луиза, — что, хотя тебе сейчас страшно и не хочется никуда ехать, потом ты будешь рада, что в твоей жизни было такое приключение.

— Мама! — вспылила Лидия. — Это твое приключение, не мое. Я же тебе сказала, мне не хочется сейчас никуда уезжать. Мне хочется остаться дома, работать вместе с Билли в магазине мороженого и творить всякую подростковую дичь — например, жечь костры в лесу и купаться голышом. Наконец-то, наконец-то у меня есть друзья! И я хочу проводить время с ними. Пожалуйста, не заставляй меня сейчас никуда ехать.

Луиза посмотрела на нее с подозрением.

— Это все из-за меня, — сказала она. — Это все из-за меня, но ты не должна из-за меня отказываться от путешествия, потому что я в полном порядке. Я миллион раз тебе это говорила. Я в полном порядке. Наоборот, мне не терпится провести месяц без тебя.

— Ты тут совершенно ни при чем. Мир не крутится вокруг тебя, мама, — соврала Лидия.

И она почти в это верила, потому что в глубине души ей действительно хотелось провести лето, тусуясь с Билли. Но в то же время Лидия знала, что, как только она уедет, у Луизы не останется ни одной причины выходить из своей затемненной спальни, где она спасалась от тиков и спазмов, мучивших ее. И Лидия вернется домой к еще более сдавшей версии своей матери.

— Ладно, все это не имеет никакого значения, — сказала Луиза. — Я записала тебя в эту поездку, и ты на нее согласилась. Я внесла оплату, так что пути назад нет. Ты едешь.

— Я на нее не соглашалась, — возразила Лидия. — Ты упомянула об этом, и я сказала: «Хм. Это может быть интересно». И не успела я опомниться, как ты меня записала.

— Но ты не отказалась, — заметила Луиза.

Это была правда. Лидия не сказала «нет», пото-

му что в январе, когда Луиза завела этот разговор, ей хотелось побывать в Испании. На уроках испанской литературы она читала Федерико Гарсиа Лорку и воображала себя в романтических отношениях с испанским юношей, чья семья чудом ускользнула из лап Франко. Но это было раньше, когда Луиза еще давала уроки игры на виолончели двум девочкам, а ее руки все еще были самыми обычными руками, а не чужими, непредсказуемыми, дикими существами, в которых превратились теперь.

— От чего она не отказалась?

В дверях возник Леон, готовый вмешаться.

— Она отказывается ехать в Испанию, как избалованная девчонка, — пожаловалась Луиза.

— Ну, мы уже оплатили поездку, — будничным тоном произнес Леон, — так что тут и говорить не о чем.

— Я никогда не соглашалась ехать! — крикнула Лидия. — И не понимаю, как мое желание остаться дома и работать все лето делает меня избалованной девчонкой. Мне шестнадцать! Вы не можете отправить меня не пойми куда без моего согласия!

Леон, немедленно сориентировавшись, повернулся к Луизе.

— Девочка права. Мы не можем заставить ее поехать. — А потом почти шепотом добавил: — Думаешь, нам удастся вернуть деньги из-за того, что ты… ну, это?

«Черт побери, папа, — подумала Лидия. — Ты не можешь даже заставить себя назвать вещи своими именами!»

Впрочем, она и сама не могла заставить себя назвать вещи своими именами, даже в собственных мыслях.

«Когда мы успели превратиться в таких людей?» — задалась она вопросом.

Луиза была так зла, что замолчала, а это случалось с ней приблизительно раз в год и наводило на домашних ужас.

— Ты подрываешь мой авторитет, — процедила она, обращаясь к Леону. — Мы не принимаем решения вместе с ней. Мы принимаем решения за нее. Родители здесь мы.

С этими словами Луиза развернулась и вытолкала Леона в коридор, в направлении их спальни, еле заметно подволакивая левую ногу. Лидия поняла, что победила. Когда Луиза прибегала к такого рода махровому авторитаризму, это всегда было последнее средство. Впереди ее ждала череда долгих, знойных, утомительных летних дней,

измеряемых в галлонах ванильного и шоколадного мороженого.

По вторникам и четвергам Лидия с Билли работали в вечернюю смену, и, перемыв все ложки, которыми накладывали мороженое, закрывали магазин и отправлялись творить «идиотскую подростковую дичь». Но к концу июня жечь костры в лесу и купаться голышом им надоело, а их правые руки, которыми они накладывали мороженое, стали вдвое сильнее, чем левые, которыми они ничего не накладывали.

Первую неделю июля, отмеченную липкой жарой, они развлекались тем, что накладывали мороженое левой рукой, пытаясь выровнять бицепсы, благодаря чему сооружали кривобокие рожки и собирали длиннющие очереди. Четвертого июля было жарко и влажно, в магазине толпились капризные дети с родителями на грани нервного срыва. Левые руки сводило от напряжения.

— Нужно придумать что-нибудь новенькое, — сказала Билли, — не то я застрелюсь. Или, может, размозжу себе голову в кровавую кашу ложкой для мороженого.

— Только работай правой рукой, — посоветовала Лидия. — Потому что, если возьмешься левой,

у тебя уйдет на это уйма времени.

Билли засмеялась, но смех ее прозвучал принужденно. Лидия понимала, что они проводят вместе слишком много времени, и она начинает казаться Билли надоедливой, а не смешной.

— Мадлен говорит, лучше всего смотреть фейерверки с холма у старой психушки. Надо будет вечером пойти туда.

Мадлен была лучшей подругой Билли из государственной школы и открыто ненавидела Лидию.

— Ты имеешь в виду пробраться на территорию? — уточнила Лидия.

— Да, я имею в виду пробраться на территорию, — передразнила ее Билли. — Мадлен все время туда ходит. И никого ни разу еще не замели.

При мысли о заброшенной психушке у Лидии свело живот. В детстве она зажмуривалась, складывала пальцы крестиком и задерживала дыхание каждый раз, когда они проезжали мимо роклендской психбольницы, потому что там держали ненормальных, а разве она сама не была ненормальной? И хотя Леон клялся и божился, что они никогда не сдадут ее в психбольницу, и объяснял, что все люди немножко чокнутые, она

подозревала, что он ее обманывает, потому что никто, кроме нее, не намывал целый год руки до кровавых трещин. Даже сейчас при одной мысли о психушке ей немедленно захотелось хорошенько вымыть руки в магазинной раковине. Но она не могла объяснить все это Билли, поэтому просто пожала плечами и сказала:

— Ладно.

После работы все набились в видавшую виды «хонду-сивик» Мадлен. Они выехали на Девятое шоссе, ведущее из города, потом долго петляли по проселкам, пока не припарковались у проволочной изгороди, густо увитой ядовитым плющом.

— Мы проберемся внутрь через дыру в заборе вон там, у того дерева, — сказала Мадлен, вытаскивая изо рта сигарету и выбрасывая ее в окошко.

Они протиснулись сквозь дыру в ржавой проволочной сетке, по недлинной тропке между деревьями поднялись по склону холма и, продравшись сквозь кусты, очутились на территории психушки.

— Это нижняя граница комплекса, — пояснила Мадлен, явно наслаждаясь ролью гида в жутковатой экскурсии. — Вон туда не суйтесь.

Она указала на красное кирпичное здание,

похожее на тюрьму.

— Там держали душевнобольных преступников, и никто не отваживается туда заходить. Мы сейчас пойдем на вершину холма.

Они двинулись в горку. Джинсовые шорты натирали Лидии бедра. Стрекот цикад был почти оглушительным. Она порадовалась, что они попали сюда в самом начале июля, когда цикады еще живы. Через месяц весь холм будет усеян их хитиновыми трупиками.

— Какое жуткое место, — пробормотала себе под нос Лидия, когда впереди показалась старая психиатрическая лечебница.

Выглядела она как нечто среднее между особняком и средневековой тюрьмой и одновременно зачаровывала и пугала Лидию. Когда они подошли поближе, Лидия заметила, что крепкий костяк больничного здания еще цел, но все до единого окна выбиты, и вид у него какой-то — она не сразу подобрала правильное слово — печальный.

— Предваряя ваш вопрос, — сказала Мадлен, когда они вошли сквозь разбитые двери, — разумеется, тут обитают призраки. Я стопроцентная материалистка, но даже я верю, что ими тут все кишмя кишит.

Снаружи лечебница выглядела местом действия какого-нибудь викторианского готического романа, и Лидия ожидала увидеть кандалы и цепи. Но вместо этого перед ними оказалась вереница безликих коридоров и унылая бюрократическая повседневность двадцатого века — облупившиеся стены, выкрашенные свинцовой краской, асбест, помещения без окон и с проржавевшими койками, разоренные сестринские посты.

Воздух казался густо пропитанным эманациями ста с лишним лет страданий. Вязким. Каждый шаг давался с трудом. Мадлен продолжала сыпать историями про призраков, и Лидии хотелось попросить ее заткнуться и прекратить неуважительно относиться к мертвым, но она понимала, что не сделает этого.

— По ночам это место живет своей жизнью, — пояснила Мадлен, и ее голос эхом отразился от голых стен. — Бездомные кучкуются у подножия холма, в корпусе С, а диггеры — в подвалах этого корпуса и в туннелях, где свалено старое оборудование. Они всегда подряжают молодняк держать фонари, пока сами фотографируют машины для электрошоковой терапии, ванны для гидротерапии и прочие тому подобные штуки.

Они прошли мимо коридора, где на полу валялись бумаги и перевернутые каталожные шкафы.

— А там что? — спросила Лидия.

— А, это архив карточек пациентов, — равнодушным тоном отозвалась Мадлен.

— Значит, когда лечебницу закрыли, карточки просто оставили здесь? — спросила Лидия.

— Наверное, — пожала плечами Мадлен.

— Это же люди, — возмутилась Лидия («На их месте могла быть я»). — Они должны быть защищены.

— Пойдемте посмотрим, — загорелась Билли, явно заинтригованная стопками брошенных жизней.

— Ладно, — вздохнула Мадлен, признавая поражение.

Они уселись на пол и нагребли себе на колени кипы бумаг. Лидия сама толком не понимала, что ищет. Что-то, уличающее ее или убедительно доказывающее, что у нее нет с этими людьми ничего общего? Иногда попадались фотографии «до» и «после»: портреты пациентов при поступлении в лечебницу и несколько десятилетий спустя, в конце жизни. На тех, что были сделаны при поступлении, все выглядели по-разному, а

вот на тех, что были сняты потом, все были на одно лицо: пустые глаза и ввалившиеся щеки, стереотипный образ сумасшедшего.

Лидия попыталась упорядочить записи, но даты шли вперемешку, диагнозы по большей части ни о чем ей не говорили, а почерк сложно было разобрать. Лидия понимала, что понадобятся многие часы, чтобы разобраться, где какой пациент, но кое-что бросилось в глаза. Женщин было намного больше, чем мужчин. И лучше тут не становилось никому. Попав сюда, ты не выходил больше никогда.

— Эй, Люк! — крикнула Мадлен, пытаясь привлечь внимание вихрастого подростка, который проходил мимо их коридора, затем наклонилась к ним и зашептала: — Мы с ним учимся в одном классе. Он каждые выходные торчит тут на чердаке, охраняет чемоданы. У него на них какой-то пунктик.

— Чемоданы? — переспросила Билли.

— Ну, те, с которыми пациенты сюда приехали, — нетерпеливо отозвалась Мадлен. — Мне кажется, он похож на Курта Кобейна. Ведь похож?

— Не особенно, — пожала плечами Лидия.

У него в самом деле были грязные русые волосы

до подбородка и фланелевая рубашка, но так сейчас ходили все.

Люк подошел к ним.

— Что вы делаете? — с подозрением в голосе спросил он, глядя на трех девушек, сидящих на грязном полу среди бумаг.

— Смотрим карточки пациентов. Мы аккуратно, Люк, — сказала Мадлен, словно оправдываясь.

Люк продолжал недовольно смотреть на них.

— Я пытаюсь привести записи в порядок, — пояснила Лидия, пытаясь дистанцироваться от Мадлен. — Они не имели права их здесь бросать. Это важный исторический архив.

Собственный чопорный тон заставил Лидию поморщиться, но Люк кивнул, как будто она прошла какое-то испытание. Он присел рядом на корточки, но ей все равно приходилось вытягивать шею, чтобы поговорить с ним.

— Тебе случайно не попадалась женщина по имени Кора Пибоди? — спросил он негромко.

— Нет, — сказала Лидия. — Но я могу посмотреть. А что?

— Это моя бабушка. Я знаю, что она лежала тут, но никто не говорит почему.

— В каком году? — Лидия пыталась говорить

будничным тоном, хотя и умирала от любопытства, поскольку по опыту знала: сколько ни донимай мальчишек вопросами, это редко дает результат.

— Год, наверное, тысяча девятьсот пятидесятый, пятьдесят пятый… — Он что-то прикинул в уме. — Пятьдесят пятый.

Лидия похлопала ладонью по грязному полу рядом с собой и протянула ему стопку бумаг.

— Можно попробовать ее найти.

Все четверо несколько минут молча читали, пока их не прервала Билли.

— С ума сойти, — пробормотала она. — Лидия, ты должна на это взглянуть.

Лидия взяла протянутую папку. Фонарик Билли выхватил из темноты пожелтевшую фотографию женщины, которая была как две капли воды похожа на Луизу. Женщина смотрела на Лидию таким проникновенным, таким знакомым, таким укоризненным взглядом, что ей пришлось отвести глаза.

— Ты ее знаешь? — спросил Люк у нее из-за плеча.

Билли проигнорировала его и отвела Лидию в сторонку.

— Сходство какое-то запредельно сверхъесте-

ственное, — прошептала она. — Думаешь, она твоя родственница?

Лидия практически против воли погладила женщину на фотографии по щеке, выискивая ее имя.

«Ну, здравствуй, Ханна Грубер», — произнесла Лидия про себя.

— Что с ней случилось? — спросила она у Билли настойчиво.

— Я пытаюсь понять. Похоже, она была иммигранткой, швеей, работала на фабрике, потом у нее начались непонятные припадки, и ее отправили сюда. — Билли осторожно взяла папку в руки и перелистнула несколько первых страниц. — При поступлении ей поставили диагноз «истерия», но, если просмотреть карточку до конца, до двадцатых годов, когда она умерла, врачи пришли к выводу, что это были какие-то неврологические проблемы, а не сумасшествие.

Снаружи затрещали фейерверки, и Лидия подскочила от неожиданности. Билли с извиняющимся видом сжала ее плечо, сунула папку ей и вместе с Мадлен подбежала к выбитому окну. Они принялись охать и ахать, как обычно делают люди, когда смотрят на салют. Лидия, не обращая на них внимания, склонилась над карточкой

с фонариком и стала читать про тремор и тики, судороги и прогрессирующий паралич. Она очень старалась не думать про дробь, которую выстукивали руки ее матери по столешнице, и про шорох, с которым та подволакивала ноги по ковролину в прихожей. Ханна продолжала смотреть на Лидию с фотографии Луизиными глазами. У Лидии перехватило дыхание.

«Я забираю тебя с собой», — про себя прошептала она Ханне и, порывисто затолкав папку в рюкзак, оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ничего не заметил.

Девочки все еще смотрели из окна на фейерверк, а вот Люк молча буравил ее взглядом.

В свой следующий выходной Лидия сказала родителям, что собирается с Билли в торговый центр, но вместо этого в одиночестве поехала в город, сойдя с поезда на Центральном вокзале. Оттуда она отправилась пешком за несколько кварталов в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. В рюкзаке у нее лежала папка с медицинской картой Ханны Грубер.

Коротко посовещавшись с ворчливой волонтеркой, Лидия спустилась в подвал, чтобы посмотреть городские адресные книги. Она начала с 1913 года, когда Ханна попала в лечебницу, и

двинулась назад, методично выписывая ее адреса и имена людей, которые с ней жили. Кому-то это занятие могло бы показаться скучным, она же чувствовала себя исследовательницей, как будто прошлое было тайным миром, в который она украдкой заглянула одним глазком. Примерно такое же ощущение было у нее на Кейп-Коде в детстве, когда она ходила теми же путями, что отцы-пилигримы и вампаноаги[20], и плавала в той же воде.

Следующие несколько недель она прослеживала пути Ханны Грубер в городе: бродила между Орчард-стрит, Хестер-стрит и Аллен-стрит, доходила до Хьюстон-стрит, потом возвращалась обратно к Кэнал-стрит. С каждой неделей она становилась все смелее; все уверенней передвигалась по городу, пытаясь проникнуть сквозь наслоения настоящего в прошлое. Здесь, среди запахов отбросов, гниющей рыбы и человеческого пота порой казалось, что, стоит лишь нырнуть в подъезд какого-нибудь дома или свернуть в переулок — и очутишься в зловонии другого

[20] Примечания: 20

Вампаноаги — индейский народ, исконно проживавший на территории современных штатов Род-Айленд и Массачусетс. В 1620 году верховный вождь конфедерации вампаноагов заключил союз с английскими пилигримами, прибывшими к побережью Массачусетса на «Мэйфлауэре».

столетия.

Она фотографировала бывший дом Ханны, теперь населенный китайскими иммигрантами и белыми юнцами лет двадцати с небольшим; старую фабрику, где та когда-то работала и где, сильно подозревала Лидия, до сих пор действовал какой-нибудь подпольный цех. Она покупала коробки со спелыми манго по два доллара на Кэнал-стрит и соленья из бочки на Орчард-стрит, от которых ее пальцы потом еще несколько часов пахли уксусом.

Бродя по Чайна-тауну и Шматта-дистрикту[21], она придумывала для Ханны одну жизнь за другой. Иногда та была анархисткой, которая после работы садилась на трамвай, идущий до Юнион-сквер, чтобы послушать выступление Эммы Гольдман[22]. Иногда — дивой, подрабатывавшей вечерами в идишском театре. Проходя мимо того места на Кэнал-стрит, где когда-то на-

---

[21] Примечания: 21

Шматта-дистрикт — район Манхэттена, где были традиционно сосредоточены швейные фабрики, на которых работали главным образом иммигранты («шматта» на идиш означает «тряпье, шмотки»).

[22] Примечания: 22

Эмма Гольдман (1869–1940) — российская и американская политическая активистка и писательница, анархистка.

ходилось кафе «Закс»[23], Лидия воображала, как Ханна, склонившись над столом, что-то пишет и пощипывает кожицу на нижней губе, как это делала Луиза, когда пыталась сосредоточиться. Проходя мимо доходных домов на Орчард-стрит, она рисовала в своем воображении Ханну, у которой наверняка, как и у Луизы, был абсолютный музыкальный слух, поющую колыбельные многочисленным детишкам, уложенным спать на одном тюфяке. Или в один из тех редких моментов, когда тюфяк не был занят детьми, и та валялась на нем вместе с кузиной, играя в игру «Я хочу выйти замуж за мужчину, который…».

Лидии казалось, что густой воздух города проникает в каждую ее клеточку, как рассол, алхимически преображая ее. Как-то раз, когда она ехала в метро, одной рукой держась за жирный поручень, а другой неловко прижимая к себе коробку с манго, у нее вдруг мелькнула мысль, что за весь день ее ни разу не посетило навязчивое желание помыть руки, несмотря на то, что вагон, да и город в целом объективно кишел видимой и невидимой заразой. Она благоразумно не стала

[23] Примечания: 23

Кафе «Закс» — место сбора еврейских радикалов, социалистов и анархистов, где Эмма Гольдман познакомилась с анархистом Александром Беркманом, впоследствии ставшим ее любовником и соратником.

об этом задумываться, а просто позволила себе насладиться временной передышкой.

— А можно мне как-нибудь с тобой в одну из этих твоих безумных поездок в город? — спросила Билли, когда они накладывали мороженое тысячному за день покупателю.

Лидии не очень хотелось делить с кем-то свое время наедине с Ханной, как она привыкла думать об этих своих вылазках. Но она, разумеется, не могла сказать Билли, что предпочитает провести день, путешествуя во времени с давным-давно умершей предположительно родственницей, чем гуляя с лучшей подругой, поэтому просто ответила:

— Конечно.

На следующий день они вместе доехали на электричке до города, потом Лидия уверенно повела подругу к шестому поезду, шедшему до Кэнал-стрит. Они, как всегда, держались за руки, и Лидия, ловко лавируя между подозрительно мутных луж и пробираясь сквозь толпы людей на тротуарах, потащила Билли в свою любимую китайскую пекарню. Там она купила большущий пакет паровых булочек с зеленым луком, и они зашагали в направлении Орчард-стрит, на ходу отрывая куски воздушного теста и отправляя

их в рот.

— Как будто ешь облако со вкусом зеленого лука, — сказала Билли.

— Вкуснятина, правда?

— А Ханна тоже могла такие есть?

— Нет, — покачала головой Лидия. — Тогда весь этот район был сплошь еврейским. Китайские иммигранты начали селиться здесь уже позднее.

Они повернули налево и через некоторое время остановились перед домом номер 94 по Орчард-стрит.

— Здесь была ее первая квартира, — сказала Лидия, — сразу же после того, как она приплыла в Нью-Йорк. В адресной книге по этому адресу указана куча народу — не знаю, кто они все: родные, односельчане или просто случайные люди. Там за домом у них были сортиры, так что, если очень хочешь совершить путешествие во времени, представь, что чувствуешь запах человеческих экскрементов, киснущих на жаре.

— Как романтично, — хмыкнула Билли, закрывая пакет с китайскими булочками.

Пока они смотрели на дом, дверь открылась, и из подъезда показался панк лет двадцати с небольшим.

— Эй, погодите, не закрывайте! — закричала

она, и, прежде чем Лидия успела возразить, Билли уже затащила ее внутрь.

— Что ты делаешь? — зашипела Лидия.

— Мы дойдем до ее квартиры и посмотрим, что там и как.

Увидеть им удалось немного: узкий коридор с ободранным линолеумом и обитый штампованной жестяной плиткой потолок. Они прижались ухом к двери квартиры номер три и услышали детский плач и голоса взрослых, переговаривавшихся друг с другом на непонятном языке. Из-под двери пахнуло вареной капустой. Лидии внезапно стало очень грустно.

Когда они вернулись на улицу, щурясь от солнечного света, Билли спросила:

— Как думаешь, какая у нее была жизнь?

— Думаю, паршивая, — резким тоном отозвалась Лидия (она злилась на Билли за то, что та затащила ее в этот дом и заставила окунуться в убожество Ханниного существования). — Они, скорее всего, спали вповалку по очереди на тех кроватях, что у них были, она горбатилась за гроши в швейном цеху, родных у нее не было, вокруг постоянно пахло дерьмом, а потом она заболела и умерла в одиночестве в психушке.

— С чего ты вдруг на меня окрысилась? — до-

несся до нее голос Билли, но она не обратила на это внимания.

Лидия смотрела на Ханну, которая шла к ней по улице, с землистым от усталости после двенадцатичасовой смены лицом, подволакивая левую ногу. Лидия протянула руку к стаканчику с кофе со льдом, который они с Билли купили на двоих, и сделала глоток холодной жидкости. Горько-сладкий вкус вернул ее обратно в ее пока еще здоровое тело.

— Терпеть не могу, когда ты жуешь соломинку, — буркнула она.

Билли проигнорировала замечание. Подруги пошли дальше.

— О, смотри, — оживилась Билли. — Гадальный салон. Всего пять баксов. Давай зайдем?

— Ты это серьезно? Это же чистой воды мошенничество!

Они прильнули к витрине. Помещение внутри куда больше походило на воровскую малину, чем на место, предназначенное для сношений с потусторонним миром. На полу лежал ворсистый ковер и стоял колченогий столик, а дальний конец скрывался за занавеской, наполовину отдернутой так, что можно было разглядеть ватагу ребятишек, смотревших мультики по

телевизору.

— Не будь занудой, — отмахнулась Билли. — Чем мы рискуем?

Она потащила Лидию внутрь. Из-за занавески вышла полная женщина, которая безо всякого энтузиазма поприветствовала их с русским акцентом.

Билли протянула ладонь первой, хамоватым тоном поинтересовавшись:

— А разве мне не полагается сперва посеребрить вам ручку или что-то в этом роде?

Женщина проигнорировала вопрос и минуты две равнодушно рассказывала Билли про ее будущее, которое якобы прочитала по линиям на ладони: долгая жизнь, дети, хорошая карьера, и так далее, и тому подобное. Лидия чувствовала, как выпитый кофе подкатывает к горлу. Все это, разумеется, была чушь собачья, но рука ее к тому моменту, когда она уселась на раскладной стульчик и положила ладонь на липкий стол, заметно дрожала.

Гадалка, уже откровенно скучая, начала рассказывать.

— У вас тоже, как и у вашей подруги, впереди долгая жизнь, — произнесла она, пальцем проследив линию, огибавшую большой палец

Лидии.

— В самом деле? — осведомилась та, изумив себя и всех остальных прозвучавшей в голосе горечью. — Это то, что вы видите? Долгую жизнь?

— Ну да, — отозвалась женщина. — И детей.

— Угу, а еще плодотворную карьеру? Какая неожиданность. — Лидия вырвала у нее руку. — Все это чушь собачья. Я требую свои деньги обратно.

Гадалка помотала головой, поднимаясь и пряча пятидолларовую банкноту в карман платья.

— Все женщины в моей семье умирают молодыми, так что я требую мои деньги обратно!

Лидия неожиданно для себя самой поняла, что кричит.

— Простите! — бросила Билли через плечо и, обняв трясущуюся подругу, вытащила ее на улицу.

— Что это было? — спросила она дрожащим голосом.

Лидия пожала плечами и зашагала в сторону Хьюстон-стрит, к метро, но Билли ухватила ее за локоть.

— В каком смысле все женщины в твоей семье умирают молодыми? Тебе не кажется, что ты слишком сильно вжилась в роль Ханны? По-моему, ты воспринимаешь все это чересчур

серьезно.

Лидия воззрилась на нее. До Билли обыкновенно доходило несколько быстрее. Пешеходы обтекали их с обеих сторон, как будто они были островком посреди тротуара.

— Что такое? — озадаченно спросила Билли. — Ты мне чего-то не рассказала?

— Я думала, ты знаешь, — отозвалась Лидия. — Ты же в курсе, что моя мать больна и что моя бабушка тоже была больна. Это генетическое. Ты разве не знала, что это генетическое?

Лицо Билли совершенно побелело, хотя на улице было восемьдесят пять градусов[24].

— Я не… — Билли замялась, не зная, что сказать; никогда еще на памяти Лидии ее подруга не выглядела такой потерянной. — У тебя оно тоже есть?

— Возможно, — пожала плечами Лидия. — Я не знаю. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

— А анализ какой-нибудь нельзя сделать?

— Можно, — сказала Лидия. — Но я ничего делать не буду, потому что не хочу знать.

— Но если ты сделаешь этот анализ, возможно, он покажет, что у тебя все в порядке, и тебе не

---

[24] Примечания: 24
30 °C.

придется больше волноваться.

— А возможно, он покажет, что я умру молодой.

— Но разве знать наверняка не лучше? — спросила Билли с мольбой в голосе, как будто ей хотелось, чтобы ее ободрили.

— Нет, — отрезала Лидия, отказываясь ее успокаивать. — Я просто хочу жить так, будто понятия не имею, что внутри у меня бомба замедленного действия. Я просто хочу делать вид, что ничего не происходит!

— Но…

— Нет, — повторила Лидия твердым тоном, который удивил их обеих. — И не надо давать мне советов.

Лидия буравила Билли взглядом, пока та не сдалась.

— Ладно, — прошептала она и, взяв Лидию за руку, крепко ее сжала.

Так, держась за руки, они и шли до метро.

— Слушай, — нарушила молчание Билли, когда через несколько кварталов они остановились на пешеходном переходе. — Сегодня вечером ребята собираются устроить костер в лесу. Давай пойдем, напьемся и будем жечь костер. Люк тоже там будет.

Лидия против воли вспыхнула.

— Мадлен говорит, ты ему нравишься, — сказала Билли.

— Да? И что еще говорит твоя Мадлен?

Лидия вскинула брови и в упор посмотрела на Билли. Та ухмыльнулась в ответ.

— Что она понятия не имеет, чем ты его обаяла.

— Я так и знала, — ухмыльнулась Лидия.

В глубине души ей хотелось пойти, побыть нормальным, обычным подростком, потусоваться в лесу с другими такими же подростками и замутить с Люком, потому что Билли сказала, что это ее лето, и, не могла не признать она, он в самом деле немного походил на Курта Кобейна. Но Лидия знала, что никуда не пойдет, потому как настоящая Ханна сейчас сидела у них дома на диване, в пятнадцатый раз перечитывая «Золотую тетрадь», и что, когда они сойдут с поезда на станции Тарритаун, она попрощается с Билли, сядет в машину и поедет через мост Таппан Зи домой.

«Я съезжу в Испанию следующим летом», — скажет она матери, когда войдет в дом, и эта ложь не отяготит совесть, потому что до следующего лета еще очень-очень долго. А мать кивнет и

скажет: «Ладно» — и подвинется, давая ей место на диване, потому что война между ними вымотала их обеих и обеим надоела. И остаток вечера они проведут, сидя в своей любимой позе: прижавшись спинами к противоположным подлокотникам дивана, с книгами в руках, соприкасаясь пальцами ног.

Материнская математика
1996

Пока Лидия за ужином жаловалась на очередное предательство своей лучшей подруги Билли, Луиза очень старалась, чтобы нож, который она держала в правой руке, не дрожал.

— Я просто не понимаю, почему она не пригласила меня на эту вечеринку. Она сказала, все потому, что я не пью и мне там было бы нечего делать, но это чушь собачья.

«Разум сильнее тела», — твердила про себя Луиза, поднося правую руку к куску свиной вырезки, который лежал перед ней на тарелке.

Но когда она уже собиралась разрезать бледно-розовый кусок мяса, пальцы ее пронзил электрический разряд, и нож, выскользнув из руки, дробным стаккато звякнул о тарелку. Она беспомощно посмотрела на Леона в надежде, что Лидия ничего не заметила. Но от Лидии это не укрылось. За несколько долгих секунд, прошедших перед тем, как Леон спокойно взял упавший нож и принялся нарезать мясо на кусочки, Луиза успела заметить паническое выражение, про-

мелькнувшее в глазах обоих.

За последние несколько недель «Ужин с Луизой» превратился в нечто сродни экспериментальным музыкальным композициям Джона Кейджа. «Потряси стакан еще немного, чтобы стекло могло извлечь басовые ноты из стола, — говорил ей воображаемый Джон Кейдж. — И с пляшущей вилкой вступи немного пораньше. А вот то, как подскакивает твоя нога на стуле, мне очень нравится. Ты все еще способна создавать музыку, Луиза!» Воображаемый Джон Кейдж был очень к ней добр. Он никогда не смотрел на нее с плохо скрываемым ужасом, как Леон, который вел совершенно будничный разговор с Лидией, делая вид, что не вынужден одновременно нарезать своей жене мясо на крошечные кусочки, как будто она маленькая девочка или древняя старуха.

— Билли исследует различные грани своей идентичности, милая, — спокойным тоном произнес Леон, но от Луизы не укрылось, что плечи его подскочили едва ли не до ушей. — И ты напоминаешь ей о том, кто она такая на самом деле. Или, по крайней мере, о том, кем она когда-то была, вот она и пытается дистанцироваться.

— Эта твоя Билли манда малолетняя, — бурк-

нула Луиза.

Она не вникала в разговор, но, учитывая то обстоятельство, что Билли было шестнадцать, это утверждение, надо полагать, довольно точно соответствовало действительности, а она взяла себе за правило говорить какую-нибудь возмутительную нелепицу каждый раз, когда Леон пускал в ход этот свой назидательный психотерапевтический тон. Леон с Лидией рассмеялись, явно радуясь тому, что в этом безнадежно больном теле, сидящем за кухонным столом, еще теплились проблески былой Луизы.

«Я могу делать это на автопилоте», — подумалось Луизе.

— Спасибо за исчерпывающий анализ, мама, — саркастическим тоном произнесла Лидия, но на самом деле она имела в виду «Спасибо, что позволяешь мне верить, что у меня все еще есть мать».

— Всегда пожалуйста, малышка, — ответила Луиза одновременно на то, что было произнесено вслух, и на то, что осталось невысказанным.

Впрочем, притворяться, будто она ничуть не изменилась, потихоньку становилось даже утомительнее, чем болеть.

Следующий вечер ничем не отличался от

предыдущего. Настолько, что на секунду Луизе показалось, будто она угодила в кошмарный сон, в котором была обречена снова и снова повторять этот ужин. Лидия жаловалась на ту же самую вечеринку, теми же самыми словами, сидя за столом в тех же самых «мартинсах» и футболке с портретом Ани Дифранко. «Она вообще когда-нибудь стирает эту чертову футболку? Может, это я должна ее постирать? Если бы я не была больна, постирала бы я ее уже или нет?» На тарелке перед ней лежала та же самая брокколи, справа стояла та же самая щербатая миска с салатом. Но потом она пригляделась повнимательнее и поняла, что бесцветное мясо — это курица, а не свиная вырезка и что Леон заботливо нарезал ее на крошечные квадратики, чтобы избежать повторения вчерашнего импровизированного дуэта ножа и тарелки.

Ее правая рука предательски покоилась на коленях, тихонько гудя. Казалось, она вся состоит из струн, натянутых слишком туго, и, стоит ей только попытаться взять вилку, как эти струны лопнут и рука безвольно упадет на тарелку. Она понимала, что не сможет наколоть кусочки курицы и брокколи на вилку и донести их до рта, но, если она даже не попытается, Леон начнет

кудахтать: «Тебе нужно есть, чтобы были силы», а Лидия будет спрашивать: «Мама, ты ничего не ешь?» — пытаясь не выказывать своего отчаяния.

Она снова бросила взгляд на стол, отметив, что Леон даже не положил ей нож. «Ну что за инфантилизирующее отношение? — подумала она. — Еще бы пережевал все за меня и срыгнул обратно на тарелку, как волк. И то было бы менее унизительно».

На долю секунды она позволила себе предаваться злости на Леона и тот немыслимый парадокс, который он создал: чтобы они не переживали, ей нужно было есть, но, если она пыталась есть и у нее ничего не получалось, они начинали переживать еще больше! Она попыталась внушить руке, чтобы вела себя прилично, но та продолжала подергиваться, выстукивая беззвучную дробь о колено. Может, она пыталась передать что-то азбукой Морзе, послать сигнал SOS? Но кому? Кто способен спасти ее от всего этого? Никто.

Кухня неуловимо изменилась. Воздух вокруг сгустился, свет стал одновременно тусклее и ярче. Луиза находилась в кухне и в то же самое время вне ее.

«Кажется, у меня сейчас случится паническая

атака», — подумала она, чувствуя, как самая ее суть, то, что делало ее Луизой, покидает тело и взмывает под потолок.

Она смотрела на них троих сверху в этом странном освещении, и они казались ей нарисованными версиями самих себя. Все это так согревало душу, настоящий еврейский Норман Роквелл. Все, что нужно было сделать, это закрасить морщины на лбу у Леона, стереть пятна с бессменной футболки Лидии и вымарать непослушную Луизину руку. А лучше, наверное, даже вообще вымарать всю Луизу целиком и нарисовать вместо нее другую, более здоровую мать.

— А я все равно не понимаю, почему она не пригласила меня на эту паршивую вечеринку! — в тысячный раз возмутилась Лидия.

Луиза рухнула обратно в собственное тело, потому что была ее очередь, но произнести свою вчерашнюю реплику она не могла, а других идей у нее не было. Лидия смотрела на нее с надеждой. Вилка смотрела на нее с осуждением. Воздух крепко обнимал ее сзади.

«У меня паническая атака», — подумала она.

— Мне что-то нехорошо, — выдавила она, выходя из-за стола, и едва успела подняться по лестнице к себе в комнату, как повалилась на пол

и начала хватать ртом воздух.

Леон уже бежал по скрипучей лестнице, чтобы проверить, как она.

«Теперь ему придется освободить меня из чистилища семейных ужинов», — мелькнула у нее мысль.

— Что случилось? Что случилось? — В ее поле зрения вплыло его лицо. — Тебе плохо?

— Паническая атака, — выдавила Луиза, пытаясь отдышаться.

Леон кивнул и положил руку ей на поясницу в правильном месте. Она прекратила сопротивляться и подчинилась кристальной чистоте панической атаки, с облегчением позволив себе быть просто телом, физической оболочкой и ничем более.

— Я не могу так больше, — сказала она, когда ее дыхание замедлилось.

— Что ты больше не можешь? — спросил Леон, искренне озадаченный.

«Он в самом деле ожидает, что я стану что-то ему объяснять посреди панической атаки? Да, разумеется. Он ведь Леон Рациональный. Если бы из груди у него торчал нож, он все равно умудрился бы подобрать нужные слова, чтобы передать свои ощущения».

— Я не могу больше притворяться.

— Кто требует от тебя притворяться?

Теперь она заподозрила, что он просто лукавит.

— Ты! Каждый день ты ожидаешь от меня, что я сяду за стол и буду есть как нормальный человек. Ты требуешь от меня, чтобы я притворялась. Если ты не заметил, моя правая рука ни хрена не работает, и мне не слишком нравится пугать собственную дочь публичной демонстрацией моего физического угасания.

— Ясно. Значит, это все из-за ужина. Это конкретная проблема, и мы можем найти конкретное решение. Не нужно катастрофизировать.

— Я умираю, а не катастрофизирую.

Леон поморщился, как от пощечины.

— Это заболевание имеет волнообразное течение, — произнес он нарочито спокойным тоном, будто пытаясь убедить ее, но она знала, что он пытается убедить себя. — Ты это знаешь. Если сейчас у тебя ухудшение, это не значит, что на следующей неделе ты не почувствуешь себя лучше.

Луиза съежилась еще сильнее, отстранившись от его руки.

— Вот. Это именно то, чего я больше не могу.

— Что? — ощетинился он. — Что я делаю неправильно? Я просто пытаюсь тебе помочь.

— Я не могу одновременно справляться с твоим страхом и отрицанием и умирать, — сказала Луиза. — Многозадачность никогда не была моей сильной стороной.

Ярость прогнала последние остатки ее паники. Она уселась на полу и посмотрела Леону прямо в глаза.

— Я не хочу умирать здесь, — произнесла она будничным тоном.

Злость придала ей мужества наконец произнести вслух то, что она обдумывала уже несколько недель.

— Я не хочу слабеть и превращаться в овощ на глазах у Лидии. Я была ей хорошей мамой. Я отдала ей все, что у меня было. Я вытирала ей задницу, я кормила ее, я помогала ей готовиться к контрольным. Все, ничего больше я дать ей не могу. Теперь единственное, что я способна ей принести, это страдание. Я не хочу умирать у нее на глазах.

— Не пытайся сделать вид, что это все ради того, чтобы защитить ее. Нельзя вот так взять и прекратить быть матерью.

— Хорошо. Это не ради нее. Я не хочу умирать

у нее на глазах. Если с моей стороны это эгоизм, пусть так.

— Думаешь, мне всего этого очень хочется? — произнес он резким тоном, потом сделал вдох и взял себя в руки. — Но какая у нас есть альтернатива? Жизнь подкинула нам паршивые карты.

— Израиль. Вот какая у нас есть альтернатива.

Она представила себе крошечный домик в пустыне, где сможет сколько угодно греметь, лязгать и трястись вдали от посторонних глаз.

— Никакая это не альтернатива! — с холодной яростью возразил Леон и, поднявшись, принялся расхаживать по спальне. — Мне до смерти надоели эти твои дурацкие фантазии! Не надо надеяться, что где-то на другом конце земного шара ты можешь рассчитывать на чистенькую идеальную смерть в одиночестве! Я не собираюсь даже это обсуждать. Я не отпущу тебя умирать черт знает куда среди чужих людей.

— Они не чужие люди. Они моя семья. Они мои кузины.

— Ты не поедешь жить с кузинами, которых видела от силы три-четыре раза в жизни, вместо того чтобы остаться здесь с мужем и дочерью, которые тебя любят. Мы твоя семья.

— Там мне не придется притворяться, — с

мольбой в голосе произнесла Луиза. — Они уже проходили через это. Они проходили через это со своими матерями. Они проходили через это со своими тетками. Они готовы сделать это для меня. Они помогут мне умереть достойно. Пожалуйста, отпусти меня.

«Когда я успела превратиться в героиню романа Викторианской эпохи?» — спросила себя Луиза, осознавая, насколько мелодраматично прозвучала ее просьба.

Но она в самом деле этого хотела, ну или отчасти хотела. Здесь ей нечем было дышать.

— Отпустить тебя? — переспросил Леон, не веря своим ушам. — Я твой муж, а не тюремщик. В болезни и в здравии, ты не забыла? Ты не можешь сбежать от людей, которые тебя любят, чтобы умереть в пустыне в одиночестве, как собака. Так не поступают. Когда заболел Алан, он не поехал обратно в Теннесси, как ни хотели этого его родители. Он остался с Полом, и Пол заботился о нем, потому что они любили друг друга.

«Пол мой друг, — подумала Луиза. — Не используй его против меня».

— Но у них не было детей, — произнесла она. — Если бы у них были дети, я даже не сомневаюсь, что Алан вернулся бы в Теннесси.

— Чушь собачья, и ты прекрасно это знаешь. Мне просто не верится, что мы говорим с тобой о таких вещах. — Леон снова принялся расхаживать по комнате. — А что ты тогда скажешь про Кэти, нашу соседку? У нее были дети и рак груди, и она не сбежала в Израиль.

Луиза снова съежилась в комочек на ковре. Она так устала, что ей хотелось просто закрыть глаза и перестать существовать.

— Но дети Кэти не видели перед собой собственное будущее, — прошептала она, нарушая неписанное правило их семьи, мистическое соглашение, к которому все они пришли: если они не будут признавать, что у Лидии тоже может быть это заболевание, она не заболеет.

Леон грузно опустился на ковер.

— Не говори так, — умоляющим тоном произнес он.

Она смотрела на его ноги, потому что не могла заставить себя взглянуть на его лицо.

— Я думаю, мы должны об этом поговорить, — сказала она. — Жестоко заставлять Лидию смотреть на все это. Она в ужасе, Леон. Неужели ты не видишь, насколько она напугана? Она снова начала мыть руки.

Повисло сдавленное молчание. Потом Леон за-

говорил о генетическом тестировании, развитии медицины и о том, что почти наверняка найдется какое-нибудь лекарство.

— Если Лидия, не дай бог, заболеет…

«Он не способен на это, — поняла Луиза. — Он не способен думать об этом и продолжать функционировать. А если он не сможет функционировать, некому будет следить за машинами, готовить еду и оплачивать счета».

Ей придется заткнуться. Ей придется и дальше притворяться. Она почувствовала себя такой одинокой, что это ощущение оказалось прямо-таки физическим, как будто ее тело было наглухо изолировано от него, от этой комнаты, от ее жизни.

Леон продолжал что-то говорить, нервно ерошил волосы, теребил упругие кудряшки, пока они не превратились в пушистый седой нимб. А потом внезапно умолк, и лицо его стало беззащитным.

— Прости, — произнес он так тихо, что ей пришлось податься вперед, чтобы расслышать. — Я не понимаю, как себя вести. Это все слишком чудовищно. Мне кажется, что я иду ко дну.

Ее неожиданно охватила щемящая нежность к нему, к этому доброму мужчине с разбитым сердцем.

— Я тоже не понимаю, как себя вести, — прошептала она, протянув руку и коснувшись пальцами его изборожденного морщинами лба. — И ты тоже меня прости.

Она и впрямь чувствовала себя виноватой в том, что нарушила правила, которые помогали ему держаться. И в том, что заболела. И в том, что ее гены были бомбой замедленного действия.

Если нужно, она найдет в себе силы притворяться ради него и дальше, по крайней мере, еще какое-то время. Уж такую малость она сможет ради него сделать. Леон потянулся к ней, и они прильнули друг к другу, как маленькие дети, и долго сидели так, покачиваясь туда-сюда.

Уже совсем поздно вечером, после того как они, все вместе устроившись на диване, долго смотрели телевизор, Луиза лежала в постели в их с Леоном спальне. Она слушала, как он за стеной чистит зубы, пускает газы, мочится, разбрызгивая мочу по стенкам унитаза, и, к собственному изумлению, понимала, что испытывает нежность вместо всегдашнего раздражения. И вообще, ее переполняла ностальгическая нежность ко всему в спальне: к мягкому креслу, на котором высилась гора грязной одежды (в этом доме что, вообще никто больше не стирает?), к репродук-

ции Пикассо на стене, которую ее мать вырезала из «Сатердей ивнинг пост» еще в тридцатые и вставила в рамку; даже к уродливому пледу, который она как-то связала крючком в нехарактерном для нее приступе увлечения рукоделием. Ей вспомнилось, когда на нее в последний раз накатывала подобная нежность. Это было, когда они выезжали из их кишевшей тараканами квартирки на Восемнадцатой Западной улице. Леон тогда очень смеялся, глядя, как она по очереди прощалась с каждой комнаткой и даже поцеловала косяк кухонной двери.

«Черт, — подумала Луиза в приступе преждевременной тоски по дому, — это что же, выходит, я всерьез насчет Израиля? Настолько, что уже начинаю прощаться?»

— Как ты съездила к тому хиропрактику? — спросил из ванной Леон.

Раздражение мгновенно вернулось, и спальня утратила свой лучезарный ореол. К хиропрактику она съездила ужасно. Еще одно разочарование в бесконечной череде удручающих попыток прибегнуть к альтернативной медицине, которым она соглашалась подвергнуться, чтобы удовлетворить потребность Леона верить в то, что они что-то делают. На прошлой неделе он, горя уто-

мительным энтузиазмом, вернулся из магазина здоровой еды с грудой экологически чистых овощей и контактами гениального хиропрактика, который излечил мать кассирши от рака груди. Или это была болезнь Паркинсона? Честно говоря, Луиза практически не слушала. Но ей не хотелось сегодня ругаться с Леоном, поэтому она попыталась обратить все в шутку.

— Ой, лучше даже не спрашивай. Он совершенно ненормальный. Когда я к нему пришла, оказалось, что одна стена его кабинета сверху донизу исписана черным перманентным маркером, а когда я спросила, что это такое, он сказал: «Я всю ночь не спал, придумывал, как возродить рефлексотерапию».

Леон высунул голову в дверь. Весь подбородок у него был в зубной пасте.

— Серьезно? — спросил он.

Луиза разрывалась между раздражением на то, что он даже зубы не может почистить, не перемазавшись, и острым желанием стереть пасту большим пальцем.

— Серьезно, — сказала она.

Как только Луиза увидела исписанную стену, она поняла, что надо разворачиваться и уходить, но не смогла придумать вежливого предлога.

Нарушить социальные протоколы и выйти из кабинета казалось ей более утомительным, чем просто дотерпеть до конца приема. Так она и оказалась распростертой на спине, не в состоянии шевельнуться, потому что была практически пригвождена к процедурному столу акупунктурными иглами и кристаллами, в то время как из древнего бумбокса над ее головой орали «Грейтфул дэд»[25].

Так, обездвиженная, она пролежала там непонятно сколько, пытаясь глубоко дышать, чтобы подавить панику, в то время как каждая хрупкая косточка в ее чутких ушах профессиональной виолончелистки протестующе стонала. Когда экзекуция наконец завершилась, она впала в полнейший ступор, пытаясь выписать чек за прием, потому что не могла вспомнить, что в какую графу вписывать. Потом, уже по пути домой, у нее онемела рука, и онемела не так, как бывает, когда ее отлежишь. На пугающую минуту Луизе показалось, что руки у нее вообще не существует и никогда не существовало. А потом так же внезапно рука возникла вновь, но без обычного покалывания, какое чувствуешь, когда она начи-

[25] Примечания: 25

«Грейтфул дэд» (*англ.* «Благодарные мертвецы») — американская рок-группа.

нает отходить.

Леон закончил чистить зубы и взялся за зубную нить. Луиза слушала, как она негромко тренькает каждый раз, когда он методично переходит от зуба к зубу, и в тысячный уже раз пыталась определить, что это за нота. Си-бемоль? Она не могла рассказать ему про руку, потому что тогда он запретил бы ей водить машину и она оказалась бы пленницей не только на процедурных столах, но и в своем собственном доме.

— Мне жаль, что он оказался таким болваном, — сказал Леон, выходя из ванной. — Наверное, не стоило предлагать тебе сходить к нему, но тут уж, пока не попробуешь, не узнаешь.

Луиза в ярости уселась на кровати, и Леон вскинул ладонь, предваряя ее раздраженную отповедь.

— Прости. Ты права. Натужный оптимизм. Мне не хочется сегодня ругаться.

Луиза легла обратно. Ей тоже не хотелось ругаться.

— Просто я так устала от роли профессиональной пациентки. Я только и делаю, что целыми днями лежу на процедурных столах. Я чувствую себя в моей собственной жизни как призрак.

Леон присел на кровать рядом с ней.

— Ты совершенно определенно не призрак, — заверил он, легонько боднув ее в живот головой, как козленок. — Вот видишь, ты живой человек из плоти и крови.

Луиза закатила глаза. Он снова слишком сильно старался. Она выключила прикроватный светильник, и они заняли свою обычную позицию: его правая рука поперек ее торса, его правая нога на ее бедре. Она почувствовала, что все начинается заново, только на этот раз исчезла вся правая половина ее тела разом, как будто она была бумажной куколкой, которую гигантскими ножницами разрезали напополам. Как будто она внезапно стала половиной женщины.

— Тяжело? — спросил он, поскольку обычно она не могла выдерживать веса его ноги больше нескольких минут.

— Нет. Все нормально.

Он притянул ее ближе, соединив руки между ее грудей и крепче прижав ее к себе. От него пахло шампунем с маслом чайного дерева и древесным дымом. Она лежала и думала о том, станет ли снова целой женщиной, когда проснется завтра утром. Окажется ли, что бумажную куколку всего лишь сложили напополам, а не разрезали.

— А нам обязательно идти на эту бар-ми-

цву? — спросила Лидия в следующую субботу и поморщилась, глядя на свою единственную пару туфель на высоком каблуке.

— Обязательно, — отозвались Луиза с Леоном в унисон, хотя накануне вечером Луиза задала Леону тот же самый вопрос.

— Я этого чувака никогда в жизни не видела, — принялась ныть Лидия, — к тому же это аж на Лонг-Айленде!

Родители даже ухом не повели и зашагали к машине. Лидия поплелась за ними, держа в одной руке туфли на каблуках, а в другой «мартинсы».

Они уселись в старенькую мятую «субару» и, попетляв по запутанным развязкам, выехали на шоссе и покатили в направлении Лонг-Айленда. Лидия на заднем сиденье принялась философствовать, своими подростковыми идеями вызывая у Луизы одновременно гордость и скуку.

— Нет, вы посмотрите только на все эти бесполезные автомагистрали. Все едут куда-то и одновременно никуда. Съезды, виадуки, куча машин. Вы знаете, что у охотников и собирателей средняя продолжительность жизни была выше, чем у фермеров? Вся эта ваша цивилизация — одна большая ошибка!

Леон с Луизой на передних сиденьях переглянулись, явно забавляясь.

— А пригороды? — распалялась Лидия. — Это же, пожалуй, самое гнусное изобретение с тех пор, как человечество научилось возделывать зерновые культуры!

— А искусство? — подхватила Луиза. — Пикассо, Стравинский…

На этом она обессилела и умолкла, не договорив.

— Невротическое потакание собственному эго! — объявила Лидия.

Луиза с Леоном на переднем сиденье расхохотались, но Луиза слишком устала, чтобы веселиться по-настоящему. Наверное, ей повезло, что она не заболела, пока Лидия была еще маленькой и нуждалась в Луизином более деятельном и утомительном присутствии в ее жизни. Но нюхать младенческую макушку было куда действенней для восстановления сил, чем дискутировать о скуке современности с исполненным сознания собственной правоты подростком. И куда более способствовало желанию жить.

— Не надо относиться ко мне свысока! — буркнула Лидия раздраженно. — Включите лучше радио.

И они немедленно принялись пререкаться, что лучше включить — музыку, «НПР» или «Пасифику», но потом случайно наткнулись на передачу «Американская жизнь» и всю оставшуюся дорогу молчали. Заехав на парковку у синагоги, они некоторое время молча наблюдали за людьми, которые нескончаемым потоком лились внутрь.

— Всего за тридцать секунд я насчитала целых три шубы, — сказала Лидия. — И я совершенно уверена, что лака для волос, использованного при подготовке к этому мероприятию, хватило, чтобы заметно увеличить озоновую дыру.

— Он все-таки мой коллега, — неубедительным тоном произнес Леон. — Но, судя по всему, у них там внутри творится настоящий кошмар.

Луиза побарабанила пальцами здоровой руки по приборной панели.

— Мы можем провести остаток дня, изнывая от скуки среди совершенно незнакомых людей, а можем сбежать.

— Но что мы скажем? — спросил Леон.

— Скажи, что пришлось утром везти меня на аборт и это заняло больше времени, чем ты рассчитывал, — подала с заднего сиденья голос Лидия.

— А что, мне нравится, — подхватила Луиза. —

Главное, никто не станет задавать вопросов.

— Всегда можно сказать, что у меня кишечный грипп, — предложил Леон.

— Нет! — хором воскликнули Лидия с Луизой.

Когда Леон в прошлый раз воспользовался этой отговоркой, он на самом деле принес в дом кишечный грипп и тот скосил семью в полном составе.

— Мигрень, — решительным тоном произнесла Луиза.

Это была их излюбленная отговорка. Никто никогда не ставил ее под сомнение, и на их здоровье эта невинная ложь как сглаз не действовала. Если, конечно, все ее заболевание не было результатом многих лет вранья с целью отвертеться от разного рода мероприятий.

Леон вновь завел двигатель.

— Ладно. Значит, у тебя опять разыгралась ужасная мигрень. — Он выехал с парковки. — Ну и что мы будем делать? Просто поедем домой?

— Мы в самом сердце Лонг-Айленда, — сказала Лидия. — Нужно бежать отсюда, пока не застряли тут навсегда.

— Вообще-то, — задумчиво произнесла Луиза, — отсюда минут пятнадцать езды до Грейт-Нека. Мне хотелось бы увидеть дом, где я выросла, и

показать его Лидии.

Она обернулась к дочери, которая поспешно стягивала платье, чтобы переодеться в футболку и джинсы.

— Хочешь увидеть место, где я страдала все мои юные годы?

— Можно.

Они съехали с шоссе. Луиза по наитию помнила, как добраться до дома ее детства, хотя практически все, мимо чего они ехали, не обладало никакими отличительными чертами. Когда они проезжали мимо железнодорожной станции, Луиза вывернула шею, чтобы посмотреть на Лидию.

— Я тайком выскальзывала из дома и бежала сюда, чтобы сесть на поезд и уехать в город. Я сбегала так практически каждые выходные.

— Какой же это побег, если каждое воскресенье вечером ты возвращалась, чтобы в понедельник пойти в школу? — язвительно поинтересовалась Лидия.

— Вот же хамоватая девица, — сказал Леон Луизе.

— Она просто под впечатлением от того, какой я была оторвой, — пояснила Луиза. — Мой бунт выражался в чем-то большем, нежели в упорном

стремлении носить одну и ту же футболку три недели подряд.

— Ну и куда ты ездила? — спросила Лидия, пропустив мимо ушей родительские комментарии.

— В парк на Вашингтон-сквер. У меня были знакомые ребята, которые жили в сквоте в Гринвич-Виллидж. Я даже была знакома с одним парнем, причастным к взрыву в Капитолии, который устроили члены «Погодного подполья».

Прежде чем Лидия успела решить, отреагировать на эту новость с пренебрежением или с восхищением, Луиза указала на дом впереди, и Леон свернул на обочину.

— Ну вот и он, — сказала она. — Дом сорок четыре по Уэверли-роуд. Наверное, я сейчас схожу туда и посмотрю, есть ли кто-нибудь дома.

— Надо было позвонить заранее, — простонала с заднего сиденья Лидия. — Это ужасно унизительно. Ты в самом деле собираешься просто пойти и постучать в дверь?

— Угу, — отозвалась Луиза. — Я в самом деле собираюсь просто пойти и постучать в дверь.

Последнюю часть фразы она произнесла с нажимом, в точности сымитировав полную ужаса интонацию Лидии.

Луиза отстегнула ремень безопасности и об-

вела взглядом такой знакомый двор и сам дом. Если тут что-то и изменилось, то с виду очень немногое. Посаженные ее матерью розовые кусты никто не выкопал. Крокусы начинали проклевываться на том же самом месте. Куст сирени под окнами ее бывшей спальни разросся так, что теперь, наверное, его было видно с того места, где когда-то стояла ее кровать.

— Ну, была не была! — объявила Луиза, открывая дверцу машины, и двинулась по вымощенной булыжниками дорожке к дому.

Некоторое время она стояла перед дверью в нерешительности, думая, позвонить в звонок или воспользоваться дверным молотком, и пытаясь понять, очень ли она похожа на представительницу какой-нибудь торговой фирмы или свидетельницу Иеговы. Потом наконец нажала кнопку звонка и стала ждать.

Примерно через минуту дверь открыла замученная женщина с короткими каштановыми волосами и озадаченным выражением лица. В глубине дома, судя по звукам, играл маленький ребенок.

— Здравствуйте, меня зовут Луиза. Я выросла в этом доме, — торопливо произнесла она, надеясь таким образом сразу развеять все подозрения. —

Я понимаю, что навязываюсь, но, может, вы позволили бы мне совсем немного пройтись по дому? Через несколько дней мне исполняется сорок пять, меня вдруг одолела ностальгия и захотелось взглянуть на мой бывший дом.

— Ради бога, — пожала плечами женщина. — Я кормлю ребенка, но мой муж может провести вас по комнатам, если хотите. Мы почти ничего не поменяли тут с тех пор, как купили его у предыдущих владельцев.

— Эти розы посадила моя мать, — сказала Луиза. — Она умерла совсем молодой. Вы позволите моему мужу и дочери тоже зайти? Я еще раз очень извиняюсь за назойливость.

При упоминании роз и умершей матери женщина заметно смягчилась.

— Да, пожалуйста. Проходите. Джозеф! — крикнула она вглубь дома.

Показался точно такой же замученный мужчина с малышом на руках. Пока женщина объясняла мужу ситуацию, Луиза высунулась за дверь и сделала Леону с Лидией знак подойти.

— Обувь снимать? — спросила Луиза, отметив безупречно чистый персидский ковер в гостиной и только что натертый паркет.

Джозеф кивнул. Через несколько минут все

трое Розенбергов в носках уже неловко переминались с ноги на ногу в прихожей.

— Ну, что вам показать? — спросил Джозеф.

— О, это совершенно не важно, — отозвалась Луиза тем наигранно жизнерадостным тоном, каким разговаривала с людьми, которые не слишком ей нравились. — Мне больше всего хотелось бы увидеть спальни, но вообще даже просто возможность пройтись по этому дому — как путешествие по волнам моей памяти.

Лидия закатила глаза, потому что Луиза никогда не использовала клише вроде «путешествия по волнам моей памяти».

Кухня была отремонтирована и ничем не напоминала себя прежнюю, а вот вид из кухонного окна не изменился, разве что деревья стали выше. Встроенные полки в гостиной были заставлены новыми книгами — среди них не было ни Фрейда, ни Маркса, ни Филипа Рота, — но широкие сиденья-подоконники, разумеется, никуда не делись и были завалены подушками.

— Можно? — спросила Луиза и осторожно присела на свое любимое место для чтения, затем сказала Лидии: — Здесь я впервые прочла

«Маленьких женщин»[26]. И, как это ни смешно, «Загадку женственности»[27]. И то и другое мне, разумеется, дала мать.

Перила лестницы, с которых Луиза так любила скатываться, заменили, так что на них не было ни следов ее безумных эскапад, ни инициалов, которые она вырезала над третьей ступенькой. А вот стену за перилами, в отличие от всего остального дома, к ее изумлению, почему-то не перекрасили.

— Ой, смотрите! — воскликнула она, отбросив притворно-жизнерадостный тон. — Вон те карандашные пометки — это место, где папа отмечал мой рост.

Это было единственное ее детское воспоминание об отце, в котором присутствовали только он и она. Луиза погладила пальцами написанные его рукой цифры, пытаясь не расплакаться, что сделало бы и без того неловкую ситуацию откровенно неудобной.

Джозеф взглянул туда, куда она указывала, на почти скрытое от глаз местечко под лестницей.

---

[26] Примечания: 26

«Маленькие женщины» — роман Л. М. Олкотт (1868).

[27] Примечания: 27

«Загадка женственности» — научно-популярная книга Б. Фридан (1963).

— О, — произнес он угрюмо, и Луиза поняла, что в самое ближайшее время стену перекрасят.

Она попыталась завоевать его расположение, потому что ей была невыносима мысль о том, что эти отметки исчезнут.

— Вот, видите там буквы «Л. Р.»? Это мои инициалы. Вы могли бы отмечать на этой стене рост вашего малыша, — предложила она.

Джозеф благожелательно улыбнулся в ответ, но она видела, что он пытается вспомнить, на какой из полок в гараже лежит шлифовальная машинка.

Они двинулись вверх по ступенькам. В бывшей спальне Луизы теперь была детская, так что она стала практически неузнаваемой.

— А вот тут я играла на виолончели. — Луиза указала в угол, где стояла колыбелька. — Мама меня заставляла каждый день упражняться по три часа, прежде чем разрешала заняться чем-то другим.

Она повернулась к окну и встала точно в том месте, где когда-то помещался ее стульчик, пытаясь возродить ощущение смычка в руке, виолончели между коленей и запах канифоли, щекочущий ноздри. Но все, что она ощутила, было лишь слабое эхо ее юношеской ярости. Сколько раз она

представляла, как вышвыривает виолончель в это самое окно, пытаясь рассчитать точный угол и усилие, которое требовалось, чтобы инструмент приземлился на проезжую часть?

— Вот почему я всегда сбегала из дома на выходные. Это прекрасная комната, но я чувствовала себя здесь как в тюрьме.

Иногда Луиза задавалась вопросом, не потому ли мать выбрала виолончель, что она была такой громоздкой, — будто чувствовала, что даже в возрасте пяти лет дочь была склонна к побегу. Луиза до сих пор подозревала, что, играй она на скрипке, она не возвращалась бы домой по вечерам в воскресенье, а исчезла бы с концами.

— Мне всегда нравилась лепнина в этой комнате, — произнесла Луиза насквозь фальшивым учтивым тоном, отдавая себе отчет в том, что от ее комментариев Джозефу не по себе. — После вас.

Она кивнула хозяину, сделав величественный жест в сторону двери, и двинулась за ним по коридору в направлении бывшей спальни ее родителей. Леон с Лидией поплелись следом.

Спальня изменилась до неузнаваемости, но Луиза могла бы поклясться, что до сих пор ощущает легкий душок смерти и запах духов матери. Ей вспомнилось, как она перестилала постель

и переворачивала мать с боку на бок, когда сиделка брала выходной, и как злилась на запах ее кожи, умирающей впереди остального тела. Она ощутила, что задыхается в стенах этой комнаты, как задыхалась каждый день всего того ужасного лета. В ушах у нее стоял гул кондиционера и негромкие животные стоны матери. Ей вспомнились собственные мысли: «Как вышло, что моя жизнь превратилась в нескончаемый роман Диккенса?» И потом, ближе к концу: «Господи, да когда она уже умрет?» Луиза сильно подозревала, что ее мать задавалась в точности теми же самыми вопросами.

Луиза старалась не вспоминать их последний разговор, но здесь, в этой знакомой комнате, это оказалось невозможно. Она сидела ровно там, где сейчас стояла Лидия, у постели матери, отчаянно скучая и надеясь получить хоть какую-то передышку от этого нескончаемого бдения у смертного одра.

— Луиза, — произнесла мать, и ее голос впервые за много месяцев не был слабым и прерывистым. — Разве ты не должна быть в Оберлине?

— Я здесь для того, чтобы заботиться о тебе, мама, — ответила Луиза, стараясь, чтобы ее слова прозвучали естественно, как будто это был са-

мый обыкновенный теплый непринужденный разговор, какие они вели обычно.

Мать только фыркнула в ответ. Даже, пожалуй, загоготала. Луиза и не подозревала, что истаявшее тело матери способно издавать такие звуки. Ей казалось, что хрупкие косточки сейчас задребезжат друг о друга. Но они не задребезжали.

— Ты так и не стала первой виолончелью? — спросила мать.

— Нет, мама, не стала, — ответила Луиза детским голоском.

Она уткнулась взглядом в свои ноги и с изумлением обнаружила на них хипповские кожаные сандалии вместо лаковых туфелек с белыми носочками в оборочках, которые в детстве надевала на все выступления.

— Может, хотя бы второй?

Луиза упорно разглядывала воображаемые оборки на несуществующих носках, отказываясь отвечать.

— Луиза, — произнесла мать, начиная последнее членораздельное предложение, которое ей суждено было произнести. — Ты должна понять, что жизнь — это один большой помидорный тест, и ты не можешь постоянно от него уклоняться.

— Помидорный тест? — переспросила озада-

ченная Луиза.

Господи, что еще за помидорный тест? Но мать уже отключилась. Луиза терпеть не могла дадаистские каденции этого заболевания.

Она не вспоминала про помидорный тест много лет, но теперь, в этой спальне, он показался ей вдруг ключом ко всему, критически важным посланием вселенной, которое ей совершенно необходимо было расшифровать. Она обвела комнату взглядом в поисках подсказок и тайком погладила белоснежное покрывало. У матери покрывало было голубое, с наивными вязаными цветочками. Ей вспомнилось, как она однажды не пошла в школу, потому что заболела (возможно, как раз тогда, когда у нее была скарлатина), и лежала в материной постели, укрытая этим покрывалом. В тот день Фрейя почему-то не стала злиться, что больной ребенок нарушил все ее планы, а была доброй и мягкой, как мать из детской книжки. Она развлекала Луизу, читая ей наизусть «Мадлен» Людвига Бемельманса по-английски и по-французски. Когда Фрейя дошла до строчки: «А в трещине в потолке, в грязной побелке, ей время от времени виделась белка», Луиза вскинула глаза, ожидая обнаружить на потолке стайку белок, но вместо этого

увидела мокрое пятно, формой напоминавшее пароход. Весь остаток этих долгих, медленных, горячечных дней, лежа в материной постели, она представляла себя пассажиркой этого парохода, плывущей в Париж.

Что видела Фрейя тогда, много лет назад, час за часом лежа в той же самой постели? Трещины в побелке в форме огорода? Штукатурку, взрывающуюся помидорами и огурцами?

Она обернулась к Джозефу:

— Я понимаю, что это прозвучит немного странно, но, может быть, вы позволите мне ненадолго прилечь вот здесь? — Она указала на то место на полу, где когда-то стояла кровать ее родителей.

У Лидии сделался такой вид, будто она готова была умереть от унижения, но Луиза совершенно точно знала, что ни один человек в мире еще не умер от смущения, поэтому проигнорировала ее.

— Да, пожалуйста, — произнес Джозеф неуверенно.

Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, но Луизе было все равно. Она осторожно растянулась на том месте, где стояла кровать ее матери, и вперила взгляд в потолок. Но они перекрасили его, и в игре теней и света, просачивавшегося сквозь ветви деревьев, не обнаружилось никаких

откровений. Ни намека, на что смотрела ее мать на протяжении бесконечных часов столько лет назад.

«Мама, — взмолилась Луиза мысленно, — мне необходимо услышать твой голос».

Она стала ждать, пытаясь вызвать ее, воссоздать в памяти старую комнату: колкость ковра под спиной, вкус завалявшихся мятных леденцов во рту, запах отцветающей сирени и дорогих духов. А потом, уже позже, все то же самое плюс запах дерьма.

«Прости, что изничтожила тебя», — подумала Луиза, потому что с тех пор, как много лет назад изгнала призрак Фрейи, она ни разу больше не слышала ее голос у себя в голове.

Она отвернулась от упрямо молчавшего потолка. Со своего места на полу ей были хорошо видны разные носки на ногах у Лидии.

«У нее что, дырка на пятке?»

«Да, у нее дырка на пятке, — подтвердила Фрейя, и это были первые за несколько десятилетий слова, которые она сказала Луизе. — Ты что, позволяешь ей выходить из дома в таком виде?!»

«А вот и она», — подумала Луиза, расслабляясь под привычное звучание материной речи, где каждый звук был ожесточенной битвой между

ее четкой, отработанной дикцией и идишскими интонациями, которые вечно норовили показать себя.

Луиза не знала, это она воспроизводит Фрейю в своем сознании или Фрейя воспроизводит себя сама. Но ее это не волновало. Она просто испытывала облегчение.

«Привет, мама. Я скучала по тебе и твоим постоянным напоминаниям о моей никудышности».

«Ну, ты никогда не давала мне недостатка в поводах», — фыркнула Фрейя.

Луиза перешла прямо к делу.

«Я бы с удовольствием обсудила с тобой мои промахи на ниве материнства, но мне нужно получить ответы на кое-какие вопросы».

«Разумеется, ты вспоминаешь обо мне, исключительно когда тебе что-то от меня нужно. С чего бы этому измениться теперь, когда я мертва?»

Луиза не стала поддаваться на провокацию.

«Я лишь хочу узнать, ненавидела ли ты меня за то, что я присутствовала при том, как ты умирала?»

«Узнаю свою доченьку, — саркастическим тоном отозвалась Фрейя. — Ты просто королева непринужденной беседы».

«Мама, мне действительно нужно знать», — на-

стойчиво произнесла Луиза.

«Разумеется, ненавидела, — вздохнула Фрейя. — Всю свою жизнь ты старалась сбежать от меня как можно дальше, но, как только твое присутствие стало для меня нежелательным, ты начала день за днем просиживать у моей постели в садистической пародии на примерную дочь».

«Ну, если тебе станет от этого легче, я ненавидела тебя за то, что ты умираешь. И ненавидела каждую секунду, проведенную в этой комнате. Но я делала так, потому что считала это своим долгом».

«Ситуация была ужасная, — смягчилась Фрейя. — От твоего отца толку было не слишком много».

«От него никогда не было никакого толку, — сказала Луиза. — По сути, мы с тобой всегда могли рассчитывать исключительно на себя. Скажи, мама, ведь правда лучше избавить ее от этой участи? Уехать, чтобы ей не пришлось сидеть со мной, как мне пришлось сидеть с тобой? Чтобы мы с ней не успели возненавидеть друг друга?»

«Она все равно будет тебя ненавидеть, — сказала Фрейя. — Так уж заведено у матерей с дочерями».

«Мне нужно, чтобы ты просто сказала мне, как

поступить».

«Я уже все тебе сказала, Луиза, — отрезала Фрейя, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен. — И сказала безо всяких экивоков: жизнь — это помидорный тест».

Луиза с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться в голос. Ну разумеется, воображаемая Фрейя оказалась такой же невыносимой, какой была настоящая. И все равно, лежа на полу бывшей материной спальни, Луиза скучала по Фрейе так остро, как не скучала все эти два десятилетия.

«Зачем я сюда приехала? Ради чего подвергла себя всему этому?» — подумала Луиза и, поднявшись с пола, одернула нарядное платье и поправила съехавшие набок колготки.

— Я готова уйти, — объявила она и, практически сбежав по лестнице, сунула ноги в туфли и плюхнулась на пассажирское сиденье машины еще до того, как Леон с Лидией успели выйти за дверь.

— Ну, знаешь, это было уже совсем из ряда вон, — сказала Лидия, захлопнув за ней дверцу машины.

— Вынужден согласиться, — кивнул Леон, застегивая ремень безопасности и регулируя зеркало заднего вида. — Это и в самом деле было

совсем уже из ряда вон. Что на тебя нашло?

— Серьезно, мам, что это было?

— Я не обязана ничего никому объяснять, — отозвалась Луиза. — Хватит меня допрашивать.

— У нас есть способы заставить вас говорить! — произнес Леон, имитируя немецкий акцент.

По всей видимости, он пытался разрядить обстановку, но это ему не очень-то удалось.

— Папа, ты изображаешь из себя нациста или сотрудника Штази?

Луиза испытала прилив материнской гордости за то, что Лидия в курсе о существовании восточногерманской тайной полиции.

— Ну, вообще я хотел изобразить Штази, — как будто оправдываясь, ответил Леон. — Они там суровые ребята.

— Не суть важно, — сказала Лидия и, заткнув уши наушниками, откинулась на спинку сиденья.

Пока Леон выруливал обратно на шоссе, они ехали молча.

— А ты помнишь… — начала было Луиза, но потом передумала.

— Что я помню? — спросил Леон, пытаясь не демонстрировать излишней заинтересованности.

Теперь, когда Грейт-Нек остался позади, воспо-

минания о спальне, бетонной плитой придавливавшие Луизу, начали потихоньку отступать.

— А ты помнишь последние слова, которые сказала мне моя мать?

— Ну, она осудила тебя за то, что ты не стала ни первой, ни второй виолончелью, а потом сказала что-то странное про овощи.

— Про помидорный тест, — пробормотала Луиза. — Она сказала, что жизнь — это помидорный тест и не надо от него уклоняться.

— Так вот что сподвигло тебя на этот странный спектакль?

— Я пыталась увидеть, может, на потолке было что-то такое, ну, например, трещины в штукатурке, которые напоминали бы, не знаю, огород или что-то в этом роде. Но никаких ответов я так и не получила.

— Это была просто бессмыслица, — сказал Леон, внимательно проверяя мертвую зону сбоку от автомобиля, прежде чем перестроиться в соседнюю полосу; он терпеть не мог ездить по скоростным автомагистралям.

— Вот только все остальное, что она говорила, было вполне осмысленным. По-твоему, она могла пребывать в ясном сознании, а потом вдруг ни с того ни с его понести полную галиматью?

— Именно так и работает мозг, — отозвался Леон.

Лидия просунула голову между спинок передних сидений.

— Вы что, обсуждаете мамино странное поведение?

— Да, — сказал Леон. — Она искала подсказки, которые помогли бы ей расшифровать последние слова твоей бабушки.

— О-о-о, — протянула Лидия, — загадка? Я такое люблю! А что она сказала?

Луиза закатила глаза и повторила:

— «Жизнь — это один большой помидорный тест, и ты не можешь постоянно от него уклоняться».

— И что это значит? — спросила озадаченная Лидия.

— Понятия не имею! — практически прокричала Луиза.

— Почему вообще люди придают такое значение последним словам? — поинтересовалась Лидия. — Это же не магические крупицы бесценной мудрости. Это просто слова, которые оказываются последними в твоей жизни. Когда я буду умирать, то запишу свои официальные последние слова, пока еще буду в ясном созна-

нии, чтобы случайно не ляпнуть какую-нибудь глупость про овощи, над которыми потом моим детям придется десятилетиями ломать голову.

Луизе идея ужасных последних слов пришлась по душе.

— Я хочу, чтобы моими последними словами стало: «Я сегодня утром сложила идеальную какаху. Она была в форме…» — и тут я умру, а вы с Леоном до конца жизни будете ломать голову, какое будущее предвещало мое дерьмо.

Лидия расхохоталась, несмотря на подростковый зарок ни в коем случае не считать Луизу остроумной.

— Интересно было бы узнать, у какого количества людей мозг под конец начинает сбоить, и они ляпают какую-нибудь несусветную дичь, которая калечит психику их детям, — задумчиво произнес вслух Леон.

— Какую, например? — поинтересовалась Луиза.

— Неплохие сиськи, не хочешь перепихнуться? — подала голос с заднего сиденья Лидия.

Луиза с Леоном как по команде расхохотались.

— Когда она успела стать такой остроумной? — спросил Леон.

— Она всегда была остроумной, — отозвалась

Луиза, но, по правде говоря, она до сих пор не привыкла к тому, что Лидия стала остроумной по-взрослому.

«Я бы с ней дружила, даже если бы она не была моей дочерью, — подумала она. — Чего еще можно желать?»

Они еще какое-то время перекидывались репликами, и Луиза сообразила: «У нас с Леоном выросла замечательная девочка, умная и с отличным чувством юмора. Может, начиная с определенного момента ты не сможешь слишком сильно искалечить своим детям психику, потому что успел уже заложить крепкий фундамент».

Этим вопросом Луиза задавалась уже в сотый, если не в тысячный, раз. Он попадал в категорию, которую она про себя именовала материнской математикой. Однажды, бессонной ночью, когда годовалая Лидия температурила, она даже попыталась вывести формулу.

x = *качественное родительство*

y = *непредвиденные будущие травмы*

z = *здоровье и благополучие Лидии*

Чтобы у Лидии все было хорошо, *x* всегда должен был превышать *y*.

Беда в том, что в действительности параметров было больше, и в расчет необходимо было

принимать еще одно уравнение, которым описывалось благополучие Луизы. Она обозначила эту переменную буквой *l*. Как быть, если обеспечение нужного количества *x (качественного родительства)* приводило к тому, что *l* уходило в минус, к разрушению личности самой Луизы?

Все грудное вскармливание было для нее одной бесконечной формулой пытки. Последние шесть месяцев она давала Лидии грудь и принималась вести подсчеты: сколько еще ей нужно кормить Лидию грудью, чтобы снабдить ее антителами *(x),* призванными защитить ее от возможных будущих болезней *(y)* и тем самым способствовать ее здоровью и благополучию *(z)*? Но если Лидия провисит на ее груди еще минуту, если еще хоть раз укусит Луизу за и без того измочаленный и кровоточащий сосок, останется ли еще что-нибудь от нее, Луизы? Не превратится ли она в две молочные железы, имеющие отрицательное числовое значение? Когда она задумывалась над этим, даже лучшие мгновения материнства, которые она снова и снова прокручивала в мозгу, зиждились на двух этих противоположных формулах.

«Это и есть суть материнства», — прошелестел в ее мозгу голос Фрейи.

Пока Лидия с Леоном пикировались, Луиза

закрыла глаза и начала дремать, убаюканная движением машины. Она почувствовала, что соскальзывает в те дни, когда Лидия была малышкой. Было время дневного сна, и они лежали, обнявшись, на матрасике Лидии. Луиза уткнулась носом в липкую шейку дочери, от которой пахло сном и арахисовым маслом. Рука Луизы вздымалась и опадала в такт глубокому дыханию малышки, и ее вдруг охватила громадная, нестерпимая, физически ощутимая любовь к этому маленькому, но такому жизнестойкому существу рядом с ней.

«Она не может не чувствовать этой чистой, беспримесной любви, — вспомнилась Луизе ее тогдашняя мысль. — Она должна каким-то образом передаваться через мою кожу в ее кожу, проникать в ее кровоток, в самый костный мозг. Если ее у меня украдут или заберут или если я умру, внутри у нее навсегда останется это знание, это чувство, что ее по-настоящему любили. Этих часов на залитом солнцем матрасике хватит на всю жизнь. Пожалуйста, пусть их хватит на всю ее жизнь».

Но, переполняемая этой любовью, Луиза в то же самое время ощущала себя в западне, из которой не было выхода, и это ощущение сводило ее с

ума. Все, чего ей хотелось, это двадцать минут спокойно почитать книжку и выпить чашку чая, а может, даже принять душ, но каждый раз, когда она пыталась отодвинуться, Лидия вцеплялась в нее пухлыми пальчиками. Луизе вспомнилось, как ей хотелось поцеловать их и укусить одновременно.

Все шестнадцать лет ее материнства прошли под знаком этих противоречивых чувств: желания вечно спать рядом с дочерью, жадно вдыхая запах ее кожи, и равного по силе и противоположного по знаку желания сбежать, вырваться. Ей хотелось провести все оставшиеся ей на этой планете секунды до последней с этим вечно всем недовольным и уморительно смешным подростком, сидящим в машине позади нее, и в то же самое время оказаться в пяти тысячах миль от нее, в пустыне.

— А давайте заедем поужинать в кафе «Портофино»? — предложила Лидия. — И обожремся пастой?

Луиза открыла глаза и устремила взгляд на белые барашки на Гудзоне.

— Отличная мысль, — отозвался Леон, резко перестроившись, чтобы съехать со скоростного шоссе в сторону Наяка, и повез их навстречу

самому обычному вечеру.

«Я не жадничаю, — подумала Луиза, — мне просто хочется еще немного таких вечеров».

— Послушай, Леон, — сказала она, вновь вступая в разговор. — Может, ты не будешь заказывать кальмаров, а мы с тобой возьмем на двоих порцию мидий? Кальмары очень быстро раскисают.

— Вечно ты так, мама, — возмутилась с заднего сиденья Лидия. — Ты всегда пытаешься всех контролировать и решить за нас, что заказать, еще даже до того, как мы приехали. Может, мы сами как-нибудь с этим разберемся?

— А ты не можешь не комментировать абсолютно все, что бы я ни делала? — рявкнула Луиза.

Всепоглощающая любовь, которую она испытывала еще миг назад, улетучилась, уступив место острому раздражению.

— Не кричи на меня, — обиженно сказала Лидия.

Всю дальнейшую дорогу от Наяка до Пирмонта они переругивались, крича друг на друга и не обращая ни малейшего внимания на элегантные особняки, которыми были застроены извилистые улочки по берегам реки.

«Я все равно хочу еще таких вечеров, — поду-

мала Луиза, когда они, хлопнув каждая своей дверцей, двинулись ко входу в ресторан. — Я все равно хочу еще».

Матрешки против ангелов
1996

В понедельник утром, после того как Леон ушел на работу, а Лидия в школу, Луиза протиснулась сквозь частокол вешалок с одеждой в стенном шкафу в спальне, чтобы найти свою старую 35-миллиметровую фотокамеру. Неловко балансируя на груде обуви, она пыталась на ощупь отыскать футляр. В тот миг, когда ее пальцы нащупали обтрепанный кожаный ремешок, она потеряла равновесие и грузно плюхнулась на сапог на шпильке, бережно прижимая камеру к груди. С минуту она сидела в темноте, вдыхая спертую тишину шкафа, в котором всегда пахло кожей и нафталином.

Камера привычно оттягивала руки. Знакомая тяжесть вернула Луизу в то время, когда она бродила по городу в тех самых сапогах, что сейчас впивались ей в задницу, стараясь не вляпаться в собачье дерьмо и в неприятности, убежденная, будто снимает вещи, которых никто, кроме нее, никогда не видел. Разумеется, ее фотографии были всего лишь бледным подражанием Диане

Арбус, поскольку сама она ничего уникального сказать не могла. Теперь же она была убеждена, что ей есть что сказать, что у нее появилась мистическая фотографическая миссия. С тех пор как в субботу она вышла из бывшего дома матери, ей не давала покоя мысль о том, что видят на потолке люди на смертном одре.

— Что она там видела? — снова и снова спрашивала Луиза у Леона, лежа вечером в постели.

— Да какое это имеет значение? — не выдержал он наконец в два часа ночи.

— Такое, что это был весь ее мир! — наполовину прошептала, наполовину прокричала Луиза, потом отодвинулась от него в надежде, что он не станет задавать больше никаких вопросов, так как ей не хотелось, чтобы он пустил в ход свои магические способности психотерапевта и докопался до ее реальных мотивов.

До ее безумных, ведьминских мотивов. До ее иррациональной веры в то, что растрескавшаяся штукатурка скрывает тайные послания, а затвор камеры способен открыть эти тайные послания взгляду. Она не могла сказать Леону, что, быть может, если она будет брать камеру с собой на все врачебные приемы, потолки обнажатся перед ней, открыв тайную вселенную ответов. Она не

могла сказать Леону, что пытается расшифровать завитки глазков в досках и осыпающуюся краску в надежде получить подсказку, как ей быть дальше. Она не могла сказать Леону, что домик в пустыне настойчиво зовет ее; что для того, чтобы уснуть, ей приходится представлять, будто в их большой белоснежной постели, кроме нее, никого нет.

За окном с ревом пронесся мотоцикл, вспоров тишину шкафа. Луиза посмотрела на часы.

— Черт, я опаздываю, — произнесла она вслух, потом выбралась из вороха обуви и, прорвавшись сквозь заброшенные платья и жакеты, очутилась в обыденном воздухе собственной спальни.

Мариса, ее массажистка, жила в крошечном островерхом домике в Тарритауне, позади старинного каменного особняка, который занимали какой-то поц-финансист и его жена.

— Здравствуйте, — сказала Луиза, войдя в дом и закрыв за собой сетчатую дверь. — У меня к вам странный вопрос. Можно я сфотографирую ваш потолок?

Ее просьба явно озадачила Марису.

— Я работаю над художественным проектом, цель которого — показать зрителю мир глазами пациента. Я провожу много времени, глядя в

потолки. В штукатурке на вашем потолке угадываются очертания матрешки.

— Матрешки?

— Ну, знаете, это такая расписная русская куколка, внутри которой еще одна точно такая же, только поменьше, а внутри той — еще поменьше, и еще, и еще.

— А-а, — протянула Мариса, и Луиза поняла, что та слыхом не слыхивала ни о каких матрешках. — Да, разумеется. Я очень рада, что вы развиваете свой творческий потенциал.

Луиза улыбнулась, но во взгляде ее явственно читалось «да иди ты к черту».

— Вы хотите поснимать до или после сеанса?

— После, — ответила Луиза.

Ей хотелось сфотографировать потолок после того, как она проведет свой обычный час, разглядывая его, чтобы штукатурка успела трансформироваться в познаваемую вселенную.

Она разделась до нижнего белья, потратив некоторое время на попытки вспомнить, какую степень обнажения Мариса считала приемлемой в сравнении с остальными специалистами, потом скользнула в хрустящий конверт из простыней.

— Я готова! — крикнула она.

Мариса вошла в кабинет и включила музыку

нью-эйдж, которую Луиза ненавидела, ненавидела до трясучки, потому что она звучала как жизнь в чьем-то раю, который для нее был персональным адом.

— А можно сегодня без арфы? — попросила она.

— Ну конечно, милая, — ответила Мариса (когда ты умираешь, люди частенько называют тебя милой). — Грегорианские монахи пойдут?

Луиза кивнула. Их гулкие торжественные голоса вызывали в ее сознании образы сумрачных средневековых церквей, битком набитых отчаявшимися людьми, исполненными ужаса перед мстительным богом. Они ее успокаивали.

— А знаете, — произнесла Мариса, вторгаясь в размышления Луизы, — другие мои пациенты тоже говорят, что видят на потолке разные штуки. Например, ангелов.

— Ангелы не по моей части, — фыркнула Луиза.

Теперь, когда она изо всех сил вглядывалась в штукатурку, та почему-то не спешила раскрывать свои тайны. Луиза попыталась расслабить глаза, как будто смотрела на постер «Магическое око», чтобы различить в пестрой мешанине мелких узоров трехмерное изображение, и постепенно

сквозь побелку начала проступать матрешка, а рядом с ней еще одна женщина, лежащая на массажном столе, — ее потолочный двойник. Массажный стол на потолке был вывернут под странным углом, а женщина на нем выглядела так, будто готова была вот-вот ухнуть в пропасть, в непостижимую потолочную бездну.

Сколько Луиза ни вглядывалась, ничего маломальски напоминающего ангела она на потолке разглядеть не смогла.

— Да тут у вас на потолке целый тест Роршаха, — произнесла она вслух.

Мариса в ответ уклончиво промычала что-то нечленораздельное, давая понять, что находится глубоко в зоне исцеления. Луиза стала думать о диафрагме и фокусировке, и, когда сеанс массажа был окончен, достала из сумки камеру. Сквозь окошко видоискателя она явственно различала матрешку и наклоненный массажный стол, но боялась, что у нее не выйдет запечатлеть их на пленке.

— Недостаточно контраста, — пробормотала она.

Но иногда каким-то загадочным образом твое видение мира все же умудряется проникнуть на пленку и потом магически проявиться на фото-

бумаге, так что Луиза не теряла надежды.

Всю неделю она брала камеру с собой на приемы: в понедельник на массаж, во вторник на иглоукалывание, в среду на энергетическое целительство, в четверг на восстановительную йогу, в пятницу на магнитотерапию. В субботу Ха-шем с Луизой могли наконец-то перевести дух, а Леон — побыть дома после пятидневной работы на износ, чтобы компенсировать отсутствие ее дохода и оплатить безумно дорогие визиты к специалистам альтернативной медицины, которые не покрывала страховка.

Увы, успехом ее фотопроект не увенчался. Сколько бы она ни пыталась снимать одни и те же потолки, сколько бы ни просила массажистов и целителей держать вспышки и открывать и закрывать жалюзи, чтобы создать игру теней и контраст, на негативах матрешек практически не было видно.

«Это техническая проблема, — думала Луиза, с досадой глядя на упорно не желающие получаться снимки. — Мне нужна техническая помощь».

Она попросила Леона отвезти ее в город, к Полу, за советом.

— Объясни мне еще раз суть твоего проекта, — попросил Пол, когда Луиза выложила на стол

перед ним снимки.

По дороге она думала о них с некоторой гордостью, но здесь, в его студии, где по стенам были развешены завоевавшие множество наград фотографии его авторства и афиши многочисленных фотовыставках, они казались скучными и дилетантскими.

— Я же рассказывала тебе по телефону, — ответила Луиза, очень стараясь, чтобы ее слова не прозвучали упреком, но у нее ничего не вышло. — Поскольку хронически больные люди проводят много времени, лежа на спине и глядя в потолок, я хочу показать, как выглядит потолок их глазами. Я хочу запечатлеть образы или узоры, которые они видят в трещинах штукатурки, или пятна в потолочных панелях, или глазки в дереве. Иными словами, как они осмысливают свой ограниченный мирок.

Пол вскинул брови, и Луиза закатила глаза.

— Ладно, может, это и звучит слишком претенциозно, но ты понимаешь, что я хочу сказать.

— То есть это, по сути, нечто сродни тесту Роршаха? — уточнил Пол.

Луизе почудилось в его тоне легкое пренебрежение.

— Вроде того, — согласилась она, — только тут

никто никого не патологизирует и не изучает. Я пытаюсь передать мир пациента на его условиях.

— Ясно, — сказал Пол. — Ну и что у нас тут такое?

Луиза смущенно посмотрела на серию снимков потолка в кабинете массажистки. Интересно, удавалось ли кому-нибудь сделать менее увлекательные фотографии? И тем не менее она нашла в себе мужество не отступать.

— Это потолок в кабинете моей массажистки. Глядя на него во время сеанса, я вижу матрешек, ну знаешь, таких русских куколок, которые вставляются одна в другую.

— Я в курсе, что такое матрешки, Луиза.

— Да, извини, я не предполагала, что это что-то общеизвестное. — Она слышала в собственном голосе пронзительные нотки неуверенности, за которые всегда выговаривала Лидии. — А моя массажистка говорит, что другие ее пациенты видят ангелов, которых я, хоть убей, разглядеть не могу, зато матрешка — вот она.

Луиза указала на сероватое расплывчатое пятно на штукатурке, в котором еще сегодня утром ей отчетливо виделись очертания матрешки.

— Вообще-то, — сказал Пол, — я тоже вижу

что-то вроде ангела.

Он ткнул в верхний правый угол одного из снимков.

— Серьезно? — спросила Луиза.

— Ну да, вот, смотри, крылья.

— А матрешку ты не видишь? — спросила Луиза с настойчивостью, которая даже ей самой показалась чрезмерной. — И женщину, лежащую на массажном столе?

— Честно говоря, нет, — признался Пол. — Ничего такого я не вижу.

— А тут или вот тут?

Луиза указала на снимки, на которых меняла освещение, чтобы усилить контраст и сделать образы более выделяющимися на фоне штукатурки.

— Послушай, — сказал Пол, — многие люди придумывают отличные идеи для художественных проектов, но их не всегда возможно осуществить. Визуально все это совершенно неинтересно. Концепция мне нравится, но визуально это полный ноль.

Луиза схватила из стаканчика с ручками на столе маркер и неуклюже обвела свою матрешку.

— Ну вот же она, Пол, как ты не видишь?

— Господи, Луиза, да что ж ты так на этом за-

циклилась?

— Если бы ты умирал и целыми днями лежал, пялясь в потолок, для тебя это тоже имело бы значение.

— Да, но искусством от этого твои фотографии не становятся.

— Только давай без снобизма. Может, в музей современного искусства их и не возьмут, но это не мешает им быть важным художественным высказыванием.

— Не хочу пудрить тебе мозги. На мой взгляд, это вообще никакое не высказывание.

— Это потому что ты не болен. У Алана наверняка нашлось бы, что сказать тебе про потолок в вашей спальне. Да, СПИД лечить уже научились, но не всем из нас так везет. И вообще, с чего ты взял, что ты такой уж гениальный фотограф? — Луиза ненавидела себя за эти слова, но ее уже несло. — Насколько я понимаю, ты всего-то увеличил фотографию вируса СПИДа и прилепил ее на стену. Тебя превозносят исключительно потому, что твоя болезнь у всех на слуху.

Пол молча смотрел на нее, буравя бесстрастным холодным взглядом, и Луиза прикусила язык.

«Черт, — подумала она. — Я перешла грань. Я перешла семнадцать граней».

Пол молчал еще с минуту, давая ей осознать последствия ее ужасных слов.

— Жаль, что дрянной характер лечить пока не научились, — произнес он наконец, смягчившись.

Луиза рассмеялась, вмиг растеряв весь запал.

— Что-то меня совсем куда-то не туда занесло.

— Да уж, Луиза, на этот раз ты превзошла сама себя.

— Ты же знаешь, что на самом деле я так не думаю, правда? — спросила Луиза, и в голосе ее прозвучали отчаянные нотки.

— Помнишь, как однажды в колледже ты разозлилась на меня и заявила, что моя задница в моих любимых джинсах выглядит отвратительно? Это была объективная неправда, так что я уже давно понял, что не стоит воспринимать твои слова всерьез, когда ты злишься.

— Твоя задница в тех джинсах выглядела просто обалденно, и фотографии у тебя гениальные, а твои оскорбления одновременно колкие и завуалированные.

— Спасибо на добром слове, — сказал Пол.

— Единственное, что меня оправдывает, это то, что у меня сейчас немного сложный период. — Она принялась перечислять, загибая пальцы. — Я

умираю, Святой Леон сводит меня с ума, и, по всей видимости, я выжила из ума и пребываю в убеждении, что способна видеть будущее в трещинах в потолке.

— Так я и знал! Я знал, что это все твои дикие ведьминские штучки! А я-то воспринял эти твои до смерти скучные фотографии всерьез.

Луиза собрала снимки и запихнула их в холщовую сумку с логотипом Службы общественного вещания.

— Я могу понять, почему люди видят ангелов, — рассуждал Пол. — По всей вероятности, это действует на них утешительно. Мне не хочется превращаться в твою мать, но почему вдруг матрешки?

— Ты же умный малый, Пол, — пожала плечами Луиза. — Догадайся сам.

Луиза почувствовала, что поездка в город и прогулка от метро утомили ее. Она положила голову на стол. Пол примостил голову рядом.

— Пойдем поваляемся на кровати, — предложил он. — Будем держаться за руки и сплетничать. Прямо как в колледже.

Луиза начала было возражать в слабой попытке притвориться, что у нее все в порядке.

— Я подслащу сделку, — сказал Пол. — Я готов

пойти на поводу у твоей странной одержимости. Мы можем попытаться выяснить, что видел Алан, когда смотрел на потолок.

Она позволила ему отвести ее в спальню. Они улеглись на стеганом покрывале, сшитом бабушкой Алана, и стали смотреть в потолок, держась за руки, как когда-то давно в общежитии в Оберлине.

— О господи, — сказал Пол. — Ты это видишь?

— Это невозможно не увидеть, — рассмеялась Луиза.

— Я так рад, что он провел последние два года своей жизни, глядя на этот громадный член.

Луиза склонила голову набок.

— Обрезанный или необрезанный?

— Определенно необрезанный, — сказал Пол. — Алан любил именно такие, а их у нас в Америке нечасто встретишь.

Они некоторое время молчали, пока Луиза перебирала в памяти все пенисы, которые ей довелось видеть на своем веку. В конце концов она пришла к выводу, что с необрезанным ей близко сталкиваться не приходилось никогда.

— Алан был прикован к этой постели ровно два года, — произнес Пол, прерывая парад пенисов, всплывающих в ее голове. — Ты права, я стараюсь

не думать об этом.

— А ты никогда не… — Луиза замялась.

— Никогда не — что?

Она вздохнула, избегая смотреть ему в глаза.

— А ты никогда не жалел, что не согласился, когда родители Алана предлагали забрать его к себе в Теннесси?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Это все из области гипотетического. Я не могу представить себе, как бы это было.

— Я имею в виду, ты рад, что поступил так, как поступил? Это было исполнено для тебя какого-то внутреннего смысла? Ты получил возможность, не знаю, приоткрыть для себя завесу над природой жизни и смерти? Стал ближе к нему, почувствовал, как его душа покинула тело, — ну, все в таком духе.

— Мне приятно знать, что я смог это сделать. Мне приятно знать, что я не поступил по-скотски. А если бы я сплавил его родителям, все мои друзья возненавидели бы меня, это тоже не стоит сбрасывать со счетов. Что же касается всего остального… Нет, ничего такого я не испытал. Это было ужасно. Вирус так стремительно разрушил его мозг, что последние несколько лет от его личности практически ничего не оставалось. Да ты

сама помнишь.

— Да, он превратился в бледную ксерокопию самого себя, — кивнула Луиза.

— Честно говоря, я не уверен, что он большую часть времени осознавал, что я рядом. И я знал, что я тоже ВИЧ-положительный, поэтому не мог не думать о том, что весь тот кошмар, который творится с ним, вполне может ждать и меня. Я был в совершенном ужасе и чувствовал себя из-за этого виноватым. Он так долго умирал, что я почти не помню его таким, каким он был до болезни. Когда кто-то произносит его имя, я представляю его на больничной койке. Ты ведь знаешь, как это — твоя мать уходила у тебя на глазах.

— Да, — кивнула Луиза. — Запах, я в жизни не забуду этот запах. Я никогда тебе не рассказывала, как однажды зашла в комнату, когда ей перестилали постель, и случайно увидела ее посеревшую вагину? Не седые волосы на лобке, а сами половые губы. Они были серые.

Пол по-детски заткнул уши:

— Ла-ла-ла-ла, скажи, когда закончишь рассказывать про посеревшие вагины.

Она шлепнула его по ноге.

— О Господи, — произнес Пол неожиданно. — Я

понял. Матрешки — это твоя мать, ты и Лидия. Это вагины, поглощающие друг друга.

— Я думала, ты не желаешь говорить о вагинах, — засмеялась Луиза.

— Не уклоняйся от ответа, — сказал он, приподнявшись на локте и посмотрев на нее.

Луиза отвернулась.

— Ты не можешь отрицать, что это очень подходящая метафора, — сказала она. — Болезнь одна и та же, она передается из поколения в поколение, и каждая дочь вынуждена смотреть, как умирает ее мать.

Пол снова улегся.

— Ты раздумываешь о том, чтобы уехать? — спросил он будничным тоном, сжав ее пальцы. — Поэтому ты спросила меня про Теннесси.

Луиза покраснела от стыда. Она закрыла глаза, чтобы можно было сделать вид, будто ее тут нет, и не признаваться вслух, что она раздумывает об отъезде.

— Я не могу обречь на это Лидию, — произнесла она шепотом. — Я просила у Леона разрешения уехать, и он мне его не дал, но он и умереть мне не позволит. Я не знаю, сколько лет, месяцев, дней мне еще осталось. Я не могу все это время притворяться, что не умираю. Это настоящая

пытка. Я не знаю, эгоизм это с моей стороны или самоотверженное желание избавить Лидию от запаха моего гниющего заживо тела и вида моей посеревшей вагины.

— Она будет ненавидеть тебя до конца жизни, — сказал Пол. — Ты ведь это знаешь?

— Да, я знаю. Но лучше уж пусть она потеряет меня раз и навсегда, чем будет терять по кусочкам.

— Нет, не лучше, — отрезал Пол, но снова сжал ее пальцы, чтобы смягчить удар.

— Я ничего еще не решила. Жду какого-нибудь знака. Чего-то вроде вмешательства свыше.

— Так вот откуда ноги растут у всех этих матрешек?

Луиза кивнула:

— Мне кажется, я должна хотя бы попытаться прервать этот цикл.

— Я не стану говорить тебе, что бросить своего ребенка — это нормально, — сказал Пол.

— Но ты стаешь меня ненавидеть, если я это сделаю?

— Нет, — ответил он просто, и они долго молчали, пока наконец не задремали.

Они спали так долго, что Луиза опоздала к Леону, который должен был ее подобрать. Он был

на нее зол, но отказывался это признать, потому что официально хотел поддержать творческие искания Луизы. Он с чрезмерной заинтересованностью спросил, что Пол думает о ее потолочном проекте.

— Это полная хрень, — сказала она, когда они шли пешком два квартала к тому месту, где Леон оставил машину. — С ним официально покончено.

— Уверен, его можно спасти, — поник Леон.

— Нельзя, — ответила Луиза. — Все нормально. Честное слово.

Они в молчании сели в машину, и Леон, влившись в плотный поток автомобилей, принялся кружить по городу. Они попали в час пик, потому что Луиза опоздала. Леон вел себя одновременно жалобно и пассивно-агрессивно, и она была рада, что может испытывать раздражение на него вместо угрызений совести из-за своего разговора с Полом. Ей хотелось провести обратный путь до дома, ругаясь с ним, а не размышляя над экзистенциальными вопросами материнства. Она готова была расцеловать Леона, когда тот подкинул ей идеальный повод для спора.

— Я просто не понимаю, что за отношения у Билли с Лидией, — заявил он, когда они свора-

чивали на Палисейдс-парквей. — Это уже вторая вечеринка, на которую она не приглашает Лидию. Сегодня они лучшие подружки, а завтра даже не разговаривают. Это просто ненормально.

— Для девочек-подростков нет ничего более нормального, чем сегодня быть лучшими подружками, а завтра не разговаривать. Ты внушаешь Лидии всякую чушь.

— Это не кажется мне справедливым, — произнес Леон этим своим раздражающе рациональным тоном.

— Билли права, — упрямо гнула свое Луиза. — Лидия всю вечеринку смотрела бы на всех свысока. Она с чего-то считает себя лучше их, потому что субботние вечера проводит дома с родителями. Мы же не мормоны. И не меннониты. Билли не на пустом месте ее не пригласила. Лидия ведет себя как зануда.

— Ты что, хочешь, чтобы она напивалась с командой по лакроссу? Ты точно знакома с нашей дочерью?

— Не строй из себя идиота, — сказала Луиза, обрадовавшись, что задела его за живое. — Разумеется, я не хочу, чтобы она напивалась с командой по лакроссу. Я хочу, чтобы она пила дрянное вино и курила травку с ребятами из

группы углубленного изучения английской литературы и спорила с ними о Воннегуте.

Произнося эти слова, она уже чувствовала приближение ножниц, только на этот раз они разрезали ее горизонтально, так что она перестала существовать ниже пояса. Это продлилось всего секунду, мгновение ока, и закончилось так быстро, что она не захотела пугать Леона, а если честно, то и себя саму, привлекая к этому внимание. Она просто продолжила спорить.

— Лидию беспокоит, что они не считают ее достаточно крутой, вот в чем настоящая проблема. Ее одноклассники все вместе ездили в Принстон на выступление Аллена Гинзберга, а ее с собой не пригласили. Она боится, что, если она придет на вечеринку, с ней там никто не станет общаться. Она уже даже больше не девственница, но не хочет никому об этом говорить из боязни, что они решат, будто она слишком старается.

— Откуда ты все это знаешь? Насколько я вижу, в последние полгода ты постоянно прячешься в спальне.

— Откуда я все это знаю? — Вот теперь Луиза разозлилась по-настоящему (в зеркале заднего вида промелькнула удаляющаяся обзорная площадка). — Да просто я слежу за социальной

динамикой Лидии с самого ее младенчества. Ты хоть знаешь, в кого она влюблена?

— Нет, не знаю. Я не знаю даже, как зовут большую часть ее подруг, так что было бы очень здорово, если бы ты наконец вытащила голову из задницы и вспомнила, что ты ее мать.

— Иди ты к черту, Леон.

Они несколько минут молчали. Потом Леон произнес:

— Я не это хотел сказать.

— Это, это, — отозвалась Луиза негромко.

Она протянула руку и включила радио.

Когда Луиза с Леоном вошли в дом, Лидии нигде не было видно.

— Мы дома! — объявил Леон.

— Я в ванной! — крикнула Лидия со второго этажа, перекрывая журчание воды.

Леон поставил на плиту кастрюлю с водой для спагетти, а Луиза тем временем начала делать салат. Она успела вымыть китайскую капусту и смешать заправку, а Лидия все не появлялась и не появлялась. Луиза обернулась к Леону.

— Она там сидит уже очень долго.

— Я схожу посмотрю, — решительным тоном произнес Леон.

Луиза не стала возражать, несмотря на его

намеки на то, что она якобы манкирует своими материнскими обязанностями. Она просто сказала «хорошо» и продолжила шинковать чеснок.

Минуту спустя Леон вернулся на кухню.

— Она отказалась со мной разговаривать. Хочет, чтобы ты поднялась.

Луиза внимательно посмотрела на него, пытаясь определить, не пытается ли он ею манипулировать.

— Она сказала: «Папа, позови маму. Я не хочу с тобой разговаривать», — беспомощно развел он руками. — Вполне однозначно.

Луиза положила нож и, поднявшись на второй этаж, постучала в дверь ванной.

— Это я! — произнесла она громко, потому что вода все еще журчала.

Когда она открыла дверь, Лидия стояла у раковины. Судя по забрызганному полу, она все это время с остервенением намывала руки.

— Что случилось, малышка? — спросила она.

Лидия закрыла краны тыльной стороной ладоней и вытерла их бумажным полотенцем, явно убежденная в том, что обычное тканевое — рассадник микробов. Потом опустилась на край ванны.

— Мне ужасно стыдно, — произнесла она. — Я

не хочу тебе говорить, но мне нужно кому-то об этом рассказать.

— Меня решительно невозможно ничем шокировать, — сказала Луиза. — Что бы ты ни рассказала, меня это не смутит. Не забывай, я та мама, которая честно рассказала тебе, что в шестьдесят девятом году у нее были лобковые вши. Интересно, они у кого-то вообще еще бывают? Может, у тебя лобковые вши?

Она хотела пошутить, но Лидия вся залилась краской.

— Нет, — прошептала она. — Но я боюсь, что у меня генитальный герпес.

— Мне кажется, это очень маловероятно, — ровным тоном произнесла Луиза. — У тебя был защищенный секс всего один раз, полгода назад.

— Ну, на уроках сексуального образования нам говорили, что заразиться можно, даже если ты используешь презерватив, а симптомы могут не проявляться несколько месяцев или даже лет. А потом он никуда не денется всю твою жизнь, от него невозможно избавиться.

— Цель уроков сексуального образования — запугивать детей, — сказала Луиза. — Я очень сильно сомневаюсь, что у тебя герпес.

— Все, ладно, — отрезала Лидия. — Беру свои

слова обратно. Я не хочу с тобой разговаривать. Ты уже решила, что я просто невротичка, и не желаешь меня слушать.

Луиза опустилась на пол ванной.

— Я тебя слушаю, — сказала она. — Честное слово. Что не так с твоей вагиной?

— У меня на лобке выскочила какая-то шишка. Я мылась в душе и внезапно ее нащупала. Еще вчера ее там не было.

— Какая у тебя сейчас фаза цикла? — спросила Луиза.

— Я жду месячных, должны начаться через пару дней.

— А это, случайно, не обычный прыщик? У меня они иногда появляются прямо перед месячными, а потом проходят. Это обычные прыщики, такие же, как на лице, просто на лобке.

Лидия слегка расслабилась.

— Правда?

— Правда.

— Но откуда ты знаешь, что у меня это просто прыщик?

Луиза вздохнула:

— Я сейчас схожу и принесу энциклопедию «О тебе и твоем теле». Мы с тобой вместе посмотрим страшные фотографии герпетических

высыпаний, которых у тебя нет, а потом я дам тебе зеркальце, ты внимательно изучишь свою шишку и убедишься, что между ними нет совершенно ничего общего. Будем использовать эмпирические данные.

— Ладно, — кивнула Лидия.

— А если она не пройдет после того, как у тебя начнутся месячные, я позвоню своему гинекологу. Договорились?

— Договорились, — сказала Лидия.

Луиза протянула руки, чтобы Лидия помогла ей подняться с пола, потом вышла из ванной и отправилась на поиски энциклопедии. Она не ожидала, что знак от вселенной придет в виде прыща на лобке, но кто она такая, чтобы критиковать форму послания свыше? Лидия все еще нуждается в ней — в Луизе, а не в вымышленной норманроквелловской матери, которая стирала бы ей футболки, но впала бы в кому от перспективы генитального кризиса. И пусть она больная, эгоистичная и совершенно чокнутая, она все равно подходит на роль матери Лидии лучше, чем кто бы то ни было еще. Давешний разговор с Полом казался ей теперь чем-то абсурдным и страшно далеким. Как ей вообще могла прийти в голову мысль бросить своего ребенка?!

В те долгие часы, что Луиза каждый день проводила дома в одиночестве, она любила принимать ванну. Она погружалась под воду, пока все ее тело не оказывалось покрыто, герметично закупорено, словно образец в банке. После этого она большим пальцем левой ноги приоткрывала кран и доливала ровно такое количество воды, чтобы могла лежать на дне, а наружу торчал только нос. А потом, хотя она ни за что в жизни никому в этом не призналась бы, поскольку эзотерика и прочий нью-эйдж были совершенно не по ее части, она начинала петь без слов. Тувинское горловое пение наполняло ее тело сразу всеми вибрациями музыкального спектра, приводя его в резонанс с частотами ванны, потолка и раковины и заглушая ее мозг и неумолчное дребезжание болезни.

Когда Хава впервые позвонила ей много лет назад, Леон спросил Луизу: «Почему ты так уверена, что у тебя есть это заболевание?» Она тогда не знала, что ему ответить, потому что не понимала, как объяснить, что ее тело всегда было как гармоничный аккорд, а в последние несколько месяцев ее правая рука ощущалась какой-то тренькающей нотой, и этот диссонанс только усиливался.

Но сейчас, с головой лежа под водой в ванне, так, что торчал только нос, и издавая низкие

горловые звуки, она снова временно пребывала в гармонии. На протяжении многих недель «Терапевтическое горловое пение с ванне с Луизой» так эффективно облегчало ее симптомы, что, когда садистические ножницы без предупреждения разрезали ее погруженное в воду тело пополам, это совершенно застало ее врасплох.

«Все в порядке, — сказала она себе, — это никогда не продолжается долго».

Но вода остыла, за окном стемнело, а ее мочевой пузырь непроизвольно опорожнился, лишь на несколько мгновений обогрев ее. Луиза попыталась петь, но работала только половина горла, а голосовые связки взбунтовались, соглашаясь издавать лишь хриплое кваканье.

«Скоро вернется Лидия. Давай соберись», — велела она себе, требуя от своего тела подчиниться, но оно отказывалось ее слушаться.

Она почувствовала, как откуда-то изнутри поднимается паника, но, что забавно, только в правой половине тела. Это довольно странное обстоятельство на какое-то время отвлекло ее от беспокойства, но потом оно вернулось с еще большей силой.

«Мне нужно отвлечься на что-нибудь еще, — подумала Луиза, — на что-то такое, что не даст

мне думать».

Она громко запела про себя «Девяносто девять бутылок пива стояли на стене». У нее не было никакого способа отследить, сколько времени она пролежала так в ванне, но, когда внизу хлопнула входная дверь, она пела уже по третьему кругу и была на сорок четвертой бутылке.

— Мам! — крикнула Лидия.

«Пожалуйста, — взмолилась про себя Луиза, — пожалуйста, пусть мой голос вернется», — но он не вернулся.

Она слышала, как Лидия искала ее на первом этаже, топая по дому в своих тяжелых «мартинсах», потом начала громко подниматься по лестнице. «Топ-топ-топ-топ». Лидия ввалилась в темную ванную, включив люминесцентную лампу и вентилятор. Загорелся моргающий свет, озарив ее унижение.

От безысходности Луиза помахала ей действующей рукой. Она попыталась повернуть голову, чтобы успокоить Лидию, но у нее ничего не вышло. Ей пришлось дожидаться, когда лицо Лидии вплывет в поле ее зрения, по-прежнему находясь практически целиком под водой.

Панический голос Лидии показался ей скругленным, смягченным по краям, как будто все

это происходило с чьей-то чужой дочерью где-то очень-очень далеко. Потом Лидия сунула руки в остывшую воду и, подхватив Луизу под мышки, усадила в ванне так, что в спину ей больно впился кран.

— Мама, что происходит? — спросила она, приблизив к ней лицо почти вплотную, так что Луиза увидела сразу двух Лидий.

«Прекрасно, — подумала Луиза, — я травмирую не одну дочь, а целых двух».

Она собралась с силами и заговорила, пытаясь объяснить, что это все скоро пройдет, но изо рта у нее вырвалась лишь невнятное бульканье, которое хоть отдаленно и напоминало слова, тем не менее было совершенно нечленораздельным.

— Я вызываю скорую, — сказала Лидия и разогнулась, но, прежде чем она успела добраться до телефона в спальне, чувствительность вернулась в левую половину Луизиного тела так же внезапно, как и покинула ее.

— Стой, погоди! — непослушными губами умудрилась крикнуть она в спину дочери. — Все, уже все нормально.

Лидия вернулась обратно в ванную.

— Вот, смотри, обе руки. — Луиза для убедительности пошевелила пальцами перед своим

обнаженным телом. — Обе руки, рот работает, шея поворачивается — смотри, я вылезаю из ванны.

Лидия бросилась ей помочь, но Луиза рявкнула:

— Я в состоянии сама с этим справиться.

И хотя ее левая нога еще не до конца обрела чувствительность, она умудрилась взгромоздиться на край ванны и повелительным тоном потребовала дать ей полотенце, надеясь, что, если она будет вести себя как обычно, Лидия не станет вызывать скорую.

— Серьезно, малыш, я тут сижу голая, в ванной холодно, можно дать мне наконец чертово полотенце?

Лидия молча пошарила на полке над раковиной и протянула Луизе колючее серое полотенце, которое та терпеть не могла.

— Не это, — рявкнула Луиза. — Мягкое бежевое.

Она видела, что ужас, плескавшийся в глазах Лидии, понемногу отступает в ответ на раздраженный тон Луизы.

— Я все равно вызову скорую, — сказала Лидия, но уже не так уверенно.

— Скоро должен вернуться папа, — принялась

уговаривать ее Луиза. — Давай дождемся его, а там все вместе решим, что делать.

До них донесся шум машины Леона, сворачивающей на подъездную дорожку. Тело Лидии на глазах обмякло, как будто она была марионеткой, у которой перерезали нитки.

— Папа! — закричала она. — Иди сюда!

Дальше все происходило очень быстро, поскольку обе женщины мгновенно подчинились четким распоряжениям Леона.

Лидию отправили заказывать пиццу на ужин, и Луиза поникла в объятиях Леона, вдыхая его знакомый запах и прижимаясь щекой к грубой ткани его рубашки.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне принять душ, — прошептала она. — Я долго пролежала в собственной моче, не знаю даже, сколько времени.

Она заплакала. Леон бережно ополоснул ее из душа, придерживая одной рукой. Она позволила ему вытереть ее и завернуть в новое полотенце, как ребенка, после чего он отвел ее в спальню и достал чистую фланелевую пижаму.

— Я не хочу больше так жить, — сказала Луиза.

— Я знаю, — отозвался он, в кои-то веки не пытаясь оспорить реальность болезни, и лишь сжал

ее пальцы и прижался лбом к ее лбу.

— Давай будем есть пиццу в постели? — попросила она, как маленькая девочка.

Леон кивнул:

— Я сейчас принесу телевизор. Будем валяться на кровати и смотреть какой-нибудь фильм. Втроем.

Несколько часов спустя, когда Лидия ушла спать, а Леон смахнул с простыни все крошки, Луиза вернулась к событиям вечера.

— Что толку ходить по врачам. Они все равно ничего не смогут сделать.

— Я все понимаю, — кивнул Леон, — но, думаю, тебе больше нельзя оставаться дома в одиночестве. А что, если бы ты была под водой? Ты могла бы захлебнуться.

Он произнес это совершенно будничным тоном, безо всякого надрыва. Когда разражался кризис, Леон вел себя образцово, но вот в предшествующий этому период он сводил Луизу с ума.

— Не говори ерунды, — сказала Луиза, хотя отлично понимала, что это чистая правда.

Перспектива весь день проводить один на один с чужим человеком наводила на нее ужас.

— Это не ерунда, — возразил Леон.

— И как мы будем за это платить? — поин-

тересовалась она, надеясь, что практические соображения помогут ей выгадать еще немного времени.

— Из наших сбережений.

— Но мы откладывали деньги на оплату колледжа для Лидии!

— Значит, я буду больше работать.

— И кто будет ухаживать за мной, пока ты работаешь? Лидия? Значит, или мы лишим ее денег на колледж, или ей придется стать при мне сиделкой? Оба эти варианта неприемлемы.

Впервые за вечер Леон потерял самообладание.

— Что я, по-твоему, должен сделать, Луиза?

В его голосе слышались сдавленные слезы, а тон был неестественно пронзительным.

— Я не знаю, — сказала она и положила руку ему на локоть, чтобы как-то утешить.

Но она знала. Пришло время уехать. И не нужны были ни магические знаки, ни мистические потолки, чтобы дать ей ответ. Все, что требовалось, это помнить о том, как ее дочь вытаскивала ее, голую, из воды, смешанной с мочой.

В ту ночь она отчаянно прижималась к Леону, обхватив его всеми четырьмя работающими конечностями, точно детеныш коалы, и вслуши-

ваясь в его сонное дыхание. Она очень надеялась, что он чувствует, как сильно она его любит. И как сильно ей жаль. Она очень надеялась, что, крепко прижимаясь к нему всю ночь, кожа к коже, она могла каким-то образом внедрить это знание прямиком в его кровоток.

В тот день, когда она улетела, Леон работал в городе, а Лидия была в школе. Луиза несколько раз мысленно формулировала и переформулировала текст прощальной записки, но все было не то. Потом под окнами засигналило подъехавшее такси, и она торопливо написала четыре простые строчки.

«Я решила последовать совету Лидии и записать мои официальные последние слова заранее: я знаю, чем закончится эта история, и хочу избавить вас от того отвратительного зрелища, каковое представляет собой ее заключительный акт. Никогда не сомневайтесь, что я люблю вас обоих. Л.».

Не успела она плюхнуться на растрескавшееся кожаное сиденье такси, как ее неожиданно охватило ликование. Она избежала больничной койки в гостиной. Лидии никогда не придется смотреть на ее посеревшую вагину. Ощущение свободы и движения не оставляло ее, ни даже ко-

гда они стояли в пробке на шоссе, ни даже когда она сорок пять минут ждала в очереди на контроль безопасности в аэропорту, ни даже когда она оказалась зажата на среднем сиденье между двумя хасидскими мужчинами, которые старательно отодвигались, чтобы ни в коем случае случайно к ней не прикоснуться. В голове крутились строчки из «Знаменитого синего плаща»:

Я слышал, ты строишь домишко в пустыне,

Живешь как придется, без цели, без смысла,

Надеюсь, хотя бы ты пишешь заметки.

Она представила, как лежит на большой белоснежной постели и горячий пустынный воздух овевает ее кожу.

Когда самолет поднялся в воздух, Луиза взглянула на часы. Было сорок минут восьмого. Самолет качнулся и выровнялся, набирая высоту. Ликование отступило так же быстро, как и накатило, сменившись адреналиновой паникой, как в тот раз, когда она чуть не потеряла Лидию в метро. Ее затошнило, и она согнулась пополам, схватив бумажный пакет. Ей представилось, как Лидия возвращается домой с репетиции, повторяя вслух

свою роль, входит вместе с Леоном в ярко освещенную кухню, бросает на пол рюкзак и курту, держа в руке смятый листок с текстом роли, хотя давным-давно уже выучила его наизусть.

— Что у нас на ужин? — крикнет она.

А потом, озадаченные, они оба примутся искать Луизу в пустом доме. Она не знала, сколько времени у них уйдет на то, чтобы найти на кухонном столе записку. Она снова взглянула на часы. Восемь. Они должны были уже ее найти.

«Четыре строчки, и это все, что я оставила?»

Она нажала кнопку вызова стюардессы. Никто не подошел. Она принялась настойчиво жать на кнопку снова и снова.

— Мне нужна бумага, — сказала она, когда девушка наконец явилась.

— Мы не предоставляем такую услугу, — отрезала стюардесса.

«Чертовы израильтяне», — подумала Луиза.

— Пожалуйста, — практически взмолилась она вслух, — мне нужно написать письмо дочери.

Девушка пожала плечами и вернулась с крошечным блокнотиком с эмблемой авиакомпании «Эль Аль» на обложке. В него вряд ли уместилось бы все, что Луиза хотела написать, но это было хоть что-то.

«Леон, — вывела она. — К нашему с тобой последнему разговору в машине. Вот список всего того, что ты можешь не знать».

На протяжении последующих двенадцати часов она выпрашивала, одалживала и воровала бумагу, создавая для Леона справочник по Лидии.

«Начнем с настоящего: у Билли было трое бойфрендов. Причина, по которой она в последнее время ведет себя по-свински, в том, что она сейчас встречается с парнем из Йеля, который состоит в студенческом братстве. Предыдущий ее бойфренд работал в йога-центре. Девственность она потеряла с каким-то поцем, который окончил школу в прошлом году. Все эти подробности важны для Лидии, потому что Билли намного опытнее ее».

Луиза перечислила имена всех подруг Лидии, с кем они встречались, в какие колледжи собирались после школы, по каким учителям сохли, кто из учителей, по слухам, спал со школьницами; сильную группу по английскому, куда Леон должен любыми правдами и неправдами устроить Лидию на следующий год; футболки, которые Лидия никогда не надевает, потому что считает их несчастливыми, но выбрасывать их нельзя, потому что от этого будет еще хуже. «Да,

и, Леон, она страшно боится забыть домашнее задание в школе, поэтому каждый день таскает все учебники домой вместо того, чтобы оставлять их в шкафчике. Это очень плохо для ее спины, поэтому я покупаю ей два комплекта учебников, чтобы один хранился дома».

На этом она могла остановиться, поскольку снабдила Леона всей необходимой практической информацией. Но, начав писать, она уже не могла остановиться — все повседневные мелочи материнства настойчиво хотели выплеснуться на бумагу. Она обнаружила, что возвращается мыслями в прошлое, описывая стол, за который Лидия всегда садилась в кафетерии в средней школе во время обеда; рецепт капкейков, которые Луиза пекла ей на дни рождения; укромный уголок в ванной, где Лидия сваливала тухнущие полотенца. Она бросила мимолетный взгляд сквозь иллюминатор на Средиземное море, над которым они пролетали, и вновь вернулась к письму.

«Лидия вечно теряет варежки на игровой площадке, так что позаботься о том, чтобы у учителя всегда были запасные. Сэндвичи, которые она берет с собой, каким-то образом всегда оказываются на дне рюкзака и превращаются в кашу, так что

не клади ей сэндвичи с тунцом, потом никогда не избавишься от запаха, и ее снова будут дразнить Вонючкой. Самый рабочий вариант — сэндвич с арахисовым маслом и джемом, но джем она ест только ежевичный».

Она посмотрела на ворох бумаг, которые лежали на коленях, грозя сползти на пол. Ей столько всего еще надо было сказать! «Когда будешь купать ее, запусти в ванну резиновую уточку с приплюснутым клювом. Лидия боится, что ее пальцы засосет в слив, так что выдергивай затычку только после того, как достанешь ее из ванны. Не пытайся переубедить ее, это бесполезно».

Все эти мелочи продолжали рваться наружу — она не думала о них годами, но они были намертво запечатлены в ее мозгу. «Я не знаю почему, но пюре из зеленого горошка она ест только магазинное, хотя я готовлю точно такое же. Когда будешь укладывать ее на дневной сон, досчитай по меньшей мере до двухсот, прежде чем убирать руки, иначе она проснется; не пытайся словчить, это не стоит риска. Во время кормления она предпочитает левую грудь правой, но нужно давать ей обе по очереди, иначе ей не хватит молока. И она вечно норовит выпустить сосок изо рта и принимается чмокать губами, как будто уже

наелась, но на самом деле она еще голодная».

Луиза закрыла глаза, вспоминая первые несколько дней после выписки из больницы, когда она бесконечно кормила новорожденную Лидию грудью, лежа в постели в их тесной квартирке на Восьмидесятой улице и глядя на крошечное личико Лидии со смесью изумления и ужаса. Она не понимала, одно у них тело на двоих или два.

«Может, ты до сих пор часть меня? — шептала она, пока Лидия сосредоточенно сосала, кожа к коже, и даже пахло от них неотличимо. — Может, мы до сих пор единое целое?»

На табло на потолке зажегся знак «Пристегнуть ремни»: они начали снижаться. Луиза почувствовала себя очень-очень одинокой. Одиноким человеческим существом в одиноком теле.

Часть четвертая
1996–2001

Кружащийся дервиш
1996

Перед тем как уснуть, Лидия любила думать обо всех своих параллельных версиях, которые существовали во вселенной: Лидии, которая не поехала в Мисти-Медоуз, Лидии, которая поехала в Испанию, или Лидии, которая пришла тогда домой на пятнадцать минут позже и не застала свою мать парализованной в остывшей ванне. И даже о Лидии, которая брала с собой в школу на обед питу с хумусом вместо сэндвича с арахисовым маслом и джемом. Ее грела мысль, что каждое ее решение, даже самое незначительное, создавало совершенно другую ее, совершенно другую жизнь. Собственное бессилие странным образом освобождало ее от ответственности.

В хорошие вечера вместо того, чтобы лежать в постели, постоянно крутя в голове одни и те же мысли, она воображала, как все эти Лидии плывут в космосе бок о бок. Она поворачивалась и махала им рукой, и они махали ей в ответ, в точности так же, как она сама, тем же самым неуловимым движением запястья, потому что

все они по-прежнему были ею, несмотря на то, что носили разную одежду и стрижки, а у одной по какой-то необъяснимой причине вместо руки был крюк.

Но в последнее время вместо ободрения мысль об этом экзистенциальном сестринстве вызывала у нее жгучую ненависть ко всем тем Лидиям, чьи матери не бросили их, оставив на прощание лишь записку из четырех строчек. Она представляла, как все эти более везучие Лидии дрейфуют вправо, в то время как она сама дрейфовала влево, все сильнее и сильнее отдаляясь тех, других Лидий, чтобы никогда больше не встретиться.

Она толком не помнила первые дни после отъезда Луизы. По большей части ей вспоминалась пицца. Леон тогда забрал ее с репетиции, они заехали в пиццерию и взяли половину пиццы с пепперони и половину с луком и болгарским перцем. Лидия внесла коробку в кухню и поставила на стол, где она и простояла два часа, пока они прочесывали дом в поисках Луизы и в отчаянии звонили всем подряд. Потом наконец часов около десяти Леон сказал: «Нам нужно поесть, чтобы были силы» — и пододвинул к Лидии коробку с остывшей пиццей, а под ней обнаружилась записка. Иногда Лидии хотелось вернуться в эти

кошмарные два часа, когда они рассматривали всевозможные чудовищные варианты, но тот, что Луиза просто взяла и бросила их, казался наименее вероятным из всех.

Последовавшие за пиццей несколько дней, даже недель, сохранились в ее памяти в виде каких-то обрывков. Леон допоздна не ложился спать, звонил в Израиль, и она слышала, как он снова и снова кричит на Хаву: «Я всего лишь хочу поговорить с моей женой, черт побери!»

Пока Леон звонил, Лидия сидела перед телевизором и смотрела все подряд, но, кажется, по всем каналам показывали только сериал «Беверли-Хиллз 90210», так что теперь один звук этой музыкальной заставки вызывал у нее тошноту.

Единственным, что оставалось в ее жизни нормального, к счастью, была школа: там никто не знал, что ее мать уехала, поэтому все относились к ней с точно таким же безразличием, как и прежде. Билли игнорировала ее, Сет Крамински флиртовал с ней (они вели долгие разговоры о гомоэротическом подтексте в «Моби Дике» и о том, какую неловкость он вызывал у их англичанина), а все остальные просили у нее списать домашнюю работу, хотя она неизменно отказывала.

— Может, стоит рассказать обо всем школьному

психологу? — спросил ее Леон однажды за ужином неделю или две спустя после отъезда Луизы.

Они по-прежнему каждый вечер ужинали за столом в столовой, хотя оба на протяжении всей трапезы молча ковыряли свою еду, старательно избегая смотреть на пустой Луизин стул.

— Пожалуйста, не надо. — Лидия отложила вилку. — Школа единственный островок нормальности в моей жизни, и то только потому, что никто ничего не знает. И потом, ты когда-нибудь слышал, чтобы кому-то помог разговор со школьным психологом?

— Зачем ты так? Они хорошие специалисты.

— Ты миссис Догерти когда-нибудь видел?

— Ладно, я не стану ничего ей говорить, — вздохнул Леон. — Но если твои оценки начнут ухудшаться, мне придется рассказать обо всем в школе.

— Если мои оценки начнут ухудшаться? Да я только что написала блестящее эссе по «Моби Дику». Когда ты стрессуешь, ты всегда начинаешь разыгрывать из себя отца, прямо как будто читаешь по сценарию.

Леон открыл было рот, чтобы возразить, и тут же закрыл его, признавая поражение.

— Расскажи про эссе по «Моби Дику», — ска-

зал он.

На следующий вечер они, словно по молчаливому уговору, плюнули на ужин в столовой и, как добрая половина всех американских семей, устроились с китайской едой перед телевизором. За последующие несколько недель на обеденном столе словно бы сами собой образовались залежи ручек, бумаг и прочих домашних мелочей, которые стихийно материализуются на любой свободной поверхности. Леон с Лидией отвоевывали крохотные пятачки пространства, где они могли дышать, — диван, гнездышки из одеял, которые устраивали каждый в своей комнате — и пережидали там вечера и выходные, чтобы наконец вернуться к привычной рутине. Лидии не пришлось ничего врать в школе про мать. Эта тема попросту не всплывала, поэтому ей удавалось не думать об этом до тех пор, пока она не приходила домой, где ее размашистой оплеухой встречал спертый воздух. Она не понимала, каким образом с точки зрения законов физики воздух в доме может быть грустным, словно молекулярные свойства кислорода менялись внутри их четырех стен. Может быть, если бы она выбрала изучать физику на углубленном уровне, у нее было бы какое-то объяснение, но она в этом

очень сомневалась.

На протяжении месяца с лишним с восьми утра до трех дня Лидия делала вид, что в ее жизни ничего не изменилось. Но потом, на уроке истории, когда мистер Джексон поставил ее в пару с Джейми Гольдфарб, потому что они обе опоздали, та сказала:

— Я так понимаю, задание будем делать у меня дома, раз уж у тебя творится непонятно что.

— Непонятно что? Что ты имеешь в виду?

— Ну… с тех пор, как твоя мама вас бросила.

— В каком смысле? С чего ты это взяла? — спросила Лидия, пытаясь говорить небрежным тоном, но во рту у нее пересохло, а руки затряслись.

— Я просто слышала от… — Джейми не договорила, явно сообразив, что сведения были получены из нелегального источника.

Лидия, к изумлению своему, принялась вдохновенно врать на ходу.

— Она нас не бросала, — спокойно произнесла она (руки у нее перестали трястись). — Она просто сейчас в отъезде.

Лидия одновременно сидела за задней партой на уроке истории и махала рукой параллельной Лидии, чья мать всего лишь ненадолго куда-то уехала.

— Она… на несколько недель улетела в Турцию.

— Моя мать в прошлом году тоже надолго уезжала, — сказала Джейми таким приветливым голосом, какого Лидия никогда еще от нее не слышала, явно чувствуя какую-то драму. — Она занималась благотворительностью в Эгейском регионе, так что ее не было большую часть зимы. Зато она привезла оттуда чудесный загар.

В душе у Лидии всколыхнулась отчаянная надежда. Неужели Джейми поверила? Джейми Гольдфарб была главной сплетницей школы. Если Джейми ей поверит, она сможет играть в эту игру до скончания века.

— И чем она там занимается? — спросила Джейми и вытащила из сумки блеск для губ с запахом зеленого яблока, от которого Лидию всегда начинало мутить.

— О, она учится, чтобы стать кружащимся дервишем, — совершенно неожиданно для самой себя заявила Лидия.

Она даже не очень твердо знала, кто такие эти кружащиеся дервиши. Суфии? Мистики? Кружатся ли они в самом деле? Кажется, все-таки кружатся. Ей смутно вспомнилось, что она смотрела про них какую-то научно-популярную

передачу по телевизору.

— Кружащимся дервишем?! — Джейми Гольдфарб аж глаза вытаращила. — В самом деле?

Она явно тоже понятия не имела, что это за кружащиеся дервиши.

— Да, ее суфийский наставник сказал, что ей до полного просветления осталось вот столечко. — Лидия приблизила указательный палец правой руки к большому почти вплотную. — Он сказал, если она освоит кружение, то ей практически гарантирована нирвана. И потом, она же в Турции, так что у нее наверняка тоже чудесный загар.

Несмотря на то что эта история была совершенно бредовой, Лидия не могла остановиться, словно язык ей больше не подчинялся.

— Проблема в том, — продолжала она, — что из-за особенностей строения внутреннего уха она может тренироваться только по часу в день, иначе у нее начинает кружиться голова. Когда мы с ней вчера вечером разговаривали, она очень беспокоилась, что такими темпами и до конца жизни не достигнет просветления.

Джейми Гольдфарб с круглыми глазами кивнула.

— От кого ты слышала, что мама нас бросила?

Одноклассница явно запаниковала.

— Ладно, не важно, — сказала Лидия.

Джейми встречалась с сыном директора школы, а его мамаша, миссис Трендли, была известной сплетницей.

На перемене Лидия откопала в груде хлама на дне шкафчика четвертак и отправилась к школьному таксофону в обшарпанном закутке под туалетами. В трубке долго звучали длинные гудки, потом Леон наконец ответил. По его сухому «алло» она сразу поняла, что он «на сессии».

— Откуда Джейми Гольдфарб узнала, что мама уехала?

— Кто такая Джейми Гольдфарб? — спросил Леон.

В трубке послышалось его приглушенное бормотание: он извинялся перед клиентом.

— Джейми Гольдфарб — идиотка, которая встречается с Дэнни Трендли, директорским сынком.

— Вот черт, — выругался Леон. — Погоди секунду, Лидия.

Он отвел трубку от губ.

— Это моя дочь. Она расстроена, — донеслось до Лидии.

— Да, я расстроена! — заорала она в трубку, от которой пахло чужим кислым дыханием и холодным чаем.

— Я наткнулся на миссис Трендли в продуктовом магазине. Она спросила меня, как у тебя дела, с таким выражением, как будто была обо всем в курсе, ну я и сказал, что ты держишься, хотя тебе сейчас, конечно, нелегко, а потом она каким-то образом вытянула из меня всю историю. Но я думал, раз она жена директора, на нее распространяется требование сохранять конфиденциальность.

— Мама никогда бы так не прокололась, — сказала Лидия и повесила трубку, прежде чем отчаяние в его голосе вызвало у нее чувство вины.

К ее ужасу и восторгу, слух очень быстро облетел всех одноклассников.

— Я слышал, твоя мать учится, чтобы стать кружащимся дервишем, — сказал Сет Крамински, подойдя к ней после истории.

— Кто тебе такое сказал? — рассмеялась она.

— Эрин Бигелоу. Но, я думаю, Эрин Бигелоу услышала это от Джейми Гольдфарб.

— Нет, моя мать не учится, чтобы стать кружащимся дервишем. Ты, наверное, не дослушал до конца. Я сказала, что она учится, чтобы стать кружащимся дервишем, но у нее есть проблема с внутренним ухом, из-за которой у нее никогда не

вышло бы достичь просветления.

Сет рассмеялся своим слегка девчачьим смехом, который Лидия находила очаровательным.

— Джейми Гольдфарб способна проглотить любую туфту.

— Я знаю, — сказала Лидия. — Наверное, врать ей было не очень хорошо с моей стороны, но она вечно пытается раскопать какую-нибудь грязь, и вообще, это не ее собачье дело.

— И чем же твоя мать занимается на самом деле? — спросил Сет.

Несмотря на то что Сет Крамински был ее другом и таскал в заднем кармане зачитанный экземпляр поэмы Аллена Гинзберга «Вопль», Лидия обнаружила, что снова врет. Она попросту не могла остановиться. Это было одновременно приятно и стыдно, как будто она съела целый торт в одиночку.

— Мама судебный антрополог, и сейчас она в Испании, работает на раскопках массовых захоронений эпохи режима Франко. Помогает извлекать тела и собирать отдельные части вместе. Это жутко тяжелая и морально изматывающая работа, но кто-то же должен ее делать, потому что это очень важно, понимаешь?

Сет кивнул.

— Это очень важно, — мрачным эхом откликнулся он.

— Мне без нее тяжело, но я знаю: то, что она делает, важно для всего мира в целом. Поэтому я могу пойти на эту жертву. Но я не очень люблю об этом говорить, потому что меня это расстраивает.

«Врать о таких вещах ненормально», — подумала она, но ей нравилось новое, не испытанное доселе ощущение интимности, которое установилось между ними; то, как Сет склонялся к ней, когда они вместе шли в кафетерий.

Объективно говоря, она отдавала себе отчет в том, что лжет, но эта ложь не ощущалась как ложь. Она ощущалась как альтернативная правда, биография одной из других Лидий, которым она махала, когда они проплывали друг мимо друга по межгалактическому шоссе.

Остаток дня она жила так, как будто ее мать и в самом деле была в Испании. Она даже представляла, как сегодня вечером она им позвонит. Мысли об этом поддерживали ее на протяжении всего учебного дня, дороги домой и даже в прихожей. Она вошла в кухню, умудрившись на мгновение сохранить уверенность в том, что мама просто ненадолго уехала. Но потом

ее окружили заваленный книгами и бумагами стол, почти пустой холодильник и тишина, такая густая, что воздух казался мохнатым ковром, — и чувство легкости исчезло.

На следующее утро она поклялась себе, что не станет больше врать, главным образом потому, что понимала — эта ложь ей же самой выйдет боком. Но еще до конца дня нарушила собственную клятву. Она была в физкультурном зале, в углу, отлынивала от упражнений, когда Николь Химмельштейн, которая была помешана на всем, связанном со смертью, спросила:

— Я слышала, твоя мама сейчас в Испании выкапывает какие-то трупы?

Лидия на миг запаниковала, испытывая потребность защитить эту версию Луизы и не желая отдавать ее на потребу готскому любопытству Николь Химмельштейн. Но потом самообладание к ней вернулось.

— Нет, это неправда, — произнесла она небрежно, — моя мама занята совершенно другим.

Она представила себе бесконечную череду альтернативных Лидий и выдернула из космоса ту, у которой были фиолетовые волосы и пирсинг.

— На самом деле она сейчас в Китае.

— Серьезно? В Китае?

— Ну да. Ты знала, что пандам грозит вымирание, потому что они разучились трахаться? Ну или не разучились, но утратили к этому всякий интерес?

В устремленном на Лидию взгляде Николь Химмельштейн впервые за все время промелькнул огонек интереса. Судя по всему, она готова была перестать считать Лидию ханжой.

— Утратили интерес к сексу? — тут же оживилась Николь (она обожала громогласно и во всех подробностях обсуждать свою сексуальную жизнь). — Не могу себе такого даже представить!

— Ну да, прикинь? Дурдом. В общем, китайское правительство нанимает музыкантов, чтобы они играли пандам музыку для соответствующего настроя, но очень сложно определить, что их заводит. Сначала они играли им Барри Уайта, потому что думали, что от него кто угодно придет в романтическое настроение. Но это не сработало, поэтому они решили, что, наверное, дело в культурных различиях, и попробовали традиционную китайскую оперу. С ней дела пошли совсем швах. Так что теперь они решили пригласить классических музыкантов, а моя мама виолончелистка. — Лидия театрально бросила взгляд на часы. — Пока мы с тобой тут болтаем, мама там

играет пандам Моцарта, Мендельсона или еще что-нибудь, чтобы побудить их трахаться.

Николь захихикала:

— О боже, твоя мама просто супер! Это потрясающе.

— Ну да, но пока что у нее ничего не вышло. Ну, то есть панды даже не думают трахаться, так что гордиться ей пока особо нечем.

Николь расхохоталась, и они вместе принялись притворяться, что делают упражнения.

Лидия понимала, что надо остановиться, но эти истории изливались из нее сами собой, она не прилагала никаких сознательных усилий к их конструированию. Казалось, она просто повествует о подлинных событиях, которые происходят с Лидиями и Луизами из параллельных измерений. К тому же ей было легче вообразить Луизу, которая кружится до упаду в Турции, бережно смахивает землю с осколков костей в Испании или играет на виолончели толстым апатичным пандам, стараясь не морщиться от бьющего в нос запаха их дерьма, чем Луизу, которая сидит в кибуце, занимаясь неизвестно чем.

Она понимала, что рано или поздно попадется. Продолжать так долго было невозможно. Но Лидия не могла остановиться до тех пор, пока не

найдет правильную историю — историю, которая была бы достаточно большой для того, чтобы она могла в нее вжиться, и достаточно сочной, чтобы поддерживать ее нескончаемо долгими вечерами, отвлекая от вздохов Леона и лужиц застывшего жира на дне коробок с китайской едой.

Но она не подозревала, что разоблачение придет к ней в лице хемингуэевской «Фиесты». Они сидели на уроке английского, и мистер Рокич, их учитель, рассказывал о новой книге, которую им предстояло разбирать.

— Хемингуэй, — говорил он, присев на краешек стола, чтобы казаться демократичнее, — приезжал в Испанию в то время, когда там бушевала гражданская война. Кто-нибудь из вас что-то знает о гражданской войне в Испании?

«Черт», — подумала Лидия.

Сет Крамински ткнул ее карандашом.

— Это ты должна вести урок, — прошептал он.

— Вы что-то хотите нам сказать, мистер Крамински? — прервал их мистер Рокич.

«Блин», — подумала Лидия.

— Я просто говорил Лидии, — принялся плаксиво оправдываться Сет, — что, раз ее мама сейчас в Испании занимается эксгумацией массовых

захоронений бригады Авраама Линкольна, ей стоит рассказать об этом классу, вот и все.

Он терпеть не мог, когда его отчитывали, ведь это делало его наименее похожим на панк-рокера подростком в их классе, сколько бы собачьих ошейников он ни носил.

Николь Химмельштейн, которая одевалась целиком в розовое и все равно куда больше походила на панк-рокершу, чем Сет, возразила:

— Это неправда! Ее мама помогает пандам трахаться!

В потрясенной тишине, повисшей в классе после заявления Николь Химмельштейн, раздался озадаченный голос Джейми Гольдфарб:

— Я думала, ее мать учится, чтобы стать кружащимся дервишем.

Лидия проскрежетала стулом и выскочила из класса, едва не запнувшись о рюкзак Билли по пути к двери. Добежав до туалетов второго этажа, где она могла чувствовать себя в относительной безопасности, поскольку ими практически никто не пользовался, она уселась на облицованный розовым кафелем пол подальше от кабинок и привалилась к стене, стараясь не думать о предстоящей череде унижений. В коридоре послышались шаги: кто-то приближался к туалету.

«Пожалуйста, пройди мимо», — взмолилась про себя Лидия, понимая, что это вряд ли произойдет: это крыло школы было практически заброшенным. Скрипнула дверь. Из-за угла показались фиолетовые «мартинсы» Билли.

— Ты сидишь на полу в туалете, — произнесла Билли скорее утвердительно, хотя в ее голосе все же угадывались вопросительные нотки.

Лидия пожала плечами и съежилась еще сильнее, притянув колени к груди и думая (не думая) о том, сколько на этом полу должно быть микробов. Но она сейчас думала (не думала) о стольких вещах одновременно, что мысли разбегались в разные стороны.

Билли расстегнула внешний карман рюкзака и молча протянула Лидии флакончик с санитайзером. Это был настолько интимный жест со стороны бывшей подруги, что он казался проявлением скорее жестокости, чем доброты, лишь подчеркивавшим степень теперешнего отчуждения между ними.

«Как она может так хорошо меня знать и больше не любить?» — подумала Лидия.

Билли медленно опустилась на пол рядом с ней, как будто не была уверена, что имеет на это право.

— Да уж, нечего сказать, заварила ты кашу, — произнесла Билли нерешительно, подтолкнув Лидию локтем.

Та снова пожала плечами.

— Мне больше всего понравился кружащийся дервиш, — заметила Билли, пытаясь пробиться сквозь упрямое молчание Лидии. — Особенности строения внутреннего уха? Это феерически смешно. Остальные два номера я вполне могу представить в исполнении Луизы.

— А представить, что она без предупреждения бросила мужа и дочь и уехала жить в кибуц, ты можешь? Потому что именно этот номер Луиза и исполнила.

Имя матери Лидия произнесла с ядом в голосе. Ей было легче думать о ней как о Луизе, а не как о маме, и она поклялась, что впредь будет называть ее только по имени и никак иначе. Она утратила право называться матерью.

Билли придвинулась поближе к Лидии.

— Черт, — только и произнесла она. — И когда она уехала?

— С месяц назад.

— Вот так взяла и уехала? И ничто не предвещало?

— Вот так взяла и уехала, — подтвердила Лидия,

прикусив язык, чтобы не добавить: «За последние два месяца меня бросили сразу и мать, и лучшая подруга».

— Если хочешь, — предложила Билли, — я могу тоже начать рассказывать окружающим всякую туфту про то, где находится моя мать.

Лидия почти улыбнулась.

— Ну, например, что она стала международной закупщицей стразов для русского картеля и теперь отвечает за украшение всех велюровых костюмов от Москвы до Брайтон-Бич.

Лидия сдалась и включилась в игру, не в силах сопротивляться знакомому сценарию.

— Или что она одержима лаком для ногтей, потому что на самом деле она всемирно известная наемная убийца. Мафиози нанимают ее устранять жен своих конкурентов. Она делает им маникюр специально разработанным ядовитым лаком, который все это время смешивала в подвале вашего дома.

Билли расхохоталась, и ее смех эхом отразился от кафельных стен туалета.

— Господи, какая же скучная у меня мать. Мы даже придумать ничего не смогли, кроме лака и велюровых костюмов.

До чего же хорошо было с ней говорить. Лидии

хотелось остаться в этом розовом кафельном коконе навечно. Вопреки всем своим зарокам она позволила себе положить голову Билли на плечо. От Билли, как всегда, пахло абрикосово-миндальным скрабом для лица — и чем-то еще, чем-то непонятным. Древесным дымом? Лидии представилось, как она в компании своего нового бойфренда пьет у костра дешевое пиво и слушает, как кто-то поет под гитару песни Дейва Мэтьюса.

— Почему мы больше не дружим? — вырвалось у Лидии. — Я думала, ты меня любишь.

Она ненавидела себя за жалобные нотки в голосе.

— Я тебя люблю, — сказала Билли. — Но люди меняются. Мы с тобой просто стали слишком разными.

Лидия заплакала. Она-то надеялась, что они еще посидят здесь, в туалете, и Билли скажет, что они по-прежнему дружат, и снова придет вечером к ней в гости, и поужинает вместе с ней и Леоном, а потом они с Лидией будут валяться на кровати у нее в комнате поверх кучи грязной одежды.

— Уйди, — сказала Лидия, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Я не могу оставить тебя тут в слезах.

— Мне наплевать, что ты будешь делать.

Лидия поднялась и закрылась в кабинке, размазывая рукавом слезы и сопли.

— Я никуда не пойду, пока не буду уверена, что ты в порядке.

— Тебе-то какое до этого дело? Мы больше не подруги. Мы стали слишком разными, — повторила ее слова Лидия.

— Лидия, ты ведешь себя так, будто я решила, что мы больше не подруги. Это ведь ты сказала, что я лживая позерка, которая подлаживается под каждого парня, с которым встречается, и что ты не желаешь больше со мной разговаривать.

— Это было после той вечеринки, на которую ты меня не пригласила!

— Я не пригласила тебя туда, потому что ты только и делала бы, что меня осуждала.

— Это неправда!

— Нет, это правда, — возразила Билли скорее настойчиво, чем запальчиво.

— Мне от этого разговора только хуже, — сказала Лидия. — Уйди, пожалуйста.

Билли переступила с ноги на ногу. Лидия полагала, что она дергает себя за челку, как делала всегда, когда беспокоилась, но, поскольку между ними была дверца кабинки, ей пришлось счи-

тывать настроение Билли исключительно по движению ее «мартинсов».

Они некоторое время молчали — может, несколько минут, а может, полчаса. У Лидии всегда было плохо с ощущением времени.

— Ладно, — произнесла наконец Билли. — Сейчас начнется восьмой урок. Я скажу мистеру Маслову, что у тебя «критические дни», и он не станет задавать вопросов. Но ты не сможешь сидеть здесь вечно, Лидия.

— Хотя бы попытаюсь.

— Ну, удачи тебе, — сказала Билли, а потом до Лидии донесся негромкий хлопок двери.

Она сидела в туалете, пока не начало смеркаться, а потом пробралась по коридору к задней двери и через лесок дошла до своей машины. К тому времени, когда она доехала до дома, уже совершенно стемнело, и Леон включил свет практических во всех комнатах. Дом выглядел теплым, безопасным и нормальным, и это привело Лидию в состояние неописуемой ярости. Она вошла в тамбур, задев вешалку, и сдернула на пол один из Луизиных шарфов.

— Черт побери! — заорала она. — Какого хрена у нас до сих пор по всему дому разложен мамин хлам?

Леон открыл дверь в прихожую и посмотрел на нее, вскинув брови.

— И тебе привет, — произнес он. — Слышал, в школе выдался насыщенный день.

— Я не желаю это обсуждать, — отрезала Лидия.

— Школьный психолог сообщила мне, что твоя мама стала суфийским судебным антропологом, а в свободное время играет пандам на виолончели романтическую музыку для правильного настроя.

Лидия сбросила с плеч рюкзак и, усевшись на полу в кухне, обхватила голову руками. Однако, стоило ей закрыть глаза, как в ее воображении возникла Луиза, занятая всем одновременно: она кружилась, жонглировала костями и подыгрывала себе на виолончели, прямо как индийская богиня с миллионом рук. Леон опустился на пол рядом с дочерью, и она положила голову ему на плечо, как тогда в туалете с Билли, только, в отличие от Билли, Леон никогда не отверг бы ее.

— Ладно, — произнес Леон. — Мне наконец-то удалось расшифровать бессвязное письмо, которое прислала мама, и в нем она предупреждает меня, чтобы я не вздумал «ни хрена рассказывать миссис Трендли». Кроме того, по всей видимости,

у вас в школе есть какая-то группа по английскому, в которую мне нужно записать тебя на следующий год.

Лидия попыталась горько рассмеяться. Именно такие слова крутились у нее в голове: «А теперь ты должна горько рассмеяться», но собственное горло сыграло с ней злую шутку, и она издала сдавленный звук, больше всего похожий на всхлип.

— Было бы намного легче, если бы она с самого начала была ужасной матерью.

Леон погладил ее по волосам, и Лидия заплакала, хотя изо всех сил пыталась сдержаться, потому что Леон и так выглядел как человек, на которого обрушилось слишком много всего сразу.

— Мне так не кажется, — сказал он. — Я думаю, все равно лучше, что она была хорошей матерью.

— Но от этого ее предательство становится еще ужаснее. И я ведь ни о чем даже не подозревала. Как я могу быть уверена, что ты тоже завтра не исчезнешь?

— Я же Святой Леон. Верный и надежный до отвращения. Это ты в конце концов меня покинешь, а не я тебя.

Лидия разрыдалась. Для нее самой стало неожи-

данностью, что ее тщедушное тело способно издавать такие громкие, отчаянные звуки. И все равно чудесно было больше не сдерживаться.

Несколько минут спустя она подняла голову и утерла нос рукавом.

— Теперь вся твоя рубашка в моих соплях, — сказала она.

— Меня соплями не напугаешь. Помнишь, как-то раз я подставил ладони, когда тебя неожиданно вырвало?

Лидия не помнила, но столько раз слышала эту историю, что картина стояла у нее перед глазами: рвота фонтаном летит вниз по лестнице над мохнатым рыжим ковром и изливается прямо в сложенные ковшиком руки Леона.

— А мне обязательно идти завтра в школу? — спросила она тоненьким голосом, надеясь, что Леон сочтет ее слишком эмоционально уязвимой, чтобы иметь дело с жестокостью сверстников.

— Да, — сказал Леон. — Боюсь, что обязательно. Если ты останешься дома, будет только хуже. Тебе придется пройти через это.

Они некоторое время молчали.

— Я даю тебе слово, что постараюсь взять себя в руки и относиться ко всему с вниманием. Больше никаких промахов, как тогда с миссис Трендли.

Я приготовил сегодня настоящий ужин, и я запишу тебя в сильную группу по английскому на следующий год, а завтра вечером ты расскажешь мне про все выходки твоих одноклассников, и мы обсудим, какие они все вонючки.

Леон отлепил от себя Лидию и, встав, протянул ей руки и поднял с пола. Она двинулась за ним в столовую и на пороге на мгновение оторопела: он передвинул стол к окну и убрал третий стул.

— Да, я бунтарь, — заявил Леон. — Я передвинул стол на два фута влево. Не ты одна можешь творить дичь.

Лидия рассмеялась и села на место, где обычно сидел Леон, спиной к кухне. Кускус с курицей пахнул божественно. Она позволила Леону наложить ей полную тарелку. Оба молча накинулись на еду, заглатывая большие куски, как будто толком не ели уже несколько недель.

— А теперь признавайся, — минуту спустя произнес Леон с набитым ртом, — ты все это выдумала или панды в самом деле разучились трахаться?

Лидия ожидала, что все в классе будут игнорировать ее в лицо и шептаться за спиной. Чего она не ожидала, это вежливых кивков одноклассников и учтивых разговоров о не сделанных

вовремя домашних заданиях и надвигающейся контрольной по испанскому. Робер Макаллистер даже иронически произнес: «Только после вас», когда они столкнулись в дверях, пытаясь одновременно войти в класс. На английском она уселась на свое обычное место рядом с Сетом Крамински, который поинтересовался, сделала ли она задание по «Моби Дику», и, казалось, вовсе не злился на нее за вранье.

— Послушай, Сет, я хотела извиниться за…

Но тот не дал ей договорить.

— Все в порядке, — прошептал он. — Билли нам рассказала. Мы все знаем.

— Что вы знаете? — спросила Лидия, совершенно озадаченная.

Его тон намекал на причастность к какой-то тайне, которая была куда интереснее, чем чья-то больная мать, сбежавшая умирать в кибуц.

— Мы знаем про…

Он немного помолчал, потом огляделся по сторонам и написал в уголке тетрадного листа «Расследование ФБР». Лидия вскинула брови. Сет тщательно зачирикал фразу, так что ее невозможно стало разобрать.

— Мы знаем, что ты поэтому не могла сказать нам правду.

Лидия настороженно посмотрела на него.

— Все в порядке. Мы в курсе, что твоя мать была членом… — Он склонился к ней и беззвучно произнес одними губами: — «Погодного подполья».

Лидии усилием воли удалось не расхохотаться, но сдержать ухмылку она все-таки не смогла. Она закрыла лицо ладонями, чтобы Сет не увидел.

— Это вам Билли рассказала? — уточнила она сквозь растопыренные пальцы.

Сет торжественно кивнул:

— Она сказала, что вы с папой ни о чем даже не подозревали, и теперь твоя мама в бегах. Она сказала…

Сет снова умолк и огляделся по сторонам, убеждаясь, что никто за ними не наблюдает. Все в классе так старательно отводили глаза, что у Лидии не осталось никаких сомнений: они жадно ловят каждое произнесенное Сетом слово. Сам Сет, впрочем, как обычно, ничего не заметил.

— Билли сказала, вы думаете, что твоя мама может скрываться на Кубе вместе с Ассатой Шакур[28].

---

[28] Примечания: 28

Ассата Шакур (1947–2025) — американская политическая деятельница и преступница, член леворадикальных организаций «Черные пантеры» и «Черная освободительная армия». С 1984 года жила на Кубе, где ей предоставили политическое убежище. В 2013-м была включена ФБР в список наиболее разыскиваемых террористов.

Лидии наконец удалось совладать с собственным лицом, и она убрала ладонь ото рта. Потом пожала плечами и с беспомощным видом развела руками.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть этого, Сет. Ни подтвердить, ни опровергнуть.

Она повернула голову и нашла взглядом Билли, которая сидела за задней партой. «Спасибо», — одними губами произнесла она. Билли сделала невинные глаза, как будто хотела спросить: «За что?» Лидия снова ухмыльнулась, и Билли с заговорщицким видом ухмыльнулась в ответ.

Мистер Рокич все бубнил что-то про Хемингуэя, и тут на Лидию обрушилась осознание огромности подарка, который сделала ей Билли. Это была та история, в которой она могла жить, и не день или неделю: такая легенда способна помочь ей продержаться до самого конца учебного года, если не до поступления в колледж.

Лидия представила себе Луизу, здоровую и подвижную, за столиком уличного кафе где-то в Гаване, с сигаретой в руке, говорящую на безупречном испанском. А потом и себя саму — не этим летом, это было бы слишком рано, ФБР еще наверняка не прекратило бы наблюдать за ними, — но, может быть, следующим летом она

смогла бы полететь в Мексику, а оттуда добраться до Кубы. Она набила бы рюкзак книгами и бейглами, потому что мама наверняка скучала бы по бейглам. А потом они вдвоем сидели бы в уличном кафе — мама, дочерна загорелая, и Лидия, слегка обгоревшая, потому что она вечно забывала вовремя намазаться солнцезащитным кремом, — пили бы черный кофе и спорили о Марксе.

Она словно бы вознеслась над этой сценой, глядя сверху на них двоих, пьющих кофе и рассеянно наблюдающих за людьми на площади. Она видела свою и мамину руки, державшие чашки, и ни одна их них не дрожала. Обе были незыблемы, как скала.

Метод Станиславского
1997

Каждый вторник вечером после работы Леон отправлялся пропустить по стаканчику со своей коллегой, Марией, в элегантный винный бар на Бродвее. Общего у них было стена между кабинетами и профессия, а больше практически ничего. Мария ему нравилась, несмотря на то, что порой бывала резковата. Может быть, она нравилась ему именно потому, что порой бывала резковата. Иногда он слышал, как она за тонкой стенкой в раздражении кричит на своих клиентов. Обыкновенно во время этих еженедельных попоек они предавались воспоминаниям о том, как росли в Квинсе, но в последнее время чаще говорили о синдроме опустевшего гнезда у Леона и их общем разочаровании в профессии.

— Я совершенно не понимаю, кто я теперь, когда они обе уехали из дома, — пожаловался Леон, складывая и вновь расправляя бумажную салфетку. — На днях я разогрел себе на ужин замороженный горошек, потому что и Луиза, и Лидия терпеть его не могут. А я его даже не то

чтобы люблю, просто отношусь к нему совершенно спокойно. Это было единственное, что я мог придумать, чтобы утвердить свою отдельную от них идентичность. Ну не жалкий ли поступок?

— Да уж, довольно жалкий, — произнесла Мария тем же тоном, каким кричала на пациентов.

— Я перебрал свою коллекцию пластинок и попытался вспомнить, какую музыку слушал до того, как познакомился с Луизой. В результате я поставил Боба Дилана, потому что мне всегда нравился Боб Дилан, но все, о чем я мог думать, пока ел свой замороженный горошек, это ее пьяные лекции о том, что все творчество Боба Дилана — один сплошной гимн мизогинии.

— А чем ты занимался до того, как познакомился с ней?

— Пахал. Учился на психолога. У меня был совершенно чокнутый наставник, и я с его подачи какими только безумными экспериментами не занимался. Это было самое начало семидесятых, тогда не нужно было еще получать на все подряд одобрение от страховой. И про доказательный подход никто даже не заикался. Вместо записей в карточках пациентов я делал зарисовки.

— О, Ассоциации медицинских страховщиков наверняка понравилось бы, — фыркнула Мария.

— Ну, как ты понимаешь, я давно уже ничем таким не занимаюсь.

Леон сделал глоток мерло, наслаждаясь густым бархатистым вкусом, хотя и знал, что расплачиваться потом придется головной болью и изжогой. Он чувствовал себя старым и усталым.

— Когда я был моложе, — сказал он больше сам себе, — мне казалось, что внутренний мир каждого человека неповторим и интересен.

— Как же ты ошибался, — рассмеялась Мария.

— Наверное, я не осознавал, что можно одновременно быть совершенно чокнутым и при этом скучным. Мне почему-то казалось, что чокнутый значит неповторимый и интересный.

Мария согласно кивнула.

— И потом, — добавила она, — ты каждый день слышишь одно и то же. Страшно осознавать, что человеческий опыт укладывается всего в несколько категорий.

Он повернулся на вращающемся табурете к ней лицом.

— У меня есть одна пациентка, которая просто одержима собственными ступнями. Она совершенно убеждена, что у нее самые уродливые ступни в мире. Это надо же иметь такое самомнение! Из скольки миллиардов человек на

этой планете ее ступни должны быть самыми уродливыми?

— Из семи, — подсказала коллега.

— Не в этом дело, Мария.

— Прости. Так в чем же дело?

— Дело в том, что ни один пациент за всю мою практику не вызывал у меня такой острой неприязни. Надо же быть настолько поверхностной. Это всего лишь ноги. У меня однажды был пациент, который остался обезображенным после пожара. Да он убил бы за то, чтобы иметь всего лишь самые уродливые ступни в мире.

— Мы все заложники контекста. Никто из нас не сидит в Освенциме, но это не делает наши страдания менее искренними.

— Ну вот, теперь я чувствую себя бесчувственной скотиной.

Леон в очередной раз напомнил себе, что Мария — не тот человек, у которого стоит искать понимания.

— Ну и как ты с этим справляешься? — пожала плечами Мария.

— Плохо. В смысле, не справляюсь.

— Ты же знаешь, что я имею в виду. Какие техники ты используешь?

Леон вздохнул:

— Я терпеть не могу экспозиционную терапию, но все остальное я уже перепробовал, так что я использую то, что считаю бережной формой экспозиционной терапии. Для начала я уговорил ее снять обувь с одной ноги и на десять секунд, всего на десять секунд, показать мне ступню в носке.

— Так, — сказала Мария. — Кажется, это уже прогресс.

— На это ушло шесть месяцев. — Леон обхватил голову руками.

— Ничего себе.

— Угу, а теперь мы начнем отрезать от ее носков по кусочку, по одному пальцу зараз, и так до тех пор, пока все пять пальцев не окажутся открыты. Дальше будем постепенно обрезать носок все больше и больше, чтобы открыть остальную ногу. Таков план. Она на него согласилась. Я даже составил контракт и заставил его подписать. И закрепил в нем конкретные даты, чтобы она не могла отвертеться. Беда в том, что это следующие пять лет моей жизни. Следующие пять лет моей жизни, которые будут измеряться не рождениями, смертями, свадьбами и, — он неопределенно помахал пальцами, — прочими вехами, а ее чертовыми ступнями.

Мария рассмеялась:

— Я испытываю экзистенциальный ужас, даже слушая про это.

Леон вздохнул, внезапно посерьезнев.

— Беда в том, что мы вряд ли до этого дойдем. Я не думаю, что могу ей помочь.

Они некоторое время молчали.

— Раньше я любил свою работу. Гордился тем, что могу проникнуть во внутренний мир любого человека. Совершенно любого. Но эта ненормальная со своими ступнями! Это же надо иметь такой глупый и скучный внутренний мир! Я не хочу находиться в нем даже сорок пять минут, а она всегда ухитряется растянуть их на все пятьдесят.

— Скучные пациенты всегда так делают.

— В общем, я подумываю о том, чтобы уйти.

— Никуда ты не уйдешь, — закатила глаза Мария. — Никуда и никогда. Это слишком большая часть твоей личности.

— Может быть, но мне хотелось бы чувствовать, что я помогаю людям, а не просто так беру с них деньги.

— Ты помогаешь людям, — рявкнула Мария.

Леон понимал, что подошел опасно близко к тому, чтобы впасть в жалость к себе, а Мария терпеть этого не могла, так что решил слегка сменить тему.

— До чего же странная у нас профессия. Мы весь день сидим на заднице, в то время как люди вываливают перед нами содержимое своих мозгов, и мы ковыряемся в них как… — он запнулся в поисках подходящего слова, — как старьевщики.

Ему вспомнился старый белый материн ридикюль с металлической застежкой. В детстве он обожал вываливать его загадочное содержимое на диван в их старой квартире и рыться в нем в поисках сокровищ, но, кроме использованных бумажных платков и замусоленных слипшихся леденцов, что-то интересное ему обнаружить удавалось крайне редко. Вот примерно так же он в последнее время думал и о человеческом сознании: по большей части оно было заполнено никому не интересным мусором.

— Ты пьян, — сказала Мария. — Как старьевщики?

— Ну или как вороны.

— Угу, — кивнула Мария. — Как вороны. Думаю, тебе пора домой.

Она знаком попросила счет, и не успел Леон опомниться, как уже стоял на тротуаре со строгим наказом от Марии хорошенько проветриться, прежде чем сесть за руль. Он перешел Амстердам-авеню, и ноги сами понесли его в сторону

их старой квартиры. Очутившись под ее окнами, он запрокинул голову, пытаясь разглядеть, что там внутри. С улицы была видна элегантная гостиная с дорогими стеллажами для книг, не шедшими ни в какое сравнение с самодельными полками, которые они в 1975 году соорудили меньше чем за двадцать долларов. На мгновение он почувствовал острую тоску по дому — старик, заблудившийся во времени, — а потом злость на Луизу за то, что она его бросила.

Иногда он думал, что, может быть, все было бы проще, если бы она умерла. Однозначнее. Если бы он мог испытывать печаль вместо бессильной ярости, которая захлестывала его. Но он знал, что на самом деле это не так. Несмотря на то что она отказывалась с ним разговаривать и что он не мог к ней прикоснуться, он все равно чувствовал между ними незримую ниточку супружества, которая надежно привязывала его к миру в том виде, в котором он его знал. Он бросил последний взгляд на пригламуренную версию гостиной их бывшей квартиры, развернулся и, чувствуя внезапный упадок сил, побрел к машине.

Несмотря на похмелье, Леон заставил себя встать и выйти на утреннюю прогулку, потому что, хотя режим не то чтобы очень помогал

ему сохранить рассудок, но, по крайней мере, не давал отгрызть себе лапу. Кроме того, с тех пор как в их ничем не примечательном прежде пригороде поселились хасиды, его ежедневные прогулки приобрели приятный сюрреалистический флер. Совершенно невозможно было привыкнуть к когнитивному диссонансу при виде того, как мужчина, наряженный в польское одеяние восемнадцатого века, входит в здание эпохи массового строительства века двадцатого.

Обыкновенно во время этих его полусонных прогулок в шесть утра весь район был в полном его распоряжении, если не считать время от времени попадавшихся навстречу компаний хасидских мужчин, направляющихся в шул[29]. Но сегодня, казалось, на улицы высыпало все население Монси в полном составе. На каждой лужайке над чанами с кипящей водой стояли пейсатые мужчины, покрикивающие на своих жен и детей. Леон пытался заглядывать в эти чаны, но так, чтобы это было не слишком заметно.

Он свернул за угол, на Грандвью-авеню, и едва не налетел на семейство, в полном составе сгрудившееся вокруг викторианской ванны, до краев

---

[29] Примечания: 29

Шул — синагога, название, употребляемое в ортодоксальных течениях в иудаизме.

наполненной посудой. Совершенно задерганная женщина то и дело поправляла шарф на голове и, утирая заливающий глаза пот, десяток за десятком отправляла в кипящую воду вилки. Они падали на лежащие на дне кастрюли с адским грохотом, который перебудил бы всех соседей, если бы они не были заняты по соседству в точности тем же самым. Женщина оторвалась от работы и в упор уставилась на Леона. С таким отвращением на него не смотрели со времен начальной школы. Если бы она была школьницей, а не замученной хасидской женщиной, то бросила бы ему «Что вытаращился?», а потом накостыляла по загривку.

На обратном пути он вытащил из почтового ящика у подъездной дорожки газету. Заголовок развеял завесу тайны над происходящим. «Монси сотрясает куриный скандал», — кричал он, а под ним более мелким шрифтом было напечатано: «Жуликоватый мясник продавал под видом кошерного мяса некошерное, чем вызвал панику среди религиозных жителей Монси, которым теперь необходимо совершить очистительные обряды над собой, своими кухнями и всей кухонной утварью». На второй странице обнаружилась фотография, на которой пейсатые юноши из еши-

вы на промышленной кухне загружали тарелки в чаны с кипящей водой в клубах пара.

— Отличная фотография, — произнес Леон вслух, ни к кому не обращаясь, и отправился в душ.

Остаток дня прошел без неожиданностей. Он принял несколько пациентов, соорудил себе на обед сэндвич с анемичной индейкой, принял еще несколько пациентов, разогрел в микроволновке замороженное чили на ужин и съел его, слушая радио. Он перебирал видеокассеты в гостиной, размышляя, что бы такое посмотреть, когда в дверь забарабанили. Он решил, что это миссис Куперберг (одна из немногочисленных местных обитательниц, живших тут еще до хасидов), которая была очень пожилая, страдала от проблем с сердцем и время от времени просила отвезти ее в больницу. Но, открыв дверь, он увидел соседку, Рейчел Гринберг, с чумазым лицом, на котором светлели дорожки от слез.

— Привет, Рейчел, — произнес он мягко, — чем могу вам служить?

Кажется, они с ней до этого ни разу даже толком не разговаривали. Луиза вроде бы говорила, что до того, как удариться в хасидизм, Рейчел занималась какими-то эзотерическими целительскими

практиками. То ли рейки, то ли кристаллотерапией.

— Вы же психотерапевт? — спросила Рейчел.

— Да, — настороженно ответил Леон. — Я психотерапевт.

— У моего сына нервный срыв. Мне нужно, чтобы вы пошли со мной.

— Хорошо, — сказал Леон, сдергивая с крючка куртку, потому что ему было любопытно и скучно, и, если уж она пришла просить о помощи его, вероотступника, значит дело было действительно серьезное.

Они шли, то и дело переходя на бег, через его лужайку, мимо кустов, которые он давным-давно не подстригал, через пятачок, на котором у них когда-то был огород, потом перебрались через невысокую каменную оградку. Подол ее юбки зацепился за колючий ежевичный куст, Леон дернулся было помочь, а потом вспомнил, что ему нельзя к ней прикасаться. Она кое-как справилась сама, и они очутились на бывшем скотном дворе, где раньше бродили лошади, а теперь сияла еще одна подстриженная под ноль пригородная лужайка. Рейчел повела его сквозь лабиринт из каких-то темных предметов, в которых он, приглядевшись, опознал корыта и

прочие вместительные емкости — напоминания о «Великом курином скандале».

Когда они завернули за угол дома, до Леона донеслись крики, и он увидел группку мужчин в черном, сгрудившихся вокруг ямы в земле, которая напоминала свежевырытую могилу. Несколько мужчин постарше пытались удержать перемазанного в грязи подростка, который отчаянно вырывался.

Наконец это ему все-таки удалось, и он прыгнул в «могилу», как будто бросился на тело умершей возлюбленной.

— Шмуэль, пожалуйста! — взмолилась Рейчел.

Леон кинул взгляд поверх сомкнутых плеч мужчин и увидел, что парень лежит на осколках обеденного сервиза, накрыв своим телом две дюжины изящных серебряных вилок и украшенных филигранью блюд.

Пока он пытался понять, что происходит, бородатые мужчины спрыгнули в яму и силком вытащили мальчишку.

— Аккуратнее, вы делаете ему больно! — закричала Рейчел бородачам, которые то ли обнимали юношу, то ли пытались обездвижить.

Один дюжий хасид прижал парнишку к земле, надавив коленом на спину, и Шмуэль (так, судя

по всему, его звали) взвыл, но грязь и трава приглушили его вопль.

— Они не имеют права так с ним обращаться, — яростно зашептал Леон, обращаясь к Рейчел.

— Я знаю, — отозвалась она и, скрестив руки на груди, принялась вонзать пальцы в собственную кожу.

— Скажите вашему мужу, чтобы прекратил это, — сказал Леон.

Рейчел двинулась к яме, но тут дюжий мужчина отпустил Шмуэля. Тот бессильно обмяк, ничком лежа на траве и негромко всхлипывая.

— Что у вас тут происходит? — спросил Леон. — Я не смогу помочь, если этого не пойму.

— Я знаю, знаю. — Она сделала глубокий вдох. — Он пошел вразнос после того, как стало известно про мясника.

Рейчел поколебалась, но потом, видимо, приняла какое-то решение и заговорила сухим медицинским тоном:

— У него в анамнезе тревожное расстройство и компульсивное поведение.

Леон не ожидал услышать от нее что-то подобное.

— Я работала в психиатрическом стационаре, когда мне было двадцать, до, — она кивнула в

сторону дома, — всего этого.

— Но зачем рыть могилу для посуды? — спросил он, но потом вспомнил гостиную своей бабушки во Флэтбуше и одинокий цветок в кадке перед окном, вокруг которого всегда валялись столовые приборы. — Он пытается кошеровать посуду, зарыв ее в землю?

— Это баббе ему велела. — Рейчел поджала губы, что Леон истолковал как неодобрение. — Она сказала, что это единственный способ сделать ее абсолютно кошерной. Когда стемнело, он улизнул из дома, пока никто не видел, и начал копать. Мы уже несколько часов пытаемся его остановить. Мой муж, Яаков, был против того, чтобы я позвала вас, но он хороший отец, он любит сына.

Какой-то мужчина — видимо, Яаков — принялся ласково гладить Шмуэля по голове и что-то нашептывать ему на ухо. Но мальчик явно ушел в себя.

— И что нам делать? — спросила Рейчел.

— Обратиться к специалисту и начать лечение, — ответил Леон.

— Нет, — сказала Рейчел. — Что нам делать сейчас?

«Не имею ни малейшего понятия, — едва не вырвалось у Леона, но потом он размял старые

терапевтические мышцы, которые уже почти атрофировались, но все-таки не окончательно. — Что сделал бы Барри? ЧСББ».

— Чего Шмуэль хочет? — спросил он вслух.

— Зарыть мой лучший сервиз в землю.

— Ну так заройте его.

Он нагнулся и, подобрав комок земли, бросил его в импровизированную могилу. Это был знакомый жест — он делал это на похоронах отца, потом на похоронах матери, потом, всего два года тому назад, на похоронах Барри. Он почти ожидал услышать гулкий стук земли о гроб, но вместо этого на дне ямы жалобно зазвенели фарфор и стекло. Шмуэль с надеждой вскинул на него глаза, но все остальные смотрели с неприкрытой враждебностью. Леон, не обращая на них никакого внимания, подобрал с земли лопату. Его задача — быть со Шмуэлем, а не заслужить одобрение миньяна[30] брацлавских хасидов.

— Но это же безумие, — возразила Рейчел. — Вы хотите сказать, что я должна потворствовать этому?

— Если хотите, чтобы он сегодня уснул.

Рейчел со вздохом забрала у Леона лопату и

[30] Примечания: 30

Миньян — необходимый кворум для совершения публичного богослужения и ряда религиозных обрядов в иудаизме.

подошла к Шмуэлю.

— Ты победил. Можешь зарыть мой лучший сервиз в землю. Но завтра с утра первым же делом ты пойдешь на прием к Леону.

— Ровно в девять, — сказал Леон и, развернувшись, зашагал к дому.

В спину ему несся звон лопаты о землю и перебранка Рейчел с Яаковом.

Когда он лег в постель и закрыл глаза, то представил себе, как вываливает на диван содержимое материной сумочки, но вместо бумажных платков и слипшихся леденцов оттуда высыпаются шагаловские фигурки: крошечные козы, летающие пейсатые мужчины, сжимающие в пластиковых руках миниатюрные вилы, и светящийся в темноте месяц.

На следующее утро ровно в девять зазвонил телефон. Леон уже сидел у себя в кабинете с чашкой лапсанг-сушонга.

— Он не придет, — сказала Рейчел, даже не представившись. — Ему непременно нужно завершить утреннюю молитву, прежде чем он согласится куда бы то ни было пойти, но он раз за разом начинает все заново. Говорит, у него не получается сделать все правильно.

— А что, если я приду к вам? — спросил Леон,

потому что все его будущие дни простирались перед ним, как дырки в носке, новые вехи его жизни.

— Ладно. — (Леон прямо-таки слышал, как она пожала плечами.) — Кто же станет отказываться от визита специалиста на дом?

Он продрался сквозь кусты ежевики, миновал бассейн, который был окружен ширмой, чтобы посторонний глаз ненароком не увидел купающихся женщин, и, поднявшись на крыльцо, вошел в большую стеклянную дверь.

— Он наверху, — сказала Рейчел и повела Леона через гостиную, мимо стопки компакт-дисков с одетым в «варенку» хасидским мужчиной, кружащимся в религиозном экстазе на обложках.

Шмуэль находился в первой справа от лестницы комнате на втором этаже. Стоя на коленях на огромном, от стены до стены, ковре, он совершенно не производил впечатления человека, охваченного религиозным экстазом. В руках у него были блестящие черные кожаные ремешки. Леон знал, что они называются «тфилин»[31], но

[31] Примечания: 31

Тфилин, также филактерии — элемент молитвенного облачения иудея, пара коробочек с ремешками из выкрашенной черной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы и повязываемые особым образом на лоб и руку.

хоть убей не помнил, каково их предназначение. Шмуэль глядел на смотанные ремешки с таким видом, будто это были змеи.

— Мне нельзя смотреть, — сказала Рейчел, пока Шмуэль обматывался ими и снова сматывал, но из комнаты так и не вышла.

Леон опустился на колени перед Шмуэлем.

— Что произойдет, если ты намотаешь их не совсем так, как нужно? — спросил он, памятуя по детству Лидии, что нужно включиться в эту обсессивную логику и следовать ей до неизбежного конца.

Шмуэль проигнорировал его, и Леон, морщась от боли в коленях, поднялся и вернулся к Рейчел.

— Он считает, что теперь из-за мясника приход мессии откладывается, — пояснила она. — И поэтому мы должны совершить все мицвы[32], которые остались несовершенными, но, если мы сделаем что-то неправильно, это не зачтется. И он беспокоится, что теперь из-за мясника перед приходом мессии случится новый Холокост.

Леон представил себе мессию в облике здорового громилы за рулем крошечного «фольксвагена-жука», ползущего по Вестсайдскому шоссе

---

[32] Примечания: 32

Мицва — заповедь в иудаизме, а также всякое доброе дело.

в плотной пробке, из которой исчезает по одной машине каждый раз, когда совершается очередная мицва.

— Ясно. Значит, грубо говоря, если он не намотает тфилин как полагается, еврейский народ будет полностью истреблен. Кажется, шансов у нас не очень много, — сказал Леон, надеясь, что у Рейчел есть чувство юмора.

Она почти улыбнулась:

— Именно.

Рейчел потерла глаза ладонями, и Леон увидел, как она вымотана. Он снова присел рядом с парнишкой.

«Будь с ним, — произнес в его голове голос Барри. — Выдувай пузыри».

— Шмуэль, — сказал Леон. — Послушай меня. Я никогда не молюсь, но у меня была бар-мицва, так что, если я все-таки молюсь, это считается. Значит, если я сейчас буду молиться вместе с тобой, одной мицвой будет больше. И это приблизит приход мессии, так ведь?

Шмуэль остановился, задумавшись, потом кивнул. Рейчел подошла к шкафу и достала с полки еще один талит[33] и тфилин.

---

[33] Примечания: 33

Талит — элемент молитвенного облачения иудея, представляющий собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

— Напомни мне, пожалуйста, что это и зачем? — попросил он, расстегивая мешочек, в котором лежали тфилин.

У него было чувство, будто он прикасается к чужой бандажной сбруе, но он преодолел брезгливость, потому что это был в чистом виде Станиславский, а значит, он должен был полностью вжиться в свою роль.

Шмуэль объяснил, что это свитки Торы, сложенные в кожаные коробочки, и их необходимо прикреплять к голове и рукам по причинам, которые он сам понимает не до конца.

— Делайте вот так, — сказал он, целуя коробочки.

Потом обмотал кожаными полосками руки с почти математической точностью: поскольку это была демонстрация, а не молитва, в глазах Ха-шема она не считалась и можно было не беспокоиться.

— Поняли? — спросил он.

— Наверное, — отозвался Леон, пытаясь прикрепить тфилин.

Он чувствовал себя котом, запутавшимся в мотке пряжи. После нескольких попыток ему удалось наконец прицепить их. Черные коробочки торчали из его головы и рук, похожие на опухоли.

— Только я не знаю никаких утренних молитв, кроме Шма, — признался он.

— Хорошо, тогда вы читайте Шма, а я прочитаю все остальные.

Шмуэль начал молиться, и Леон попытался подражать его раскачиваниям, не позволяя себе испытывать неловкость, потому что это был метод Станиславского, а Шмуэль неловкости не испытывал. Леон закрыл глаза и начал было произносить Шма, как вдруг юноша прервал его.

— Стойте, погодите! — В его широко раскрытых глазах плескалась паника. — Ваши мысли должны быть чисты, иначе молитва не зачтется. Вы должны думать только про Ха-шема.

— Хорошо, — кивнул Леон. — Я буду думать только про Ха-шема.

Шмуэль отвернулся и снова принялся раскачиваться.

«Шма Исраэль Адонай, — затянул про себя Леон, закрыв глаза и думая про Ха-шема и только про Ха-шема, чтоб ему, этому мстительному придурку; он вновь был в своей комнате во Флашинге, под стеганым пледом, мастурбировал в голубоватом свете на следующий день после своей бар-мицвы. — Адонай Элоэйну».

В нескончаемый миг перед эякуляцией ему

вдруг пришла в голову мысль, что если в глазах Бога он теперь мужчина, то Бог может увидеть, как он мастурбирует; вероятно, Он даже смотрит на него прямо сейчас с какого-нибудь облака или где Он там обитает. И никакой плед его не спасет. Он со своим эрегированным пенисом горел и переливался, рдел, как красный сигнал светофора.

Он прекратил молиться и открыл глаза.

«Начинай заново, — сказал он себе. — Шма Исраэль Адонай».

На этот раз его непослушный мозг выдал воспоминание о молодой Луизе, растянувшейся голышом на Полосатике, их радужном пледе, который до сих пор лежал у него на кровати в соседнем доме. Он стоял в дверях, глядя на нее, не в силах оторвать глаз от завитков лобковых волос прямо над клитором, в которые он любил запускать пальцы, распутывая их и глядя, как они вновь свиваются пружинками.

«Начинай заново, — сказал он себе (Шмуэль рядом с ним целовал свитки) и закрыл глаза. — Шма Исраэль Адонай Элоэйну».

Ему снова привиделась Луиза, отпечатанная на обратной стороне век. Она лежала на том же месте на постели, только теперь была старше, и ее тело крутило, корежило и выгибало дугой.

Вместо того чтобы накрыть его своим, он отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

«Адонай Эхад». — Леон ощутил на своем загривке горячее дыхание Ха-шема.

— Мне пора идти, — пробормотал он, заставляя себя медленно размотать тфилин, хотя ремешки казались змеями, так туго обвившимися вокруг него, что невозможно было дышать. — У меня следующий пациент.

Он постучал пальцем по циферблату часов, хотя до полудня был совершенно свободен.

— Но может быть, мы как-нибудь это повторим? Помолимся вместе и побеседуем?

Шмуэль то ли кивнул, то ли нет. Леон не стал дожидаться его реакции.

Рейчел ждала внизу у лестницы.

— Среда и пятница, — сказал он ей.

Весь день до самого вечера, работая, он чувствовал на себе взгляд Ха-шема; чувствовал, как, подобно красному сигналу светофора, рдеет его тело.

Когда вечером они разговаривали с Лидией по телефону, он нарушил примерно семь правил профессионального кодекса и рассказал ей о Шмуэле.

— Он настолько создан для религии, что не

может ее выносить, — сказал Леон Лидии. — Представь, что ты была бы хасидкой и должна была бы мыть руки строго определенным образом по многу раз в день во время молитвы.

— Я умерла бы от обезвоживания прямо перед раковиной.

— Вот именно. Он всего лишь следует логике фундаментализма до ее неизбежного логического конца. Я не вижу, как можно ему помочь, не отвратив при этом от религии.

— О-о-о, — протянула Лидия. — Как интересно! Ты собираешься вырвать его из лона иудаизма? Прельстить соблазнами светской жизни? Будешь начинать каждую сессию сиськами и свиными колбасками?

— Я склонялся скорее к девочке по вызову в мини-юбке из бекона, — отозвался он сухо.

Лидия рассмеялась.

— Мне пора идти, пап, — извиняющимся тоном произнесла она. — Мы с друзьями договорились встретиться на дискуссии о необходимости создания профсоюза сексуальных работниц в Сан-Франциско.

— Ну разумеется, — сказал Леон, безуспешно пытаясь скрыть разочарование в голосе.

Она замялась.

— Я в порядке, — заверил он. — Честно. Прекрати обо мне беспокоиться! Ты не должна обо мне заботиться, это я должен заботиться о тебе. И потом, мне нужно за один вечер выучить все, что можно, об иудаизме, так что хватит уже меня отвлекать.

— Ладно, — сказала она. — Люблю тебя.

После того как он повесил трубку, в доме стало очень тихо — так тихо, что от этой тишины заложило уши. Еще несколько минут спустя, когда Леон просматривал свои записи, пытаясь понять, что он любит на самом деле, от соседей послышались какие-то крики.

— Черт, — произнес он вслух, делая вид перед внимательно наблюдавшей за ним тишиной (Ха-шемом?), что его беспокоит парнишка, когда на самом деле испытывал глубочайшее облегчение оттого, что у него появился законный повод выйти из дома.

Леон быстрым шагом пересек задний двор, почти ожидая узреть Шмуэля, погребенного в другой яме по соседству с первой. Но, перебравшись через низенькую каменную ограду, увидел через окна, что соседи что-то празднуют.

Сквозь стеклянную дверь гостиной он различил группу мужчин, которые экстатически

танцевали, встав в круг и обняв друг друга за плечи. Чувствуя себя немного извращенцем, он прижался к стене дома и стал высматривать Шмуэля, уверенный, что тот забился куда-нибудь в угол в одиночестве. Однако, приглядевшись, он увидел паренька среди мужчин. Тот танцевал, запрокинув голову, и на лице его играла широкая улыбка.

«Этот мир все-таки доставляет ему удовольствие», — осознал вдруг Леон.

Он смотрел на танцующих мужчин, и ему вспомнилась его самая первая терапевтическая сессия. Перед ним сидел молодой человек с идеально круглой бритой головой, а Леон думал: «Как можно перекинуть мостик через пропасть между двумя самодостаточными объектами, между его мозгом и моим?» Он набрал полную грудь воздуха и задал вопрос. Уже потом, вечером, дома, он достал уголь и, воспроизведя на бумаге очертания черепа парнишки, начал составлять карту дебрей, скрывавшихся внутри. Он уже почти позабыл эту радость открытия, но сейчас, когда смотрел на танцующего Шмуэля, она вновь мурашками разбегалась у него под кожей.

«Нужно довести Станиславского до конца, — подумал Леон; он нарушил правило Барри номер

один: никогда не делать выводов, не покончив со Станиславским. — Я молился, я страдал, теперь я должен потанцевать».

Леон отступил обратно в тень деревьев, куда еще доносилась музыка, и принялся в полном одиночестве кружиться, вертеться и беспорядочно вскидывать ноги, хватая ртом ночной воздух.

Минуты — или часы? — спустя он двинулся обратно сквозь заросли ежевики, взмокший, запыхавшийся и счастливый; приятно озадаченный тем, что все то, что причиняло Шмуэлю самые сильные страдания, доставляло ему и самую большую радость.

«Но разве это не всегда так?» — подумалось ему.

— Вот же засада какая, — вслух произнес Леон, пнув помидорный куст, посаженный когда-то давным-давно Луизой, и вдруг почувствовал прилив нежности к ней вместо неизменно тлеющей ярости, к которой уже привык.

Сострадание всегда было неожиданным побочным эффектом успешного применения Станиславского.

Он вернулся в дом и, улегшись на Луизиной половине кровати, принялся скручиваться в изломанные, неестественные позы, которые

она постоянно принимала в последние месяцы перед отъездом. Ему вспомнились все те моменты, когда он отводил глаза, чтобы не видеть, как ритмически подергиваются ее руки, как пальцы выстукивают механическую дробь на ногах, будто она отбивала срочную телеграмму на собственных бедрах. Вспомнилась зловещая неподвижность ее членов, когда они немели, становясь похожими на искусственные копии самих себя, словно она была полуженой-полуманекеном. Его так это пугало, что он отводил глаза, оставляя ее один на один с садистическими причудами собственного тела, и убеждал себя, что это она его бросает.

«Святой Леон может быть настоящей скотиной», — подумал он и взглянул на часы.

В Рокленде был час ночи, а в Израиле время завтрака. Быстро, чтобы не успеть передумать, он включил прикроватный светильник, открыл записную книжку и набрал номер кибуца. Хава взяла трубку на третьем звонке.

— Она не хочет с тобой разговаривать, Леон, — сказала она раздраженно. — Мы все это уже проходили, и не раз.

— Нет, — возразил Леон. — На этот раз все по-другому. Я не собираюсь ни кричать на нее, ни

требовать, чтобы она вернулась домой. Просто сегодня со мной произошло кое-что забавное, и я подумал — она же еще не умерла, почему я не могу рассказать своему лучшему другу забавную историю?

Хава с минуту молчала.

— Никаких слез и упреков, — пообещал Леон. — Честное слово.

— Я спрошу ее, — сказала Хава. — Только не надейся раньше времени.

Хава опустила трубку. На фоне слышались звуки столовой. Через несколько минут она вернулась.

— Луиза согласилась с тобой поговорить. Но если ты попытаешься завести разговор о том, почему она уехала, или начнешь ее стыдить, она просто повесит трубку и никогда больше не станет с тобой разговаривать.

— Ладно, ладно, — сказал Леон. — Я согласен на любые условия.

В трубке что-то зашебуршало, а потом Луиза произнесла:

— Леон?

Ему пришлось приложить усилия, чтобы не разрыдаться при звуке ее голоса. По тому, как она произнесла его имя, он понял, что, несмотря на

всю суровость, с какой говорила с Хавой, она по нему скучала.

— Ты не поверишь, что происходит в Монси, — заговорил он как можно более небрежным тоном. — Выяснилось, что кошерный мясник на самом деле никакой кашрут не соблюдал, так что весь хасидский Монси чуть ли не десять лет ел трефное. Я буду называть это «Большой куриный переполох». Теперь все кипятят посуду и столовые приборы в огромных чанах на лужайках перед домами, а некоторые даже ванны на ножках вытащили. Это полный дурдом, тебе бы такое понравилось. Как бы мне хотелось, чтобы ты это увидела.

Он тут же прикусил язык, испугавшись, что она истолкует его слова как пассивно-агрессивную попытку вызвать у нее чувство вины. Но она не истолковала, а если и истолковала, то решила не обращать внимания.

— Да, это существенно задержит приход мессии. На Небесном шоссе, должно быть, сейчас адская пробка.

Леон с радостным потрясением осознал, что у них обоих в голове был одинаковый образ мессии. Он и забыл, каково это, такая близость. Словно весь прошлый год он вынужден был говорить на

чужом языке, а теперь наконец-то смог перейти на родной.

— Откуда у нас с тобой такой образ, с чего вдруг красный «фольксваген-жук»?

— Была такая детская книжка, — пояснила Луиза, — про последнюю машину, которая устроила транспортный коллапс в Нью-Йорке. Я не помню уже, каким образом родилась шутка, что это был мессия.

— А, ну да, точно, — сказал Леон. — Теперь я припоминаю, было что-то такое. Так странно, мы с тобой читали каждую из этих книг Лидии по пять тысяч раз, и я был уверен, что они намертво отпечатаются у меня в мозгу, а теперь толком ни одной не помню.

— Я бы почитала детскую книжку про Большой куриный переполох.

— Погоди, это еще не самое безумное, — сказал Леон. — Соседский парнишка, сын Рейчел, совершенно поехал крышей на этой почве и попытался кошеровать всю посуду, похоронив ее в импровизированной могиле, а когда его стали оттаскивать, бросился туда сам, прямо как какая-нибудь древняя итальянская вдова. А потом они попросили меня взять его в терапию.

— Серьезно? — поразилась Луиза. — Тебя, чу-

жака?

— Я был удивлен не меньше всех остальных, но согласился. И даже пустил в ход Станиславского.

— Ты применил Станиславского? Я не помню, когда ты в последний раз это делал. Когда это было в последний раз?

— Ой, даже и не знаю, — неопределенно отозвался Леон. — Давно.

— Не надо, не пытайся, — сказала Луиза. — Ты перестал это делать, когда я заболела, так ведь?

Он чуть было не начал ее разубеждать, но вместо этого просто сказал:

— Да.

— Потому что пахал, как проклятый, за нас двоих и пытался жонглировать всем сразу.

И снова первым его побуждением было возразить, потому что согласиться с этим утверждением в его сознании почему-то равнялось тому, чтобы признать правильность ее решения уехать, но он слишком устал, да и не для того позвонил ей, чтобы ругаться.

— Да, — сказал он.

— Леон, — произнесла она, не строго, но очень серьезно, отбросив всякие намеки на шутливый тон, — почему ты вдруг решил мне позвонить? Ты полгода не делал попыток связаться со мной.

Только не говори, что дело в курином переполохе. Я, конечно, люблю безумные истории в духе Шагала из жизни пригородов, но позвонил ты мне не поэтому.

Леон вздохнул и, растянувшись на постели, поудобнее прижал трубку к уху.

— Я лежу на твоей половине кровати. Ну и, в общем, я стал вспоминать, сколько раз смотрел, как ты лежишь на этом самом месте, и отводил глаза, когда у тебя начинали дрожать руки, и делал вид, что не напуган до ужаса, когда у тебя в очередной раз что-нибудь немело. Наверное, я просто понял — «по следам Станиславского», как ты это называешь, — что был так занят, пытаясь жонглировать всем сразу, что забыл, как просто быть во всем этом рядом с тобой.

— Ты сейчас лежишь в нашей постели? — спросила Луиза, не пытаясь проигнорировать смысл того, что он сказал, а принимая это как знак примирения.

В ее голосе слышались интимные, почти обольстительные нотки.

— Угу, — негромко отозвался Леон.

— Знаешь, как это ни смешно, — произнесла Луиза, — мне сейчас одновременно кажется, что нет ничего более реального, чем наша постель и

наша спальня в Рокленде, и в то же время единственное, что ощущается как реальность, это кибуц, а вся наша совместная жизнь кажется каким-то сном.

— Это как когда ты в детстве была в летнем лагере и убедила себя в том, что лагерь — это единственная реальность, а твоя жизнь в Грейт-Неке была воображаемой?

— Ну да, — сказала Луиза, — именно так. Я не ожидала, что пробуду здесь так долго. Все пошло совершенно иначе, чем я себе представляла. Я собиралась приехать в Израиль и быстренько умереть. И тогда ты бы сказал: «О, я понял, она хотела нас поберечь, она поступила так, потому что думала о нас». Но пустынный климат пошел мне на пользу, и теперь я живу в кибуцном чистилище. Кажется, я не собираюсь умирать, так что придется мне подумать, что делать с остатком жизни.

Леон с изумлением поймал себя на том, что у него не возникло даже побуждения сказать: «Ты всегда можешь просто вернуться домой». Для этого было уже слишком поздно. Он не мог ничего такого даже представить. Он попытался нарисовать в своем воображении, как встречает ее в аэропорту, привозит обратно домой, нани-

мает сиделок, каждую ночь укладывается с ней в одну постель, но все это казалось нереальным, фантасмагорическим.

— Ты что-нибудь придумаешь, — сказал Леон. — Ты всегда что-нибудь придумываешь.

— До последнего времени я много общалась с Айелет, Хавиной дочерью. Кибуц поручил ей присматривать за мной по ночам, и мы с ней курили травку и делали всякие чумовые музыкальные проекты. Она почти такого же возраста, как Лидия.

Леон ощутил внезапный приступ гнева. Неужели она так быстро нашла Лидии замену?

— Она та еще штучка, эта Айелет, — сказала Луиза, и гнев Леона улетучился так же быстро, как и вспыхнул. — Пыталась выдоить из меня тысячи долларов на строительство какой-то безумной машины под названием звукоомывательный звездолет, которая должна была исцелить меня при помощи вибраций.

— Это еще что за хрень? — спросил Леон.

— Насколько я понимаю, нечто вроде металлического кокона с викторианской козеткой, в которую вмонтированы динамики.

— Да уж, судя по описанию, прямо-таки то, что доктор прописал.

— О, поначалу-то я загорелась. Начала писать для нее музыку, но потом Айелет попросила еще пару тысяч долларов на, цитирую, «расходные материалы». А ведь эти деньги мои только на время, на самом деле это деньги Лидии. На эти три тысячи она могла бы съездить на лето в Европу или год путешествовать по Перу. Я еще могла бы позволить ей обобрать меня, но не Лидию.

— И чем дело кончилось? — спросил Леон.

— Айелет вытрясла из какого-то другого простофили достаточно денег, чтобы они с бойфрендом смогли поехать на израильский рейв куда-то в Индию, — сказала Луиза. — Знаю, знаю, все это выглядит как поэтичное возмездие.

Леон пожал плечами. Поэтичное возмездие его не интересовало. Он закрыл глаза и попытался представить себе Айелет, звукоомывательный звездолет и крошечный закуток в кибуцной столовой, из которого Луиза сейчас с ним говорила. Но он не смог нарисовать в своем воображении ничего из этого. Все это было для него далеким и непонятным. Кроме Луизы. Она до сих пор была ему близкой и понятной — ну, насколько вообще была когда-либо. Леон открыл глаза.

— Мне трудно представить тебя там, — сказал он.

— Мне самой трудно представить себя здесь. — Она помолчала, потом вдруг до странности тонким голосом произнесла: — Может, мы с тобой могли бы время от времени созваниваться? И ты мог бы держать меня в курсе ее дел?

Леона больно царапнули жалобные нотки в ее голосе и до странности задела за живое формальность ее просьбы, как будто он был для нее просто знакомым, а не человеком, которому она два с лишним десятка лет давила прыщи на заднице. Он прибегнул к грубой фамильярности.

— Хватит строить из себя сиротку Хасю, Луиза, разумеется, я буду тебе звонить. Но при одном условии: ты не должна сравнивать меня с Гитлером.

Он боялся, что, напомнив об их первом свидании, перестарался, но Луиза лишь рассмеялась.

— А с Пол Потом можно?

— С Пол Потом можно, — согласился Леон.

С минуту оба молчали. Леон, как подросток, крутил в пальцах телефонный шнур, лежа в темноте с закрытыми глазами. Его начинал одолевать сон.

— Луиза, что я любил до того, как мы с тобой познакомились? Какую еду я ел? Какую музыку слушал? Я не могу вспомнить.

— Я не знаю, — отозвалась она. — Я тоже не помню, что любила до тебя.

— На днях я решил съесть на ужин что-нибудь такое, что ты терпеть не могла, и в итоге разогрел в микроволновке замороженный горошек.

— Да уж, Леон, я думала, ты способен на большее.

— Знаю, знаю.

— Мороженое с шоколадно-арахисовым маслом, — сказала Луиза. — У тебя в морозилке всегда стояла пинта мороженого с шоколадно-арахисовым маслом, но я терпеть не могу шоколадно-арахисовое масло, и ты перестал его покупать.

— То есть ты хочешь сказать, вместо того чтобы, как последний лох, жевать разогретый в микроволновке замороженный горошек, я мог обожраться мороженым с шоколадно-арахисовым маслом?

— У тебя еще все впереди, — заметила Луиза. — Поезжай завтра в «Уэсли кошер», купи себе пять пинт «Хаген-Даса», а потом придумай какой-нибудь гениальный план лечения для твоего страдающего хасида и сделай зарисовку в его карточке. Ты был мальчиком, который рисовал карты содержимого человеческих голов,

помнишь?

— Значит, клиническая картография и мороженое с шоколадно-арахисовым маслом, вот каковы столпы моей личности времен нашего знакомства?

— Это уже немало.

Леон зевнул.

— У вас там два часа ночи, — строгим материнским тоном сказала Луиза. — Тебе пора спать.

— Пора. — Леон снова зевнул. — Расскажи, что мне должно присниться.

— Авокадо, — включилась она в игру. — Авокадо, пингвины и Кони-Айленд.

— Договорились, — сказал Леон, как послушный мальчик.

— Договорились, — отозвалась она и повесила трубку.

Уснул он под длинные трансатлантические гудки в трубке.

Миссис Огурецки
1998

Как только Лидия немного подросла, она полюбила ходить по длинной подъездной дорожке к почтовому ящику, потому что всегда существовала вероятность найти под горой счетов и журналов что-нибудь судьбоносное. И хотя теперь она была уже почти взрослая, каждый раз, когда подходила к почтовым ящикам в студенческом общежитии, в груди у нее по-прежнему робко всколыхивалось радостное предвкушение чуда. Однако в ящике раз за разом не обнаруживалось ничего, кроме бесконечных приглашений на вечеринки, куда она не ходила, газетных вырезок от Леона да всякой экзотической печатной продукции вроде схематичного изображения женщины, застывшей в немыслимой акробатической позе, с детальной инструкцией, как самостоятельно сделать себе куннилингус.

Но Луиза наряду со многим прочим умудрилась лишить ее даже этой маленькой радости. Примерно в районе Дня благодарения Лидия обнаружила в своей почтовой ячейке письмо из

Израиля, толстое и самодовольное, с маркировкой «АВИА». Она была страшно горда тем, что не стала его вскрывать и попросила свою высоченную соседку по комнате спрятать его в углу верхней полки шкафа под всякими тяжелыми вещами, откуда ей было бы не так просто достать его в момент слабости.

«Отвяжись от меня, мама», — думала Лидия, пытаясь на расстоянии в шесть тысяч миль мысленно воздействовать на мать, чтобы та прекратила ее преследовать.

После этого она не проверяла почту аж до окончания рождественских каникул, надеясь — наивная! — что Луиза оставит ее в покое, но, разумеется, этого не произошло. Вернувшись в середине января в кампус, Лидия открыла почтовую ячейку и обнаружила под ворохом праздничных листовок второе письмо, ждущее своего часа, точно бомба, которую требовалось обезвредить. Его она тоже отдала соседке, которая засунула конверт на верхнюю полку к первому.

Несколько месяцев от Луизы ничего не приходило, пока однажды в апрельский вторник Лидия не сунула руку в свою почтовую ячейку, и дежурная сквозь маленькое окошечко с другой стороны не вручила ей открытку. Лидия с празд-

ным любопытством посмотрела на нее и едва не выронила, увидев, что она из Израиля.

— Что это? — спросила ее подруга Рейчел.

Лидия автоматически бросила взгляд на изображение на лицевой стороне. Луиза подрисовала к стандартному туристическому виду Масады[34] человечков, которые прыгали с высокой скалы вниз. У них над головой были нарисованы облачка с текстом вроде «А я выключила плиту?», «Наверное, если все сбросятся со скалы, то и я сброшусь» и «Интересно, как вообще выглядит еврейский загробный мир?».

— Ничего, — сказала Лидия, сунув открытку в рюкзак.

У нее не поднялась рука выкинуть открытку, хотя она прекрасно понимала, что Луиза именно на это и рассчитывала — соблазнить ее чем-то смешным, чтобы она почувствовала себя внутри шутки, понятной только им двоим. Когда Лидия поднялась к себе в комнату — соседки дома не оказалось, поэтому она не смогла спрятать открытку в обычное место и вместо этого запихнула ее поглубже в ящик комода, за припасенный на экстренный случай пакетик крекеров.

---

[34] Примечания: 34

Масада — древняя крепость у юго-западного побережья Мертвого моря.

Она попыталась сесть за домашнее задание по испанскому, как будто ничего не произошло, но постоянно сбивалась на счет: «Если в следующие пять минут три человека хлопнут дверью комнат, я прочитаю открытку. Если парень из комнаты напротив кашлянет три раза, я прочитаю открытку». Она не могла сосредоточиться на Борхесе, потому что напряженно вслушивалась, чтобы не пропустить кашель и хлопки дверей. А еще потому, что не могла отделаться от ощущения, что он осуждает ее за эту доморощенную магию.

«Одна открытка от матери, и я снова считаю, — пожаловалась Лидия Борхесу, — снова соскальзываю в навязчивое магическое мышление».

Он вскинул свои фактурные брови.

«Проблема в том, — произнес он, — что твоя магия слишком слаба. Мир нашпигован мистическими знаками. А уж прислушиваться к ним или нет — дело твое».

Двери хлопали. Люди кашляли. Открытка зудела и вибрировала. Слова на бумаге спотыкались друг о друга.

«Ладно, — вздохнула Лидия. — Если за следующую неделю я получу три неоспоримых знака, достойных Борхеса, я прочитаю открытку. Если нет, она отправится к остальным письмам».

Первый знак случился очень быстро. На лабораторной работе по биологии ей случайным образом досталась в напарницы девушка по имени Луиза. Но в отсутствие других мистических посланий на это можно было не обращать внимания. А вот второй знак был совершенно неопровержимым, и получила она его на лекции профессора Бимана по антропологии.

— Израиль, — вещал профессор Биман на удивление звучным голосом, — представляет собой идеальное воплощение мифа о национальном государстве. Антрополог Бенедикт Андерсон утверждает, что современные национальные государства всегда ссылаются на многовековую историю, уходящую корнями в туманное и по большей части мифологизированное прошлое. Израиль, пожалуй, является наиболее очевидным примером сконструированного современного национального государства, поскольку ашкеназские евреи не жили на Ближнем Востоке почти тысячу лет.

Он пролистал один за другим несколько слайдов на своем компьютере.

— Хотя на первый взгляд концепция кибуца, кажется, противоречит консервативной по сути своей идее построения государства Израиль,

фетишизация земли и отказ от традиционных принципов, в соответствии с которыми исторически жили евреи, превращает его в один из ключевых компонентов создания расистского этногосударства.

При виде следующего слайда Лидию затошнило. Это была картинка, которую она неоднократно находила в интернете, потому что это был кибуц ее матери. На ней был пышно разросшийся цветник и ряды корявых авокадовых деревьев, увешанных плодами. В ушах у Лидии зашумело. Голос профессора Бимана то пробивался сквозь помехи, то вновь исчезал, словно далекая радиостанция, и она выхватывала лишь отдельные слова: «фашизм», «фетишизация», «кровь» и «почва». Луиза неумолимо тянулась к ней через полмира.

— На какую тему ты собираешься писать курсовую? — поинтересовался ее приятель, Алекс, после лекции, и пустился в рассуждения о Фуко.

Лидия пожала плечами. В голове было пусто. Хотя обыкновенно в мозгу у нее роились миллионы идей для курсовых работ, сейчас она была способна лишь генерировать темы вроде «Израиль: страна материнского предательства» и «Израиль: историческая родина-мать (недо-

мать)». Она извинилась и пошла домой, писать отчет о лабораторной работе по биологии, стараясь заглушить зуд открытки, вибрирующей в глубине комода.

Последний знак оказался откровенно абсурдным: на сконденсировавшейся на занавеске для душа влаге выступила женщина в резиновых сапогах и плаще.

«Нет, это уже даже не смешно, — подумала Лидия. — Что будет дальше, Дева Мария на тосте?»

Она стерла сконденсировавшуюся Луизу ладонью и немедленно расстроилась.

«Если тебе так хочется прочитать эту несчастную открытку, пойди и прочитай», — сказала она себе.

Она вытерлась, натянула пижаму и, вытащив открытку, смахнула с нее крошки от крекеров. Потом трясущимися руками перевернула, чтобы прочитать ни больше ни меньше как следующее:

Дорогая миссис Солены-Огурецки, надеюсь, Вы не сочтете слишком дерзким мое желание написать Вам после того, как мы прекрасно провели время на Укропном фестивале в Провансе. Мы наслаждались таким возвышенным разговором, прежде чем все скисло. Еще раз прошу

простить меня за то, что я некрасиво повел себя с мистером Корнишоном, хотя я по-прежнему считаю, что он был исключительно груб. Я живу в далеком краю, где, боюсь, меня не ценят по достоинству. Сахар в моем маринаде делает меня парией. Вы же, напротив, были бы здесь весьма популярны в силу Вашего восхитительно кислого и терпкого вкуса. Хотя и Вы, и я уступаем пальму первенства заносчивым оливкам. Видели бы Вы их сморщенные лица, которые пялятся на меня каждый день, не удостаивая даже приветствием. О, как же мне не хватает наших с Вами задушевных разговоров! Надеюсь, Вы черкнете мне в ответ пару строчек, мне очень хочется знать, как вы поживаете.

Искренне Ваш,

мистер Маринован Патиссон

«Хороший ход, умный», — подумала Лидия.

Она-то ожидала отчаянной мольбы о прощении или яростных попыток оправдаться, или даже саркастический рассказ о жизни на Святой земле. От всего этого можно было бы с легкостью отмахнуться и выбросить из головы. Но мать вместо этого выбрала их старую семейную игру, вернув Лидию в сырой летний домик в Мэне, где они придумали миссис Солены-Огурецки и

мистера Маринована Патиссона.

В то лето, когда Лидии было десять, они провели тоскливую ненастную неделю в городке на побережье, слишком северном, чтобы быть очаровательным. Луиза с Леоном всю неделю ругались без остановки.

— Здесь же совершенно нечего делать, — снова и снова жаловалась Луиза. — Даже омаров приличных не сыщешь. Все уходит на продажу.

— Я думал, тебе понравится что-то небанальное. Ты же ненавидишь растиражированные туристические места, — оправдывался Леон все более и более виноватым тоном.

Они бесконечно играли в «пьяницу», а в какой-то момент даже попытались научить Лидию играть в пинокль.

Хотя в среду все еще лил дождь, скука выгнала их из домика, и они решили отправиться на прогулку по китчевым туристическим лавкам в центре городка. В конце концов их занесло в «Гейлз гудз», в котором наряду с принадлежностями для вязания и охотничьими товарами продавалось и съестное. На столике стояли на пробу открытые баночки с домашним вареньем и желе, а также соленья и крекеры для случайных туристов, которых могло занести сюда на пути

в Акадию. Лидия откусила кусок соленого огурца и невольно сморщилась от отвращения.

— Что это? — прошептала она на ухо матери. — Он сладкий!

— А это, дитя мое, гойский соленый огурец, — пояснила Луиза и улыбнулась той особой улыбкой, которая обычно предвещала разнос, затем указала на чрезмерно хорошенькие баночки с джемом, увенчанные чем-то вроде крошечных шапочек из льняной ткани. — А это гойский джем!

— Как может джем быть гойским? — возразила Лидия, хотя знала, что это лишь раззадорит мать. — Это же просто ягоды с сахаром в банке.

— Это ягоды с сахаром в банке с маленькой муслиновой крышечкой сверху.

— Что в муслине такого гойского?

Из-за стеллажа показался Леон с полными руками всяческой снеди и без запинки ответил на ее вопрос:

— Ностальгия по прошлому, когда у этих людей были фермы, свежий воздух и простор, в то время как мы страдали от дизентерии и погромов и спали вповалку вдесятером на одной кровати.

— Вот именно, — согласилась Луиза.

Это был первый раз за пять дней, когда они

хоть в чем-то сошлись во мнениях, так что Лидия решила побудить их к дальнейшему разговору.

— Но какое отношение это имеет к тому, что еврейское, а что нет? — спросила она, когда все вернулись к машине.

— Никакого, — пояснил Леон. — Оно метафорически еврейское. Еврейское — это просто не гойское, не рядовое.

— Все, что не бело-англо-саксонско-протестантско протестанско-англо-сансонско-белое, то еврейское, — добавила Луиза, не внеся в вопрос ровным счетом никакой ясности.

Лидия покачала головой. Эти категории утратили всякое значение.

— Какие примеры приводил Ленни Брюс? — спросил Леон у Луизы. — Черт. Как же там было? Итальянцы — евреи, все, кто живет в Нью-Йорке, тоже евреи, все, кто живет в Монтане, гои, даже если они евреи. Летчики — евреи, флотские — гои.

Они дружно захихикали на переднем сиденье.

— Но какое это все имеет значение? — спросила Лидия.

Луиза взяла профессорский тон (Лидия подозревала, что она научилась ему у Фрейи).

— Смысл в том, чтобы показать, насколько

ненормально «нормальное» американское мировоззрение. Чтобы поставить под сомнение аксиому, что их образ жизни по определению лучше и мы все должны быть как они. Вся эта миленькая дребедень вроде тех муслиновых крышечек и вязанных крючком салфеточек скрывает под собой расизм, антисемитизм и сексуальное угнетение, — с неприкрытым ядом в голосе заключила Луиза.

— Спасибо за лекцию, профессор Розенберг, — вскинул брови Леон.

— Да, кажется, я слегка хватила через край, — согласилась Луиза.

— О, я бы не был так в этом уверен. Вязаные салфетки, вне всякого сомнения, представляют собой экзистенциальную угрозу нашему образу жизни.

— Да-да-да, — отозвалась Луиза, и в ее голосе вновь послышались привычные раздраженные нотки.

— А кто такой Ленни Брюс? — поинтересовалась Лидия, чтобы разрядить напряжение.

— Кто такой Ленни Брюс?! — переспросила Луиза так, будто ушам своим не верила. — Мы потерпели полное фиаско как родители.

Хорошее расположение духа уже к ней вер-

нулось.

Всю оставшуюся дорогу до домика родители пытались воспроизвести все выступления Ленни Брюса и объяснить Лидии его роль в американской стендап-комедии. Где-то между идишским театром и Ричардом Прайором[35] она окончательно перестала следить за разговором и стала смотреть в окно на мокнущий под дождем зеленый пейзаж, радуясь, что ей удалось предотвратить очередную ссору.

На следующий день дождь все еще шел, и карты стали слипаться от сырости. Родители прекратили ругаться и начали обреченно язвить. Вечером, распив на двоих бутылку вина, они обошли весь домик и налепили на все предметы самоклеящиеся бумажные квадратики с пометкой, еврейское это или гойское. Часов около девяти вечера они выставили содержимое холодильника на пол и устроили Лидии экзамен, в ходе которого она распределила всю снедь по этим двум категориям. Где-то между пикулями и квашеной капустой на свет появились мистер Маринован Патиссон с миссис Солены-Огурецки, а также несколько второстепенных героев, таких как мистер Корнишон

---

[35] Примечания: 35

Ричард Прайор (1940–2005) — американский комик, актер и сценарист.

и миссис Луковый Конфитюр. Остаток недели они говорили от лица своих овощных альтер эго: у миссис Солены-Огурецки был утрированный нью-йоркский выговор; мистер Маринован Патиссон претенциозно растягивал слова, а мистер Корнишон, разумеется, подкручивал воображаемый ус и говорил с французским акцентом.

После той неудачной поездки они стали ездить на Кейп-Код и думать забыли про свои альтер эго. С тех пор Лидия ни разу про них не вспоминала. Их внезапное воскрешение было настоящим жестом отчаяния, и тем не менее ему нельзя было отказать в эффективности. Лидия вспомнила, как они с матерью хихикали, пробуя содержимое разнообразных банок, которые обнаружились в шкафчиках съемного домика.

«Чтоб тебя, мама», — подумала Лидия, потому что Луиза умудрилась всего одной открыткой перечеркнуть тщательно выпестованную за два года враждебность и напомнить Лидии о том, что, вообще-то, мать ей нравилась.

Не слишком задумываясь, Лидия принялась рыться в ящике соседки по комнате, Шари, пока не отыскала несколько шаблонных открыток, купленных в студенческом книжном: с климтовским «Поцелуем», «Кувшинками» Моне и

прочими в том же духе. Она вытащила Климта, перевернула и написала: «Мама, ты слишком сильно стараешься». Однако потом перевернула открытку и подрисовала женщине усы, а над головой у обоих нарисовала с облачко с текстом: «Слава богу, что изобрели освежитель дыхания!»

Тот вечер в Мэне закончился страшно разболевшимися у всех троих животами, чудовищным беспорядком, который пришлось ликвидировать наутро, и доплатой, которой у них потребовали за все съеденное. Но, лежа на липком кухонном полу рядом с пьяными родителями, Лидия чувствовала себя особенной, избранной, гордой тем, что она часть такой определенно нерядовой семьи.

«До чего же я была наивной», — подумала Лидия.

Разве это не было всегдашней стратегией матери? Разве не для того она создавала этот пузырь, это ощущение особости, чтобы отвлечь внимание от собственного эгоистичного поведения?

— Разве возможность немножко побыть рядовой семьей нам бы повредила? — спросила она у пустой комнаты общежития самым лучшим своим голосом миссис Солены-Огурецки.

Впрочем, она понимала, что это нечестный

вопрос, потому что возможности побыть рядовой семьей у них не было. У гоев не было поломанных ашкеназских генов, ждущих своего часа, чтобы дать о себе знать. В конце концов, много ли ты свяжешь крючком, если у тебя дергаются руки?

На миг, на краткий миг она позволила себе испытать чувство благодарности за то, что помнила ту версию своей матери, у которой не тряслись руки и не волочились ноги.

Она посмотрела на разрисованную открытку, а потом поспешно, пока не передумала, дошла по коридору до компьютерной комнаты и сунула ее в щель почтового ящика. В комнате отдыха был включен телевизор. Кто-то смотрел «Симпсонов». Она вернулась к себе в комнату, забралась в постель и закрыла глаза.

Уже увязая в зыбкой полудреме между сном и явью, она обнаружила, что ведет диалог с Луизой. Они вдвоем сидели в одной из тех самых плодородных авокадовых рощ.

— А может, мне написать курсовую по Ленни Брюсу, — задумчиво произнесла вслух Лидия, глядя на узловатые ветви. — Рассмотреть государство Израиль сквозь призму дихотомии еврейского и гойского.

— Нет, вы только посмотрите на нее! Такая

взрослая и невыносимая!

Лидия закатила глаза и ухмыльнулась:

— А что? Озаглавлю ее «Почему Израиль гойский».

Луиза согласно кивнула.

— Потому что он маскулинный и агрессивный. Морские пехотинцы гои! — произнесла она, пытаясь подражать голосу Ленни Брюса.

— Вот именно, — воодушевилась Лидия. — Израиль фетишизирует оружие и отрицает все восточноевропейское.

— Он целиком и полностью дистанцируется от идишской культуры, потому что в его глазах она равна слабости и уязвимости, — заметила Луиза. — За исключением еды. Соленья тут очень уважают.

Лидия рассмеялась. Они немного помолчали, глядя на деревья.

— Так странно, что ты здесь, мама, — негромко произнесла Лидия.

— А уж мне-то как странно, малышка, — согласилась Луиза сдавленным голосом.

Лидия подавила порыв обнять ее и утешить.

Они лежали навзничь на земле под деревьями, как тогда, в Мэне, на полу летнего домика. И, уже проваливаясь в глубокий сон, Лидия со смесью

ужаса и покорности осознала, что даже сейчас ее мозг был острее и необузданней, когда она вела диалог с матерью. И как бы она ни старалась, это навсегда останется так.

Фрагменты
2000–2001

В конце концов остались одни только фрагменты. Она превратилась в неправильно собранный скелет — сухожилия, перекрученные так, что вся она представляла собой нечто пугающе перекореженное и узловатое; кучку костей, трущихся о другие кости. Ей хотелось лежать в пустыне и чувствовать, как шакалы лижут ее хребет влажными языками, но ее не отпускали, как она ни молила. Руки, прикасавшиеся к ней, были холодными, деловитыми, безразличными, не оставляли никаких следов, и она могла лишь гадать: а может, она уже умерла и угодила в жестокий, никогда не заканчивающийся карман вселенной. Но потом она ощутила запах цитруса и дерьма и поняла, что все еще на этом свете, что все еще жива. Она заставляла их снова и снова включать на магнитофоне кассету со звуком дождя, а когда кассета заканчивалась, стонала и кричала, пока запись не запускали заново.

Когда в комнате шел дождь, ее тело по-прежнему лежало на постели, другое же ее «я» ускользало

прочь, ища укрытия в пещерах и примитивных хижинах. Однажды она провела целый день, месяц, год в медвежьей берлоге, в спячке, уткнувшись носом в жесткий, едко пахнущий мех. А как-то раз спряталась внутри импровизированного типи из ее помидорных кустов, вдыхая терпкий аромат клейких зеленых листочков, а дождевые капли с неожиданной нежностью падали ей на макушку. Под конец она стала маленькой девочкой, забаррикадировавшейся внутри крепости из подушек и одеял. Солнечный свет просачивался сквозь тонкий лоскутный плед, создавая голубоватый уютный полумрак. Света хватало ровно на то, чтобы различить смутные очертания собственных пальцев.

— Луиза! — крикнула снизу ее мать.

«Это мое имя», — откуда-то поняла она, осознав, что все это время пыталась его вспомнить.

— Луиза, ты где?

Она глубже зарылась в подушки, вжимаясь в щели между ними, пока они не поглотили ее целиком и она не перестала чувствовать что бы то ни было. Что бы то ни было вообще.

Часть пятая
2001–2005

Лидия в Земле обетованной
2001

Сидя в самолете, летящем в Израиль, Лидия так сильно стискивала зубы, что челюсти у нее свело, и где-то посередине Атлантики она поняла, что не может открыть рот. Поначалу она пыталась разминать напряженные застывшие мускулы, пальцами исследуя внутреннюю механику собственного рта, опознавая мышцы, кости и сухожилия. Она и не подозревала, что челюсть представляет собой настолько примитивный механизм, нечто почти корабельное, вроде части драккара, на каких когда-то ходили викинги. То, что она не запаниковала, стало неожиданностью для нее самой. Все равно разговаривать ей, запертой в железной коробке высоко над ночной землей, было не с кем. Почему-то оттого, что она не могла говорить, ей было легче — будто на самом деле ее там не было, а все это ей лишь снилось.

Ощущение сюрреалистического кошмара никуда не исчезло и после приземления. Солнце светило слишком ярко; голоса, галдящие на

иврите, были слишком громки; отец, когда она нашла его в условном месте у выхода из здания аэропорта, показался каким-то неуловимо изменившимся физически — настолько его придавило горем. Он словно бы даже уменьшился в размере. Леон немедленно раскудахтался из-за ее челюсти, но Лидия лишь пожала плечами и дальше общалась с ним записочками. Лишь в такси она закрыла глаза и позволила себе укрыться в пещере молчания. Лидия решила, что не будет разговаривать до конца поездки.

Когда они приехали в кибуц, их с преувеличенным энтузиазмом приветствовала девушка с розовыми дредами, задушившая их объятиями и запахом пачули. Лидия предположила, что это Айелет, дочь Хавы, а потом, окруженная стайкой совершенно не отличимых друг от друга женщин, появилась и сама Хава. Голова у нее, как и у всех остальных, была замотана красивым шелковым шарфом.

— У Лидии во время полета заклинило челюсть и шею, так что ей трудно говорить, — объяснил Леон.

— Ах ты, бедняжка! — заохала Хава. — Ничего, мы приведем тебя в порядок.

Лидия позволила устроить себе экскурсию по

кибуцу, но слушала вполуха, освобожденная своей принудительной немотой, и улавливала только обрывки разговора, постоянно моргая на пустынном солнце.

— Я знаю, она хотела, чтобы ее оставили в пустыне на съедение гиенам, но это нарушает приблизительно пятьдесят заповедей, так что мы похороним ее на здешнем кладбище, — объявила Хава, как будто ожидая, что Леон согласится.

Лидия думала, что он не станет возражать, такой он был маленький и потерянный, но, судя по всему, его рано еще было сбрасывать со счетов.

— Но это не то, чего она хотела, — сказал Леон.

— Прочее невозможно по закону, Леон, — пожала плечами Хава. — Я думала, ты человек рациональный.

— Кремация рациональнее некуда, — огрызнулся Леон. — Это то, чего она всегда хотела. Я кремирую ее и увезу домой.

— Евреев не кремируют, — отрезала Хава, давая понять, что дискуссия окончена.

Пока эти двое пререкались, Лидия снова принялась ощупывать напряженные мышцы шеи.

— Мы должны что-то с этим сделать, милая, — произнесла Хава, с озабоченным видом поворачиваясь к Лидии.

Та пожала плечами. Она уже поняла, что противиться благим намерениям Хавы бесполезно.

— Может, попробовать твою летающую тарелку? — спросила Хава у Айелет.

— Летающую тарелку? — отозвалась та с каменным лицом, хотя Лидия подозревала, что она поняла, о чем разговор.

— Ну, эта твоя звуковая лохань, — сказала Хава, явно раздражаясь на дочь.

Айелет закатила глаза.

— Это называется звукоомывательный звездолет, мама, — закатила глаза Айелет. — Неужели так трудно запомнить?!

Не обращая внимания на их препирательства, Лидия прикрыла глаза, чтобы не било солнце, и попыталась разглядеть что-то осмысленное в цветных пятнах, плававших с обратной стороны век. Они немного походили на монстров из старой компьютерной игры.

Леон положил ладонь ей на затылок.

— Послушай, малышка, не хочешь попробовать этот агрегат, который сделала Айелет? Говорит, он хорошо снимает мышечные спазмы.

Лидия пожала плечами, попытавшись вложить в этот простой жест одновременно «Почему бы и нет?», «С волками жить — по волчьи выть» и «Они

тут все психи ненормальные. Представления не имею, как мама прожила с ними четыре года». Она сильно подозревала, что отец хочет остаться с Хавой наедине, чтобы продолжить спор о том, кто тут имеет право принимать решения относительно Луизиного тела.

Она двинулась следом за Айелет мимо кибуцных построек в сторону серебристого трейлера, который и в самом деле слегка походил на космический корабль. Когда они открыли дверь, Лидия увидела нечто вроде борделя девятнадцатого столетия, перенесенного в космос. Повсюду лежали мягкие подушки и пушистые ковры, стены были завешены гобеленами, а изо всех щелей торчали динамики.

— Ложись вот сюда. — Айелет указала на кушетку и захлопотала вокруг Лидии, обкладывая ее подушками и одеялами.

Лидия с радостью закрыла глаза, сказав себе, что ей, должно быть, все это снится, потому как ничем иным то, что она очутилась в космическом корабле девятнадцатого столетия на Святой земле, объяснить было невозможно. Она откинулась на подушки, от которых пахло пылью, травой и — совсем слабо — Луизой.

— Я включу музыку, — сказала Айелет и, подой-

дя к крошечному столику, достала макбук.

Она нажала кнопку воспроизведения, и комнатушка взорвалась трелями, ударами и вибрациями, которые сотрясли все туловище Лидии от лобка до макушки. Казалось, кто-то гигантскими ножницами перерезал все туго натянутые струны в ее теле, и она обмякла, как брошенная марионетка, раскидав безвольно повисшие руки и ноги по подушкам. Спустя непонятно сколько времени композиция — если это можно было так назвать — прекратилась.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — просила Айелет.

Челюсть у Лидии расслабилась, и она прекрасно могла разговаривать, но ей не хотелось лишаться возможностей, которые давала немота. Она вытащила из кармана ручку и большими буквами яростно нацарапала «ЧТО ЭТО БЫЛО???».

— Это сочинила твоя мать. Она назвала эту композицию «Нерожденный слоненок».

Лидия перелистнула блокнотик и, нарисовав на чистой страничке огромный вопросительный знак, показала его Айелет.

— Она, по всей видимости, была под кайфом, когда придумала такое название. Ей однажды делали МРТ с использованием именно таких ча-

стот, и она пережила там трансцендентный опыт. Сказала, что чувствовала себя нерожденным слоненком в утробе слонихи-матери, которая галопом мчится по саванне.

Лидия закатила глаза, но Айелет даже бровью не повела, как будто была почтительной дочерью, рассказывающей о жизни Луизы неблагодарной незнакомке. Лидия ненавидела ее со жгучей страстью тысячи пустынных солнц.

— В общем, она назвала эту композицию «Нерожденный слоненок» или «Слоненок in utero». Название постоянно менялось. Луиза утверждала, что оно противодействовало до-диезу ее заболевания. Ты ощущала колыхания амниотической жидкости? Луиза всегда говорила, что ей кажется, будто она плавает в амниотической жидкости.

Лидия большими буквами написала в своем блокнотике «НЕТ», отдавая себе отчет в том, что делает это исключительно из вредности, но не в силах удержаться. Но разумеется, она ощущала что-то вроде колыханий амниотической жидкости. Странный, порождающий самые причудливые ассоциации ум Луизы всегда был созвучен ее собственному. Нет, она не чувствовала себя нерожденным слоненком. Но она чувствовала

себя Ионой в чреве кита, трели и гудение были эхолокацией, а ощущение колышущейся жидкости объяснялось тем, что кит плывет сквозь толщу воды. Она закрыла глаза, игнорируя непрекращающуюся трескотню Айелет, и представила их с Луизой миниатюрные версии, свернувшиеся в позе эмбриона внутри двух слоних, бегущих рядом друг с другом по бескрайней степи.

— Ну и как твоя челюсть? — поинтересовалась Айелет. — Луиза говорила, что мой звукоомывательный звездолет — единственное, что способно расслабить ее мышцы.

Лидия потрогала шею. Туго натянутые жилы обмякли, и это страшно ее напугало. Что же это такое — выходит, ее спазмированные мускулы отзывались на те же частоты, что и мускулы ее матери? Она усилием воли выкинула мысль из головы. Не хватало только, чтобы ей ставил диагнозы звукоомывательный звездолет или хиппи с розовыми дредами. Она пожала плечами и нацарапала: «Приблизительно так же».

— Попробовать все равно стоило, — сказала Айелет.

Они вышли из темной, уютной пещеры трейлера и вновь очутились в пустыне. Навстречу им шагала Хава.

— Кстати, — зашептала Айелет, грубо схватив Лидию за локоть и подтащив поближе к себе, чтобы не услышала Хава, — под конец она уже никого не узнавала. Это было ужасно. Она постоянно стонала и просила включить ей дождь. Скорее всего, она и тебя не узнала бы. Может, она просто старалась уберечь тебя от этого.

Лидия выдернула руку, готовая нарушить обет молчания и наорать на Айелет, чтобы не лезла не в свое дело, но тут подошла Хава.

— Лидия, милая, — сказала она, протягивая одну руку к Лидии, а другую положив себе на сердце, — тебе полегчало?

Лидия уперлась взглядом Хаве в плечо, избегая смотреть ей в глаза и уклонившись от ее протянутой руки.

«Если она не узнавала никого из вас, это еще не значит, что она не узнала бы меня», — мысленно рявкнула она на Айелет, радуясь тому, что Хава повела ее прочь.

— Мы подготовили тело твоей матери к завтрашним похоронам. Я подумала, вдруг ты захочешь побыть с ней.

Лидия немного подумала и кивнула.

— Но сначала я должна кое о чем тебя предупредить, — сказала Хава, кладя руку Лидии на

плечо. — Она завернута в тахрихим, погребальный саван, поэтому ты не увидишь ни ее лицо, ни ее тело. Она должна сохранять благопристойный вид перед Б-гом и нами.

Лидия порадовалась, что по-прежнему изображала из себя немую, потому что, если б она могла говорить, то сказала бы: «Благопристойный вид?! Эта женщина однажды вышла из душа голышом, когда у меня ночевали подруги. Она показала мне, как вставлять тампон, запихнув его в себя перед зеркалом в полный рост. В какой-то момент она даже поливала цветы в доме собственной менструальной кровью». Но ничего этого она не сказала, поскольку по-прежнему делала вид, что не может говорить.

— Тагара, ритуальное очищение перед погребением, это самый могущественный акт любви и милосердия, который один еврей может совершить для другого. Для меня было честью совершить его для твоей матери, — сказала Хава и умолкла.

Кажется, она чего-то от Лидии ожидала. Наверное, благодарности. Лидия попыталась привести в порядок скачущие в голове мысли. Наверное, в глубине души она была благодарна Хаве за то, что та четыре года заботилась о слабеющем теле

Луизы, но Лидия не просила ее брать на себя эту ответственность. А теперь она должна была еще и благодарить ту, с чьей подачи мать ее бросила? Лидия решила ограничиться кивком и широко раскрыла глаза. Судя по всему, этого хватило, потому что Хава двинулась через буйно цветущий кибуцный сад туда, где лежало тело Луизы.

— Я знаю, что у вас с отцом были другие соображения на этот счет, но вы должны понимать, евреев полагается хоронить в целости, чтобы они могли предстать перед Ха-шемом в нетронутом виде. Мы подбираем все обрезки ногтей и каждую упавшую с головы волосинку. Так что голышом в пустыне… — Хава покачала головой, даже не закончив фразу.

Они остановились перед домиком с ярко-фиолетовой дверью. Лидия следом за Хавой вошла в большую комнату, полную женщин в намотанных вокруг головы шарфах, которые сгрудились вокруг лежащего на кровати человеческого тела. Ее мать — если это в самом деле была ее мать, потому что определить с точностью не представлялось возможным, — была запакована, как какой-то тюк, еврейская мумия или затейливая французская слойка. В голове у Лидии мелькнула отчаянная мысль, что все это некое изощренное

надувательство, и они не дают ей взглянуть на тело не потому, что это еврейский обычай, а потому, что на самом деле это вовсе не ее мать.

— Ты хочешь быть первой шомерет? — спросила Хава (Лидия вскинула брови, демонстрируя, что озадачена). — Нельзя оставлять тело в одиночестве. Это пугающее время для умершего. Ее душа, ее нешама, покинула тело, но все еще пребывает в этом мире и будет пребывать тут до погребения, поэтому при ней постоянно находится одна из нас. Охранница, шомерет.

«И что я должна делать?» — написала в своем блокнотике Лидия.

— Ну, кто молится, кто читает что-нибудь вслух, — ответила Хава. — Только ничего чересчур захватывающего. Умерший не должен испытывать огорчения, что покидает земную обитель. Некоторые разгадывают судоку или кроссворды.

Лидия потыкала пальцем в свое горло.

— Я знаю, что ты не можешь говорить, но не волнуйся, она поймет, что ты здесь. — Хава похлопала ее по руке.

«О'КЕЙ», — большими буквами написала Лидия. Ей просто хотелось, чтобы все ушли.

Женщины гуськом потянулись к выходу.

Она закрыла за ними дверь и, глубоко дыша, обвела взглядом домик. Он был маленьким и стерильным, с большими окнами и белоснежной кроватью, на которой и лежала мать.

Лидия сделала глубокий вдох и, усевшись в неудобное деревянное кресло, стала смотреть на тело на кровати. Ее охватило острое желание убедиться, что это в самом деле ее мать.

«Не будь идиоткой», — сказала она себе, но потом вопреки голосу разума сбросила свои «биркенштоки» и, с ногами забравшись на постель, принялась высматривать какую-нибудь веревочку, за которую можно было потянуть, чтобы избавиться от всех этих полотнищ сразу и увидеть тело матери.

Минут десять она мучительно распутывала веревочки, дергала за них и даже ворочала тело туда-сюда, прежде чем из-под ткани показалась плоть. И то не сразу, а по кусочкам. Лидия задрожала, потому что невозможно было отрицать сходство между бесплотными руками и ногами ее матери и кусками мяса на прилавке у мясника. Но она зашла уже слишком далеко, чтобы остановиться. Наконец она размотала полотнища и убрала ткань, закрывавшую голову матери. И замерла, не в силах отвести глаз. Это была Луиза

— исхудавшая до костей, обглоданная недугом, с пергаментной, почти прозрачной кожей. Лидии вспомнился мутный лед, которым каждую зиму затягивало пруд на другой стороне их улицы. Она почти ожидала увидеть бледные силуэты рыб, плывущих по ногам ее матери вверх, к белому животу, сквозь грудную клетку, ко рту. Челюсть Луизы была подвязана платком. Развязать узел мужества у Лидии не хватило. Она побоялась, что рот откроется и повиснет, как у марионетки. Луизина логика заставила ее задаться вопросом, уж не в тот самый ли момент ее собственную челюсть намертво свело над Атлантикой, когда челюсть ее матери подвязывали, чтобы та не отвисала.

Лидия протянула руку и почти коснулась растяжек на ее животе, неопровержимого свидетельства того, что она, Лидия, когда-то обитала внутри этого тела. Но потом отвела руку, потому что Луизы там не было. Это было ее тело, но ее сущность — все то, что делало Луизу Луизой, — его покинула.

Она принялась глупо озираться по сторонам в поисках духа, души или того, что, по утверждению Хавы, должно было все еще незримо присутствовать в этой комнате, но по-прежне-

му чувствовала себя один на один с трупом. По велению какого-то непонятного инстинкта Лидия поднялась и, втиснувшись в узкую щелку между кроватью и стеной, стала смотреть на перевернутое лицо матери. Она закрыла глаза и понадеялась, что ощутит что-нибудь кинематографическое — волну жара или холода, которая свидетельствовала бы о том, что она вошла в контакт с духом матери, — но ничего не происходило. Лидия ничего не чувствовала.

«Скорее всего, она и тебя не узнала бы», — прошелестел в ее мозгу голос Айелет.

Если бы она прилетела неделю назад — а она прилетела бы, если бы они позвонили. Если бы она прилетела неделю назад и сидела рядом с этим почти бесплотным телом, рядом с Луизой, и ее мать не узнала бы ее, то и Лидия не узнала бы себя. Она превратилась бы в кучку разрозненных молекул. Даже сейчас, при одной этой мысли, она чувствовала, как ее тело начинает расползаться.

Не думая, она начала издавать звук, который выводил Луизу из себя во время их долгих поездок в машине, когда она была маленькой девочкой. Она набирала за щеки воздух, а потом медленно-медленно его выпускала, так что получался влажный клекот. «Ты квакаешь, как умирающая

лягушка», — злилась на переднем сиденье Луиза.

Однажды Лидия развлекалась таким образом всю дорогу до Филадельфии, начав в ту же минуту, как они выехали на Нью-Джерси-Тернпайк, и не останавливаясь до тех пор, пока они не пересекли мост Бенджамина Франклина.

Она почти разучилась это делать, и челюсть все еще болела, но у нее получилось-таки огласить домик пронзительным клекотом. На это ушло некоторое время, но с минуту спустя ей все же удалось: она почувствовала, как раздражение возвращает мать обратно с рубежа посмертья, какое уж оно существовало в иудаизме.

«Не думай об этом слишком сильно, — сказала она себе. — А не то все испортишь».

— Привет, мама, — сказала Лидия.

Это были первые слова, которые она произнесла с тех пор, как села в самолет до Израиля. Она продолжила издавать тот самый звук, превратившись в человека-казу, потому что ей представлялось: чем сильнее она выведет из себя мать, тем материальнее та станет.

— Так вот, значит, какую дичь ты тут творила последние несколько лет, — сказала Лидия, когда у нее устали щеки. — Я провела полдня в твоем звукоомывательном звездолете. Айелет просто

невыносима. Швабра розовая. Напряженный выдался денек.

Она принялась обходить домик, открывать шкафы и рыться в ящиках, потому что, несмотря на ощутимое присутствие Луизы, ей по-прежнему было страшно: вдруг за четыре года, которые та провела в Израиле, они стали друг другу чужими? Может, Луиза стала набожной. Может, ей теперь нравилось, когда ее называли Ласточкой. Может, она полюбила Айелет больше, чем Лидию. Она принялась рыться в Луизином шкафу в поисках подсказок.

— Нашла! — объявила она вслух, извлекая коробку из-под обуви, в каких Луиза всегда хранила все то, что представляло для нее особую ценность.

Она вынырнула из шкафа и уселась на маленьком персидском ковре, глядя на подошвы Луизиных ног. Внезапно ей стало страшно открывать коробку: вдруг она поднимет крышку и увидит кучку незнакомых предметов в подтверждение того, что ее мать превратилась в постороннюю женщину?

Но первым же, что она увидела, был адресованный ей конверт. Почерк у Луизы испортился, и имя Лидии было почти неузнаваемо, «я» покоси-

лось, как будто пыталось вырваться на свободу. Внутри оказались бессчетные листки, исписанные рваным неровным почерком; что-то было зачирикано, что-то обведено кружком, что-то снабжено пометками. Слова всплывали на поверхность, точно киты, выныривающие, чтобы сделать глоток воздуха и вновь уйти на глубину: «магия», «прости», «кости».

Спустя сколько-то минут, часов, вечность в комнате в чужой стране наедине с трупом матери страницы собрались в письмо.

Дорогая Лидия,

я знала, что ты найдешь эту коробку, потому что ты вечно всюду суешь свой нос.

— Иди ты к черту, мама, — произнесла Лидия вслух, уже чувствуя, как губы ее расплываются в широкой улыбке.

Я пишу и переписываю это письмо снова и снова. Последние слова казались мне чем-то невозможным. Но потом я вспомнила, что никаких последних слов не бывает. Твои отношения с матерью не заканчиваются с чем-то настолько мелким и несущественным, как смерть, они лишь продолжают развиваться. Так что не хочу тебя расстраивать, малышка, но избавиться от меня в ближайшее время тебе не светит.

Мне хотелось бы сказать, что я официально сожалею о том, что уехала. Но я не могу представить себе никакого другого сценария. Я хотела избавить тебя от всего этого, и разве ты можешь меня в этом винить? Я уже сейчас понемногу исчезаю, и по тому, как это было с моей матерью, знаю, что впереди еще год-два. Под конец мои кости будут практически прорывать кожу. А кожа станет хрупкой, как мокрая бумага. И запах. Я не могу даже его описать, но он до сих пор стоит у меня в носу. Разве в глубине души ты не рада, что тебе не пришлось наблюдать за всем этим? Может, конечно, и нет, я не знаю.

На полях Луиза написала «я сожалею/не сожалею» и трижды обвела эти слова, а потом перечеркнула. На полях своего сознания Лидия написала «я тебя прощаю/не прощаю», трижды обвела эти слова, а потом перечеркнула.

Я не знаю, какие чувства ты будешь испытывать после того, как я умру. Я помню, как было с моей матерью. Я чувствовала ее присутствие как электричество, повсюду, куда бы ни пошла; ее голос в голове постоянно критиковал меня, перечислял по пунктам все те области, в которых я была недостаточно хороша. После того как она умерла, я ни на миг не могла от нее избавиться.

Я не хочу усложнять тебе жизнь. Если бы я могла попросить об одном желании, это было бы желание облегчить тебе жизнь. И, если я все-таки засяду у тебя в голове, очень надеюсь, что не буду вести себя как последняя скотина.

Помнишь полуночные письма, которые ты заставила нас с папой написать для тебя перед отъездом в лагерь, на случай, если ты будешь скучать по дому и не сможешь уснуть? Я думаю, ты их ни разу не прочитала. Я думаю, ты просто прижимала их к груди, как фетиши. И честно говоря, я совершенно не помню, что я в них тогда написала. Но сейчас я напишу тебе такое письмо.

В последнее время я очень много сплю. Иногда по три-четыре дня кряду, и все это время мне снятся сны, из которых я не могу выбраться. Иногда это превращается в настоящий кошмар: целые дни, когда мне кажется, что я падаю, или бесконечный сон про то, как мне нужно забрать тебя из начальной школы, но я никак не могу ее найти. Но на прошлой неделе мне приснился хороший сон. В нем была суббота, до того как мне поставили диагноз. Мы с папой лежали в кровати, дремали после обеда, и ты пришла к нам в комнату и забралась между нами. Была, судя по всему, весна, потому что воздух казался

наэлектризованным, как перед грозой, но не был знойным и липким. Мы втроем забрались под одеяло и слушали, как за окном громыхает.

Я знаю, что мир иногда кажется тебе пугающим местом, и я определенно одна из причин. Я не знаю, что готовит тебе жизнь. Но, что бы ни происходило, я хочу, чтобы ты знала: где-то, в каком-то потайном уголке вселенной, ты по-прежнему под тем одеялом со мной и с папой, в полной безопасности.

И чтобы ты не думала, будто я в своем слабоумии размякла и превратилась в сентиментальный кисель, я должна сообщить тебе, что во время этой милой интерлюдии меня за задницу укусил паук, и все то время, которое мы втроем сидели под одеялом, она адски чесалась. Все было идеально, но почесухи не отменяло, и это почти лучшее, что ты можешь ожидать от жизни. О-о-о, давай это будут мои последние слова. Неплохо получилось, правда?

Со всем, что лежит в этой коробке, можешь поступать как сочтешь нужным. Хочешь — пользуйся, хочешь — в землю закопай, хочешь — сожги. Мне без разницы.

Я люблю тебя.

Л.

На Лидию накатила волна безоглядной любви к матери. Чистой, жуткой и не осложненной никакими двойственными чувствами.

«Да это же горе», — осознала она.

Она принялась рыться в коробке с такой жадностью, что у нее затряслись руки, вытаскивая знакомые предметы: флакончики из голубого стекла с наклейками («воды Защиты», «Соль материнской двойственности»), сухие травы, ржавые ножницы, листочек с текстом «Знаменитого синего плаща», стопки открыток от Лидии. А за ними последовали и незнакомые: кассеты с загадочными подписями — «Растущие розы», «Визг отдыхающей артиллерии», «До-диез антидоты (природа+приборы)», «Дождь на восточном побережье 1999», «Евреи, пререкающиеся за ужином», «Дыхание Леона».

— Что за дичь ты тут творила, мама? — спросила Лидия вслух у пустой комнаты, но она была рада, что Луиза чем-то занималась.

Лидия разложила предметы на коврике и принялась их разглядывать. Она ощущала присутствие матери в комнате — электрическое, зудящее, беспокойное. И саму Лидию одолевало электрическое зудящее беспокойство.

Пустой голубой флакончик выжидающе смот-

рел на нее.

— Что тебе нужно, мама? — спросила Лидия.

Впрочем, она знала ответ. Луиза хотела, чтобы ей помогли переместиться в следующий мир — и чтобы это сделала Лидия. Но в кои-то веки она вела себя сдержанно. У нее хватило такта не просить. И поэтому Лидия хотела сделать это для нее.

Она принялась оглядываться по сторонам в поисках знаков и подсказок. Потом прикрыла глаза, так что все вокруг расплылось, надеясь, что, когда вновь откроет их, то увидит изнанку флакончиков, кровати, трупа и наклеек. Всю их обнаженную правду без прикрас. Но вместо этого почувствовала себя уязвимой, словно с нее сняли кожу. Она узнала это чувство — опасную надежду, которую всегда создавала магия Луизы.

— Я не обязана это делать! — вслух сказала Лидия матери, трупу и беспокойному зуду.

Но беда была в том, что она сама этого хотела, всегда хотела.

Лидия поднялась и подошла к проигрывателю. Как она и ожидала, в нем уже стояли «Песни любви и ненависти». Весь год перед тем, как уехать, Луиза бесконечно слушала их и переслушивала. Лидия опустила иголку, и заиграл «Знаменитый

синий плащ», сперва хрипло и неохотно, потом все уверенней и уверенней.

Она пересекла комнату и подошла к навороченной стереосистеме, которую Луиза установила в углу, потому что, разумеется, ее смерть надлежало обставить сложным образом. Она открыла крышку отсека и обнаружила там «Дождь на Восточном побережье, Рокленд, 1999». Лидии вспомнились слова Айелет: «Она постоянно стонала и просила включить ей дождь».

Она нажала кнопку воспроизведения. В домик ворвался шум весны — стук крупных дождевых капель, барабанящих по крыше и подоконникам. Теперь Лидия вспомнила: они втроем под одеялом, их сонное сопение, мешающееся со стуком дождя; жадно пьющий воду сад.

Весь свой последний год в Рокленде Луиза хотела оказаться в пустыне, а последние пять лет в пустыне хотела оказаться в Рокленде.

— Наверное, говорить о том, какая это насмешка судьбы, излишне, мам?

Лидия произнесла это вслух, однако послушно пошла обратно к коробке и, достав кассету с дыханием Леона, вставила ее во второй отсек стереосистемы и тоже нажала кнопку воспроизведения. Комнату огласил знакомый звук

глубокого, размеренного дыхания спящего отца — медленные вдохи и выдохи, время от времени перемежаемые неожиданными всхрапами.

Она подошла к кровати, встала так близко, насколько это было возможно, не прикасаясь к ней, закрыла глаза и стала прислушиваться, пытаясь определить, правильно ли это звучит. Звучало неправильно. Дыхание было слишком громким, почти вгоняющим в клаустрофобию, а стук дождя слишком тихим. Лидия принялась играть настройками, курсируя между стереосистемой и проигрывателем, потом снова вернулась на свое место рядом с матерью. Наконец, неизвестно сколько времени спустя, она закрыла глаза и поняла, что теперь все звучит правильно, потому что снова очутилась в родительской спальне. В нос ей ударил запах влажной земли, и она подумала, что, наверное, дождевые червяки, выползшие на подъездную дорожку, тонут сейчас в лужах. Родители были в постели, Лидия забралась между ними, и они втроем лежали под одеялом, слушая, как за окном бушует непогода.

Но ощущение умиротворения продлилось совсем недолго, только пока не доиграл «Знаменитый синий плащ», а потом Лидию вновь начало одолевать какое-то беспокойство, ощуще-

ние, что чего-то недостает. Она не могла остаться в том дне в Рокленде. Одеяло над ними стало прозрачным, и, хотя Лидия слышала стук дождя, она знала, что в жарком пустынном воздухе капли испарятся еще до того, как упадут на землю.

«Заклинание недостаточно плотное», — подумала она, хотя сама не очень понимала, что это означает.

Она уселась на постели и посмотрела на мать, ожидая подсказок, как довести заклинание до конца, потом устремила взгляд обратно на проигрыватель. Потом снова посмотрела на кровать, на размотанные полотнища, лежащие рядом с телом матери, словно сброшенная кожа. Она слишком устала, чтобы играть жрицу Лидию, но выбора у нее не было, поскольку Хава была твердо намерена похоронить каждую частичку Луизы — каждую волосинку и каждый ноготь, каждую клеточку кожи, если бы могла, — а для самых могущественных заклинаний всегда требовался биологический материал. Лидия поняла, что нужно взять с коврика ржавые ножницы, отрезать прядь Луизиных волос и положить ее в голодную голубую бутылочку. Не особенно задумываясь, она забралась на кровать. Сминая простыни, отхватила у Луизы клок волос, положила его рядом,

затем принялась состригать ногти с рук и ног и собирать их в ладонь.

Ссыпав обрезки во флакончик, она скрутила прядь волос в жгут, чтобы все поместилось. Внутри у нее все леденело от ужаса при мысли, что какая-то частичка Луизы может случайно остаться лежать на постели или завалиться между половицами, сделав тем самым ее мать уязвимой для какого-то безымянного зла.

«Магия не идеальна», — сказала она себе, но желание помыть руки никуда не исчезло.

Она тщательно обследовала простыни и пол на предмет волосинок или обрезков ногтей и, хотя там ничего не обнаружилось, взяла флакончик с солью и на всякий случай аккуратно посыпала по контуру тела матери, следя за тем, чтобы не оставалось разрывов и пустот.

Из динамиков на полной громкости лился шум дождя, создавая когнитивный диссонанс с сухой пустыней за окном. Но чем больше Лидия сосредоточивалась на волосах с ногтями и разложенных на коврике предметах, тем больше растворялась пустыня, и сквозь нее проступал дождливый день.

Воды Защиты взывали к ней. Когда она откупорила флакончик, оттуда по-прежнему пахло

мхом. Она капнула водой на палец и коснулась лба Луизы, потом капнула еще раз и коснулась собственного лба. Пару капель за ушами Луизе, пару капель за ушами себе. Вода жгла кожу, и она почти ожидала увидеть, что на лбу у матери вспухнет красное пятно. Лидия ощутила внутри электрическую волну силы, но не очень понимала, что делать дальше, и принялась беспокойно переминаться с ноги на ногу, слушая дождь. В голове крутился последний куплет «Знаменитого синего плаща», и постепенно ее мозг начал переписывать его:

Мне жизнь подарив, ты мне смерть подарила,

Считай, что сама же меня и убила,

Так что же сказать мне тебе?

Скажу, что скучаю, скажу, что прощаю.

Я рада, что тебя больше нет.

Она задумалась, пытаясь решить, правда это или нет, и пришла к выводу, что на данный момент в значительной мере правда. Настолько правда, что она может произнести это вслух. Она дождалась, когда куплет вновь зазвучал у нее в мозгу, и, стоя перед телом матери, продеклами-

ровала его вслух. И почувствовала, как меняется качество энергии в комнате, как начинает разряжаться атмосфера.

— Кажется, я закончила, — произнесла она вслух. — Это все, что я могу тебе дать.

С этими словами Лидия погасила весь свет в домике и вытянулась на полу рядом с матерью. На этот раз она оказалась не просто под одеялом. Она оказалась в кармане того дня. В безопасности.

Лидия Лови Момент
2001

Лидия с готовностью согласилась бы с тем, что, вернувшись с похорон матери, вела себя совершенно по-свински. Она ни для кого не делала исключений, обрушивая свое свинство на всех в равной степени: от специалиста по телефонным продажам, который каким-то образом раздобыл номер телефона, установленного в ее комнате в общежитии, до чересчур назойливой в своей заботе соседки по комнате Рейчел и людей, нетерпеливо дожидающихся своей очереди к кассе позади нее. В прошлый вторник, заскочив вечером в магазин за продуктами, чтобы было чем перекусить на семинаре, она нарочно выкладывала свои покупки на ленту с раздражающей медлительностью и обворожительно улыбалась при этом замотанным мамашам, стоявшим за ней в очереди. (А еще она заплатила за кедровые орешки для песто стоимостью тридцать долларов всего пятнадцать, потому что сложила их в непрозрачный крафт-пакет и при взвешивании налепила на него наклейку со штрихкодом для

миндаля.)

Она все ждала, когда же кто-нибудь одернет ее, когда же кто-нибудь скажет: «Вселенная ничего тебе не должна, Лидия. Ты не имеешь права вести себя по-свински (а также не заслуживаешь дешевого песто) только потому, что у тебя умерла мать, а ты сама, возможно, тоже смертельно больна». А она бы на это ответила: «Вообще-то, я имею полное право вести себя по-свински. И дешевого песто тоже заслуживаю».

Но никто ее не одергивал. Друзья, преподаватели, знакомые обращались с ней как с подбитой птичкой, которую необходимо реабилитировать крошечными капельками избыточной доброты. Или же они вообще ее избегали, как будто смерть заразна и Лидия носит в себе ее споры. Только раздраженные покупатели в супермаркете обращались с ней как с обычным человеком, и лишь благодаря им она знала, что все еще существует, потому как в глубине души не могла отделаться от мысли, что на самом деле она всего лишь плод Луизиного воображения, который должен был уйти в небытие вместе с Луизой.

Тем вечером Лидия сидела на заплесневелом диване в обшарпанной квартирке, которую ее друг Кай снимал в городе, и слушала, как их об-

щие друзья обсуждают заявки на Уотсоновскую стипендию. Стипендия эта казалась Лидии наивысшей, возмутительнейшей привилегией: и без того богатенькие ребята из элитарных либеральных колледжей подавали заявки на ни к чему не обязывающую стипендию в тридцать тысяч долларов, чтобы на протяжении года путешествовать по миру, занимаясь проектом, который не обязательно предполагал практическое применение и какой-либо ощутимый результат. Лидия поразила саму себя тем, что у нее хватило выдержки не высказать это мнение вслух. Каждый раз, удерживаясь от свинского поведения, она выдавала себе индульгенцию на свинское поведение в какой-нибудь пока еще не определенной будущей ситуации. В награду за то, что не стала говорить гадости про Уотсоновскую стипендию, она решила не выносить мусорное ведро из ванной, хотя в нем было полно ее тампонов. Слушая, как Рейчел разглагольствует о том, почему подход Уотсоновского фонда более чем рационален, она лишь укрепилась в своем решении.

— Цель фонда, — объясняла Рейчел, — создавать будущих лидеров. Они вкладываются в людей, а не в результаты. Я считаю, что это разумное решение.

Лидия похвалила себя за то, что не закатила глаза, вместо этого представив, как Рейчел понесет на помойку ее тампоны.

Проект Рейчел был про внедрение экологически чистого земледелия в тюрьмах по всему миру, что, по сути, представляло собой воссоздание плантационной системы. Идея Кая была столь же бессодержательной. Он хотел фотографировать сбитых животных на дорогах разных стран.

«Серьезно? — подумала Лидия. — Сбитые животные на дорогах разных стран? И что я только в нем находила?»

Она постоянно задавалась этим вопросом с тех пор, как вернулась из Израиля. Весь обратный полет она пыталась отвлечься, фантазируя о нем и сочиняя истории о том, как они будут путешествовать по миру, трахаться и фотографировать. Но получалось неубедительно. Вместо этого каждый раз, когда она закрывала глаза, ей представлялось межгалактическое шоссе и все остальные Лидии, проносящиеся мимо, в то время как она плыла без руля и ветрил в космическом пространстве, забытый космонавт.

Она попыталась убедить себя, что по-прежнему находится тут, на отвратительном диване, а не болтается в безвоздушном пространстве, как

космический мусор. Теперь говорил Кай.

— Отходы, развалины, сбитые животные на дорогах красноречивее всего говорят об обществе. Вот почему археологи так много времени посвящают изучению хозяйственных отбросов древних людей. Да, Лидия?

Он обратился к ней напрямую, поскольку она всегда рьяно поддерживала все его фотопроекты, сколько они друг друга знали.

Лидия пожала плечами.

— Я тоже подаюсь на Уотсоновскую стипендию, — сказала она неожиданно для себя самой, шмякнувшись из космоса на диван.

Она совершенно не собиралась подаваться ни на какую стипендию, но ей надоело, что друзья относятся к ней так, как будто у нее единственной из них нет будущего.

Все медленно повернули к ней слегка обкуренные лица. Лидия, сама обкуренная, подумала, что они немного похожи на подсолнухи, поворачивающиеся к новому источнику света.

— Да. Я хочу изучать сюжетно-ролевые игры в странах, где идут или недавно закончились военные конфликты. — (Идея начала обретать контуры в ее мозгу.) — На обратном пути из Израиля я сидела в самолете рядом с женщиной,

которая занималась гуманитарной работой в Палестине. Она рассказала, что там все дети играют в интифаду, как здесь у нас раньше дети играли в ковбоев и индейцев. А одна моя школьная подруга в детстве год прожила во Франции, и они там играли в евреев, которые скрываются от нацистов. И я готова поспорить, что в Руанде — вообще-то, я понятия не имею, что происходит в Руанде, но готова поспорить, что там все совсем плохо. Так что я собираюсь путешествовать по странам, где недавно закончились военные конфликты, общаться с тамошними детьми, смотреть, в какие сюжетно-ролевые игры они играют и каким образом эти игры отражают последствия исторической травмы.

Она глядела на них, этих глупых подсолнухов, и впервые за все время с тех пор, как вернулась из Израиля, видела в устремленных на нее взглядах уважение, а не жалость.

— Это отличная идея, Лидия, — произнес Кай слегка неохотно, явно пытаясь примириться с мыслью, что стипендия может достаться не ему.

— И в самом деле чумовая идея, — отозвалась Лидия. — Пожалуй, пойду-ка я домой и прямо сейчас сяду писать заявку.

Открывая рот, она вовсе не собиралась пода-

ваться ни на какую стипендию, но как только идея, полностью оформленная, прозвучала вслух, Лидия поверила, что где-то какая-то из других Лидий этим занимается. По пути домой она представляла ее, Лидию Лови Момент: в сандалиях и старой футболке с портретом Ани Дифранко она сидит на корточках на пыльной улице на Западном берегу в окружении ватаги ребятишек.

В одиночестве своей комнаты в общежитии она принялась искать информацию: игротерапия в Руанде, игровые городки для психологически травмированных детей в Великобритании, цирковые представления в лагерях для беженцев в Бутане.

«Лови чертов момент», — думала она, составляя заявку на стипендию от имени воображаемых неукротимых Лидий.

Писать заявку было приятно. Когда Лидия заговорила о своем мифическом проекте, друзья перестали смотреть на нее как на несчастную сиротку. Впрочем, она не ожидала, что из ее затеи что-то получится, поскольку ничего не знала ни о травме, ни о странах после военных конфликтов, ни даже о детях. Однако отборочную комиссию Уотсоновского фонда, по всей видимости, ее полная некомпетентность нимало

не смутила, поскольку несколько недель спустя они с Рейчел одновременно получили на почту одинаковые имейлы с приглашением на личное собеседование. Рейчел в другом конце комнаты издала победный клич. Лидия сделала вид, что рада. На самом же деле каждая клеточка ее тела сжалась от ужаса, потому что она была Лидия Космический Мусор, а не Лидия Лови Момент.

Она так устала от всего. Она снова начала мыть руки, и каждый поход в душ занимал по меньшей мере тридцать минут, потому что мыться было нужно строго определенным образом, который постоянно изменялся. Все, чего ей хотелось, это получить чертов диплом и уехать домой, но Лидия Лови Момент ей не позволяла.

«Чтоб тебя, Лидия Лови Момент», — думала она, когда одевалась на собеседование, натягивая позаимствованные у подруги ковбойские сапоги и застегивая облегающее голубое платье, которое Лидия настоящая никогда в жизни бы не надела.

В следующий раз она выругала Лидию Лови Момент, когда сидела в коридоре перед аудиторией, где у них были семинары по истории, вместе с другими желающими получить Уотсоновскую стипендию. И еще раз, когда хорошо одетая женщина средних лет вполголоса пригласила ее в

аудиторию и указала на пустой стул у доски.

Жюри состояло из пяти человек. Все смотрели на нее заинтересованно. Лидии с трудом верилось, что это не нанятые актеры, так убедительно они играли роли состоятельных, хорошо одетых, неравнодушных граждан.

— Знаете, Лидия, ваша заявка произвела на нас очень сильное впечатление, — заговорил седоволосый мужчина лет пятидесяти с хвостиком. — У вас крайне интересный проект. Не могли бы вы поподробнее рассказать о вашей мотивации, о причинах, которые стоят за вашим желанием посвятить себя этому весьма непростому делу? А также о том, почему вы самый подходящий для этой роли кандидат?

Лидия настоящая на миг замялась, раздумывая, не признаться ли чистосердечно во всем: «О, я самый неподходящий на свете для этого проекта человек. Я терпеть не могу путешествовать, к тому же у меня изрядно протекает крыша. Мне не проектами надо заниматься, а ехать домой и лечить голову». Но мысль о том, как она засядет в своей старой комнате, а под дверью будет обеспокоенно топтаться Леон, уже сейчас вызывала у нее приступ клаустрофобии.

— Ну, — произнесла она, не зная, что сказать.

Она закрыла глаза и представила Лидию Лови Момент, которая сидит на пустыре перед разбомбленным городом, наблюдает за играющими детьми и делает пометки в блокноте.

«Могла бы я это делать? — спросила она себя. — Могла бы я быть этим человеком? Я хочу быть этим человеком».

Она посмотрела на свои ковбойские сапоги и вырез платья, выбранный с таким расчетом, чтобы продемонстрировать декольте, оставаясь в рамках хорошего вкуса, и уступила место Лидии Лови Момент.

— Ну, как я объяснила в заявке, идея пришла мне в голову, когда я на зимних каникулах возвращалась домой из Израиля. Но вот о чем я умолчала, так это о том, что я летела с похорон матери.

При упоминании о смерти лица у всех слегка дрогнули, а потом мгновенно пересобрались в практически идентичные маски сочувствия.

— Очень вам соболезнуем, — пробормотали они хором.

Лидия Лови Момент отмахнулась уверенным движением красивой руки.

— О, все в порядке. Эта смерть не была неожиданной. Она умерла от наследственной генетиче-

ской болезни, которая с вероятностью в пятьдесят процентов может проявиться и у меня.

Лидия поняла, что впервые призналась в этом вслух, потому что с того самого вечера на Кейп-Коде ее сознание отказывалось впускать в себя такую возможность. Но Лидия Лови Момент была храбрее и сильнее, чем она.

— Я смирилась с тем, что, вполне возможно, жить мне осталось не больше двадцати лет. И как бы банально это ни прозвучало, мне хотелось бы, чтобы это время не было потрачено впустую. Я в самом деле считаю, что дети, живущие в зоне военных конфликтов, очень рано осознают неизбежность смерти. Я в свои двадцать два года только начинаю учиться принятию этой неизбежности, в то время как детям в Палестине, Руанде и целом ряде других мест пришлось научиться этому гораздо раньше. А что может быть более красноречивым проявлением жизнестойкости, чем детская игра? Так что мне в некотором смысле есть чему у них поучиться. Я хочу понять, как можно переработать ужасный опыт во что-то, приносящее радость. И разумеется, поделиться этим с другими. Честно говоря, я и сама не знаю, чего больше в этом моем желании оставить свой след на Земле: альтруизма или нарциссизма,

но, в конце концов, имеет ли это значение? Я не уверена.

Лидия внезапно умолкла и обвела членов комиссии взглядом, поняв, что случайно сказала правду.

«Черт, — подумала она со смесью ужаса и надежды, отмечая уважение на их лицах. — Так, чего доброго, я еще получу эту стипендию, и придется мне в самом деле стать таким человеком. Кто знает, может, у меня даже получится».

Она помахала Лидии Космический Мусор и проплыла мимо нее.

«Что за унылая страдалица», — подумалось ей.

— Что ж, — произнес председатель комиссии хрипло, — думаю, я могу с полным правом сказать от лица всех нас, что это была в высшей степени трогательная речь. Однако у нас имеются некоторые опасения. Во-первых, относительно возможности доступа в такие места, и, во-вторых, относительно вашей безопасности.

Лидия объяснила, что ее тоже беспокоили эти вопросы, поэтому она уже связалась с несколькими организациями: «Школой друзей» в Рамалле и цирковой труппой, планирующей осенью отправиться в Непал.

— А также у меня была мысль для начала

попробовать свои силы в игровом городке в Манчестере. У них там много детей беженцев, и я подумала, что это неплохой способ войти в курс дела.

Когда тридцать минут спустя Лидия вышла из аудитории и встретилась глазами с Рейчел, ей казалось, что она излучает ощущение победы, которое исходит от ее нового тела, словно она сбросила старую кожу и отрастила новую, принадлежащую другой, более храброй Лидии. Она зашагала по коридору, цокая каблуками ковбойских сапог, будто снайперша, и почувствовала себя снайпершей, которая прячет в кобуру пистолеты.

— Ну, как все прошло? — с беспокойством спросила Рейчел, пытаясь изобразить на лице выражение дружеской поддержки вместо лютой зависти.

— Неплохо, — честно ответила Лидия Лови Момент. — Они там все страшно милые.

Рейчел ковыряла зреющий на подбородке прыщ.

— Оставь свой подбородок в покое! — сказала Лидия, ощущая прилив нежности к Рейчел, которая все-таки изо всех сил старалась быть хорошей подругой, хотя удавалось ей это из рук

вон плохо. — У тебя все получится. Ты сразишь их всех наповал.

Рейчел никого наповал не сразила — в отличие от Лидии. Вот так и вышло, что четыре месяца спустя она сидела верхом на своем туристическом рюкзаке, в то время как Леон беспокойно расхаживал туда-сюда перед табло вылетов. Лидии Лови Момент нигде поблизости видно не было. Она испарилась ровно в тот момент, когда Лидия получила письмо о том, что ее заявка одобрена, и очутилась перед реальной перспективой в одиночестве провести год в далеких и отнюдь не самых спокойных местах.

— Я так тобой горжусь, — сказал Леон. — Такой отважный поступок с твоей стороны.

Он ожесточенно теребил кожицу вокруг ногтей.

— Такой нехарактерный, ты имеешь в виду? Ты считаешь, что мне это не по силам? Спасибо большое за веру в меня, папа, это именно то, что мне сейчас нужно.

— Я ничего подобного не говорил!

— Не говорил, но подумал.

— Теперь ты караешь за мыслепреступления? Ты, случайно, Советский Союз в свой маршрут не включила?

При упоминании Советского Союза Лидия закатила глаза. Стычка с отцом отвлекала ее от мыслей, от которых все внутри скручивалось в узел и хотелось лечь на пол и сжаться в комочек.

— Лидиола. — Леон подтолкнул ее носком ботинка, вынудив вскинуть на него глаза. — Ты всегда можешь вернуться домой. Ты же это знаешь? Вернуться домой не значит признать поражение.

Лидия подхватила свой рюкзак, который с трудом могла оторвать от пола, и навьючила его на плечи, отвергая его помощь.

— Иногда значит, пап, — отозвалась она.

Потом обняла его, насколько это вообще было возможно с пятьюдесятью фунтами за плечами, и поковыляла на контроль безопасности.

В ожидании посадки, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, она пыталась найти точную метафору, которая отражала бы ее чувства. Как будто ее толкают навстречу гибели? Нет, это было не совсем верно, ведь ее никто не заставлял. В некотором смысле это и было самое худшее. Никто не мешал ей взять рюкзак, пробиться сквозь толпу стоящих в очереди на посадку пассажиров к выходу из аэропорта и поймать такси до города. Менее чем через два часа она может

быть в приемной Леона на Девяностой Восточной улице и листать старые выпуски «Нью-Йоркера». Единственное, что ее останавливало, это законы инерции: объект, находящийся в движении, продолжает находиться в движении, а она находилась в движении с того самого момента в гостиной у Кая, когда, накурившись, по собственной дурости заявила, что тоже будет подаваться на Уотсоновскую стипендию, и тем самым перескочила на трек другой Лидии. Но если она сейчас соскочит, ляжет и будет зализывать раны, то вовсе не факт, что когда-нибудь поднимется снова. Страшнее, чем быть объектом, находящимся в движении, решила она, когда самолет уже покатился по взлетному полю, это быть объектом, находящимся в состоянии покоя.

Прах к праху
2001

— Лучше уж сломанные кости, чем сломленный дух, — вещал главный координатор программы с прямо-таки религиозным пылом.

Ирокез у него на голове до смешного не сочетался с очками, и Лидия подозревала, что, когда он не рассказывал волонтерам о тонкостях игр на площадке, то занимался чем-нибудь трогательно серьезным, к примеру писал диссертацию о женщинах в панк-роке или собирал валлийские шахтерские песни.

— Эта фраза, сказанная леди Аллен из Хертвуда о последствиях Второй мировой войны, стала для нас принципом, которым мы руководствуемся в нашей работе, — объявил он.

Лидию подмывало поднять руку и задать вопрос: «А разве это не ложная дихотомия? Разве обязательно выбирать между сломанными костями и сломленным духом? Почему в одном человеке не может сочетаться и то и другое?»

Но в кои-то веки она сочла за лучшее промолчать, главным образом потому, что второй

американец из их группы — восторженный пентюх по имени Тодд — уже был подвергнут остракизму после того, как выразил обеспокоенность отсутствием на площадке командных соревновательных игр. Она не хотела быть ни в одной группе с Тоддом, а их общая родина уже делала ее более чем подходящей для этого кандидатурой. Нет, она хотела быть в группе с Джонасом — сидевшим слева от нее долговязым циркачом, который объехал весь земной шар, обучая бездомных ребятишек жонглировать.

«Самая сексуальная профессия на свете», — подумала она, вспоминая бесконечные часы, которые проводила, валяясь на кровати с Билли и играя в постыдно гетеронормативную игру «Я хочу выйти за мужчину, который…».

Она сделала себе мысленную зарубку написать Билли, если, когда вернется к себе на квартиру, будет работать интернет. Конечно, если Джонас не позовет ее к себе. В том, чтобы соблазнить его, сегодня утром в этом чужом городе, отделенном океаном от всех, кого она знала, она не находила ничего невозможного.

В Манчестер она приехала накануне вечером из Лондона, где гостила у своей лучшей подруги, Сильвии. В последний раз они виделись еще до

того, как умерла Луиза, и, когда Сильвия встретила ее в Хитроу с соболезнующим выражением на лице, Лидия вскинула руку:

— Не надо. Я не готова сейчас о ней говорить.

— Ладно, — пожала плечами Сильвия. — Ты же знаешь, я всегда рада поговорить о себе любимой.

И они провели два дня в пижамах, смотря DVD-диски и болтая о неудачных сексуальных похождениях Сильвии в издательстве, где она проходила стажировку.

Вчера утром, провожая Лидию на вокзал, Сильвия всучила ей сэндвичи с яичным салатом, аккуратно завернутые в вощеную бумагу. Лидия терпеть не могла яичный салат, но была тронута этим не свойственным подруге проявлением заботы.

— Береги себя, — сказала Сильвия, поплотнее закутывая Лидию в куртку, как ребенка; в глазах у нее блеснули слезы.

По всей видимости, мысли о смерти делали ее сентиментальной и заботливой, и, хотя Лидию обыкновенно бесило то, как все вокруг реагировали на смерть, она рухнула в прощальные объятия Сильвии с таким голодом, что это напугало ее саму.

— Обязательно, — пообещала она, тоже готовая расплакаться, но потом взяла себя в руки и села в поезд с яичным сэндвичем в каждом кармане своей армейской куртки.

Она все-таки съела их позже, движимая чувством благодарности к подруге, и ей немедленно стало плохо.

— Вмешательство — смертный грех игровой работы, — вторгся в ее мысли настойчивый голос координатора.

Лидия, хоть убей, не могла вспомнить, как его звали, потому что его имя абсолютно ему не подходило. Он выглядел как Фридрих или Томас, а на самом деле имя у него было какое-то совершенно невыразительное.

— Вмешательство — это загрязнение сюжета игры вашей собственной повесткой. Вы должны следовать за детьми. Сюжет игры должны определять они. Ваша задача заключается исключительно в создании поведенческого контекста для развития их воображения, а не вашего. Настоящий игровой ассистент невидим.

Далее он пустился в перечисление различных видов игр: кинестетических, жестко-контактных, сюжетно-ролевых, игр с правилами и так далее.

— Неужели все так необходимо препарировать

на мельчайшие части? — прошептал жонглер ей на ухо; выговор у него оказался на удивление аристократический. — Почему мы так любим все и всегда категоризировать и интеллектуализировать?

— И вправду, — воодушевленно закивала Лидия, хотя на самом деле наслаждалась этой частью презентации, ретроспективно анализируя свои детские игры и рассортировывая их по новым категориям.

— Начинающим игровым ассистентам сложнее всего пассивно наблюдать за жестко-контактными играми, — объяснил координатор (Саймон, вот как его звали). — Нас всех учили, что такие игры необходимо пресекать, потому что они агрессивны и небезопасны. Однако для детей это один из важнейших способов проработать свои чувства. Когда только начинал, я сочинил для себя небольшую считалочку: «Контактная игра — вмешаться не пора?» Я повторял ее про себя десять раз, и, если к этому моменту мне все еще было некомфортно, я вмешивался.

«Контактная игра — вмешаться не пора?» — застучало в голове у Лидии.

Считалка и в самом деле была привязчивой.

— А теперь я хочу, чтобы каждый из вас поде-

лился своим самым ранним воспоминанием о собственном игровом опыте, — сказал Саймон. — По парам с соседями.

Лидия повернулась к Джонасу и немедленно покраснела, поскольку первым, что пришло ей в голову, был сеновал в Мисти-Медоуз: неподвижный послеполуденный воздух и стоны «больших ребят» в центре круга.

— Давай сперва ты, — предложила Лидия Джонасу, надеясь, что ее голос звучит нормально. — Я пытаюсь собраться с мыслями.

Жонглер пустился в долгую историю о том, как он строил какие-то крепости, но Лидия не могла сосредоточиться, потому что думала о холодном стоячем пруде с кусачими черепахами.

— Теперь ты, — сказал Джонас. — Хотя дай угадаю, наверняка у тебя было идиллическое детство в американском пригороде с бейсболом и прочими такими штуками?

— Нет. Спорт — это не про меня, — фыркнула Лидия.

Она принялась лихорадочно рыться в своих детских воспоминаниях в поисках чего-нибудь социально приемлемого.

«Кейп-Код, — подумала она, — можно рассказать про Кейп-Код».

— Мы с семьей каждое лето проводили две недели на Кейп-Коде или в Корн-Хилле. Это место высадки пилигримов, где они украли у индейцев кукурузу. Место рождения американского империализма. — При упоминании империализма жонглер оживился, и Лидия заговорила увереннее: — Мы с ребятами все лето играли в одну игру. Она начиналась буквально с той минуты, когда я вылезала из нашей машины в Труро, и продолжалась без перерывов до тех пор, пока две недели спустя я не садилась в машину, чтобы ехать обратно. Мы изображали из себя вампаноагов — это племя, которое жило на Кейп-Коде. Мы собирали всякие растения и ягоды, а потом делали из них зелья и красители. Наверное, это было то, что Саймон назвал «глубокой игрой», потому что весь остальной мир для нас на это время практически переставал существовать.

Подробностей этой игры она сейчас восстановить не могла, но отчетливо помнила, что на эти две недели ее ОКР магическим образом проходило, как будто соленый морской воздух очищал тело и сознание.

— Наверное, наша миссия заключалась в том, чтобы изменить историю. Сейчас, если задуматься, это кажется слегка нездоровым — бремя

белого человека и все такое, — но нашим прогрессивным родителям нравилось. Они видели в этом доказательство, что они все-таки не превратились в яппи.

— Моя сюжетно-ролевая игра, к сожалению, вполне укладывалась в рамки традиционных воззрений, — засмеялся Джонас.

Лидия ухмыльнулась, стараясь не слишком таращиться на его аристократические черты. Она сильно подозревала, что среди его не слишком далеких предков затесался какой-нибудь лорд. Кто еще мог позволить себе стать странствующим жонглером?

— Пора снова собраться вместе, — объявил Саймон.

Остаток дня прошел достаточно приятно. Они обсуждали, когда следует вмешиваться в игру (правильный ответ был «практически никогда»), когда риск слишком опасен (тоже практически никогда), а также что делать с задирами (выбор был невелик).

— Дети в большинстве случаев разбираются со всем самостоятельно, — настаивал Саймон. — Без внешней структуры, как в школе и дома, они куда менее жестоки, чем можно предположить.

Лидия с трудом удержалась, чтобы не фырк-

нуть. Дети никогда не были менее жестокими, чем можно было от них ожидать, а их методы решения проблем были изощренными и пугающими. Она до сих пор не знала, швырнул ее тогда Дуб в пруд или нет.

В конце дня Лидия отправилась в туалет, а когда вернулась, все остальные уже разошлись. Она выглянула в окно и увидела, что Джонас заворачивает за угол в обнимку с хорошенькой художницей-граффитисткой в хипстерских очочках. Приподнятое настроение, владевшее ею все утро, куда-то испарилось. Она устала, ей отчаянно хотелось домой, ее пугал этот чужой город, отделенный океаном от ее детской комнаты и отца.

— Повзрослей уже, — произнесла она вслух в пустой аудитории.

Потом вытащила карту и попыталась запомнить ее, чтобы не выглядеть на улице как туристка.

У нее ушло сорок пять минут на то, чтобы отыскать обратную дорогу в квартиру с понедельной оплатой, найденную на «Крэйглисте». Квартира была пустая и унылая, зато там имелся старинный газовый счетчик, в который надо было вставлять монетки, и ей казалось, что она перенеслась в прошлое. Она по-турецки уселась на

полу в полупустой комнате и принялась поедать чипсы, пытаясь определить, грустно ей или нет. Но поскольку поговорить было не с кем, понять это было сложно.

Надо было чем-то занять время до отхода ко сну. Можно было позвонить домой, поговорить с Леоном и подтвердить, что ей ужасно одиноко, а можно — пошарить по шкафам и шкафчикам, представляя себя археологом в поисках следов прежних обитателей. Она посмотрела на нескончаемый ряд цифр в коде телефонной карты для международных звонков, потом вложила ее обратно в кошелек и принялась методично обшаривать квартиру. После нескольких бесплодных минут она обнаружила в одном из шкафчиков бутылку вина с откручивающейся крышкой, прятавшуюся за пачкой овсянки быстрого приготовления. Остаток вечера она провела в сравнительном довольстве, прихлебывая приторно-сладкое вино из кружки с отбитой ручкой и вставляя шестипенсовики в счетчик, пока у нее не закончились монетки. Тогда, слегка опьяневшая и страдающая от сушняка, она отправилась спать.

На следующий день, кроме них с Саймоном, никто не пришел. Сегодня он не стал делать

ирокез и выглядел как чересчур восторженный интеллектуал. Лидия решила, что он ей нравится. Внимательное чтение валлийских шахтерских песен было отнюдь не худшей темой для диссертации.

— Иди играй, — сказал он, указывая на раскисшую от дождя площадку. — Если возникнут вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

Были летние каникулы, так что к десяти утра слякотный склон уже кишел промокшими ребятишками. Они скатывались с горок, забирались на деревья, даже пытались разводить костры — к счастью, без особого успеха, потому что все вокруг было мокрое. Один крошечный мальчик умудрился забраться в старую покрышку, и его товарищ закатил его на гору, а потом оттуда столкнул. Покрышка ухнула вниз по склону, стремительно набирая скорость.

«Контактная игра, вмешаться не пора?» — принялась повторять Лидия про себя, чтобы подавить подступающую панику, и к десятому разу ей стало совершенно ясно, что спасать малыша не требуется. Он в целости и сохранности докатился до подножия и, выбравшись из покрышки, издал торжествующий клич. А потом принялся толкать покрышку обратно в гору под нетерпеливые

крики своего товарища: «Теперь я, теперь я!»

Справа от нее компания девочек помладше под импровизированным навесом играла мятыми кастрюльками и сковородками.

— Что вы делаете? — поинтересовалась Лидия у анемичного вида белой девочки с очень грязными светлыми волосами.

— Варим зелья! — отозвалась крошечная чернокожая девочка. — Можешь помочь, если хочешь.

Она протянула Лидии погнутую поварешку с видом, не оставлявшим никакого сомнения в том, что она делает той одолжение.

«Приглашение в игру», — отметила Лидия про себя.

— С удовольствием, — произнесла она вслух.

Следующие несколько часов она провела, упоенно собирая камешки, палочки и прочие совершенно необходимые вещи, которые поручали ей найти девочки. К концу дня она узнала несколько крайне важных фактов: маленькая чернокожая девочка была в компании заправилой, ее звали Глория, и она была немножечко тираншей.

— Ты ученица, — объяснила ей Глория. — Если всю неделю будешь очень-очень стараться, то, может быть, тоже сможешь стать ведьмой.

«Почему все и всегда хотят, чтобы я была ведьмой?» — подумала Лидия.

На краткий безумный миг у нее промелькнула мысль, не олицетворяет ли эта девочка некое мистическое послание от Луизы, потому что она долгие месяцы ждала его со смесью страха и надежды. Но потом Глория черенком поварешки почесала комариный укус на тыльной стороне ноги, и Лидия пришла в себя.

— Ладно, — сказала она малышке, которая повелительно смотрела на нее (настолько повелительно, насколько это под силу человеку, балансирующему на одной ноге). — Я смиренно прошу тебя принять меня в ученицы.

Остаток недели прошел в приятном сыром тумане. По утрам они с Саймоном осматривали площадку на предмет опасностей, собирая битые стекла и забивая торчащие гвозди. Однажды она нашла использованный шприц и неожиданно для себя самой спокойно натянула резиновые перчатки и без особой помпы выбросила его в контейнер для медицинских отходов, который они держали именно для таких случаев. А во второй половине дня она играла. Она помогала самым маленьким мальчикам закатывать покрышки на гору, варила зелья, бдительно (и

незаметно, очень надеялась она) присматривала за начинающими пироманами, держа наготове ведро с водой. К четвергу она решила остаться еще на неделю.

— Если вы, конечно, не будете против? — уточнила она у Саймона в служебном сарайчике на вершине холма.

— Мы любим тебя, Лидия, — сказал он. — Оставайся, сколько захочешь.

— Смотрите, как бы вы не пожалели о своем приглашении, — пошутила она.

— Никогда, — засмеялся он.

А вот вечера ее, наоборот, были ужасны — одинокие, обсессивные, с чрезмерными количеством красного вина и практически несъедобными ужинами, которые она разогревала на плитке. Она проводила целый день, перемазанная грязью, землей, копотью, а однажды даже сырой нефтью, не моргнув даже глазом, однако, стоило ей вернуться домой, как она немедленно чувствовала себя испачканной. Она по часу стояла в душе, навлекая на себя гнев всех соседей, которые оставляли под ее дверью пассивно-агрессивные записки, а потом пила, пока не засыпала, даже не почистив зубы.

Все остальные сотрудники жили своей жиз-

нью и редко приглашали ее куда-нибудь выйти. Саймон только что съехался со своей подружкой и был занят витьем гнездышка и написанием диссертации, которая, как выяснилось, была посвящена истории детских площадок. Жонглер время от времени появлялся в обществе своей очкастой художницы, а потом снова исчезал. Лидия пыталась заставить себя куда-то выбираться по вечерам, тратить свою стипендию, но дождь, который ничуть не мешал ей, когда она играла с детьми, после работы всегда почему-то становился непреодолимым препятствием. И потом, ей нужно было покупать билеты на самолет и обдумывать, куда она отправится дальше.

Каждый вечер после двух бокалов вина Лидия выдергивала из розетки телефон и, подключив к ней ноутбук, целую вечность ждала, чтобы подсоединиться к интернету. Но никакие билеты она не покупала, хотя по плану ей уже давным-давно полагалось быть в Палестине. При мысли о покупке билетов в Израиль у нее начинало сводить живот. Вместо этого она смотрела распадающееся на пиксели порно, снова и снова давая себе слово, что не станет гуглить все те же самые давнишние фотографии кибуца. И каждый раз, позорно сдавшись, все-таки делала это, а

потом до боли в глазах всматривалась в каждую пикселизированную фотографию цветущего сада в поисках неопровержимых следов матери. Но ничего не находила. Луизы нигде не было.

Но как бы ужасны ни были вечера, дни неизменно были великолепны. Они напоминали ей те летние дни на Кейп-Коде.

В последний понедельник августа Саймон поманил ее к себе в сарайчик на вершине холма.

— В эти выходные в социальном доме неподалеку от площадки произошло групповое убийство, — сказал он, то и дело дергая себя за волосы и озабоченно хмурясь. — Дети будут взбудоражены всем этим. Делай все, что в твоих силах, чтобы помочь им переработать свои переживания. Мы, конечно, не психологи и не социальные работники, но игра способна творить чудеса.

Девочки, любительницы варить зелья, были явно расстроены, а их игры стали откровенно пугающими, и чем дальше, тем сильнее. Они больше не были добрыми ведьмами; они по очереди травили друг друга, а потом планировали пышные похороны, целыми днями сооружая гробы из веток и листьев.

Каждый день они долго спорили, тщательно выбирая, кто умрет, а кто будет горевать. После

этого одна девочка ложилась, изображая из себя покойницу, а все остальные выли и комкали платочки — лоскутки из кучи тряпья для «нарядов». Лидия внимательно наблюдала за ними, делая себе мысленные пометки, и понимала, что впервые за все время действительно выполняет условия своей Уотсоновской стипендии.

— Твоя очередь! — объявила Глория в первую пятницу сентября.

— Нет, спасибо, — сказала Лидия, испытывая чувство вины за то, что отказывается от приглашения в игру, и жалея, что она не невидимка.

Перспектива лежать в могиле, пусть и понарошку, совершенно ее не прельщала.

— Твоя очередь! — повторила Глория, топнув ногой.

— Ладно, — с неохотой уступила Лидия.

Сценарий был ей знаком. Она уселась вместе с другими девочками за импровизированный стол и стала делать вид, что пьет чай из щербатой фарфоровой чашки. Потом она послушно схватилась за сердце и, страшно хрипя, повалилась набок на листья. Там она лежала с закрытыми глазами, пока девочки совещались, как поступить с мертвой великаншей. Они хотели оттащить ее на заболоченный пятачок, где устраивали все предыдущие

«похороны», но Глория, неизменно практичная, убедила их вместо этого соорудить гроб прямо вокруг распростертого на земле тела Лидии. Они натащили откуда-то деревяшек и обложили ими Лидию, точно какие-то протоплотники, а поверх на удивление прочного каркаса свалили куски картона и прочий мусор. Лежа с закрытыми глазами и слушая, как они работают, Лидия испытывала какое-то странное умиротворение.

— Нам пришлось так поступить, — объясняла Глория девочкам. — Она была злая великанша. Она съела бы нас на ужин.

Девочки согласно кивали головами. Разве могли они спорить с логикой Глории? Они же не хотели, чтобы их съели на ужин.

Минут через десять, а может, через два часа — Лидия утратила всякое ощущение времени — Глория ткнула Лидию ногой.

— Перевернись на спину, великанша, — велела она.

Лидии не хотелось поворачиваться, но она подчинилась, по-прежнему не открывая глаз. Она думала о своей мумифицированной матери на большой белоснежной постели в маленьком домике посреди пустыни.

— Пора начинать, — сказала Глория и приня-

лась нараспев читать какие-то исковерканные обрывки фраз из стандартной погребальной службы: — Дорогая усопшая великанша, пепел к пеплу, прах к праху.

Девочки торжественными голосами повторяли за ней, потом одна за другой начали выть. Лидия лежала с закрытыми глазами. Все это было частью сценария. Она успела поучаствовать уже в десятке таких «похорон» — собирала цветы и бросала их на «могилы». Эти самые похороны представляли собой какую-то невразумительную мешанину, дорогая усопшая была одновременно поверженной противницей (великаншей, вампиршей, гоблиншей и так далее) и любимой подругой. В надгробных речах злорадство завораживающим образом сочеталось со скорбью. Каждый день Лидия возвращалась домой и занималась тем, ради чего сюда и приехала, выдавая на-гора страницу за страницей полевых записей.

Лидия почувствовала, как на ноги посыпалась земля, оторвав ее от мыслей о полевых заметках и способах, которыми дети выражали свои психологические травмы.

— Пепел к пеплу, прах к праху, — нараспев выводили девочки своими пронзительными детскими голосками.

Это была какая-то безумная интерпретация «Макбета».

— Дорогая усопшая великанша, пепел к пеплу, прах к праху, — повторяли они снова и снова, засыпая распростертое тело Лидии землей.

Потом они принялись забрасывать ее листьями, заполняя гроб. Комок земли угодил ей в подбородок, запорошив рот и нос. Она не могла дышать, но и пошевельнуться почему-то не могла, ее словно парализовало, поэтому она лежала неподвижно, чувствуя, как лиственный покров ползет вдоль ее тела вверх, точно вода, просачивающаяся в шлюпку.

— Прощай, великанша, — произнесла Глория, бросая огромную охапку листьев Лидии на лицо.

В нос ей ударил запах тлена. Сердце заколотилось.

«Все в порядке, — принялась уговаривать она себя. — Я справлюсь. Контактная игра, вмешаться не пора?»

Но то, что случилось дальше, стало для нее полной неожиданностью: четыре пары ног наступили на нее, и четыре девичьих голоса затянули:

— Мертвая великанша, мертвая великанша лежит в могиле. Мертвая великанша, мертвая великанша лежит в могиле.

Лидия попыталась пошевелиться, но не смогла найти опору. Все вместе девочки весили почти двести фунтов.

«Контактная игра — вмешаться не пора?» — повторила она про себя.

Но беда была в том, что она не могла вмешаться. Не могла. Собственное тело казалось ей слабым, как будто она уже превратилась в скелет, как будто у нее совсем не осталось мышц.

«Интересно, моя мать уже превратилась в скелет? — задалась вопросом Лидия. — Или на ее костях еще осталась плоть? Какие святые твари поедают трупы в Святой земле?»

Она почувствовала, что по лицу ползет какое-то насекомое, и, в панике замахав руками, сбросила с себя листья и уселась, так что девочки полетели кувырком.

— Вы что, совсем спятили? — заорала она, хватая ртом воздух. — Вы ненормальные?

Она выпрямилась во все свои пять футов два дюйма и нависла над ними.

Девчонки шарахнулись от нее и захихикали, но она увидела на их лицах настоящий страх, и это доставило ей радость.

Глория, разумеется, пришла в себя первой. Как обычно.

— Это великанша-зомби! — закричала она. — Она воскресла из мертвых!

Лидия тоже умела устраивать безумную мешанину.

— А это чтобы удобнее было кусать тебя, дитя мое! — прорычала она и оскалила зубы, которые на ее чумазом, с потеками от слез лице выглядели особенно белыми.

Девочки бросились врассыпную, но она оказалась проворнее и, ухватив их за руки, повалила всех в кучу на ворох влажных листьев.

«Контактная игра, — повторяла она про себя, — вмешаться не пора?»

А потом она укусила Глорию за руку. Совсем легонько, скорее даже прикусила, а не укусила, но тем не менее. Рукав Глории пах прокисшим молоком. Лидия принялась жевать его, издавая негромкий горловой рык. Ей вспомнилось, что в детстве она постоянно жевала рукава, и манжеты всей ее одежды вечно были влажные и замусоленные. Это сводило мать с ума. «Прекрати сосать рукава!» — рявкала она.

— Прекрати сосать рукава! — произнесла она страшным голосом зомби-великанши. — Рукава не соси, иди играй в грязи!

Она скандировала, отбивая ритм ладонями по

бедрам и повторяя эту фразу. Девочки немедленно подхватили, и вскоре все уже скандировали страшными голосами зомби-великанш: «Рукава не соси, иди играй в грязи! Рукава не соси, иди играй в грязи!»

Некоторое время спустя все успокоились и, лежа на листьях, стали смотреть на деревья.

— Мы все теперь зомби-великанши? — спросила Глория.

— Да, — отозвалась Лидия. — Я вас всех перекусала. Мы теперь все зомби-великанши.

Глория с серьезным видом кивнула, переваривая информацию.

— А мы добрые или злые? — поинтересовалась она.

— И то и другое. Иногда добрые, иногда злые, а иногда добрые и злые одновременно.

— Ясно, — сказала Глория.

— Но теперь мы не можем умереть. Так что больше никаких похорон, понятно?

— Больше никаких похорон, — кивнула Глория.

Тем же вечером Лидия написала в Уотсоновский стипендиальный комитет, что отказывается от денег.

«Я решила остаться в Англии, — написала

она. — У меня есть квартира с обогревателем, куда надо вставлять монетки, а кто в наше время может таким похвастаться? Я чувствую себя путешественницей во времени, к тому же это учит меня бережливости. А еще здесь, в Манчестере, я зомби-великанша, иногда жестокая, но по большей части добрая. И другие зомби-великанши привязались ко мне и не переживут без меня эту зиму. Так что возвращаю вам чек. Пожалуйста, отдайте эти деньги кому-нибудь, не обремененному грузом магических обязанностей».

Но разумеется, она не отослала это письмо, потому что мир — ужасное место, в котором бюрократы ничего не понимают в магических обязанностях. Завтра утром она напишет им что-нибудь трезвое и рациональное, что-то вроде: «В свете моей недавней утраты я не способна выполнить условия моего Уотсоновского года». Они заберут деньги, но у нее есть счет в банке, на котором лежат в ожидании своего часа деньги от Луизиной страховки. Лидия останется здесь как минимум до весны. Она поможет им продержаться эту зиму.

Сны Леона
2001–2005

После того как они похоронили Луизу в песчаной почве кибуцного кладбища, Леону начал сниться один и тот же кошмар. На нем был старый отцовский коричневый костюм, тот самый, в котором отец ходил на собеседования в последнее лето своей жизни. Он был мятый и пах потом, одеколоном и отчаянием. На галстуке было пятнышко от присохшего яичного желтка, оставшееся с того утра, когда в том ужасном знойном июле отец, торопливо завтракая, случайно вывернул яичницу на свою единственную приличную чистую рубаху.

Каждую ночь Леон оказывался на улицах Тель-Авива в отцовском костюме сорокалетней давности и галстуке с присохшим яичным желтком. Он точно знал, куда идет, что казалось ему странным — даже во сне. Он знал, что направляется в Министерство смерти за Луизиным прахом. Даже во сне он понимал, что это бред, что она похоронена в кибуце. Но в то же самое время знал, что ее прах лежит в пронумерован-

ной картонной коробке в Министерстве смерти и что одно и другое верно одновременно. А самое важное, он знал, что это Министерство смерти — место одинокое и бюрократическое, из тех, что Луиза ненавидела, и он должен освободить ее от этой пронумерованной коробки, и быстро, пока ее не отправили на вечное хранение в подвал.

Сегодня, как и во все остальные ночи, Леон завернул за угол и внезапно очутился прямо перед Министерством, вызывающе несредиземноморским зданием, куда больше напоминающим советскую бетонную коробку. Он ослабил узел галстука, потому что ему было трудно дышать и он весь взмок; его свежий пот мешался с застарелым отцовским.

Он поднялся по ступеням и, открыв массивную входную дверь, очутился в огромном величественном вестибюле, где царило ужасающее запустение. Сводчатые потолки были расписаны портретами сионистов-первопроходцев в банданах и джинсовых комбинезонах — этакая израильская пародия на Сикстинскую капеллу. В воздухе пахло затхлостью. Хотя вокруг не было видно ни души, до него долетело эхо шагов, разносящееся под величественными сводами.

Леон дошел до центра вестибюля (он был отме-

чен звездой Давида) и принялся озираться вокруг, чтобы сориентироваться. От вестибюля во все стороны расходились сотни извилистых коридоров, делая здание похожим на цветок, сотворенный каким-то спятившим богом. Указателей нигде не было. Коридоры были помечены числами, но в самих числах не просматривалось никакой закономерности. Каждую ночь его охватывала острая тоска по Флашингской библиотеке его юности, где стеллажи были скрупулезно организованы в соответствии с десятичной классификацией Дьюи.

Он сунул руку в карман и достал листочек бумаги, на котором был записан Луизин шестизначный идентификационный номер — 476203. По форме и на ощупь он был точно такой же, как листочки из китайских печений с предсказаниями. Министерство казалось шумным и притихшим одновременно: лязгали на линолеуме колесики тележек, на каких библиотекари перевозят книги, но Леон, даже не видя их, откуда-то знал, что они нагружены коробками с прахом. По пути он наткнулся на одну такую брошенную без присмотра тележку и хотел поискать там Луизу, но, стоило ему подойти поближе, как откуда-то вдруг появился мужчина и рявкнул на него на иврите,

так что Леон поспешно отступил.

Он все шел и шел, переставляя ноги в такт звучанию номера «476203». Эта часть сна всегда занимала больше всего времени, и, когда в четыре утра он просыпался, у него было чувство, будто он провел годы, блуждая по коридорам. Чем дольше он петлял по бесконечным закоулкам и чем дальше заходил, тем сильнее охватывало его отчаяние. В какой-то момент он начинал слышать громкое тиканье отцовских часов, как будто держал их у самого уха. И с каждым механическим щелчком сердце у него билось быстрее и быстрее, потому что он знал: если не успеет найти Луизу, она отправится в подвал на веки вечные и будет обречена жить в бюрократическом чистилище.

Проблуждав так целую вечность, он каким-то образом оказывался перед ящиком и интуитивно понимал: она там. Каждую ночь, когда он открывал ящик, номер на боку коробки совпадал с тем, что был нацарапан на листочке у него в кармане. И тем не менее — и это была та часть сна, которая не давала ему покоя, когда он просыпался, — он должен был убедиться, что внутри именно она, и убедиться в этом можно было только одним способом; во всяком случае, никакого другого он не знал. Каждую ночь он без колебаний вскрывал

коробку и осторожно выбирал кусочек кости. Потом несколько раз постукивал им о стенку коробки, чтобы стряхнуть пепел, и отправлял в рот, словно причащаясь. И только после того, как кость оказывалась у него на языке, надежно скрытая во влажной пещере его рта, он понимал, что это и в самом деле Луиза, потому что это был ее вкус: ее пота, ее слюны и да — ее манды. (Она сама всегда предпочитала называть ее именно так, хотя Леон конфузился и предлагал более мягкие термины.) Но здесь, посреди этого безымянного коридора, держа во рту фрагмент кости своей жены, Леон не конфузился и не колебался. Он начинал с силой посасывать ее и каждую ночь испытывал внезапную, почти болезненную эрекцию. И тогда, изнемогая от возбуждения и стыда одновременно, он закрывал коробку и начинал идти.

Потом все вокруг во сне резко менялось, и он оказывался снаружи, на тель-авивских улицах, под жгучим пустынным солнцем, по-прежнему с Луизиной костью во рту. В логике его сна еврейский ритуал почему-то требовал, чтобы он спиной вперед дошел до океана. И он шел, держа коробку с прахом перед собой, точно торт, а внутри у него, в его расплавленном солнцем мозгу,

как будто была встроенная карта Тель-Авива. И каждую ночь через несколько минут такой ходьбы он неизменно поскальзывался, угодив пяткой в какую-то выбоину, и падал навзничь. Коробка вываливалась из рук и раскрывалась, и Луизин прах высыпался на мостовую. И тогда он, по-прежнему в старом отцовском костюме, принимался на четвереньках ползать по асфальту, собирая пепел и куски костей и рассовывая их по карманам. Потом поднимался и продолжал спиной вперед двигаться к океану.

Дойдя до пляжа, он скидывал старые отцовские туфли и пальцами ног стягивал носки, после чего продолжал свой путь спиной назад. И когда его пятки оказывались в океане, впервые за всю мучительную вечность сна его на мгновение охватывала чистая, беспримесная радость.

Но как только ступни целиком оказывались в воде, он понимал, что это вовсе не Средиземное море, а Мертвое и он прошел через весь Израиль спиной вперед с прахом, рассованным по карманам. И поскольку это было Мертвое море, он не погружался под воду, а болтался на поверхности, а его карманы, набитые прахом, упрямо всплывали.

В конце концов он открывал глаза и обнаружи-

вал, что окружен кольцом других тел, которые колышутся на воде головами к центру, ногами наружу, как в какой-нибудь тщательно выстроенной сцене из музыкальной постановки Басби Беркли[36].

«Луиза терпеть не могла мюзиклы, — думал он каждую ночь. — Она переплевалась бы от отвращения».

Потом он вспоминал, что в детстве слышал, будто Мертвое море такое соленое, что можно сидеть на воде, читая газету. Тогда он садился, и все его двойники — другие седеющие кудрявые мужчины, все до единого в старых коричневых костюмах покойных отцов — садились тоже. Он опускал взгляд и обнаруживал, что держит в руке газету, почти не мятую, и в глаза ему немедленно бросался крупный заголовок: «Жена отправляет мужу сообщение из могилы». Под заголовком был помещен зернистый снимок их дома в Рокленде, сделанный с воздуха. Но как только он пытался поднести газету поближе к глазам, чтобы получше рассмотреть фото, кольцо его двойников

[36] Примечания: 36

Басби Беркли (1895–1976) — американский кинорежиссер и хореограф, известный постановками масштабных костюмированных танцевальных номеров с большим числом участников и неожиданными перестроениями их по принципу калейдоскопа.

начинало кружиться, как будто увлекаемое в глубину внезапно возникшим водоворотом. Эта воронка и его самого начинала засасывать под воду, хотя он до последнего старался держать газету над головой в вытянутых руках, чтобы уберечь эту фотографию, это сообщение. Однако каждую ночь он неизбежно переворачивался вверх тормашками и шел ко дну, чувствуя, как в ноздри заливается морская вода, потому что губы он крепко сжимал, чтобы защитить косточку, которую все держал во рту. А потом, когда уже начинал захлебываться, он просыпался, задыхающийся, весь в поту, в их постели в пригороде. В одиночестве.

Через несколько недель сон начал метастазировать, отклоняясь от стандартного сценария. Однажды ночью Леон нашел коробку с номером «476203» и стряхнул пепел с косточки, но, когда положил ее в рот, это оказалась не Луиза. Он выплюнул ее и еще долго боролся с подкатывающими к горлу спазмами, держа наготове белый носовой платок, который отец всегда носил в заднем кармане, но так и не смог избавиться от тошнотворного вкуса чужого тела, который намертво въелся в рот.

На следующую ночь он пропустил уже ставший

привычным предварительный этап и очутился в Отделе ошибочно идентифицированных лиц, где накричал на болезненного вида, с землистым лицом, клерка, который шикнул на него, приложив костлявый палец к губам, после чего принялся выставлять перед ним одну коробку с прахом за другой, точно спятивший продавец обуви. Как Леон ни протестовал, настаивая, что должен быть какой-то иной способ, ему пришлось по очереди поместить в рот несколько десятков припорошенных пеплом фрагментов костей, однако Луизы среди них так и не обнаружилось. Это была самая ужасная ночь.

В другой раз он добрался до океана, но оказался там в одиночестве, без странных декораций в духе Басби Беркли и без газеты. Он снял костюм и стал смотреть, как брюки и пиджак уплывают вдаль, а карманы, набитые прахом, вопреки всякой логике покачиваются на поверхности воды, точно поплавки. Он лег на спину и, закрыв глаза, позволил средиземноморскому солнцу поджаривать его тело.

Зато на следующую ночь он так и не добрался до океана, а много часов подряд бродил по коридорам с пустой коробкой в руках, двигаясь на дребезжание библиотечной тележки. А однажды

Луиза не снилась ему аж целый месяц, и, когда он вновь очутился в коридорах Министерства смерти с осколком Луизиной кости во рту, вместо того чтобы испытать отчаяние, он едва не разрыдался от облегчения.

Несколько раз он сидел, поджав ноги, в Мертвом море, и какая-то небесная официантка приносила ему блокнот с ручкой и ключ к шифру, и он принимался расшифровывать послание от Луизы, приведенное в газетной статье, не обращая внимания на солнце, нещадно поджаривавшее его спину.

«Леон, — обращалась к нему она, — когда не можешь найти свои ключи, они обычно в корзине для грязного белья в заднем кармане последней пары брюк, которую ты надевал».

Как-то раз небесная официантка вручила ему зажженную свечу, и Леон, осторожно балансируя на поверхности воды, нагрел газету на огне, и на листе проступило тайное сообщение, написанное невидимыми чернилами. Он склонился пониже, едва не бултыхнувшись в воду, но увидел лишь все шестнадцать невразумительных куплетов из песни «Лили, Розмари и Червовый Валет»[37] о

[37] Примечания: 37

«Лили, Розмари и Червовый Валет» (Lily, Rosemary and the Jack of Hearts) — баллада Боба Дилана (1974).

потворстве своим желаниям.

«Мне казалось, ты терпеть ее не могла», — подумал он за миг до того, как макнуться лицом в воду и кувырком пойти ко дну.

Однажды он поднялся по ступенькам Министерства смерти и не смог обнаружить дверную ручку. Массивная министерская дверь была неестественно гладкой, как живот без пупка.

В другой раз он открыл коробку номер 476203, положил в рот осколок кости и с абсолютной уверенностью понял, что это его собственное тело. Он выплюнул кость, и она, подскакивая, покатилась по полу. Звук эхом заметался по коридорам, отражаясь от стен, по которым начали разбегаться трещины — в итоге все здание раскололось, как яичная скорлупа, аккуратно рухнув вокруг него. Леон остался стоять, голый, в полном одиночестве, беззащитный, посреди этого мира, в котором больше не было Луизы и который простирался вокруг него во все стороны, насколько хватало глаз. Он ненавидел каждый его пустой квадратный дюйм.

Часть шестая
2008–2011

К черту гетеронормативность?
2008

Все последние годы Лидия каждое лето уезжала из Провиденса, как только заканчивались занятия в университете, — прыгала в самолет до Манчестера, едва были проведены все семинары и выставлены годовые оценки. Саймон обыкновенно приглашал ее куда-нибудь выпить в первый же вечер, однако в этом году на то, чтобы выкроить в своем напряженном графике время поужинать с ней, у него ушло аж три недели. Она сильно подозревала, что он избегает ее, потому что опять вернулся к своей подружке, Эвелине, с которой они то сходились, то разбегались вновь.

Лидия, как обычно, минут на десять опоздала и не сразу отыскала в толпе посетителей Саймона. Когда-то она могла опознать его затылок с расстояния в пятьдесят футов, теперь же его сложно было отличить от других таких же профессионалов за тридцать, уткнувшихся в телефоны.

— Привет, — сказала она, коснувшись его плеча, и уселась за столик напротив него.

Она скучала по его ирокезу и очкам в толстой

роговой оправе, благодаря которым он становился похож на интеллектуала эпохи шестидесятых, способного горячо обсуждать «Битву за Алжир»[38] с другими такими же интеллектуалами, забаррикадировавшись где-нибудь в университетском здании.

— Привет, — отозвался Саймон, и лицо его на мгновение просветлело, но при объятии его тело было напряжено, и он поспешил отстраниться.

Когда они оба вновь устроились в своих плетеных креслах, Лидия произнесла тоном, который должен был прозвучать шутливо, но на самом деле прозвучал укоризненно:

— Да уж, тебя поймать — та еще задача.

— На работе страшный завал. — Саймон иронически пожал плечами. — Тяготы жизни бюрократа.

— Да уж, ты теперь большой махер, — заметила Лидия.

— Ты же знаешь, я не понимаю твоих идишских словечек, — огрызнулся Саймон, удивив Лидию, потому что обыкновенно находил ее идишизмы очаровательными.

— Большая шишка. Понятно по контексту, —

---

[38] Примечания: 38

«Битва за Алжир» — историческая кинодрама режиссера Джилло Понтекорво (1966).

огрызнулась она в ответ.

Саймон потер лоб своими длинными изящными пальцами.

— Да, наверное, я в самом деле немножко махер, — согласился он. — Я правильно произнес это слово?

Лидия кивнула, все еще не до конца отойдя от обиды. Они принялись вежливо болтать о его координаторской работе в Британской ассоциации игровых площадок, о том, как продвигается ее диссертация, и о внутренней политике на социологическом факультете Брауновского университета.

— Научные руководители заставляют меня сузить тему, — сказала она. — Мне хотелось изучать все и сразу, но ты же знаешь научный мир. Пришлось выбрать очень конкретную тему, так что теперь я пишу про строительство крепостей и домиков как способ преодоления травмы у детей беженцев. Как они, утратив свой дом, конструируют идею о нем через сюжетно-ролевую игру.

— Не слишком узкая тема, — заметил Саймон, и от его одобрения Лидии стало тепло.

— Это и в самом деле очень интересно. Я провожу большую часть времени с одной девочкой по имени Лила. Она из Судана. Когда она была

маленькой, на их дом ночью напали солдаты. Ее отца убили. Мать изнасиловали. Это совершенно жуткая история, и теперь она каждый день строит домики в том секретном месте на площадке, за пятачком, где девочки варят свои зелья. Ну, помнишь, рядом со старым дубом?

Саймон кивнул. Он помнил это место. Разумеется, он его помнил. Впервые они поцеловались после восьмичасового рабочего дня под дождем именно там. Оба замерзли и промокли. Его губы были на вкус как дождевая вода. Когда они добрались до его квартиры, их прикосновения друг к другу оставляли на бледной коже по всему телу грязные отпечатки.

Саймон кашлянул.

— Ну и как ей удаются эти шалаши?

— Просто прекрасно, — сказала Лидия, радуясь возможности перестать думать о сексе с Саймоном. — Она строит крепкие домики из палок, картонок и железяк. Даже украшает их цветами, а потом, как только достроит, сразу же рушит. Даже не забирается внутрь. Такое впечатление, что ей отчаянно необходимо безопасное место, но она считает, что его не существует.

Принесли еду, прервав их разговор, и между ними вновь воцарились неловкость и отчуждение.

Саймон смотрел в стол и аккуратно подравнивал приборы. У него всегда была склонность упорядочивать вещи, когда его одолевало беспокойство. Лидия глянула на свой салат нисуаз, и ей стало тошно от перспективы провести остаток вечера, болтая о всяких пустяках вместо того, чтобы поговорить начистоту.

— Ты три недели упорно меня избегал, а теперь мы сидим как чужие. В чем дело?

Саймон подправил нож и вилку в соответствии с какой-то своей логикой, которую она не улавливала.

— Просто скажи, — не отступала Лидия. — Я не хрупкая фиалка.

Хотя, положа руку на сердце, она была хрупкой фиалкой, и он это знал.

— Мы с Эвелиной женимся, — промямлил он.

— Ого, — сказала Лидия, пытаясь ничем не выдать своих эмоций. — Быстро вы. Когда мы с тобой в последний раз говорили, вы были даже не вместе.

Он продолжал пристально разглядывать содержимое своей тарелки.

— У нас будет ребенок.

— Ничего себе новости. — Лидия обхватила голову руками.

— Прости, Лидия, — сказал он и потянулся накрыть ее руку своей, но завис в нерешительности, не понимая, ждет она от него утешения или нет.

— Все нормально, — сказала она. — Ты ничего мне не должен.

Но ее слова были неискренними. Он ведь ей обещал! Или она просто вообразила себе, что это неизбежно — после того, как они многие часы, дни, месяцы подряд совместно заботились о чужих детях? Нет, она отчетливо помнила, как они лежали в постели, ее голова покоилась на его груди, и они строили планы, как купят захудалый домик где-нибудь в деревне и будут вместе растить выводок диких и добрых ребятишек.

Лидия распрямилась и, залпом проглотив бокал вина, стала ждать, когда по телу разольется тепло.

— Наверное, — произнесла она, решив, что ей все равно, выставит она себя дурой в его глазах или нет, — я всегда в глубине души думала, что мы в конце концов будем вместе.

— Я тоже так думал, некоторое время, — признался он честно.

От этого ей почему-то стало еще больнее. Она почувствовала на затылке обжигающее дыхание их совместных диких почти-детей.

— И что же изменилось?

Она ненавидела себя за трясущийся голос. Горку салата в ее тарелке венчало яйцо пашот, дрожащее и уязвимое, и она с ненавистью всадила в него вилку.

— Мне тридцать лет, — произнес он устало и обреченно. — Я скоро стану отцом. И у меня кредит на машину. Мне нужно быть взрослым, а как быть взрослым рядом с тобой, я не знаю.

Лидия откинулась на спинку стула, разглядывая его. В его словах была доля правды. Тот Саймон в очках и с ирокезом, каким она его помнила, был умным и хорошим, но поразительно незрелым. Однажды он появился на пороге ее квартиры весь в крови и осколках стекла после панковского концерта. Ей пришлось, заставив его нагнуться над помойным ведром, вычесывать стекло у него из волос.

«Пожалуйста, не говори никому!» — взмолился он, цепляясь за ее джинсы, пока она выковыривала осколки из его скальпа, и она согласилась, потому что ей нравилось быть хранительницей его секретов и каталогизировать его шрамы и опрометчивые решения.

С другой стороны, они же были взрослыми вместе. Они практически вдвоем тянули игровую

площадку для травмированных детей. Они даже вели вдвоем отчетность в «Экселе», и если уж это была не взрослость, то она не знала, что такое взрослость.

Нет, все это чушь собачья. Он просто не хочет быть взрослым с ней.

— Ой, только не надо мне лапшу на уши вешать, — сказала Лидия.

Его глаза умоляли ее: «Пожалуйста, не усложняй все еще больше». Но она была не из тех, кто облегчает другим их задачи.

— Ты что-то от меня скрываешь.

Он с размаху опустил на стол стакан с водой.

— Вот почему, — прошипел он. — Вот именно поэтому. От тебя нет никакого спасения.

Саймон закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Лидия, — сказал он не без теплоты в голосе, — ты умная, у тебя невероятное чувство юмора, и я мало встречал настолько творческих людей, как ты, но твой мозг постоянно гудит. Это как громкий шум, который я слышу беспрерывно. А мне после работы хочется просто прийти домой и отключить все мысли. А Эвелина…

Он помолчал, явно раздираемый конфликтом лояльности.

— С Эвелиной просто, — произнес он так тихо,

что Лидии пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

Она попыталась решить, насколько сильно ее задели его слова, и мысленно ощупала себя, ища эмоциональные травмы, хотя и понимала, что они дадут о себе знать позже. Как с глубоким порезом — сперва ты совсем ничего не чувствуешь, и лишь двадцать секунд спустя понимаешь, что придется накладывать швы. Она посмотрела на Саймона — на его подтянутое, аккуратное тело, на тщательно отутюженную рубашку, которая даже в такую жару сохраняла безупречный вид. Она с трудом узнавала эту версию его. Он даже пах по-другому. На секунду она увидела себя его глазами: заморочную, несдержанную, не признающую никаких границ Лидию неизменную — ту, какой она всегда была и всегда будет, бесконечно прокручивающую, прокручивающую, прокручивающую в мозгу одну мысль за другой. Это было утомительно. Она была утомительна.

— Все в порядке, я все понимаю, — произнесла она, торопливо поднимаясь, чтобы не расплакаться у него на глазах.

— Лидия, не уходи, — сказал Саймон, но они оба понимали, что он это неискренне.

Те несколько секунд, что она шла через кон-

дицонированный зал ресторана, показались ей выходом в открытый космос, холодный и бесконечно пустой, — и, очутившись на улице, где горячий и влажный воздух коконом объял ее тело, она испытала облегчение. По дороге домой она не могла отделаться от чудовищных мыслей о ребенке Саймона и Эвелины; мыслей, которые она не решалась полностью сформулировать даже в собственной голове из опасения, что магия все-таки существует и пожелания зла могут исполниться. Ее накрыло нестерпимое желание иметь ребенка, ошеломляющее своей безжалостной остротой, неприкрытое, откровенно эгоистическое. Совершенно первобытное, нутряное, выворачивающее наизнанку. Вспомнилось, как отчаянно ей хотелось к маме в Мисти-Медоуз. Как она надеялась, что Луиза появится и заберет ее из того амбара, укроет под своим мягким синим плащом. Только теперь Лидии хотелось быть не под плащом, ей хотелось быть плащом.

Где-то на задворках ее сознания шелохнулась мысль, но Лидия отказывалась впускать ее внутрь. Стоит ли винить Саймона за то, что он не готов сделать ставку на ее дефектную ДНК? За то, что не хочет растить детей в одиночку?

«Сгинь», — приказала она мысли и повторяла

это слово снова и снова всю дорогу домой по жаре, до тех пор, пока эта мантра не вытеснила из ее головы саму мысль.

Вернувшись к себе в квартиру, она улеглась в бугристую постель и стала мечтать. Она представила их с Лилой в том захудалом домишке на природе. И крепость, занимающую весь палисадник. Она была даже красивее, чем шалаши, которые Лила сооружала на детской площадке. Они стояли перед ней, держась за руки.

— Ну, ты готова войти внутрь? — спросила Лидия Лилу в своей мечте.

Лила кивнула, и они вместе вошли в крепость. Стены и крыша были увиты цветущей ипомеей, так что внутри царил зеленоватый полумрак, и, запрокинув головы, они смогли разглядеть лишь крошечные пятачки синего неба.

На следующий день после ужина с Саймоном, плетя гирлянды для очередного домика Лилы, Лидия не смогла удержаться от вмешательства в игру, нарушив разом правила этнографического исследования и игровой практики. «Прекрати вмешиваться», — сказал бы Саймон, будь он здесь, но его здесь не было. «Прекрати изображать из себя психолога», — сказал бы ее научный руководитель, будь он здесь, но его тоже здесь

не было.

— Я тут подумала, — произнесла Лидия, — может, нам устроить в твоем домике чаепитие?

С утра она пробежалась по всем окрестным антикварным лавкам, и в конце концов ей подвернулся подходящий флакончик из голубого стекла с пробкой и несколько щербатых чашек с блюдцами. Теперь она вытащила все это из своего рюкзака.

— Тут неподалеку есть родник, который обладает магическими защитными силами, — поделилась Лидия, повторяя прямиком за Луизой. — Вот я и подумала, может, мы с тобой сходим к этому роднику и наберем воды вот в эту бутылочку? А потом побрызгаем водой вокруг домика, и он станет самым безопасным местом на всей площадке, даже во всем Манчестере! И устроим чаепитие.

Лила любила все красивое, а голубенький флакончик поблескивал в лучах солнца, искушая ее. Она протянула руку и благоговейно взяла его.

— Ладно, — согласилась девочка.

Держась за руки, они спустились к ручью. На берегу Лила присела на корточки и, набрав во флакончик воды, с серьезным и торжественным видом закупорила его пробкой. Лидия изо всех сил старалась не думать обо всей той дряни,

которая плавала в этом постиндустриальном ручье. Покончив с этим, они двинулись вверх по заболоченному склону обратно к дубу, под которым Лила обыкновенно сооружала свои домики. Вдвоем, почти в полной тишине, они закончили строительство небольшого шалаша и украсили его гирляндой из цветов, вплетя их между ветками.

— Ты мне поможешь? — спросила Лила, протягивая Лидии флакончик.

— Конечно.

Лидия медленно обошла шалаш по кругу три раза спиной вперед, тщательно разбрызгивая «священную» воду. Опуская взгляд, она почти ожидала увидеть сильные и изящные Луизины пальцы, держащие голубой флакончик, вместо своих коротеньких, больше похожих на обрубки.

Когда флакончик опустел, Лидия взяла Лилу за руку, и они вдвоем вошли внутрь, где совершили самое краткое чаепитие за всю историю человечества, потому что, едва присев, Лила тут же вскочила и пошла крушить творение их рук. Она даже позвала пироманов, чтобы те подожгли обломки. Лидия все равно засчитала себе маленькую победу, глядя, как тлеет сплетенная ею гирлянда из одуванчиков.

На протяжении последующих нескольких недель она усердно прочесывала местные антикварные лавки и блошиные рынки, выискивая жемчужинки: изящные ложечки, заварные чайнички из тончайшего фарфора, оловянные сливочники, филигранные подносы. Каждый день они проводили в шалаше все больше и больше времени, и три недели спустя Лила смогла продержаться аж пять минут.

— Я горжусь тобой, малышка, — сказала Лидия Лиле, когда они вдвоем яростно раскурочивали очередную постройку.

Лила застенчиво улыбнулась, продемонстрировав щербинку между передними зубами. Лидия обожала эту улыбку. Это была самая ее любимая из всех улыбок Лилы, которые она в своих полевых дневниках начала документировать и разбивать на категории.

В выходные Лидия пошла в гости к Сильвии, которая по-прежнему работала в издательстве: редактировала женские любовные романы, местами граничившие с мягким порно. Как обычно, устроившись с бутылкой вина на террасе на крыше, они смотрели на город, болтали, делились друг с другом секретами и строили грандиозные пьяные планы.

— Он сделал Эвелине ребенка?! — ахнула Сильвия, когда Лидия сообщила ей свои новости.

— Угу, — отозвалась та. — А еще сказал, что я слишком заморочная, и он хочет жениться на Эвелине, потому что с ней просто.

— Прямо так и сказал? Миляга Саймон?

— Не такой уж он и миляга, — отозвалась Лидия. — Сказал, что ему пора остепениться, обзавестись детишками и выплачивать кредит за машину.

— Да пошел он к черту, — возмутилась Сильвия. — Вместе со своей гетеронормативностью и кредитом на машину.

— Беда в том, что я хотела растить с ним детей.

Они некоторое время молчали, прихлебывая вино, погруженные каждая в свои мысли.

— У нас на площадке есть одна девочка, — произнесла Лидия негромко. — Ее зовут Лила, я подумываю ее удочерить.

— Для этого тебе не нужен Саймон, — отозвалась Сильвия. — Это ты вполне можешь сделать и в одиночку. Или мы могли бы удочерить ее вдвоем. Из нас получились бы отличные родительницы. Купили бы маленький домик где-нибудь в глуши. Ты писала бы свою диссертацию. Я редактировала бы из дома своих героев-любовников.

Ты забабахала бы рядышком какую-нибудь свою безумную площадку.

— Из нас действительно вышли бы отличные родительницы, — подхватила Лидия, втягивая Сильвию в свою воображаемую картинку, на которой они с Лилой стояли в палисаднике перед домом.

— Мы с тобой в отношениях дольше, чем с кем-либо еще, — заметила Сильвия, подливая себе вина.

— Зачем заводить ребенка практически с первым встречным, если я могу завести ребенка с тобой? — кивнула Лидия.

Вот только Саймон не был первым встречным, и они обе прекрасно это знали.

— Вот именно, — кивнула Сильвия. — К черту гетеронормативность. Расскажи мне об этой девочке.

Они растянулись на крыше и, взявшись за руки, попытались разглядеть звезды, хотя здесь, в городе, световое загрязнение было слишком сильным. Лидия принялась рассказывать Сильвии про Лилу, про строительство крепостей, про пироманов и про магическую воду.

— Кажется, ты изрядно ее луизировала и леонизировала, — заметила Сильвия.

— Прямо и не знаю, комплимент это или оскорбление, — рассмеялась Лидия.

— Комплимент, — сказала Сильвия. — Мне нравится, что ты сложная.

— Он сказал, что мой мозг постоянно гудит.

— Твой мозг постоянно гудит. За это я тебя и люблю.

Они спустились с крыши и, вернувшись в спальню, вдвоем свернулись калачиком на кровати, хотя поклялись, что не будут больше так делать после того, как закончат колледж. Последней мыслью Лидии, перед тем как она уснула, было: «Серьезно, к черту гетеронормативность».

На следующее утро, оставив Сильвию в постели, слегка похмельная Лидия поехала обратно в Манчестер. В воскресенье Сильвия могла поспать подольше, а на площадке в этот день было больше всего народу, к тому же за сутки Лидия уже успела соскучиться по Лиле. В ожидании поезда она заскочила в маленькое станционное кафе и купила для Лилы круассан. По воскресеньям бесплатных угощений на площадке не было, а Лидия беспокоилась, что Лила недоедает — с таким энтузиазмом та каждый раз накидывалась на посредственные крекеры с сыром и залежалые чипсы.

Добравшись до площадки, Лидия обвела взглядом вечно раскисший пейзаж в поисках Лилы. Вездесущие мальчишки катались с горки в покрышках, новое поколение зельеварительниц вдохновенно лепило куличики, а пироманы жгли что-то синтетическое, с едким запахом. Лилы нигде видно не было.

Лидия подошла к дубу и обнаружила кучу веток на месте разломанного шалаша, оставшуюся еще с пятницы. Она заглянула в сарайчик, который служил офисом, высматривая среди кип бумаг, ведер и лопат кого-нибудь из игровых ассистентов.

— Ты не видел Лилу? — спросила она у спины одного из младших коллег, который искал что-то в шкафу.

Барретт (так, кажется, его звали) вынырнул из шкафа с охапкой ведер и изоленты в руках.

— Ой, — произнес он, — а тебе что, никто не сказал?

— Что мне никто не сказал?

— Она переехала в Лондон. Ее мать положили в больницу, так что она будет жить в семье дяди.

— Временно? — спросила Лидия, пытаясь не выдать своего отчаяния.

— Думаю, постоянно. Так будет лучше для

нее. — Он вгляделся в ее лицо, пытаясь понять причину ее смятения. — Она была так важна для твоего исследования?

— Что-то вроде, — сказала Лидия. — Мне нужно подписать разрешение на использование данных. У тебя есть ее адрес?

— Не думаю.

Лидия убрала со стула кипу бумаг и, тяжело опустившись на сиденье, засунула в рот почти весь купленный для Лилы круассан целиком.

— У тебя все в порядке? — забеспокоился Барретт.

— Да, все нормально, — с набитым ртом произнесла Лидия. — Я вчера немного перепила, вот и все.

Может, связаться с кем-нибудь из социальной службы и попросить их передать этому, очень хотелось бы надеяться, доброму дяде, что Лила любит гирлянды из цветов и магические заклинания? Набрать в бутылочки воды из ручья и отправить ей по почте?

Лидия рассеянно стряхнула с одежды крошки.

— Ты не против, если я пойду домой? Ты тут один справишься?

— У меня все под контролем, — одобрительно махнул он рукой.

— Да, кстати, — произнесла она, разворачиваясь. — Сходи-ка посмотри, чем там заняты пироманы. Кажется, они жгут какую-то химию.

По пути домой у нее завибрировал телефон. Это была Сильвия.

— Привет, — невыразительным тоном произнесла Лидия, даже не пытаясь скрыть поражение, но Сильвия, обыкновенно такая проницательная, на сей раз ничего не заметила.

— Слушай, — сказала она, — когда мы с тобой вчера пили, я забыла кое-что сказать.

— Что? — спросила Лидия без особого интереса.

Сильвия немного помолчала.

— Мы с Дэвидом решили съехаться, — призналась она.

— А как же «к черту гетеронормативность?» — спросила Лидия, не зная, то ли смеяться, то ли плакать.

Ну разумеется, Сильвия съезжается с Дэвидом, так же как Саймон женится на Эвелине. А она чего ожидала?

— Просто вдвоем снимать квартиру намного дешевле, — принялась оправдываться Сильвия, — и потом, мы с ним уже год встречаемся, а противостоять грузу общественных ожиданий

очень сложно.

— В последнее время я, кажется, то и дело о них спотыкаюсь. По всей видимости, я сложная, а общественные ожидания — простые. Такое впечатление, что, как только люди приближаются к тридцатнику, их генетический код внезапно меняется и их перестает интересовать все, кроме дешевых квартир и кредита на машину.

— В глубине души всем хочется безопасности, — сказала Сильвия, слегка ощетинившись. — Ты же сама целыми днями строишь шалаши с детьми. Разве эта потребность у нас не в крови?

— Не надо читать мне лекций по социобиологии, Сильвия. Да, они строят шалаши, но в половине случаев потом сами же их сжигают. Не надо делать вид, что твои решения продиктованы биологией.

Сильвия начала было спорить, но быстро сдалась.

— Если тебя это порадует, я, возможно, была бы куда счастливее, живя с тобой, чем с Дэвидом.

— Меня это не порадует, — огрызнулась Лидия. — Меня это, наоборот, огорчит. Да, кстати, Лила переехала в Лондон, в семью дяди. Скорее всего, я никогда больше ее не увижу.

— Мне очень жаль, Лидия. Но может, для нее

так будет лучше.

— Может, — буркнула Лидия, с внезапным стыдом осознав, что все это время думала исключительно о собственных потерях, а не о благополучии Лилы.

«К тому же тут налицо синдром белого спасителя во всей красе».

— Просто… — произнесла Лидия очень тихо и села на край тротуара, не заботясь о том, что выглядит как психически неуравновешенный человек. — Просто у меня такое чувство, что все находят себе пару и отправляются жить свою взрослую жизнь, а я остаюсь никому не нужной. Я не хочу оказаться той, кому не хватило стула, понимаешь?

Она посмотрела на свои грубые фиолетовые сандалии, стоящие на канализационной решетке, потом пересчитала металлические прутья (их было четыре) и рефлекторно оглянулась по сторонам в поисках еще трех групп из четырех предметов. Сильвия что-то говорила, пытаясь убедить Лидию, что по-прежнему ее любит, но Лидия уже не слушала. Она насчитала четверых мужчин в очках, четыре чахлых одуванчика, растущих на краю тротуара, четыре скомканных целлофановых пакетика из-под чипсов, валяю-

щихся на обочине. Ее мозг неудовлетворенно загудел. Она начала все заново.

— Эй, ты там? — забеспокоилась Сильвия.

— Угу, — неопределенно отозвалась Лидия, поднимаясь и начиная двигаться в сторону дома в рваном ритме, потому что ее гудящий, сложный, заморочный мозг требовал от нее делать по четыре шага за один раз.

— Неужели это худшее, что может случиться с человеком?

— Что именно? — спросила Лидия, отвлекаясь, потому что заметила на светофоре четыре синие машины.

— Конвенциональный склад личности.

Стоя перед переходом в ожидании, когда загорится зеленый, Лидия сделала шестнадцать шагов на месте.

— Давай я перезвоню тебе попозже, — сказала она. — Сейчас я считаю. Наш разговор сбил меня со счета, и теперь мне придется возвращаться на четыре квартала назад.

— Что, сегодня у тебя все должно быть по четыре?

Лидия не была уверена, должно ли количество слов в ее речи тоже быть кратно четырем, поэтому, прежде чем ответить, на всякий случай

произвела быстрые подсчеты в уме.

— Да, все должно быть по четыре или кратно, — сказала она, довольная тем, что ей удалось уложить свой ответ в математическое правило этого утра.

— В скольких ты кварталах от дома? — спросила Сильвия деловито, мгновенно переключившись в режим максимальной эффективности.

— Э-э… в шести, — отозвалась Лидия, беспокоясь о том, что в ее ответе оказалось только два слова, но, пока она переставляла ноги и пересчитывала предметы группами по четыре, это, похоже, ни на что не влияло.

— Нет, этак ты никогда до дома не доберешься, — заключила Сильвия. — Хочешь, я построю для тебя альтернативный маршрут?

— Да, пожалуйста.

Лидия дрожащим голосом назвала Сильвии свое точное местоположение, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться от облегчения.

— Так, ладно, значит, все должно быть кратно четырем, — сказала Сильвия (в трубке слышно было, как включился ноутбук, потом защелкали клавиши). — Мне придется руководить тобой по телефону. Если ты вернешься назад и там, где начинается район социальной застройки, повер-

нешь налево и обойдешь его по кругу, выйдет ровно двадцать четыре квартала.

Сильвия была единственным человеком в мире, кроме Леона, который принимал логические правила вселенной Лидии и действовал в соответствии с ними. Но Сильвия не являлась ее родственницей, она не обязана была и дальше это делать. Леону некуда было деваться от ее гудящего мозга, а вот Сильвия могла в любой момент решить, что с нее хватит, в особенности если Лидия будет и дальше вести себя как ненасытная пиявка. «Я не могу ее потерять», — промелькнула паническая мысль.

— Я знаю, что не должна постоянно просить тебя это делать, — виноватым тоном произнесла Лидия. — Мне давно пора купить айфон и оставить тебя в покое.

— Но если ты купишь айфон, мы не сможем совершать наши созависимые прогулки до дома.

Лидия рассмеялась, испытывая прилив горячей благодарности к Сильвии, тем более что, судя по ее веселому тону, она говорила вполне искренне.

— Мои планы съехаться с Дэвидом ничего не меняют. Созависимы, пока смерть не разлучит нас.

— Созависимы, пока смерть не разлучит нас, —

эхом отозвалась Лидия.

— Клянешься на мизинчиках? — спросила Сильвия.

— Клянусь. — Лидия несколько раз согнула и разогнула мизинец прямо посреди улицы, нимало не заботясь о том, видит ее кто-нибудь или нет.

— Ладно, — сказала Сильвия, — а теперь мне нужна твоя помощь с одной проблемой. Если я прочитаю хотя бы еще одну книгу, в которой будет фраза «вздыбленное естество», я застрелюсь. Мне нужно составить для моих авторш перечень альтернативных эвфемизмов для обозначения эрегированных пенисов.

Лидия расхохоталась.

— Я совершенно серьезно, — настаивала Сильвия. — Это самая настоящая, серьезная проблема, которая отравляет мне жизнь, потому что у меня дурацкая работа.

— Хорошо, можешь на меня рассчитывать, — отозвалась Лидия.

Всю оставшуюся очень долгую дорогу до дома они с Сильвией оживленно обменивались идеями. Какая-то часть ее испытывала облегчение, как будто все вновь было как прежде. Однако в глубине души, где-то очень-очень глубоко, Лидия

знала, что скоро все изменится. Это был лишь вопрос времени. Неизбежно наступит воскресенье, когда она позвонит Сильвии, чтобы попросить о помощи, а Сильвия не возьмет трубку, потому что они с Дэвидом будут в ресторане, или она будет менять ребенку подгузник, или ей просто будет не до Лидии. Лидия же была социологом, и если за все эти годы она что-то вынесла из своих семинаров и полевых наблюдений, так это то, что в конце концов, как бы они ни сопротивлялись, все так или иначе возвращаются на круги своя.

Лидиола
2009

В детстве Леон называл ее Лидиолой, и подростком она ненавидела это имя, потому что оно звучало, как название какого-нибудь старушечьего цветка, вроде герани. «Ты не забывал поливать лидиолы, пока я была в Боке?» Теперь же, лежа без сна ночами, она находила в этом прозвище странное утешение.

Судороги — судя по всему, это были именно они — начались несколько недель назад. В них не было ровным счетом ничего драматического. Изо рта не шла пена, ей не грозила опасность подавиться собственным языком. Честно говоря, выглядели они не слишком впечатляюще: ее торс на протяжении всего нескольких секунд слегка подергивался туда-сюда под одеялом. Они вели себя благопристойно, даже деликатно, тактично случаясь исключительно дома, когда она в одиночестве лежала в постели. Не судороги, а образец хорошего вкуса.

Начиналось все с ощущения растущего напряжения в животе. Собственная брюшная полость

представлялась ей пещерой, медленно наполняющейся загадочной солоноватой субстанцией. И когда она наполнялась этой темной бархатистой жидкостью настолько, что уже почти готова была лопнуть, ее руки принимались молотить, точно мельницы, и молотили, молотили, молотили все быстрее и быстрее, пока эта мутная вода не отступала. Тогда Лидия ненадолго вновь становилась нормальной девушкой с недописанной диссертацией и горой недочитанных книг, лежащей в постели в университетском городке, а потом волна накатывала вновь, и все шло по кругу. Когда в животе начинало нарастать давление, она предпочитала думать о себе как не о Лидии, а как о Лидиоле, потому что цветы не дергаются и не страдают от приступов или припадков. Цветы не молотят по кровати непослушными руками и ногами.

«Я не мельница, — думала она про себя. — Я Лидиола».

И тем не менее она неизбежно становилась мельницей.

В холодном свете дня все это казалось абсурдным, надуманным, бредовым.

«Если судороги случаются в лесу, где никто их не видит, закорачивает мозг или нет?»

Однако ее тщательно настроенная система отрицания очевидного развалилась в начале февраля, когда в Провиденс приехала Сильвия — залечивать разбитое сердце после разрыва со скучным (не таким уж и скучным) Дэвидом.

— Я пустила всю свою жизнь под откос, — сказала она. — Слава богу, у меня есть ты!

С этими словами она плюхнула свою сумку Лидии на кровать.

— И долго ты собираешься у меня жить? — спросила Лидия осторожно, потому что, разумеется, Сильвия не собиралась садиться ей на шею.

— Только до тех пор, пока не соберу свою жизнь обратно в кучку, — ответила та и, забравшись под одеяло, немедленно уснула.

Поначалу все шло неплохо. Тело Лидии вело себя достаточно прилично — ну, может, время от времени у нее что-то где-то простреливало по ночам, но разве это не было нормально? Разве у всех перед сном разок-другой не подергивались руки или ноги? И потом, Сильвия спала как убитая. Но Лидия все равно старалась на всякий случай лежать как можно более неподвижно, когда у нее случались эти судороги/не-судороги.

«Если у тебя случаются судороги, когда ты лежишь рядом со своей лучшей подругой, и она не

просыпается — но все равно существует вероятность, что она проснется, увидит это и испугается, и тогда ее страх отразится в тебе, и ты поймешь, что это все по-настоящему, — может, у тебя на самом деле вовсе и не было никаких судорог?»

Однажды ночью в конце февраля ее руки-мельницы принялись выбивать на постели такой зубодробительный ритм, что Сильвия даже проснулась — ну или вроде того.

— Что происходит? — закричала она слишком громко.

— Ничего. — Лидия замерла.

— Я промахнулась мимо двери? — спросила Сильвия, и Лидия выдохнула с облегчением, потому что та на самом деле все еще спала.

— Куда ты идешь? — спросила Лидия.

Это была одна из тех вещей, которые она обожала в Сильвии: ее склонность произносить посреди ночи сюрреалистические монологи, которые, хоть и следовали грамматическим правилам нормальных разговоров, были совершенно невразумительны.

— Я же тебе говорила, — произнесла Сильвия. — Мы забронировали номер в космическом отеле в Трубкозубе, в Амстердаме.

Лидия улыбнулась, но ее умиление очень

быстро сменилось чем-то таким, что она могла определить только как зависть. Даже во сне Сильвия жила жизнью, полной безграничных возможностей. Когда же Лидия наконец забывалась сном после часа или двух молотьбы руками, сны были унылыми и обыденными, словно даже ее бессознательное не могло позволить себе фантазий о будущем.

— Сильвия, — произнесла она, протянув руку и касаясь плеча подруги, чтобы убедиться, что та спит. — Мне кажется, у меня оно тоже есть. Мне кажется, оно проявляется. Мне кажется, оно началось.

Дыхание Сильвии было мерным и протяжным. Лидия не могла решить, разочарована она или рада, что Сильвия ее не слышала.

Она начала ронять вещи. Поначалу это была всякая ерунда — ничего существенного или невосстановимого: тарелка из комиссионки, почти неубиваемая металлическая миска со вмятиной, которую легко было скрыть. Но потом однажды утром рука у нее неожиданно отнялась, и она выронила кружку Сильвии с надписью «Не королева бала», которую та зачем-то притащила с собой из Лондона.

— Твою мать, Лидия! — выругалась Сильвия,

когда кружка разлетелась на куски, залив горячим кофе кухонный линолеум и ее пижамные штаны с фламинго.

— Прости, — сказала Лидия, морщась. — Прости, пожалуйста.

— Ладно, со всеми бывает, — отозвалась Сильвия, отлепив мокрые штаны от тела и бросив на Лидию обеспокоенный взгляд, который та предпочла проигнорировать.

А потом скрывать стало уже невозможно. Лидия подергивалась, когда они, свернувшись калачиком на диване, пересматривали «Баффи»; бутылки с водой и ключи от машины выскальзывали у нее из рук; вилка с грохотом падала на дешевые тарелки во время ужинов, которые Сильвия начала готовить каждый вечер — якобы чтобы компенсировать то обстоятельство, что она не платила за квартиру, но Лидия подозревала, что ею двигал какой-то извращенный, очень в духе Леона, инстинкт исцелить ее посредством чечевицы.

— Что с тобой происходит? — спросила Сильвия однажды вечером, когда Лидия перевернула миску с черными бобами.

Она попыталась произнести это небрежным тоном, но обе на него не купились.

— Не знаю, — пожала плечами Лидия. — Скорее всего, ничего серьезного. Переутомление, недосып, вечная нехватка денег. Обычная аспирантская жизнь.

— Брось, Лидия. Не надо вешать мне лапшу на уши. Я о тебе беспокоюсь.

— Беспокойся лучше о себе и своей неудавшейся жизни! — огрызнулась Лидия. — У меня все в полном порядке. Это тебе негде жить.

— Ой, — поморщилась Сильвия. — Ты хочешь, чтобы я съехала? Я могу съехать. Поживу у родителей.

Охваченная раскаянием, Лидия взяла Сильвию за руку.

— Нет, что ты! Я не хочу, чтобы ты съезжала. — Она устремила взгляд на бобы, горкой высящиеся на столе из «Икеи». — Но не могла бы ты перестать квохтать надо мной, как Леон?

Сильвия хотела возразить, но Лидия вскинула ладонь, которая, к счастью, не тряслась, и в упор посмотрела на нее.

— Я пока еще не готова, — сказала она просто. — Хорошо?

Сильвия некоторое время молчала, потом кивнула:

— Хорошо.

И все было хорошо — до тех пор, пока Сильвия, предательница чертова, не позвонила Леону. Во всяком случае, было очень похоже, что она это сделала, потому что он начал оставлять Лидии по четыре-пять сообщений в день. Впервые за всю свою жизнь она стала избегать его, потому что он принялся бы задавать вопросы, записывать ее к врачам и мотаться из Нью-Йорка в Провиденс. И самое важное, потому что он стал бы поминать Луизу. А Лидия не хотела думать о матери. Ни о какой ее ипостаси. Ни о счастливой полупьяной Луизе, восседающей в гостиной и раскуривающей косяк на троих с Полом и Леоном; ни об отчаянно хрупкой Луизе, прячущей трясущиеся руки под столешницей и лежащей в остывшей ванне кто знает сколько времени (прямого ответа на этот вопрос она Лидии так и не дала); и уж точно ни о завернутом в саван трупе на кровати в Израиле. Нет, Лидия хотела преподавать студентам свой курс введения в социологию, читать научную литературу и делать вид, что в жизни у нее все хорошо и стабильно.

Так все и продолжалось на протяжении марта и части апреля, пока однажды в четверг рука у нее не начала дергаться прямо на лекции, ящерицей заскользив по кафедре. «Шурх-шурх-тук-тук», —

выбивала дробь ее рука, а потом на ужасающий миг скрючилась, превратившись в клешню, но тут же расслабилась вновь, и Лидия понадеялась, что ей все это померещилось. Студенты смотрели на нее с изумлением. Лидия тоже посмотрела на собственную руку с изумлением и продолжила говорить, как будто ничего не произошло. «Если будешь делать вид, что это нормально, они посчитают, что это нормально», — сказала она себе. Остаток дня предательская рука вела себя прилично — до тех пор, пока уже вечером, когда Лидия сидела в кабинете у своего психотерапевта, не затрепыхалась у нее на коленях перепуганной птахой.

«Если будешь делать вид, что это нормально, она посчитает, что это нормально», — сказала себе Лидия с надеждой, понимая, однако, что доктора Марчетти обвести вокруг пальца будет не так просто, как студентов.

— А это что такое? — тут же осведомилась доктор Марчетти.

Лидия пожала плечами, точно ершистый подросток, но потом раскололась, как обычно делала через несколько минут терапевтической игры в молчанку.

— Возможно, — произнесла она ровным то-

ном, — у меня появились кое-какие незначительные неврологические симптомы.

Доктор Марчетти вскинула тщательно выщипанные брови.

— Может быть, — с надеждой в голосе продолжала Лидия, — у меня просто старая добрая истерия. Я готова рассказать вам все, что вы хотите знать о моем детстве. Вылечите меня.

Психолог пожала плечами в дорогой шелковой блузке.

— Вам не кажется, что доктор Фрейд был несколько наивен? — (Лидия находила аргентинский акцент доктора Марчетти бесконечно очаровательным.) — Чего только стоит одна его идея, что, сказав о чем-то вслух, можно заставить это исчезнуть. Каким же мистически деструктивным младенцем он был!

Они еще немного помолчали, пока Лидия воображала Фрейда младенцем с трубкой и в подгузнике. «Шурх-шурх, тук-тук», — выбивала дробь ее рука.

— Лидия, — вклинилась в ее мысли доктор Марчетти. — Я думаю, нам необходимо поговорить о ваших симптомах и вашей матери.

— Ну надо же, как быстро пролетело время, — бодрым тоном произнесла Лидия, хотя до конца

сессии оставалось еще десять минут.

— А, у нас сегодня опять избегающий вторник, — не без сочувствия произнесла доктор Марчетти, глядя, как Лидия выписывает ей чек.

По дороге домой правую ступню начало покалывать. Ощущение было настолько странное, что Лидия затруднялась его описать.

— Такое чувство, что я ощущаю ее очертания, — произнесла она вслух, хотя в машине, кроме нее, никого не было.

Когда она проговаривала эти эпизоды, они начинали казаться ей чуть менее пугающими.

— Как будто она обведена черной линией, а все, что внутри, заполнено песком. Но беспокоиться не о чем, — произнесла она бодрым тоном, и собственный голос показался ей настолько фальшивым, что ей захотелось дать себе кулаком в лицо. — Все будет хорошо.

Но когда она проезжала мимо Семнадцатой улицы, в песке внутри ноги внезапно завелись муравьи, и ступня начала подергиваться на педали газа.

— Еще два квартала, — принялась уговаривать она себя. — Еще два квартала.

Поменяв левую ногу на правую, Лидия смогла относительно успешно проехать по узенькой

улочке, застроенной жилыми домами, и свернуть на подъездную дорожку.

— Вот молодчина! — похвалила она себя с той же стерильной снисходительно-бодрой интонацией.

Она вытащила ключи из зажигания, отметив, как прекрасно, без всяких неожиданных выходок повела себя ее рука.

— Молодчина, рука! — произнесла она вслух все тем же до отвращения приторно-лизольным голосом и похромала из гаража в дом, надеясь, что Сильвии там не окажется и не придется объяснять свой новый симптом.

Ее дома не оказалось, поэтому Лидия проскользила по деревянным полам в носках, как в детстве, волоча непослушную ногу за собой. Она не могла решить, на что больше похожа ее ступня — то ли на муравейник, то ли на сетку с пчелами. Наверное, все-таки на муравейник, решила она, но потом ей вспомнились муравьиные фермы, которые в детстве покупала ей мать, а думать о матери она не хотела.

Не успела Лидия добраться до спальни, как телефон завибрировал. «Папа», — вспыхнула на экране надпись. Об отце с его добрыми глазами и агрессивно-обеспокоенными бровями думать

она тоже не хотела, поэтому мешком осела на пол и, закрыв глаза, стала ждать, пока телефон не прекратит вибрировать. Голосовое сообщение было точно таким же, как и все предыдущие: «Малышка, мы с тобой сто лет не разговаривали. Перезвони мне, пожалуйста, моя хорошая. Я люблю тебя, Лидиола».

Муравьи в ступне продолжали деловито рыть туннели и сооружать дворцы и палаццо. Она мысленно приказала им убираться, но они никуда не желали деваться и по-прежнему сновали и копошились, так что она растянулась на полу и принялась тихонько петь им песенку в надежде, что они уснут. «Раз-два-три, раз-два-три, в ряд шагают муравьи. Посмотри, посмотри, в ряд шагают муравьи». Но они продолжали копошиться.

С улицы донесся голос Сильвии — она подходила к дому, разговаривая по телефону и помахивая связкой ключей на пальце.

— Нет, Дэвид, — сказала она; ее слова были отчетливо слышны сквозь открытое окно, заглушая назойливое «раз-два-три» в голове у Лидии. — Я не могу вернуться в Лондон. Лидия больна, я должна остаться здесь и заботиться о ней.

«Нет! — закричала Лидия внутри своей головы муравьям, Сильвии, воздуху. — Нет, нет, нет,

нет, нет!»

Входная дверь распахнулась.

— Что мы сделаем с ужином? — крикнула Сильвия из коридора. — Может, закажем что-нибудь у тайцев? Умираю как хочу красного карри.

— Закажи мне пад-тай, — крикнула в ответ Лидия.

Мобильник снова завибрировал. Папа.

На этот раз он звонил с домашнего телефон. Она представила, как он сидит на деревянной табуретке в центре кухни, наматывая на палец телефонный шнур. Он уже наверняка успел переодеться в махровый банный халат, тот самый, старый и затертый, который носил, сколько она себя помнила. Она почувствовала под пальцами резиновую оплетку шнура. В нос ударил запах готовящейся на плите еды и специй, открытые баночки с которыми стояли на столешнице.

— О черт, — произнесла она, ощущая запах паприки и бульона. — О черт.

Перед глазами встало воспоминание. Лидия попыталась зажмурить их крепко-крепко, но от этого воспоминание стало еще более ярким и отчетливым, будто кто-то спроецировал его на изнаночную сторону ее черепа.

Отец разговаривал по телефону. Только он не

был тогда шестидесятилетним седым мужчиной. Борода у него в воспоминании была все еще рыжая, что означало, что ему было не больше сорока. Мать хлопотала на кухне, спотыкаясь о телефонный шнур. Она опаздывала на вечернюю репетицию квартета и раздраженно гремела посудой. Но отец ничего не замечал, продолжая восседать в центре кухни, — вытягивал очередного пациента из кризиса. Лидия сидела на полу и читала, вечно читала. Внезапно она вспомнила, что это была книга «Убить пересмешника», тем временем сцена обретала все большую четкость. На ужин был гуляш. Им пропахла вся кухня, даже оконные стекла запотели от пара.

— Все готово! — объявила мать, подхватывая зеленую чугунную кастрюлю прихватками, которые Лидия соткала на пластмассовом ткацком станке в четвертом классе. — Лидия, убирай книгу и накрывай на стол.

Лидия неохотно поднялась и поднырнула под телефонный шнур, как вдруг позади нее раздался грохот, и штанины ее джинсов сзади обрызгала горячая жижа.

— Ай! — взвизгнула она в ярости. — Мама!

Она поспешно спустила штаны, которые жгли ей ноги, и, путаясь в штанинах, обернулась к

матери и сердито посмотрела на нее. По полу разливалась река гуляша. Чугунная кастрюля раскололась на части, как треснувшее яйцо. Мать стояла над всем этим разгромом, растерянно глядя на сведенную судорогой правую руку, больше напоминавшую клешню.

— Песок, — бормотала она озадаченно. — Муравьи?

Лидия открыла глаза и устремила взгляд на потолок. «Шурх-шурх, тук-тук», — выстукивала ее рука.

— Песок, — пробормотала она. — Муравьи.

В соседней комнате Сильвия что-то напевала себе под нос. Скучный (не такой уж и скучный) Дэвид ждал ее в Лондоне.

Пришла пора звонить Леону.

— Лидия, милая, я так волновался! — ответил он с первого же гудка.

— Папа, — прошептала она. — Папочка, я уронила гуляш.

Он некоторое время молчал. Лидия ждала, когда до него дойдет смысл ее слов.

— Я уже еду, — произнес он спокойным тоном, как будто ждал этого, как будто уже собрал сумку с самым необходимым для ночевки. — Лидиола, я уже еду.

Оба они прекрасно знали, что будет дальше: звонки генетику, бесконечные анализы в больнице Маунт-Синай, армия реабилитологов и неврологов, команды медсестер в скрипучих туфлях. Сильвия в соседней комнате заказывала ужин. Приедет Леон, и они вдвоем отошлют Сильвию обратно в ее жизнь. Лидия представила десятки Сильвий, несущихся по параллельным трекам где-то в космосе, и на этот раз не испытала зависти. Она помахала им на прощание со своего места на полу. Ей самой, Лидиоле, не суждено больше было оторваться от земли.

Ее отец в Рокленде торопливо грузил сумки в багажник и пристегивался ремнем безопасности. Она чувствовала, как он мчится к ней на своей «субару», как в тот раз, когда в начальной школе она сломала руку, и его оштрафовали за превышение скорости, когда он за ней ехал. Он приедет и возьмет ее за руки. И повторит те же слова, что и всегда. «У тебя есть я, малышка, — скажет он. — Ты не одна. Все будет хорошо».

Только теперь Лидия не была уже такой наивной. Как все хорошие родители, как все хорошие мужья, он был обманщиком — из самых лучших побуждений. Разбитую кастрюлю было уже не склеить. Гуляш было уже не собрать. И пусть он

будет обнимать ее, пока она молотит руками, и разгибать ее скрюченные пальцы, и поворачивать ее к солнцу, как Лидиолу, в его власти, увы, совсем не многое. Чувствуя, как отец спешит к ней, убитый горем, которое летело по шоссе впереди его машины, она вспоминала годы, предшествовавшие отъезду матери: всю эту армию целителей, травников, шаманов, к которым она ездила, пока весь дом не пропах полынью и ароматическими маслами; весь этот гнетущий оптимизм, который загнал мать сперва в затемненную спальню, а потом за океан.

Но Лидия не была своей матерью. Она не сбежит, чтобы умереть в пустыне среди чужих людей и религиозных фанатиков. Она позволит Леону поставить на застекленной террасе больничную кровать и держать ее за руку, пока она будет медленно превращаться в подводное создание, пока от нее не останется ничего, кроме глаз и прозрачной кожи. У нее хватит сил вынести убийственную надежду отца. Уж такую-то малость она обязана ему дать, прежде чем он останется совсем один. Ведь очень скоро ему не к кому будет мчаться в машине по шоссе. Она сделала глубокий вдох и отыскала внутри себя эту доброту.

Она может. Может преподнести ему этот дар, она позволит ему заботиться о ней. С этой мыслью она легла на пол и стала ждать.

Кони-Айленд
2009

Лидия разбирала коробки на чердаке, когда услышала, что приехал отец. Она готова была поспорить, что он отыщет ее не больше чем за минуту, потому что его тревожность действовала как локатор. Иногда ей казалось, что на ноге у нее электронный браслет вроде тех, что надевают на заключенных под домашним арестом. И впрямь, ровно через сорок пять секунд в люке чердака показалась его голова. Он только взглянул на ее лицо и немедленно поднялся выше.

— Что приуныла, красавица?

Лидия закатила глаза:

— Если опустить то обстоятельство, что я умираю от неизлечимой болезни?

Она тут же пожалела о своей резкости, потому что вид у Леона стал совершенно несчастный, и она вспомнила, какое облегчение испытала, когда он примчался к ней в Провиденс.

Ее не уставало поражать, как быстро она распрощалась со взрослой жизнью и вновь очутилась здесь, в своей детской комнатке, словно и

не было этих десяти с хвостиком лет.

— Я просто о тебе беспокоюсь, — сказал Леон.

На чердаке Лидия всегда начинала чесаться. Она поскребла руку и пригнулась, хотя липучка от мух висела больше чем в футе над ее головой.

— Просто выдался паршивый день, — сказала она. — Кроме Сильвии, никто из друзей не знает, как со мной говорить, но все упорно продолжают мне звонить, потому что считают это правильным. Но им так некомфортно говорить о смерти, что в итоге я веду с людьми, которых считала своими близкими друзьями, какие-то совершенно неловкие разговоры ни о чем. И вообще, если еще хоть кто-нибудь посоветует мне отказаться от молочных продуктов и пшеницы, я за себя не отвечаю.

— Они в самом деле тебе это говорят? — рассмеялся Леон.

— Да! Как будто болезнь настигла меня из-за моих пищевых привычек!

— Они хотят, чтобы у твоей болезни была какая-то причина, потому что тогда смогут считать, что с ними ничего не случится.

— Да, пап, я понимаю.

— Что это ты тут делаешь? — спросил он, беря в руки листок с ее домашним заданием по матема-

тике за четвертый класс.

— Не знаю даже. Инвентаризацию провожу.

— Может, тебе стоит сесть за диссертацию? — произнес Леон нарочито небрежным тоном, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Если у тебя не будет никакого занятия, твой мозг сожрет тебя заживо.

Лидия проигнорировала его слова, как и в предыдущие десять раз, когда он это предлагал. Она вскрыла очередную коробку, сунула в нее руку и обнаружила знакомую фетровую фигурку.

— О боже, папа! Смотри, что я нашла!

Она вытащила куклу — лягушонка Кермита в костюме девятнадцатого века и с подрисованной черным маркером бородкой.

— Это же Карл Шмаркс! — ухмыльнулся Леон.

— Да! И вот еще! — Она порылась в коробке и извлекла оттуда куклу с всклокоченными огненно-рыжими волосами. — А это Шмоцкий!

— Давая им имена, мама была совершенно укуренная. Ты же это знаешь?

— Ну это же очевидно. — Она надела Шмаркса на левую руку, а Шмоцкого на правую и посмотрела на их лица. — Мне просто очень хотелось бы, чтобы мои друзья нашли в себе силы быть со мной честными. Вот так.

Она подняла руки с куклами и развернула их лицами друг к другу.

— Шмоцкий, я умираю, — произнес Шмаркс голосом Кермита, — и разверстая бездна наводит на меня ужас.

— Да, и тот факт, что ты умираешь, напоминает мне о том, что и я тоже когда-нибудь неминуемо умру, — отозвался Шмоцкий, который немного напоминал Грувера[39]. — Эта мысль жутко меня пугает, а потому я чувствую себя виноватым и не знаю, что тебе сказать. А еще я все время думаю: «Хорошо, что это случилось с тобой, а не со мной», и я знаю, что ты знаешь, что я так думаю, поэтому я делаю вид, что я ничего такого не думаю, как будто, если я не буду думать об этом так явно, тогда, может быть, ты не догадаешься, что я так думаю. Но мне становится страшно, что ты все равно об этом знаешь, потому что ты ужасно умная, из-за этого мы с тобой и дружим, и потому мне грустно, что ты умираешь. Но я не должен думать о себе, я должен думать о тебе. Черт.

Шмоцкий пристыженно повесил голову.

Она посмотрела на Леона и увидела, что он широко улыбается. Это вывело ее из себя еще

---

[39] Примечания: 39

Грувер — персонаж детской образовательной телепередачи «Улица Сезам».

сильнее. Он всегда больше всего гордился ею, когда Лидия демонстрировала способность видеть гнилую суть человеческих взаимоотношений.

«Он страшно меня бесит, — сказала она Луизе в своей голове. — Я начинаю понимать, почему тебе пришлось бежать из страны».

И, как всегда, когда она пыталась говорить с матерью, ей представились слова, завихряющиеся спиралью и улетающие в космос, пока все до последней буквы не исчезали. А Луиза находилась где-то там, по другую сторону этой лоскутной тьмы.

Леон по-прежнему смотрел на нее с этим своим раздражающим выражением на лице. Где-то в глубине ее души всколыхнулось жестокое желание размазать его, в котором она узнала свою внутреннюю Луизу: взять Шмаркса и произнести от лица Леона голосом Кермита: «Лидия, твоя неизбежная смерть — худшее, что когда-либо со мной случалось. Но где-то очень в глубине души я рад быть кому-то нужным, хотя ни за что в жизни не готов себе в этом признаться. К тому же я зациклился на том, что ты должна закончить свою диссертацию, потому что так мне легче будет принять то, что твоя жизнь трагически оборвется так рано».

Но она ничего этого не сказала, потому что не была Луизой и потому что, когда взглянула на Леона, он больше не улыбался. Его лицо свело в маску беспокойства, которая за эти годы настолько с ним срослась, что, даже когда он не хмурился, его лоб прорезали глубокие морщины.

— Папа, — спросила она неожиданно для себя самой тоненьким голосом. — Как думаешь, что происходит после того, как ты умираешь?

И немедленно пожалела, потому что ей не хотелось вести этот разговор.

— Я не знаю, малышка, — вздохнул Леон.

— Не знаешь или не хочешь мне говорить, потому что считаешь, что это меня напугает? — внезапно ощетинилась Лидия.

Но сейчас в ней говорила Лидия Ершистый Подросток, а не Луиза.

— Не знаю, а любой, кто утверждает, что знает, врет.

— Ладно, допустим, — сказала она. — Но как ты себе это представляешь? Вот, к примеру, где ты представляешь себе маму?

— Я нигде ее особо не представляю. Чувствую, да, но не представляю.

Он стащил с ее руки Шмоцкого и принялся с его помощью демонстрировать разные эмоции. Он

всегда отлично управлялся с куклами — видимо, за это стоило благодарить годы работы в детской психотерапии.

— После того как умер мой отец, я всегда представлял его бродящим зимой по Кони-Айленду.

Лидия рассмеялась. Порой она забывала, что отец у нее такой же ненормальный, как и мать.

— Это был рай или ад?

— Наверное, и то и другое сразу. Можно есть хот-догов, сколько захочешь, но и бешеные собаки тоже водятся. А ты где ее представляешь?

Она уклонилась от ответа на этот вопрос, потому что не хотела ни с кем делить эту теплую утешительную темноту.

— Мы с тобой прямо как два первокурсника. — Лидия кивнула на груды старых школьных тетрадок. — Я уберу весь этот хлам обратно. Но этих двух чудиков оставлю.

Она стащила с руки Леона Шмоцкого.

— На ужин закажем китайщину? — спросил он.

Обе куклы согласно кивнули. Леон осторожно полез по лестнице вниз.

Хотя последние несколько дней руки у Лидии почти не тряслись, она решила на всякий случай за ужином обойтись без палочек. Они с Леоном

устроились на разных концах дивана каждый со своим контейнером. Леон предложил посмотреть новый сезон «Клана Сопрано».

— Его психотерапевт ведет себя непрофессионально и неправдоподобно, — в тысячный раз возмутился Леон.

Лидия закатила глаза, глядя, как он сражается с пультом дистанционного управления, хотя показывала ему, как им пользоваться, по меньшей мере раз десять. Наконец ему удалось нажать на «паузу», и он обернулся к ней.

— Я тут подумал, после нашего разговора — может, нам с тобой съездить на экскурсию в Квинс и на Кони-Айленд? Проветриться. Прокатимся по моему старому району. Покажу тебе, где я вырос.

— Давай, — отозвалась Лидия, насаживая на вилку брокколи. — Почему бы и нет?

Больше заняться ей все равно было нечем, и, хотя она ни за что не созналась бы в этом, собственный мозг жрал ее заживо.

Всю дорогу до города Леон оживленно болтал.

— Хочу показать тебе дом, где я вырос, и книжный магазин, куда ходил читать комиксы. О, а еще там неподалеку лучшая еврейская кулинария на свете. Они делают потрясающие сэндвичи с языком.

— Фу, гадость какая, — передернулась Лидия.

— И лучший салат с сигом во всем штате Нью-Йорк и его окрестностях.

— Еще гаже.

— И еще маринованную селедку!

— Я не думала, что такое возможно, но это самое гадкое. Еврейская еда отвратительна…

Лидия умолкла, осознав, что ее очень рациональному во всех отношениях отцу почему-то даже не пришло в голову, что этой кулинарии, по всей вероятности, уже давным-давно не существует. Она хотела намекнуть ему на это, пока они не приехали во Флашинг, но решила подождать, когда поток еле ползущих по шоссе машин вокруг них чуть рассосется. Стоящий в пробке перед ними пикап с болтающейся на выхлопной трубе цветной резиновой мошонкой продвинулся вперед на полдюйма.

— Когда мы с тобой завели разговор о том, чтобы приехать сюда, — сказал Леон, барабаня пальцами по рулю, — мне вдруг вспомнился один очень сильный эпизод, связанный с этой кулинарией, о котором я совершенно забыл. Однажды мы пошли туда с моей няней, миссис Московиц.

Они съехали с моста, и Лидия увидела, что пробка тянется до самого горизонта.

— Мы зашли внутрь, и, кажется, было лето, потому что там было очень жарко, влажно и душно. И миссис Московиц — а она была из ортодоксов и всегда носила закрытую одежду — закатала рукава, и я заметил у нее на запястье какие-то цифры, но понятия не имел, что они означают.

— Ты не знал, что это концлагерная татуировка?

— Нет. Хотя Флашинг сплошь населяли выжившие в Холокосте, разговоры об этом были табу. Я понимал, что эти цифры имеют какое-то особое значение, но не знал, что это такое. И по наивности своей решил, что это код на скидку на салат с сигом.

— Что? Серьезно?

— Серьезно. Татуировку было видно, и продавец посмотрел на ее руку, а потом взял с нее за фунт салата с сигом всего семьдесят пять центов вместо двух с половиной долларов. Следовательно, решил я, это код на скидку на салат. Бритва Оккама.

— Значит, в твоей детской логике получить скидку на салат с сигом было так важно, что ради этого стоило сделать татуировку?

— Мы постоянно ели салат с сигом! Это было единственное объяснение, которое пришло мне

в голову. Потом, уже вечером, я спросил об этом у мамы, и она меня отшлепала. Она сказала, хорошо, что мой отец до этого не дожил, потому что ему было бы за меня стыдно.

— Боже правый, — ахнула Лидия. — Кошмарная история. Почему я никогда раньше ее не слышала?

— Должно быть, я ее вытеснил.

— Но у тебя же за плечами в самом буквальном смысле несколько десятилетий личной терапии. Как вышло, что это ни разу нигде не всплыло?

— Честно говоря, твоя баббе творила столько самой разнообразной дичи, что мне и без этого было о чем рассказать своему психотерапевту.

— Ты уверен, что все еще хочешь найти эту кулинарию? — с надеждой в голосе спросила она, потому что, если бы воспоминание заставило его передумать, ей не пришлось бы иметь дело с его разочарованием, не окажись кулинарии на прежнем месте.

— Конечно хочу! Сэндвичи с языком перевешивают любую травму.

Леон съехал с шоссе.

— Папа, — сказала Лидия. — Я не могу не предупредить тебя, что за это время Квинс наверняка сильно изменился, и не исключено, что твоей

кулинарии там больше нет. На месте нее может быть китайский ресторан, прачечная самообслуживания или театр импровизации.

Леону, судя по всему, такая возможность в голову и в самом деле не приходила. Он принялся петлять по узким улочкам: по-видимому, география Квинса намертво отпечаталась в его памяти.

— Кажется, это тот самый квартал, где была кулинария, хотя до конца я не уверен. Я сделаю кружок и посмотрю, найдется она или нет. Это очень хорошая кулинария, я уверен, что она выжила. Есть вещи, которые никогда не выходят из моды. Знаешь что? — В его голосе прозвучали панические нотки. — Я сейчас найду начальную школу и попробую восстановить дорогу оттуда.

Они проехали несколько кварталов и оказались поблизости от неприветливого здания за высоким забором, которое больше напоминало тюрьму, нежели начальную школу.

— Она ничуть не изменилась, — сказал Леон.

Он свернул направо, и они проехали мимо детской площадки, унылого пустыря с немногочисленными обшарпанными горками и лазилками, а потом затормозили перед стеклянной витриной.

— Мы на месте, — напряженным голосом произнес он.

Лидия посмотрела на витрину, и у нее сжалось сердце. Внутри виднелись столики со стульями и стеклянный прилавок, но вместо копченой рыбы и черно-белого печенья он был заставлен коробками сухих завтраков в ретростиле. За столиками сидели хипстеры с ноутбуками, а униформа официантов больше всего напоминала пижамы.

— Что это? — спросил Леон.

— Это закат американской цивилизации, — отозвалась Лидия.

— Нет, Лидия, серьезно, что это? Прачечную самообслуживания или китайский ресторан я бы еще пережил, но это? Я просто не понимаю, что это такое.

— Это называется сирил-бар, — вздохнула Лидия. — Новый модный тренд. За семь с половиной долларов тебе подадут сухой завтрак с какими-нибудь затейливыми топпингами и модным ореховым молоком.

— Семь долларов за тарелку сухого завтрака?! — Леон уткнулся лбом в руль.

Его не сломила ни смерть ее матери, ни болезнь самой Лидии, но потеря сэндвичей с тунцом могла оказаться последней каплей.

— Я погуглю, где тут ближайшая еврейская кулинария, — сказала Лидия, доставая свой айфон.

— Кони-Айленд теперь тоже такой? — спросил Леон. — Кишит претенциозными дебилами?

— Нет. В это время года он по-прежнему кишит толстыми безработными русскими в зимних пальто, которые пьют водку и играют в шахматы на набережной. — Она убрала телефон. — А знаешь что? Думаю, у тебя передоз хипстеров, и Брайтон-Бич будет идеальным противоядием. Поедем в какой-нибудь странный магазинчик, где продают еду, которую готовят русские женщины на своих кухнях. Это еще отвратительнее, чем маринованная селедка. Вот увидишь, тебе понравится.

— Хорошо, — сказал Леон.

Сорок пять минут спустя они шли по деревянному настилу набережной с полиэтиленовыми пакетами, в которых лежали контейнеры с голубцами, селедкой и борщом. Как Лидия и обещала, на набережной сидели русские мужчины и играли в шахматы. Некоторые были закутаны, как капуста, другие демонстрировали голые торсы с колышущимися на ветру седыми волосами.

— Как они не мерзнут? — поразился Леон.

— Водка?

Они увидели вдалеке американские горки и двинулись к ним мимо раскрашенных дере-

вянных вывесок шоу уродцев и проржавевшей изгороди из рабицы, на которую при их приближении начали с лаем бросаться местные бродячие собаки. Лидия лениво подумала про бешенство и задалась вопросом, не долетит ли до нее их потенциально заразная слюна.

Наконец они дошли до пляжа и, усевшись на песке, вытащили из пакетов советскую снедь.

— Тут вообще ничего не изменилось, — сказал Леон. — Мне так и кажется, что сейчас откуда-нибудь появится мой отец в том самом костюме, в котором его похоронили.

Лидия почувствовала прилив нежности к отцу, который продолжал знакомить ее со своей детской версией загробной жизни. Она сжала его руку, и он улыбнулся ей, сверкнув зубами в обрамлении кустистой бороды.

— А знаешь что? Если это жизнь после смерти, то не так уж она и плоха. Я бы против такой не возражала. Еда, конечно, так себе, зато океан обалденный. — Лидия растянулась на песке, слушая шум прибоя. — Интересно, почему твой безумный детский мозг выбрал себе такой вариант загробной жизни?

Она закрыла глаза и с наслаждением подставила лицо болезненному зимнему солнцу.

— Наверное, я где-то услышал, что Кони-Айленд зимой превращается в город-призрак, так что мне показалось логичным, что сюда стекаются призраки.

— Господи, до чего же мне нравится, что маленькие дети воспринимают все одновременно настолько буквально и настолько фантастически.

— И мне тоже, — отозвался Леон.

По небу плыли белые перышки облаков, добавляя его синеве текстуры. Они походили на отпечатки пальцев с их завитками, шрамиками и линиями. Повисло то особое молчание, какое устанавливается лишь в те редкие мгновения, когда два человека бок о бок смотрят на одно и то же.

— Небесный эпидермис, — произнесла Лидия.

— Что? — не понял отец.

— После того как мама умерла, у меня в голове постоянно возникала картина, как будто она застряла между мирами. В смысле, буквально застряла, засела в небосводе и висит, болтая ногами, ну, знаешь, как маленькие дети на качелях.

— Ты до сих пор так ее представляешь?

— Нет, — сказала Лидия, — потому что я смолола обрезки ее ногтей в кухонном комбайне,

смешала с водой Защиты и вылила все это в саду, где мама сажала свои помидоры, чтобы она могла обрести свободу.

— Ну разумеется, — кивнул Леон. — С тебя новый кухонный комбайн.

Лидия лежала под зимним небом, которое походило на тоненькую кожицу между этим миром и тем неведомым, что лежало за его пределом, и в душе у нее царило хрупкое ощущение умиротворения. Через несколько минут зубы у нее застучали. Она оперлась ладонью на холодный песок, чтобы сесть, и в руку ее сквозь перчатку воткнулось что-то острое и металлическое.

— Твою мать!

Лидия осмотрела продырявленную перчатку и, расковыряв песок носком ботинка, обнаружила использованный шприц. Она принялась разглядывать свою руку.

Крови видно не было, но откуда ей было знать, что она не повредила кожу? Может, прокол был микроскопический? Сколько ВИЧ живет вне тела человека? А гепатит С? Она стала ждать, когда на пляж опустится покров страха, но бледное солнце светило все так же весело, а ветер был все таким же резким и свежим. Вместо паники ее охватило странное ощущение ликования, как будто

кровь внутри гудела, толкаясь и пульсируя под кожей, как в тот день у родника Защиты. Лидия согнулась пополам и захохотала, содрогаясь всем телом от неожиданного облегчения.

— Что тебя так развеселило? — растерялся Леон.

— Я чуть не укололась иголкой от использованного шприца.

— И что в этом смешного?

Леон озабоченно потянулся, чтобы осмотреть ее руку.

— Что самое ужасное может случиться, папа? Я укололась зараженной иглой и подхватила что-нибудь такое, что прикончит меня лет через тридцать, вроде гепатита С? Если мне очень повезет до этого дожить?

Леон стащил с нее перчатку и дрожащими пальцами принялся ощупывать ладонь.

— Кажется, я нашла чудодейственное средство от ОКР, — выдавила Лидия между приступами смеха. — Тебе стоит написать статью для Американской психологической ассоциации.

Леон несколько секунд молчал.

— Брось, пап, — сказала Лидия, отдышавшись. — Это смешно.

Он грустно улыбнулся ей.

— Все в порядке, пап. Говоря бессмертными словами Дженис Джоплин, «свобода — это когда тебе нечего больше терять».

У Леона сделался такой вид, будто он вот-вот заплачет.

— Папа, — сказала Лидия, отдергивая руку и снова присаживаясь на корточки на песке, — у тебя не очень-то хорошо получается.

— Что у меня не очень-то хорошо получается? — спросил он устало и растерянно.

— Говорить о реальности моей смерти, — произнесла Лидия не без участия.

Леон был оскорблен в лучших чувствах. После всего, что произошло, он все еще цеплялся за миф, что это у других не очень-то хорошо получается говорить о сложных вещах, а не у Розенбергов.

— Ты должен позволить себе грустить, — сказала Лидия. — Ты так много времени проводишь, защищая меня от своих чувств, что рядом с тобой бывает очень одиноко. А я не хочу, чтобы мне рядом с тобой было одиноко.

— Ты мой ребенок, — ответил он твердо. — Защищать тебя от моих чувств — моя обязанность.

— Да, я твой ребенок. Но я еще и взрослая женщина. А когда ты защищаешь меня от своих чувств, это означает, что ты не признаешь этого.

Ты стараешься удержать меня в детстве.

Леон упорно избегал смотреть ей в глаза. Лидия знала — это потому, что он пытается не заплакать. И очень надеялась, что он не заплачет, потому как, хотя она и не желала, чтобы с ней обращались как с ребенком, ее всегда до ужаса пугало, когда ее отец становился маленьким и уязвимым.

— Я тебе не рассказывал, — произнес Леон, глядя на океан, — что до того, как умер мой отец, твоя баббе водила меня сюда летом? Это одно из моих лучших детских воспоминаний. У нее был ярко-красный купальник. Я плескался в воде в одиночестве, но, когда оглядывался, сразу же находил ее взглядом, хотя на берегу были сотни других матерей, потому что такого купальника не было больше ни у кого.

Лидия почти уже сказала: «Папа, прекрати менять тему», но потом представила всех призраков, которые окружали его на этом пустынном пляже.

— Ты потерял кучу народу, — произнесла она вместо этого. — Сперва отца, потом мать, потому что после его смерти та совершенно замкнулась в себе, потом жену, а совсем скоро, будем честны, потеряешь еще и дочь. Тут кому угодно станет

грустно.

Лидия глубоко вздохнула и положила руку ему на плечо, и Леон разрыдался, страшно и судорожно, как всегда плачут мужчины — будто грудь у них сейчас разорвется. Лидии невыносимо было на это смотреть, но она сделала то, что было правильно: она склонилась к нему и стала утешать, как всегда утешал ее он, обняв его и покачиваясь вместе с ним.

Кувшинки
2011

Лидия посмотрела на свое тело и с удивлением увидела свою шестнадцатилетнюю грудь, почувствовала запах озерной воды, исходящий от ее влажных волос. Она понимала, что каким-то образом снова очутилась в постели у Билли и что умирает. Она повернулась на правый бок и увидела шестнадцатилетнюю Билли — та лежала рядом, так что их пальцы почти соприкасались. Это была точная копия комнаты Билли, которая намертво отпечаталась у нее в мозгу за те долгие дремотные часы, что они провели, лежа на этой постели. Она помнила точное местоположение светящихся в темноте звезд на потолке и раздражающе неправильный ковш Большой Медведицы, указывавший куда-то правее Полярной звезды.

— Как думаешь, что происходит, когда ты умираешь? — спросила Лидия у Билли, глядя в потолок.

— Я сошлюсь на Пятую поправку и не буду отвечать, — отозвалась та.

— Нет, правда. Я хочу знать. Как думаешь, что происходит после того, как ты умираешь?

Она повернулась так, чтобы видеть лицо Билли, но оно то расплывалось перед глазами, то вновь обретало четкость.

— Я не хочу отвечать на этот вопрос, — сказала Билли.

— Но мне действительно очень нужно знать.

Лидия ненавидела себя за отчаяние в голосе. Оно прорезало плывущий потолок (она смутно понимала, что плывет он из-за капельницы, подключенной к ее руке).

— Почему ты не хочешь говорить?

— Просто мне кажется гнусным говорить человеку в твоем положении, что смерть, по твоему мнению, это всего лишь черная бездна небытия, — со вздохом уступила Билли.

— Не то чтобы это не приходило в голову мне самой, — сказала Лидия. — Но о чем еще нам говорить? О погоде? На следующей неделе будет дождь, на следующей неделе выйдет солнце. Какая разница? Я буду уже мертва.

— Ну да, логично, — засмеялась Билли.

— Мы столько времени провели, валяясь на этой кровати, — заметила Лидия. — О чем мы разговаривали?

— Мы играли в эту глупую игру, — ответила Билли. — «Я хочу выйти замуж за мужчину, который…»

Лидия вспомнила. Она почувствовала летний зной и обдувающий кожу поток воздуха от вентилятора в окошке.

— А что мы с тобой должны слушать? — спросила она. — Все остальное в точности так, как должно быть. От меня пахнет озером, на которое мы всегда ходили купаться. Я даже вспомнила, как ты неправильно наклеила созвездия на потолок. Но я не помню, какую музыку мы с тобой слушали.

— О, это проще простого, — сказала Билли. — Тори Амос.

Лидия принялась без слов напевать мелодию «Little Earthquakes» и тут же услышала, как в проигрывателе Билли зажужжал компакт-диск, и комната огласилась мелодраматическими звуками «Crucify».

— Ты тоже это слышишь? — спросила Лидия.

— Конечно, слышу, я же нахожусь внутри твоей предсмертной галлюцинации. Меня поражает ее правдоподобие. Ты даже вспомнила первую песню на компакт-диске.

— Правдоподобие? Это слово из выпускного

экзамена, — сказала Лидия. — Оно тут очень уместно. Это было лето Тори Амос и подготовки к экзаменам.

Они молча пролежали несколько минут — а может, несколько часов. Время схлопнулось.

— А знаешь, — произнесла Лидия, — я ведь так и не вышла замуж.

Билли пожала плечами, и Лидия ощутила, как кровать под ней слегка колыхнулась.

— Брак — это патриархальный институт.

— Я думаю, в реальной жизни ты замужем, — сказала Лидия. — Замужем за каким-нибудь махровым гоем, который играет в сквош с твоим отцом и работает кем-нибудь вроде адвоката. И у вас двое детей. Мы с тобой перестали общаться.

— Но я никогда не хотела детей.

— Это смешно, потому что я-то как раз детей хотела.

— Если мы с тобой разошлись, почему тогда ты вызвала меня на предсмертный разговор?

— Наверное, потому что до тебя я была Лидией, творением Луизы и Леона. А после того, как мы с тобой подружились, я стала своим собственным.

— Мы же с тобой были друг у друга первой любовью? — спросила Билли.

— Наверное, — отозвалась Лидия. — Хотя, ду-

маю, настоящей любовью всей моей жизни была моя лучшая подруга после тебя, Сильвия. Я отдала ей мою кошку, Гертруду Стайн, когда из-за болезни не смогла больше о ней заботиться. Но я не знаю, была ли я для нее настоящей большой любовью. Она выйдет замуж и заведет детей, а я, наверное, останусь для нее всего лишь мимолетным эпизодом.

— Нет, это неправда. Через десять лет Гертруда Стайн умрет, и у Сильвии случится нервный срыв. Самый настоящий нервный срыв. Когда ты неделями каждый день плачешь, так что тебе приходится взять больничный.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лидия. — Я думала, ты всего лишь отражение моего подсознания.

— И да и нет, — отозвалась Билли. — Точно так же как ты находишься здесь, в моей комнате, и в палате в хосписе. И не спрашивай, как все это может быть правдой одновременно, у меня нет ответа на этот вопрос, я просто знаю то, что знаю.

Проигрыватель
вновь заиграл «Little Earthquakes».

— Думаю, я верю в реинкарнацию, — решительно заявила Лидия. — И не проси у меня

пояснений, я тоже не знаю правил. Я просто верю, что уже делала это прежде и сделаю вновь, и за время этой инкарнации я усвоила свои уроки и знаю, что с некоторыми людьми ты вновь и вновь встречаешься в следующих воплощениях. Например, мы с Луизой встретимся снова, но она уже не будет моей матерью. Может быть, это я буду ее матерью. И мой отец — было не первое наше родео.

Она помолчала и добавила:

— Избитая фразочка, очень в духе Леона.

— Ладно, — подхватила Билли. — Я все ловлю на лету. Новая игра. В следующей жизни я хочу реинкарнировать в…

Лидия довольно рассмеялась. Она чувствовала запах озерной тины, исходивший от ее рук и груди.

— Чур, я первая, — сказала Билли. — В следующей жизни я хочу реинкарнировать в толстого тюленя на пляже в Санта-Крузе.

— Все хотят быть толстым тюленем на пляже в Санта-Крузе. Это все равно что сказать, что в прошлой жизни тебя сожгли на костре. Полное отсутствие фантазии. Новое правило: никаких животных!

— Ладно. В следующей жизни я хочу реинкар-

нировать в мать-одиночку — тире — стриптизершу, которая учреждает у себя в стрип-клубе профсоюз и становится секс-позитивной иконой феминизма.

— Очень конкретно, — фыркнула Лилия, — но мне нравится. Ладно, в следующей жизни я хочу реинкарнировать в преступницу. Я так много боялась в этой, что мне просто надоело. Я могла бы делать аборты в нейтральных водах, или быть белой хакершей, или заниматься чем-нибудь таким, что я не могу вообразить, потому что не знаю, какие преступники понадобятся в будущем.

— А это супернеконкретно. Мне не кажется, что это соответствует духу игры.

— Я умираю, я и диктую правила. — Лидия немного помолчала, потом тихим голосом произнесла: — А еще в следующей жизни я хотела бы стать мамой. В этой жизни мне не довелось. Мне невыносимо думать, что у меня никогда не будет такой возможности.

Билли сжала ее руку:

— Ты хочешь не бояться постоянно и быть мамой? Боюсь, это взаимоисключающие вещи.

Лидия засмеялась, но собственный смех показался ей гулким и призрачным. Тина и пыльца

куда-то исчезли. Сквозь илистый запах озера в Сонной Лощине пробилась едкая вонь дезинфектанта. Они с Билли тогда вплели кувшинки в волосы? Она правильно помнит? Лидия пошарила правой рукой, ища Билли, но нащупала лишь пустоту. Зато Леон обрел телесную форму, точно затекшая рука или нога, возвращающаяся к жизни.

— Пора, — произнес он. — Все в порядке. Ты отлично держишься, малышка. Этого у тебя не отнимешь. Увидимся, когда цирк снова приедет в город.

Краешком угасающего сознания Лидия уловила, что Леон нажал на кнопку, подающую морфин, и вновь очутилась в озере, глубоко под водой, куда почти не доходил свет, просачивавшийся сквозь темные листья кувшинок. Она видела дно, но никак не могла до него дотронуться.

«Мы все-таки вплели кувшинки в волосы», — подумала она, а может, и произнесла вслух.

«Это что, мои последние слова? — задалась она вопросом. — А неплохо».

Эпилог

Санта-Круз, Калифорния
2014

Когда Леон разговаривал по телефону с миссис Куперберг, своей старой соседкой из Рокленда, ему почему-то становилось неуютно в своем домике в горах Санта-Круз, хотя он жил здесь уже третий год. Миссис Куперберг обстоятельно докладывала о состоянии его бывшего дома каждый раз, когда звонила, вот и сегодня она не изменила своим привычкам. Но она была старая и одинокая, и он снисходительно относился к тому, что она повторяется. Леон продал дом бизнесмену из хасидов, который немедленно сровнял его с землей, планируя отгрохать на участке очередной многоквартирный дом, но банкротство успело настигнуть его раньше. А участок, если верить словам миссис Куперберг, совершенно зарос.

— По вашему двору рыщут дикие звери! Ну, или там, где ваш двор когда-то был.

Под дикими зверями она подразумевала оленей. Миссис Куперберг всегда была мнительной и склонной к преувеличениям, поэтому Леон решил не рассказывать ей о том, что в данный

момент по его новому двору рыщет самый что ни на есть настоящий дикий зверь.

Проснувшись сегодня утром, он обнаружил, что всех его кур передушила пума, поэтому у него возникла срочная необходимость укрепить козий загон, а коз пришлось временно загнать на ночь в дом и соорудить им из ворот безопасности для собак нечто вроде импровизированного вольера в углу гостиной. Он жил, как средневековый крестьянин, под одной крышей со своими животными, и запах в доме стоял неописуемый. Пока миссис Куперберг говорила, прямо у него на глазах одна из коз как ни в чем не бывало навалила на полу кучку.

Он слушал бывшую соседку вполуха, глядя в окно и высматривая, не вспыхнут ли в темноте огоньки глаз. Через двадцать минут после начала разговора сбежавший из дома подросток, которого он пустил пожить в своем трейлере, закричал:

— Он вернулся!

Леон извинился перед миссис Куперберг и, положив трубку, схватил кастрюли и ложки, которые свалил у входа. Потом приоткрыл дверь.

— Греми кастрюлями и сковородками! — крикнул он.

— Почему вы не обзаведетесь оружием? — за-

орал парнишка, перекрывая грохот кастрюль.

— Никакого оружия!

Леон встал так, чтобы его собака, Кали, не проскользнула у него между ног и не выскочила в опасную ночь. Но она лишь изображала защитницу, со вздыбленным загривком переминаясь с лапы на лапу позади него. Никакого реального желания бежать наружу она не испытывала.

Они колотили кастрюлями и сковородками несколько минут, пока горящие глаза не удалились обратно в лес.

— Я завтра же отсюда съезжаю, — объявил парнишка.

— Возражать не стану, — отозвался Леон, раздражаясь.

Он приютил этого малолетнего оболтуса по доброте душевной. Ему совершенно не нужен был здоровый лоботряс, живущий на халяву у него в трейлере. Леон захлопнул дверь и закрыл ее на несколько замков, хотя прекрасно знал, что у пум нет противопоставленных больших пальцев.

Леон двинулся по лестнице наверх, в спальню под крышей. Кали потрусила за ним. Когда он вошел, козий дух, принесенный снизу восходящими потоками, ударил его, как стена. Он натянул пижаму и забрался в постель, которую

собака уже успела нагреть, с трудом отпихнув ее в сторону, потому что, когда Кали не желала двигаться с места, она превращалась в мертвый груз. Он и сам не понимал, почему гибель кур так его потрясла. Они были безмозглые, примитивные создания, которых он каждую осень без каких-либо душевных терзаний сдавал на мясо. Но утром, когда Леон их обнаружил, одна была еще жива, и когда он положил на нее руку, то ощутил, как жизнь покидает ее тельце. В прошлый раз он переживал это с Лидией — когда ты с абсолютной уверенностью понимаешь, что улетучивается нечто в высшей степени неуловимое. Он ненавидел собственные руки за то, что сегодня они прикасались к смерти, поэтому подсунул их под теплое брюшко Кали, чувствуя, как оно мерно вздымается и опадает в такт ее дыханию, и слушая зловещее и раздражающее одновременно козье блеянье внизу.

Каждую ночь, чтобы уснуть, он с головой накрывался старым лоскутным одеялом и представлял, что находится дома, в Рокленде, в своей постели, под этим самым одеялом, пока две постели не сливались в одну и он не оказывался в двух местах одновременно. Но сегодня он никак не мог уснуть, поэтому ему пришлось прибегнуть

к более замысловатому ритуалу. Он представил себя на своем заросшем дворе, среди оленей, бродящего босиком по археологическим развалинам того, что до сих пор считал своей настоящей жизнью. Он прошел мимо камней, оставшихся от ямы для барбекю, к тому месту, где когда-то была входная дверь, а оттуда, подчиняясь какому-то чутью, двинулся в свою бывшую спальню. Покрутившись в траве, точно пес, он улегся на землю. Вместо созвездий сучков на потолке взгляд его уперся в звездное небо, а вместо распростертых объятий его приветствовал старый дуб. Но это было достаточно близко. Достаточно знакомо. Внизу негромко блеяли козы, под боком сопела Кали, подошвы его босых ног щекотала трава, и он почувствовал, как на него начинает опускаться сон.

Его жизнь ничем не напоминала ту, какую он рисовал в своем воображении, когда почти три года тому назад свернул на Восемьдесят Шестую улицу и едва не налетел на Шошанну Тейтельбаум.

— Леон, — произнесла та и, нацепив на лицо фальшивую улыбку, с преувеличенным энтузиазмом обняла его. — Ты хорошо выглядишь.

Это была неприкрытая ложь. Выглядел он кош-

марно.

— Ну, что ты предпримешь теперь? — спросила она совершенно серьезно. — Навстречу каким новым приключениям оправишься?

Его подмывало послать ее к черту. Как она смеет вести себя так, будто смерть Лидии открыла ему дорогу к каким-то приключениям? Но вместо этого включилась его идиотская, как ее называла Луиза, вежливость.

— Не знаю, может, слетаю в Европу. Или на Западное побережье.

В тот момент он совершенно не собирался этого делать, но вечером, по дороге домой, стоя в глухой пробке на Палисейдс-парквей, вдруг поймал себя на том, что представляет, как мчится на машине по шоссе вдоль океана, опустив окна.

— Какое клише! — произнес он вслух и погромче включил радио.

Когда он приехал домой и зажег лампы, от света заболели глаза. У него было такое чувство, что свет озаряет все, что он потерял, обрисовывая резкие контуры его одинокого вечера. Лампы были безжалостны и жестоки, и он выключил их. А потом, как и вчера, и позавчера вечером, принялся бродить по дому в темноте, как когда-то давно в детстве делала Лидия, проверяя, насколь-

ко близко может подойти к мебели так, чтобы не прикоснуться к ней; испытывал свои рефлексы, точно кот. Уверенно и грациозно, не задев дверной косяк, он вошел в комнату Лидии и принялся на ощупь находить ее вещи, которые остались на тех местах, куда он положил их в первые недели после ее смерти: панцирь мечехвоста, найденный ими на Кейп-Коде; флакончики из голубого стекла, в которых до сих пор плескалось и гремело какое-то загадочное содержимое; корявые поделки подопечных Лидии, оставлявшие на его пальцах пятна ржавчины.

Но в тот вечер, когда он в тысячный раз погладил панцирь мечехвоста и почувствовал, что под ноготь ему забилась песчинка, Леон понял, что устал от этого ритуального самоистязания. Он включил свет, спустился на первый этаж, нашел ноутбук и, не позволяя себе слишком задумываться, купил билет в один конец в Калифорнию.

На протяжении всего путешествия по калифорнийскому побережью Леон рисовал, как не рисовал со времен своего детства в Квинсе, убежденно и целеустремленно. Его радовала депрессивная безликость мотельных номеров, где не было знакомых предметов, которые смотрели на него обвиняюще, и ничто не напоминало о

том, что он потерял. Он не испытывал ни намека на парализующую неуверенность, одолевавшую его на курсе рисования, куда он записался в Нью-Йорке, когда Лидия еще не была больна. Он просто доверял своим пальцам.

В самый первый вечер в окрестностях Сан-Диего он припарковал взятую напрокат машину перед мотелем «Шесть», быстро проверил номер на предмет клопов, включил телевизор и принялся бездумно чирикать в мотельном блокноте. Ему казалось, что он просто чертит на бумаге что попало, но, когда он впервые внимательно посмотрел на блокнот, то понял, что все это время рисовал абстрактные вариации одного и того же образа — Луизу, проходящую сквозь «небесный эпидермис» Лидии. Верхняя половина ее туловища ликовала, так восторженно радуясь свободе, что волосы разлетались в разные стороны. Нижняя же половина застряла и молотила ногами, брыкаясь, точно ребенок в истерике. Само небо было исчерчено завитками, ранами и боевыми шрамами. Он рисовал эту картину снова и снова, в одном мотельном номере за другим, продвигаясь вдоль побережья с юга на север, и мало-помалу Луиза дюйм за дюймом становилась ближе к свободе. Он рисовал и рисовал, пока

в конце концов она полностью не вырвалась с листка — пока все части ее тела (даже большой палец ноги) не преодолели мембрану небес.

К тому времени, когда добрался до Санта-Барбары, Леон рисовал уже целыми днями — съезжал с шоссе на какой-нибудь пятачок с видом на океан и устраивался с блокнотом на капоте. Только теперь вместо Луизы он рисовал мыльные пузыри. Он рисовал их толстыми и ленивыми, за мгновение до того, как они лопались. Он рисовал их крохотными и рвущимися на волю, вылетающими из кольца между большим и указательным пальцами мужской руки. Он рисовал их, умостившиеся на ладони детской руки, обветренной и растрескавшейся. Но чаще всего он рисовал пузыри, которые уплывали ввысь, унося в себе бородатого мужчину с маленькой девочкой на руках. Он штриховал и затушевывал свой рисунок, пока ему не удавалось добиться нужного эффекта: пастельные краски обволакивали бока пузырей, полускрывая изображение мужчины с ребенком, защищая их от любопытных глаз.

В Санта-Крузе Леон решил задержаться на несколько дней, потому что все местные мужчины его возраста были похожи на него. В Нью-Йорке все бородатые седеющие курчавые мужчины

образовывали молчаливое братство. Практически всегда они были психотерапевтами, университетскими преподавателями или художниками с собственной студией где-нибудь в центре — почти что хиппи, только с пенсионными накоплениями.

Здесь же, в Санта-Крузе, совершенно невозможно было угадать, кем окажется его очередной седобородый двойник: бездомным, наемным работником или миллионером из Кремниевой долины.

На второе утро в городе он проходил мимо какого-то сборища, показавшегося ему чем-то вроде пикника на свежем воздухе, и на него повеяло запахом бурого риса и бобов. На газоне сидел мужчина в гватемальском пуловере, как две капли воды похожий на его друга Берни Гринбаума. Сходство было настолько разительным, что Леон остановился как вкопанный, глядя на него, и мужчина, почувствовав на себе чужой взгляд, вскинул на Леона глаза.

— Берни? — озадаченно спросил Леон.

— Не-а, — сиплым прокуренным голосом отозвался мужчина. — Но меня уже с ним путали. Гринбаум?

— Угу, — кивнул Леон. — Вы похожи на него

как две капли воды.

— Да, мне говорили, — сказал Не-Берни. — За эти годы ко мне несколько раз подходили люди и спрашивали: «А вы, случайно, не Берни Гринбаум?»

— Серьезно? — изумился Леон. — Он ведь живет в Нью-Йорке.

— И они так говорят. Но такое случается как минимум раз в год. Тут на днях ко мне подходит один малый и спрашивает: «А вы, случайно, не Колдун?» — а я ему и отвечаю: «Нет, я Берни Гринбаум». Люблю, когда у них шарики за ролики заходят.

Леон рассмеялся. Ему подумалось, что Не-Берни, пожалуй, хотя слегка и с прибабахом, но забавный. Не-Берни похлопал ладонью по траве рядом с собой.

— Возьмите себе поесть.

Леон заколебался. За время недолгого разговора он понял, что это не просто сборище, а очередь к благотворительной столовой, которая расположилась на лужайке перед, судя по всему, унитарианской церковью, и не был уверен, что с его стороны будет хорошо есть еду, предназначенную для неимущих.

— У них всегда всего хватает с избытком, —

сказал Не-Берни, верно истолковав сомнение на лице Леона. — Все едят бесплатно. Если у вас есть деньги, просто пожертвуйте пять баксов.

— Хорошо, — сказал Леон и направился к раскладному столику, уставленному дымящимися чанами с черными бобами с имбирем и бурым рисом.

Парень лет двадцати с небольшим, весь в пирсинге и с татуировкой на лице, взял у него пять долларов и протянул миску с горой еды. Когда Леон вернулся на лужайку, двойник Берни все еще был там.

Леон некоторое время неловко переминался с ноги на ногу, потом уселся на траву.

— Меня зовут Леон. А как ваше настоящее имя?

— Пит. Пит Уитни.

Леон вскинул брови.

— Люди почему-то всегда так реагируют, — сказал Пит.

— Просто у вас очень еврейское лицо.

— Я чистокровный канзасец. С шотландско-ирландскими корнями.

Туман потихоньку рассеивался, и начинало пригревать солнце. Пит поставил свою миску на землю и стянул свитер, под которым обнару-

жилась заношенная футболка с изображением «Грейтфул дэд» и несколько картинок на руке. Это, по всей видимости, были татуировки, но Леон никогда не видел ничего похожего. Эстетика напоминала его собственную. В ней было что-то импрессионистское и решительное, фольклорное и при этом современное.

— Что это? — спросил Леон, указывая на лес на его руках.

— Дерево, — отозвался Пит.

Ветви дерева повторяли очертания его мышц и сухожилий, ствол исчезал внизу, под растянутым воротом футболки, а листья доходили до самых пальцев.

— Что оно символизирует? — заинтересовался Леон.

— Ну… — протянул Пит, наклоняясь вперед.

Один из сидевших неподалеку мужчин простонал.

— Надеюсь, до вечера вы свободны, — хохотнул он.

— Он сам спросил! — ухмыльнулся Пит и повернулся обратно к Леону. — В восемьдесят девятом, когда случилось землетрясение, я был в походе в горах. Я тогда работал адвокатом по недвижимости и решил сделать небольшой перерыв в

карьере, чтобы решить, хочу я возвращаться к этой жизни или нет. А потом, точно в четыре минуты шестого, земля затряслась, и наступило светопреставление. Я знаю, что это продолжалось всего несколько минут, но мне показалось, что успели пройти годы, десятилетия, века, тысячелетия. А когда земля перестала ходить ходуном, я обнаружил, что меня завалило грудой деревьев, и я, целый и невредимый, оказался в небольшом кармане. Два дня я торчал там, курил траву и питался сухим пайком. Я видел свет, который просачивался в щели между деревьями, а иногда даже звезды. Знаю, прозвучит странно, но я пребывал в состоянии покоя. Когда до меня добрались спасатели, им пришлось меня выпиливать. И в ту же минуту, как я выбрался из того леса, я поклялся, что никогда больше не вернусь к своей прежней жизни, потому что я в самом буквальном смысле переродился в той древесной утробе.

— Фигурально выражаясь! — глумливо вставил критик Пита.

— В древесной утробе? — вскинул брови Леон.

— Перед тем как стать юристом, я получил степень бакалавра по английской литературе, — сказал Пит. — А теперь я всего лишь бездомный поц, который бродяжничает на побережье.

— А знаете, что забавно? Вы даже выражаетесь совсем как Берни Гринбаум, — заметил Леон. — Берни тоже всегда был склонен к мистическим озарениям и любил вставлять в свою речь идишские словечки.

Пит пожал плечами:

— Я набил эту татуировку в напоминание о том, что ни в коем случае не должен возвращаться к прежней жизни. Если возникает такое искушение, в особенности зимой, когда льет дождь и стоит адский холод, мне достаточно всего лишь посмотреть на мое дерево и вспомнить, что я уже не тот, каким был когда-то; что я переродился. Ствол рассекает мое тело пополам, как моя жизнь с того дня разделилась на «до» и «после».

Леон решил, что этот Пит — психотерапевт, профессор и безумец.

— Кто сделал вам эту татуировку? Он настоящий гений, — сказал Леон.

— Она, — поправил Пит тем же неодобрительным тоном, какой использовали Луиза и Лидия, когда Леон опрометчиво предполагал, что какой-нибудь доктор или адвокат мужского пола. — Адриенна. Она в самом деле чертов гений. Живет в коммуне в центре города, в одном из викторианских домов, переживших землетря-

сение. Вы тоже хотите татуировку? Я таких всегда издалека вижу. Вы тоже между «до» и «после». В древесной утробе.

Критик Пита фыркнул.

— Мне просто нравится ее рисунок, — сказал Леон. — Евреи не делают татуировок.

— Тогда я точно не Берни Гринбаум, потому что у меня она есть.

Леона охватило дезориентирующее ощущение, как будто он видит сон, где все почти как наяву, только с несущественными отличиями, и от этого невозможно понять, где сон, а где явь.

— Вот вам ее адрес. — Пит записал его в блокнотике, который вытащил из заднего кармана, потом вырвал листок и протянул Леону. — Приятно было познакомиться, дружище. Пойду поищу Колдуна.

«Интересно, он в самом деле собирается найти этого Колдуна?» — задался вопросом Леон, удивленный собственной легковерностью.

Впрочем, здесь возможным казалось все — за это он и любил Калифорнию, а Луиза, настоящая колдунья, за то же самое ее ненавидела. «Не путай располагающую температуру с магией, — говорила она. — Настоящая магия произрастает из боли, страданий, лишений и экстремальных

температур».

Но Луиза была мертва, а Берни Гринбаум раздвоился и одновременно был психотерапевтом из Аппер-Вест-Сайда и бездомным пророком, живущим на улицах Санта-Круза, и Леон решил, что имеет полное право поддаться обольстительным чарам теплого февральского солнышка.

Вечером ноги сами понесли его к дому, адрес которого дал ему Пит. Это оказался старый обветшалый особняк в викторианском стиле. Никакой вывески, указывающей на тату-салон, видно не было, поэтому Леон топтался перед входом до тех пор, пока дверь не открылась и оттуда не вышел мужчина с повязкой на плече, которая явно прикрывала свежую татуировку.

— Адриенна сегодня работает? — спросил Леон.

— Угу, — кивнул мужчина. — Заходите.

Леон поднялся по скрипучим ступенькам, которые не мешало бы подкрасить, а лучше бы еще и подремонтировать (ему показалось, или одна доска совсем прогнила?). Он заглянул внутрь и увидел несколько просиженных диванов, которые, похоже, сносили сюда со свалок на протяжении нескольких десятилетий.

— Вы что-то хотели? — спросила коротко

стриженная женщина с ирокезом, в собачьем ошейнике и куртке, обшитой анархистскими шевронами.

Он открыл было рот, чтобы сказать «нет-нет», но неожиданно для себя самого произнес:

— Я хочу сделать татуировку.

— Хорошо, — сказала она. — У вас есть эскиз?

— Да, — ответил он, потому что вдруг понял, что все это время снова и снова рисовал картины, которые ему хотелось бы иметь на своем теле: Лидию в оберегающем ее пузыре и Луизу, пробивающуюся сквозь небесную мембрану.

— Хорошо, — повторила она, — посидите пока тут. Сейчас я закончу с этим парнем, потом посмотрю на ваши эскизы, и мы договоримся о времени.

Очень неряшливый тинейджер, сидевший на замызганном бархатном диване, подвинулся, чтобы Леон мог устроиться рядом. В доме пахло чем-то знакомым, но он не мог понять, чем именно.

«Киноа, — подумал он, — и травой, да, определенно травой. А этот запашок чего-то подгнившего — это, похоже, забытый компост? Лидия определила бы».

Он сделал вид, что читает «Дзен и искусство

ухода за мотоциклом», но на самом деле подслушивал. Очень быстро он понял, что недоросли, развалившиеся на разномастных диванах, все живут в этом доме и в данный момент горячо обсуждают несовершенство системы выполнения бытовых обязанностей по графику — именно им, по всей видимости, и объяснялся компостный дух.

— Я считаю, что у нас должен быть выбор, — ныл худой долговязый подросток. — Неправильно заставлять нас делать что-то в приказном порядке! А как же «от каждого по способностям, каждому по потребностям»?

— Серьезно? — поинтересовался у него парнишка с жиденькой мягкой бороденкой. — Ты взялся цитировать Маркса? Может, я принесу свои учебники по критической теории, и мы посмотрим, что думает на этот счет Фуко? Или все-таки просто будем соблюдать график?

Леон представлял, как описывает эту сцену Лидии — которая немедленно принялась бы обрисовывать взгляды всех философов, живших в последние пятьсот лет, на выполнение бытовых обязанностей по графику, — как вдруг в комнате наступила гробовая тишина. Он вскинул голову. В дверном проеме возвышался здоровенный

бугай, с головы до ног покрытый примитивного вида армейскими татуировками.

— Привет, Мэтти, — произнес парнишка с жиденькой бородкой, и все, ни слова не говоря, ретировались в кухню, где немедленно со свежими силами возобновили препирательства относительно распределения бытовых обязанностей.

Теперь в гостиной не было никого, кроме Леона, Мэтти, Адриенны и спины ее безликого клиента.

— Тебе придется подождать своей очереди, Мэтти. Сейчас я закончу с этим чуваком, потом возьму следующего, — Адриенна указала на Леона, — и только потом тебя. И напоминаю, я не делаю военные татуировки.

— Я принес новые эскизы, — оправдывающимся тоном произнес Мэтти.

Адриенна пожала плечами и вернулась к работе. Мэтти уселся напротив Леона и кивнул ему. Леон кивнул в ответ и уткнулся в книгу, чтобы не встречаться с ним глазами. Но потом с улицы донесся резкий треск автомобильного выхлопа, и Мэтти, вскочив, принялся расхаживать туда-сюда. Адриенна то и дело бросала взгляды через плечо, видимо, кожей чувствуя эту сжатую, как тугая пружина, беспокойную энергию. Леон со

вздохом отложил книгу.

«Я же клинический психолог, — подумал он, — я могу с этим справиться».

Даже мысль о подобной перспективе была утомительной, но ему хотелось защитить Адриенну и балбесов на кухне, потому что они напоминали ему Лидию и ее университетских друзей.

— Послушайте, — произнес он вслух, похлопав ладонью по кофейному столику перед собой. — Покажите мне ваши эскизы. Что вы хотите набить?

Мэтти был явно благодарен за возможность отвлечься. Он уселся на диван лицом к Леону и, подрагивая коленом, точно заводной болванчик, вытащил из заднего кармана несколько смятых листков и разложил их на столешнице. Взгляду Леона предстали несколько неумело нарисованных автоматов. Он впервые увидел Адриенну всего двадцать минут назад, но отчетливо понимал, что она ни за что не станет делать такую татуировку.

— А почему именно эти изображения? — спросил Леон, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало ни намека на осуждение, и напомнив себе, что его, вообще-то, искренне интересуют человеческие странности, пусть даже он от них

очень, очень устал.

— Ну, у меня была пара командировок в Ирак, а там ты с автоматом вообще ни на миг не расстаешься. Спишь с ним, ешь с ним, в сортир ходишь тоже с ним. А потом приезжаешь домой, и его у тебя забирают. Это все равно что лишиться руки. Без него я просто не могу расслабиться. — Мэтти склонился к нему через столик и понизил голос. — Я до сих пор озираюсь по сторонам в поисках опасных людей. Думаю, если бы у меня был мой автомат, все были бы в большей безопасности.

Леон определенно не считал, что все были бы в большей безопасности, владей этот человек автоматом, но счел за лучшее оставить мысль при себе.

— Вы говорите, — произнес Леон, — что без него вы чувствуете себя голым. Вы чувствуете себя неподготовленным, вы не можете расслабиться.

— Угу, — кивнул Мэтти. — Все именно так.

— А когда вы в последний раз чувствовали себя в безопасности, расслабленно и спокойно?

Он опасался, что Мэтти негативно отреагирует на этот вопрос, сообразив, что Леон занимается психотерапией, а не ведет обычную беседу. Но тот лишь склонил голову набок, продолжая дер-

гать коленом, отчего кофейный столик ходил ходуном.

— Это было всего один раз, — сказал он, впервые за все время заговорив в нормальном темпе, — в Фаллудже. Я был на крыше, стоял в карауле, хотя в тот вечер никаких боевых действий не велось. С моего места открывался весь город внизу, все разбомбленные здания и развалины, но все было тихо, и заходило солнце. Закаты в пустыне совсем не такие, как здесь, потому что там нет ни гор, ни деревьев, ничего. Только ты и солнце. И этот оранжевый цвет просто разливается повсюду, так что кажется, как будто ты внутри солнца, а не смотришь на него снаружи. И хотя я нес дежурство, я помню, как подумал: «Офигеть, какая красота».

Леон вытащил из рюкзака цветные карандаши и альбом.

— Может, у меня получится это нарисовать, — произнес он. — Такую татуировку Адриенна вам наверняка согласится сделать, а вот автомат точно нет. Вы же это понимаете?

— Ну да, — отозвался Мэтти.

Леон подозревал, что парень уже очень долго и безуспешно пытается добиться, чтобы Адриенна сделала ему татуировку, так что особого выбора

у него не было.

— Да, это оно, — кивнул Мэтти сорок пять минут и десять набросков спустя.

Леон изобразил разоренный войной город в виде абстрактной мешанины торчащих во все стороны осколков битого стекла. Наверху над ними, на крыше дома, высилась крепкая мужская фигура, и все это было заключено в рдеющий солнечный круг, который изливался на край листка пламенеющей оранжевой рекой, похожей на растекшийся яичный желток.

— Эй, Адриенна! — закричал Мэтти. — Ты только посмотри на эскизы, которые нарисовал для меня Леон!

Адриенна, в глазах которой явственно читался скепсис, подошла, однако при взгляде на блокнот Леона одобрительно кивнула.

— Ладно, Мэтти, — сказала она. — Такую тату я тебе набью. Но тебе все равно придется подождать своей очереди.

— Класс! — обрадовался Мэтти. — Я тогда завтра приду.

— Оставь мне рисунок, — сказала Адриенна. — Не хочу, чтобы ты его потерял. Пусть полежит до завтра у меня.

Мэтти послушно, как маленький мальчик,

протянул ей листок.

— Спасибо, Адриенна, — сказал он и вышел из салона.

Леон обернулся к художнице, ожидая теплой дружеской улыбки, какого-то взаимного признания, но вместо этого она рявкнула:

— Мы с Мэтти год знакомы. Меня не требовалось от него защищать.

У Леона было чувство, будто ему дали пощечину.

«Я не олицетворяю собой весь чертов патриархат», — подумал он, потом отступил назад, перегруппировываясь.

— Я и не считал, что вам нужна защита, — соврал он, против воли начиная оправдываться. — Я психотерапевт, ну и подумал, если я могу помочь, почему не помочь?

Она с подозрением посмотрела на него. Леон попытался придать лицу как можно более бесхитростное выражение.

— Признавайтесь, — произнесла она наконец, — кто вас сюда прислал? Кто дал вам мои контакты?

— Пит, — сказал он с некоторым сомнением в голосе, поскольку не был до конца уверен в том, что Пит существовал в реальности.

— Ну разумеется. — Адриенна окинула его оценивающим взглядом. — Теперь все понятно. Вы переживаете момент между «до» и «после».

Леон с облегчением рассмеялся.

— Честно говоря, я был наполовину убежден, что он мне пригрезился.

— Ну нет, — сказала Адриенна, мгновенно оттаивая (одобрение Пита явно много для нее значило). — Он более чем реален. Я зову его «Мой мистический посланец». Так, значит, у вас уже есть эскизы?

Леон порылся в рюкзаке и вытащил последние изображения Лидии с Луизой.

— Ну да. Я хотел вот эту, — он указал на пузыри, — на левую руку, а вот эту — на правую.

— А вы неплохо рисуете, — заметила художница. — Где вы учились?

— Да я больше самоучка. Но я некоторое время занимался в художественной студии, пока моя дочь не заболела.

— Это она?

Адриенна указала на Лидию.

— Да, — кивнул Леон, — а другая — моя жена.

— И их обеих нет в живых? — уточнила она будничным тоном.

— Да, — ответил Леон.

Он был благодарен ей за эту нечасто встречающуюся искренность, за спокойную прямоту, с которой она обсуждала смерть.

— Люблю делать мемориальные татуировки. Мне жутко надоели бабочки и кельтские кресты.

Она некоторое время внимательно разглядывала эскизы.

— Хм, любопытно, — заметила она профессорским тоном. — Они похожи на иллюстрации к какой-нибудь сказке и в то же время выглядят очень современно.

— Это именно то, чего я ищу. Татуировка Пита привлекла меня именно этим.

— Да, — кивнула Адриенна, — я описываю свой стиль как помесь Шагала с «Икеей».

Леон рассмеялся, но он так отвык это делать, что смех прозвучал как рев осипшего морского льва.

Она вновь принялась рассматривать эскизы.

— Давайте начнем завтра. Я хочу провести с ними некоторое время, чтобы не упустить ни единого нюанса. Приходите часика в три?

— В три так в три, — кивнул Леон.

Ему не хотелось расставаться с рисунками.

— У меня они будут в целости и сохранности, — заверила Адриенна. — Не переживайте.

Леон улыбнулся ей, испытывая желание заплакать.

— Спасибо, — сказал он и поспешно вышел из салона, чтобы не поставить себя в дурацкое положение.

— Вы раньше делали татуировки? — спросила Адриенна у нервничающего Леона на следующий день.

— Я похож на человека, который раньше делал татуировки?

— Нет, — сказала она. — Вы похожи на моего отца.

Леон подозревал, что это не комплимент.

— В общем, это больно, но к боли привыкаешь. Некоторым людям она даже нравится. Они говорят, что это медитативное ощущение. Если почувствуете, что паникуете, просто слушайте гудение иглы.

Ни боль, ни гудение иглы вовсе не показались ему медитативными. Ему было ужасно больно, поэтому он попытался отвлечься разговором.

— Как вы начали этим заниматься? — спросил он, отдавая себе отчет в том, что больше всего сейчас похож на назойливого взрослого, который из кожи вон лезет, чтобы растопить лед.

Адриенна пожала плечами.

— Я росла в Сан-Франциско на рубеже восьмидесятых и девяностых, — произнесла она равнодушным отрепетированным тоном, будто рассказывала эту историю уже в миллионный раз. — В самый разгар эпидемии СПИДа. К своим десяти годам я побывала на двадцати с лишним похоронах, а потом изобрели лекарство, и все вокруг словно забыли, что мы только что пережили чуму. Мой сосед сверху, Джек, набил по татуировке в память о каждом друге, которого потерял. У него все руки были в тату. Когда кто-нибудь спрашивал о них, он отвечал: «Дорогуша, каждая черточка — это труп, гниющий в земле». Это создавало уйму неловких ситуаций, но, по крайней мере, он никогда не врал. Он был живым напоминанием. Мемориалом из плоти и крови.

Она резко умолкла, как будто спохватившись, что наговорила лишнего.

Леон подумал о миссис Московиц, скрывавшей свою концлагерную татуировку, и обо всех остальных бывших узниках, которые бродили по их округе, точно призраки, и каждый день устраивались на одних и тех же скамейках и подставляли лица солнцу, словно анемичные цветы.

— После того как умерла спервa Луиза, а потом

и Лидия, — произнес Леон, прерывая молчание, — я ходил по улицам и думал: «Я ненавижу всех этих уродов со здоровыми женами и здоровыми детьми», хотя и готов был поручиться, что большинство из них пережило ту или иную личную катастрофу. Я помню, как мне хотелось, чтобы у каждого на лбу горел неоновый знак, который показывал бы, что им пришлось пережить, и я знал, с кем можно разговаривать, а кого с чистой совестью можно ненавидеть.

— Ну да, — сказала Адриенна. — Я думаю, что татуировки способны пробиться сквозь всякую наносную шелуху и помочь нам лучше увидеть друг друга. Они как общий тайный язык.

— Нечто вроде ханки-кода[40] для поиска партнеров, — кивнул Леон.

Адриенна посмотрела на него с неожиданным уважением.

— Вы про это знаете?

— Да, я про это знаю, — закатил глаза Леон.

«Ох уж эти дети», — подумал он.

Они снова умолкли. Он слушал жужжание иглы.

---

[40] Примечания: 40

Ханки-код — система знаков с использованием элементов одежды, служащая для демонстрации нетрадиционных сексуальных предпочтений.

— Так, ладно, первая готова, — сказала Адриенна.

Они оба посмотрели на заключенного в мыльный пузырь мужчину с маленькой девочкой на руках. Леон несколько раз согнул и разогнул руку в локте, и создалось впечатление, что пузырь взмывает ввысь.

— Будто живой, — прошептал Леон.

— Послушайте, у меня к вам большая просьба, — сказала Адриенна на третий день, трудясь над его левой рукой. — Ко мне сегодня должна прийти женщина, у которой сгорел дом. Мы с ней никак не можем подобрать подходящую картинку. Вы не могли бы с ней поговорить?

— Конечно, — отозвался Леон.

Когда после обеда женщина пришла, Леон уселся с ней на замызганном диване и принялся рисовать.

— Все ваши рисунки заключены в пузыри, — заметила Адриенна, заглянув ему через плечо, но без критики, просто поделилась наблюдением.

Они втроем посмотрели на эскизы: сгоревший дом, вырастающий у женщины из спины, а также его миниатюрные версии внутри пузырей, которые плыли вверх вдоль позвоночника и по шее, рассыпая искры и пепел по веснушчатым

плечам.

— Вы хотите, чтобы дом был объят пламенем? Или таким, каким был до пожара?

— Каким был до пожара, — сказала женщина. — Но можно сделать так, чтобы огонь постепенно пожирал дома в пузырях, а самый последний пузырь был пустым?

— Мне нравится эта идея, — сказал Леон, доставая ластик.

— Не знаю, почему я до сих пор так переживаю, — сказала женщина, глядя на дом, постепенно исчезающий по мере продвижения вверх по спине. — Это случилось больше двух лет назад, я осталась жива и здорова. Все, что я потеряла, просто вещи. Я буддистка, я не должна думать о вещах.

Леон покосился на ее очень недешевые сапоги и подумал, что буддистка из нее, похоже, так себе. И тут же устыдился этой ехидной мысли.

— Разумеется, вы до сих пор переживаете, — произнес он, привычно соскальзывая в роль психотерапевта. — Наш дом — это контейнер, внутри которого мы проживаем свою жизнь. Он олицетворяет нас. Он — отражение нашей личности. Теряя дом, вы теряете какую-то свою ипостась.

Он на мгновение в красках представил, как поджигает дом в Рокленде, который был целехонек и стоял, самодовольный и обвиняющий, за три тысячи миль отсюда, напоминая ему обо всем, что он потерял, и о том, кем ему никогда не стать.

Мало-помалу у Леона с Адриенной выработался негласный порядок. По утрам он работал с ее клиентами, придумывая эскизы мемориальных татуировок, а во второй половине дня она работала над его татуировками — очень медленно, потому что оба понимали, что, когда она закончит, у него не будет больше причин приходить в тату-салон, а ни ему, ни ей этого не хотелось. Во всяком случае, он это подозревал. Что думала Адриенна, по ее суровому виду понять было сложно. Теоретически у Леона по-прежнему была жизнь и практика, к которой он намеревался вернуться, хотя и не был уверен, что после двухмесячного отсутствия у него еще остались клиенты.

Положа руку на сердце, ему хотелось остаться здесь и работать с Адриенной, но ей-то зачем нужен какой-то альтекакер[41], весь день околачивающийся в ее студии? Вот он и помалкивал.

«Логичнее будет, если она заведет этот разго-

---

[41] Примечания: 41
Альтекакер — старпер.

вор», — думал он, хотя и понимал, что Адриенна ненавидит демонстрировать собственную уязвимость даже больше, чем ненавидит магазины здоровой еды, загрязняющие окружающую среду машины и гетеронормативность. Вместо этого она делала ему самую медленную в мире татуировку. Но в конце концов настал день, когда она отложила машинку и подвела Леона к зеркалу.

— Все готово.

— Они прекрасны, — дрогнувшим голосом произнес Леон.

Он смотрел на физическое проявление собственного горя, метафору, нанесенную на его кожу, и видел изображения в новом свете. Они были актом ритуалистической надежды, понял он вдруг, они каждой своей чернильной черточкой шептали: «Легкой вам дороги!» Выставленная на всеобщее обозрение правда, вытатуированная на коже, делала его ужасно уязвимым, но в то же самое время в этом была какая-то обезоруживающая честность и чистота.

— Ну вот и все? — произнесла Адриенна ровным тоном, и миг откровения был нарушен. — Куда теперь с новой кожей?

«Скажи хоть что-нибудь, — безмолвно взмолился он. — Попроси меня остаться. Не отправляй

меня туда одного».

Но она не была обязана о нем заботиться, поэтому он брякнул наобум первое, что пришло в голову:

— Я видел объявление о продаже трейлера. Подумываю его купить и сколько-то времени просто покататься по побережью.

Адриенна кивнула, следя за тем, чтобы на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Мысль дельная. Освежите впечатления, познакомитесь с новыми людьми, посмотрите на местные красоты, прежде чем возвращаться домой.

— Угу, — отозвался Леон. — Я всю жизнь заботился о других. Думаю, мне полезно будет сделать хоть что-то для себя.

«Господи, ну кого я пытаюсь обмануть, — подумал он. — Только сегодня утром я починил крыльцо и поменял потекший кран наверху».

— Да, вас хлебом не корми, дай изобразить доброго папочку, — с неожиданной враждебностью произнесла Адриенна. — Не думайте, я прекрасно видела, что вы тут перечинили все, до чего смогли дотянуться.

Леон попытался было сказать что-то в свое оправдание, но она уже отошла, и он понял, что

его отпускают.

— Ну что, тогда, наверное, как-нибудь увидимся? — спросил он, стоя столбом посреди комнаты, как идиот, пока она складывала в стерилизатор инструменты.

— Угу, — бросила она, не оборачиваясь, и Леону не оставалось ничего другого, кроме как уйти.

Он открыл дверь и вышел на свежепочиненное крыльцо.

— Не пропадай, старина! — крикнула она ему в спину.

— Ни в коем случае, — крикнул он в ответ через плечо, постаравшись вложить в эти четыре слова как можно больше теплоты.

Как только он вышел от Адриенны, мысль, брякнутая наобум, зажила собственной жизнью, и не успел он опомниться, как уже покупал трейлер и подержанный пикап у парнишки лет двадцати с небольшим, который именовал себя бывшим хиппи.

— Эта штуковина дает полную свободу, — сказал парнишка. — Я где только с ней не побывал. Там есть все необходимое. Можно жить как черепаха.

— Это именно то, что мне нужно, — кивнул Леон, пытаясь убедить самого себя. — Я хочу

немного пожить как черепаха.

На следующее утро он выехал из гостиницы и покатил по шоссе на север. Пока он петлял по развязкам, раздражая попутчиков своей пенсионерской скоростью, его едва не хватил инфаркт. К тому моменту, когда Леон доехал до Пойнт-Рейеса и припарковался в поле, где паслись телята, он умирал от усталости. От его нервов остались лохмотья, и больше всего ему хотелось упасть и уснуть, но он заставил себя усесться на приступок трейлера и посмотреть на звезды.

«Это изумительно красиво. Я так рад, что решился на это, — твердил он про себя, но даже его внутренний голос звучал бесцветно и неубедительно. — Ну почему ты не можешь выплюнуть уже эту жвачку и просто наслаждаться моментом?»

Он ругал себя всю ночь, весь следующий день и каждый день следующей недели.

В одиночестве в своем трейлере, окруженный чужими вещами, он порой сомневался в том, что когда-то у него были жена, дочь и карьера. Казалось, все это было с кем-то другим, а он, старая черепаха, всю жизнь прожил в одиночестве.

На восьмую ночь он встал прямо у кромки берега в лиминальном пространстве, которое

являлось не вполне Калифорнией, но и не вполне Орегоном. Выйдя вечером прогуляться, он наткнулся на компанию бродячих подростков, сидящих у костра.

— Эй, дядя, — окликнули его, — пожевать чего-нибудь не найдется?

Леона подмывало сказать «нет» и пойти дальше, но, поскольку готовить сегодня не хотелось, он только что накупил в магазинчике неподалеку уйму всякой дряни.

— У меня есть пачка «Доритос», — ответил он и, вытащив ее из рюкзака, бросил заводиле.

— Давайте к нам, — пригласил тот.

Двое парней, сидевших рядом с ним, потеснились, освобождая для Леона место на песке у костра. Он насчитал восемь подростков (хотя, может, кому-то было за двадцать) и трех собак. Одна из них — тощая дворняга, по виду метис лабрадора — подбежала к нему, и он машинально почесал ее за ушами.

— Мы как раз говорили о смысле жизни, — сказал заводила. — В чем он, по-вашему, заключается? Вы дольше прожили на свете, чем мы.

— Ну… — Леон задумался, почесывая теплую собачью шею. — Фрейд говорил, что смысл жизни в любви и работе.

— Любовь — это я понимаю, — подхватила девушка слева от него. — Но работа? Капиталистическая туфта. Часы, которые я простояла за кассой какого-нибудь фастфуда или магазина, не придали моей жизни никакого смысла. Потерянное время.

— Это не то, что имел в виду Фрейд, — возразил Леон, втягиваясь в дискуссию. — Он не определял работу как нечто такое, за что ты непременно должен получать деньги, он имел в виду любую деятельность, которую ты расцениваешь как свой вклад во благо человечества. Это может быть, я не знаю, выращивание моркови, или забота о ребенке, или ваяние скульптур, или протесты против изменения климата. Все, что кажется тебе важным. Любые попытки тем или иным способом оказать влияние на мир, достичь какой-то цели.

Подростки закивали.

— А вы сами чем занимаетесь? — поинтересовался заводила (товарищи почему-то звали его Пауком).

— Я не знаю, — сказал Леон. — Сейчас, наверное, ничем. Раньше я был психотерапевтом. А сейчас решил сделать передышку и поездить по стране.

— Класс, — восхитился парнишка по имени Адам.

— Вообще-то, это не доставляет мне никакого удовольствия, — признался Леон честно (произнести это вслух было облегчением). — На самом деле я хотел бы заниматься тем, что делал в Санта-Крузе. Придумывать эскизы татуировок. Я хотел бы делать психотерапевтические татуировки.

— А разве такие бывают? — спросила одна из девушек с любопытством и легким скепсисом.

— Я могу показать вам свои, которые только что сделал, — произнес он с детским воодушевлением и, через голову стянув свитер, в свете костра продемонстрировал им изображение Луизы с Лидией.

Они принялись засыпать его вопросами, и не успел он оглянуться, как вытащил блокнот и предложил нарисовать им по эскизу.

— А потом я их вам отдам, вы поедете в Санта-Круз, и моя подруга Адриенна вам их набьет. Она даст вам скидку. А может, и вообще бесплатно сделает. Я напишу на них свое имя, чтобы она знала, что это я вас к ней прислал.

Леон расположился чуть поодаль, на берегу. Собака увязалась за ним. Ребята стали по одному подходить к нему со своими историями. Ни

одна не вызвала у него особого удивления: они были того рода, какие ожидаешь услышать от бездомных подростков. Адам был из религиозной семьи, которая вышвырнула его из дома, когда он объявил, что он гей. Паук сбежал из крошечного сонного городка на Среднем Западе от рукоприкладства отца. Что касается Сейдж, девушки, сидевшей рядом с ним, из полунамеков у него сложилось впечатление, что она пережила сексуальное насилие. Все эти истории он не раз слышал раньше, но образы, которые возникли у него в мозгу, удивили его самого, воодушевили и тронули.

Адам хотел вытатуировать на предплечье изображение нового дома: увитый плющом сельский домик, окруженный блестящими радужными драконами-защитниками. Паук хотел татуировку, на которой мальчик плывет в лодке по океану, заключенному в двух гигантских бережных ладонях. А Сейдж хотела татуировку с ее альтер эго — Кротодевочкой.

— Я хочу защитные доспехи, — сказала она. — И чтобы я могла стрелять огнем из рук, а еще способность мгновенно зарываться в землю. Как суперкрот.

Леон принялся работать, отмахиваясь от пес-

чаных блох и сосредоточенно покусывая губу, совсем как в детстве. Его переполняла нежность к ребятам, и он надеялся, что этих образов безопасности им будет достаточно, хотя и понимал, что не будет. Закончив работу, он вернулся к костру и раздал эскизы.

— Спасибо, что доверили мне свои истории, — сказал он, пытаясь не выдать своих эмоций.

— Мы никогда больше вас не увидим, так что чего нам бояться? — сказал Адам.

— В этом-то и прелесть путешествий, — добавил Паук.

— И потом, у вас такое лицо… — вставила Кротодевочка.

— Ладно, — сказал Леон, бросив взгляд на часы и обнаружив, что время близится к полночи. — Думаю, мне пора на боковую. Приятно было с вами познакомиться.

Собака, сидевшая на песке, поднялась вместе с Леоном.

— Хотите взять ее себе? — спросил Паук.

Леон пришел в ужас.

— Ты готов вот так запросто отдать мне свою собаку?

— Она не наша, — пояснила Кротодевочка. — Прибилась к нам пару дней назад, когда мы

разбили тут лагерь. Мы назвали ее Кали, потому что кажется, как будто у нее миллион лап, и она вечно всюду лезет. Слопала всю мою гранолу, хотя я убрала ее на самое дно рюкзака.

— У нас и так уже две собаки, — подхватил Адам. — С третьей нам не справиться.

— Я живу в трейлере, — сказал Леон, — и, возможно, вернусь обратно на Восточное побережье. В моей жизни сейчас нет совершенно никакой определенности. Куда мне собаку?

Он отдавал себе отчет в том, насколько абсурдно это прозвучало. У него жизнь была в тысячу стабильнее, чем у них.

— Как хотите, — сказал Паук, отворачиваясь от Леона, как будто им не о чем было говорить.

«Я скотина», — подумал Леон.

И в то же время он был взрослым человеком и не собирался посреди ночи брать на себя ответственность за живое существо только потому, что этого от него хотела кучка бродячих подростков. Он почти спросил, что будет, если он ее не заберет, но ему не хотелось этого знать.

— Простите, ребята, — сказал он и быстро двинулся прочь, молясь, чтобы Кали не потрусила следом.

Она несколько секунд шла за ним, но остано-

вилась в нерешительности, когда Леон ускорил шаг.

Когда он вернулся в свой трейлер, его накрыло чудовищным ощущением одиночества, особенно острым после того, как он весь вечер провел в человеческом обществе, занимаясь чем-то осмысленным. Ему представилась впереди череда бесконечных дней, наполненных прекрасной отшельнической скукой.

«Ты всегда можешь повернуть домой», — сказал он себе, но от перспективы возвратиться к прежней жизни с новой кожей ему стало еще тоскливее.

— У меня нет ни любви, ни работы, — произнес он вслух в пустом трейлере, заваривая себе мятный чай.

Подув на кружку, он поднес ее к губам, но сквозь аромат мяты пробивался какой-то странный запашок. Кали, дошло до него вдруг. От его ладоней пахло ею — опасностью, песком и той дохлятиной, в которой она не так давно вывалялась.

— Черт! — выругался Леон, в панике завязывая ботинки и ощущая в ноге слабое эхо прикосновения теплого собачьего бока.

Он выскочил из трейлера, сбежал по ступенькам и со всех ног побежал к костру на пляже.

При виде Леона Кали бросилась ему навстречу и ткнулась носом в его потный пах. Подростков, похоже, его появление совершенно не удивило.

— Мы знали, что вы вернетесь, — сказал Паук, протягивая ему самодельный поводок и пакетик с собачьим кормом.

Кали с незаслуженной доверчивостью прижалась к его ноге; Леон испытывал схожее облегчение.

Ровно за десять минут восторженный хвост Кали переломал в его трейлере все, что только можно. Леон подмел осколки кружки с надписью «Лучшая бабушка в мире», чтобы Кали не порезала лапы.

— Нужно организовать тебе дом, — произнес он, а потом добавил: — А знаешь, Адриенна была не права. В привязанности к вещам нет ничего плохого. Это то, на чем держится мир.

Кали смахнула с крошечной полки контейнер с арахисовым маслом и принялась его облизывать.

— Вот и поговорили, — сказал Леон, убирая арахисовое масло и приглашая собаку на свою узенькую койку.

Он снял на неделю домик в Юкайе, чтобы привыкнуть к Кали и разобраться с делами. Леон

поручил Полу заняться домом в Рокленде, потом позвонил Марии, чтобы передать ей своих клиентов. К концу недели у него был потенциальный покупатель на дом, Кали начала отзываться на свое имя, и он договорился о просмотрах нескольких участков в горах Санта-Круз.

Когда через три недели после отъезда он вернулся в Санта-Круз, то первым же делом направился к Адриенне. Хотя обычно он просто заходил в дом, на этот раз его одолела робость, и он решил постучать. Дверь открыл Айзек (тот самый марксист с жидкой бороденкой).

— Леон! — обрадовался он. — Вы вернулись! Не могли бы вы показать, как починить слив в душе? Ой, вы завели собаку!

Он наклонился, и Кали немедленно облизала его лицо, против чего он, впрочем, совершенно не возражал.

— Это Кали, — представил Леон. — Ей можно в дом?

Айзек даже не стал ничего отвечать, просто открыл дверь и похлопал ладонью по дивану. Кали запрыгнула на подушки, и он с воодушевлением принялся чесать ей брюшко.

— Леон, — сказала Адриенна, — вы пропадали где-то три недели и вдобавок прислали ко мне

десяток бездомных оболтусов, желающих заполучить бесплатную татуировку.

— Вы же говорили, что хотите делать интересные татуировки, — ответил Леон в точности таким же воинственным тоном.

— Я хочу, но счета оплачивать мне тоже надо. А нельзя делать интересные татуировки так, чтобы не оказаться при этом на улице за неуплату?

— Ну, это извечный вопрос, — отозвался Леон.

— Да идите вы к черту, Леон!

— Я тоже рад вас видеть, Адриенна.

— Ну да, ну да. Хотя мне очень понравилась та, с океаном в ладонях. А та, что с Кротодевочкой, была престранная. Я сделала несколько снимков.

Она достала телефон и открыла фотогалерею. Леон внезапно почувствовал себя очень усталым.

— Давайте на этот раз не будем морочить друг другу голову и признаем, что хотим вместе вести бизнес?

Адриенна пожала плечами. Леон молча смотрел на нее, вскинув брови.

— Чувак, у тебя где-то там жизнь и карьера. Я не хочу оказаться заложницей чужого кризиса старшего возраста. Если я соглашусь вести с тобой бизнес, я должна быть уверена, что это не аналог

покупки красной спортивной машины и ухода от жены к молоденькой модели в исполнении стареющего хиппи.

— Ой, — произнес Леон. — Кризис старшего возраста?

— Говорю так, как я это вижу, — пояснила Адриенна.

— Ну, кризис старшего возраста или нет, но я совершенно серьезен. Я нашел покупателя на дом, сегодня смотрю несколько земельных участков в Фелтоне, и я уже передал коллеге всех своих пациентов. Я прислал к вам десять человек. Кажется, я не могу прекратить этим заниматься. Я называю это «терапевтическая татуировка».

— О'кей, — произнесла она чуть настороженно, но Леон уловил в ее голосе намек на воодушевление.

— Поклянемся на мизинчиках? — предложил Леон, несколько раз согнув и разогнув мизинец.

Адриенна закатила глаза, но зацепилась своим мизинцем за его.

— Тогда в понедельник мы с вами утрясем все детали и подпишем договор с адвокатами и всем прочим, что полагается, чтобы вы не волновались, что вас кинут. Договорились?

— Договорились, — произнесла она тихо, потом

добавила, уже своим обычным голосом: — Только, чур, не раньше десяти утра! Терпеть не могу, когда вы заявляетесь ни свет ни заря!

— Обещаю раньше десяти не появляться! — Леон обернулся к Айзеку. — Что-то она сегодня еще сварливее, чем обычно.

— Она по вам скучала, — сказал Айзек. — За эти три недели она нас всех тут просто затерроризировала.

— Это так мило, — произнес Леон приторным тоном, чтобы позлить Адриенну.

— Мне казалось, у вас сегодня еще куча дел? — бросила Адриенна через плечо.

Леон ухмыльнулся, позвал Кали и двинулся к двери.

— Значит, договорились, — сказал он. — В половине восьмого утра в понедельник.

Адриенна не удостоила его ответом, но, когда он закрыл дверь, до него донесся смех Айзека.

Леон с Адриенной не считали, скольким людям сделали татуировки, но теперь, почти два года спустя, он то и дело замечал свои работы на улицах Санта-Круза, а иногда даже и в Сан-Франциско. Проходя мимо людей по улицам, он видел дома, плывущие ввысь вдоль позвоночников; соты метастазировавших клеток, расползающи-

еся в разные стороны на поясницах; гротескно прекрасные вирусы, спиралями опоясывающие бицепсы.

Образы повторялись и смешивались: сложенные ковшом ладони, пузыри, аварийные люки, небесные мембраны. Руки, ноги, спины и бедра незнакомцев вели искренние и честные разговоры друг с другом.

Иногда Леон думал, что, если бы Луиза жила в этом новом, более честном мире, который он создавал, ей не пришлось бы его покинуть. Иногда он ненавидел себя за то, что не сделал этого раньше. Но по большей части у него попросту не было на эти размышления времени, потому что от него зависели люди и звери: в тату-салоне работы было невпроворот; по его участку рыскала пума; ему нужно было построить загон для коз покрепче, а еще выселить этого оболтуса из своего трейлера.

«Любовь и работа, — повторял про себя Леон, пребывая в зыбком промежутке между сном и явью, наполовину в своей постели в Фелтоне, наполовину на ложе из травы в Рокленде. — Фрейд был прав. Терпеть не могу, когда этот засранец оказывается прав».

Благодарности

Я бесконечно благодарна всем тем людям, которые стали моими руками, когда я не могла печатать: Ли Бекхофф, Дарби Парсонс, Эмори Вандервеер и Стивену Лэрду. Спасибо вам за то, что помогли мне придумать, как писать без клавиатуры и монитора.

Спасибо всем моим друзьям и родным, которые читали черновики и высказывали свое мнение: Саре Адлер, Эшли Боуэн, Кристине Латтин, Аллегре Гордон, Фабьен Теппер, Саре Ковальски и Стефани Гоумори. И всем остальным, кого я могла случайно забыть упомянуть!

Всему коллективу агентства «JVNLA» за неустанное продвижение «Незавершенных актов»: Алише Брукс, Элис Тасман, Ариане Филипс, Дженнифер Уэльц и Коулу Хильдебранду. Элис, спасибо вам за то, что с первой минуты боролись за мою первую неуклюжую писательскую попытку!

Всему коллективу издательства «Dzanc»: Мишель Доттер и Челси Гиббонс, которые превратили мое хаотическое творчество в прекрасное

связное повествование. Я в полном восторге от окончательной версии этой книги. Ваша редактура помогла мне отточить мое писательское мастерство. Этот тип редакторского обмена репликами по большей части давно канул в Лету, и мне бесконечно повезло получить этот опыт.

«Bellevue Literary Review» за публикацию сырого черновика главы «Лидиола».

Моей сестре Ребекке Ям, которая прочитала великое множество черновиков и поверила в моих героев настолько, чтобы спорить со мной о них. Она придумала определение «преходящее», когда я была насмерть перепуганной маленькой девочкой, и утешала меня тысячей других способов.

Дарби Парсонс, идеальной собеседнице и слушательнице, — когда ты простила Луизу, я поняла, что она заслуживает прощения. Без тебя этой книги бы не было.

Фабьен Тепер, которая при помощи фломастеров моей дочери и зубочистки прямо за моим кухонным столом нарисовала потрясающей красоты помидор для обложки моей книги.

Моему мужу, Стивену Лэрду, который на протяжении всего процесса во всем меня поддерживал и никогда не считал, что эта книга — акт нарциссического самолюбования, даже тогда, когда я

сама была убеждена в том, что это именно так. И спасибо за то, что позволил мне вставить некоторые из наших ссор в эту книгу!

Моим родителям, чьи голоса звучат на каждой странице, — ваши интонации и мишигина мудрость оживают в устах моих персонажей. Ох, как бы вы радовались, если бы были живы! Вы были бы абсолютно невыносимы.

И наконец, спасибо Рози, моей дочери, моему маленькому домашнему трикстеру, самому безудержному акту моего творчества. Благодаря тебе я каждый день покоряю все новые и новые вершины воображения и абсурда.